

ЛѢТОПИСИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И

ДРЕВНОСТИ.

1859—1860.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ГИПОГРАФИИ ГРАЧЕВА И КОМП.

РЕКОМПЕНДУЕТСЯ

73

2007237167

ОБЪ ИЗДАНИИ

ЛѢТОПИСЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРЕВНОСТИ

въ 1861 году.

«Лѣтописи русской литературы и древности» въ 1861 году будутъ издаваться по прежней программѣ. Въ теченіе года выйдеть безсрочно четыре книжки, не менѣе 20 листовъ въ каждой, съ приложеніемъ шести хромолитографированныхъ снимковъ съ рукописей. Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ 8 р., въ С.-Петербургѣ 9 р., съ пересылкою во все города 9 р. 50 коп. Подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К^о, также въ книжныхъ лавкахъ А. И. Глазунова и И. В. Базунова; въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова.

Иногородные адресуются *исключительно* на имя редактора Н. С. Тихонравова въ въ Москву, въ Университетъ. За исправную доставку экземпляровъ, выписанныхъ другимъ путемъ, редакция отвѣтственности не принимаетъ. Желающіе получить экземпляры „Лѣтописей“ 1859—1860 г. (шесть книгъ) обращаются съ своими требованіями въ редакцію, прилагая 7 р. за экземпляръ и 8 р. 50 к. за экземпляръ съ пересылкою.

Редакторъ Н. Тихонравовъ.

ЛѢТОПИСИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И

ДРЕВНОСТИ,

НЕ КОПИРОВАТЬ

ИЗДАВАЕМЫЯ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ.

ТОМЪ III.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Москва, марта 20 дня 1861 года.

Ценсоръ *И. Гиллровъ-Платоновъ.*

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ПОСЛѢДНЕЕ МНѢНІЕ ШАФАРИКА О ГЛАГОЛИЦѢ.¹⁾

II.

Слѣдѹя извѣстному логическому закону, по которому если невѣрны главныя основанія какого-либо мнѣнія, вывода, то невѣрны и частныя, приводимыя въ подтвержденіе этого мнѣнія, посредствующія соображенія, — выставленными нами положеніями мы могли бы закончить нашъ разборъ новаго мнѣнія Шафарика о происхожденіи Глаголицы, потому что всѣ остальные доказательства Шафарика, даже и съ его точки зрѣнія, имѣютъ значеніе именно доказательствъ посредствующихъ, непрямыхъ. Притомъ же, тогда какъ въ основныхъ, разсмотрѣнныхъ нами тезисахъ Шафарика приводятся доказательства изъ новыхъ, по крайней мѣрѣ доселѣ неразслѣдованныхъ источниковъ, — всѣ остальные его соображенія (за исключеніемъ развѣ указанія на подпись попа Георгія 982 г.) основаны, какъ выше уже замѣчено было, на данныхъ давно уже извѣстныхъ и притомъ характера самаго неопредѣленного. Но во первыхъ мы боимся упрека въ уклончивости; во вторыхъ, если въ вышеизложенныхъ объяснительныхъ соображеніяхъ Шафарика и приводимыхъ имъ данныхъ нѣтъ ничего новаго, то многія изъ этихъ данныхъ къ мысли о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей и въ частности къ подтвержденію мысли объ изобрѣтеніи первой изъ нихъ Кирилломъ, въ разсматриваемомъ сочиненіи Шафарика, примѣнены только въ первый разъ. Въ третьихъ, какъ уже объ-

¹⁾ См. первую статью въ 4-й книжкѣ «Лѣтописей».

яснено было въ нашей первой статьѣ, всѣ эти соображенія въ цѣломъ своемъ составѣ, по своему остроумію и искусной постановкѣ относящихся къ нимъ данныхъ, производятъ на читателя дѣйствіе поразительно-увлекающее, такъ что склоняютъ повидимому дѣло въ пользу мнѣнія Шафарика. По всѣмъ этимъ причинамъ и приведенныя нами выше частныя соображенія Шафарика, какъ перваго такъ и втораго разряда, мы считаемъ нужнымъ подвергнуть, смотря по важности ихъ, болѣе или менѣе подробному разбору. И такъ:

1) Въ подтвержденіе своего мнѣнія о происхожденіи Глаголицы отъ Кирилла Шафарикъ ссылается на то, что римское духовенство порицало славянскія книги за новостъ письменъ, которыми онѣ были писаны, называя ихъ варварскими, и Кириллъ въ свою защиту не указывалъ на то обстоятельство, что эти письмена греческія, что и служить будто бы доказательствомъ, что онъ и его помощники употребляли письмена глаголическія (§ 10—11). Кого здѣсь разумѣтъ Шафарикъ подъ римскимъ духовенствомъ? Если римскій дворъ, то папа Адрианъ, въ первое путешествіе славянскихъ апостоловъ въ Римъ, когда ему показали славянскія книги, *не зналъ, что дѣлать отъ радости*, принесъ ихъ къ жертвеннику, положилъ въ церкви святой Маріи, велѣлъ епископамъ освятить ихъ и потомъ служить на славянскомъ языкѣ литургію въ церкви святаго Петра и проч. ¹⁾ За тѣмъ тотъ же папа буллою далъ торжественное дозволеніе совершать слав. богослуженіе какъ въ Панноніи, такъ и въ Моравіи. Это дозволеніе потомъ подтверждено было и папой Іоанномъ VIII (булла 880 г.). Но римскій дворъ въ послѣдствіи однакожь преслѣдовалъ Меѳодія, брата Кирилла? Въ томъ-то и дѣло, что причиной преслѣдованія Меѳодія были не славянскія буквы, а учрежденное славянскими апостолами богослуженіе *по греческому обряду* и потомъ исповѣданіе догмата объ исхожденіи Святаго Духа, безъ прибавленія *filioque*. Послѣднія два обстоятельства были причиною, что тотъ же папа Іоаннъ VIII въ послѣдствіи славянское богослуженіе подвергъ запрещенію, а папа Стефанъ VI (ок. 886 г.) предалъ Меѳодія и учениковъ его даже анаемѣ,

¹⁾ Простр. жит. Клим. и Жит. Кир. XVII (по изд. Шаф.).

вслѣдствіе чего послѣдніе были изгнаны изъ Моравіи и бѣжали въ Болгарію. За тѣмъ изъ X вѣка мы имѣемъ факты преслѣдованія кирилловыхъ учениковъ и послѣдователей въ Панноніи и опять видимъ, что преслѣдованію подвергается не славянскій алфавитъ, а славянское богослуженіе и вслѣдствіе этого книжный славянскій языкъ и, разумѣется, вмѣстѣ съ буквами, которыми были писаны книги. Замѣчательно, что въ теченіе всей исторіи этихъ преслѣдованій, вопреки мнѣнію Шафарика, варварскимъ вездѣ называется не алфавитъ славянскій, а самый языкъ, и то потому, что на немъ совершалось богослуженіе по греческому обряду. Точно такъ же и въ запрещеніяхъ римской церкви на первомъ планѣ вездѣ стоитъ славянское богослуженіе, а славянскій языкъ на второмъ и уже на третьемъ славянская азбука, да и то о ней упоминается лишь стороною и изрѣдка¹⁾. Притомъ же, какъ нарочно не въ пользу мнѣнія Шафарика, глаголитская азбука, не смотря на ея *новость*, хоть и поздно была римскою церковію дозволена²⁾; напротивъ славянское богослуженіе по кирилловскимъ книгамъ послѣ смерти Меѳодія чѣмъ далѣе, тѣмъ преслѣдуемо было все строже и строже и дозволеніе совершать его, данное римскою куріей при жизни Меѳодія вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ и политическихъ видовъ римской церкви, никогда возобновляемо не было. Причины такого явленія опять объясняются очень легко: Глаголиты совершали слав. богослуженіе по римскимъ миссаламъ, а Кириллиты по греческимъ евхологіямъ и требникамъ. Не ясно ли отсюда, что римская церковь преслѣдовала слав. апостоловъ и ихъ послѣдователей не за *новость* азбуки и даже не за отправленіе богослуженія на слав. языкъ и по слав. книгамъ, а совершенно по другимъ причинамъ? Возьмемъ ли мы споры Кирилла съ латинскимъ духовенствомъ собственно въ Моравіи и Панноніи,—и придемъ опять къ результату тому же самому. Преслѣдуя славянскихъ апостоловъ, нѣмецкіе священники обвиняли ихъ въ ереси, въ введеніи славянскаго

¹⁾ См. Ап. Salisb., буллы Іоанна VIII, Стеф. VI, Іоанна X, Іоанна XIII, Григ. VIII, актъ Спльг. соб. и пр.

²⁾ Булла Іоанна IV, 1248 г.

богослуженія вмѣсто латинскаго, а не въ употребленіи славянскихъ буквъ ¹⁾). Если угодно, Кирилла обвиняли и за устройство славянской азбуки, но только азбуки вообще, а отнюдь не *новой* въ томъ смыслѣ, какой даетъ этому слову Шафарикъ. Это доказываютъ всѣ жалобы нѣмецкаго духовенства римскому престолу, въ которыхъ, какъ и въ послѣдствіи, славянскія буквы вездѣ стоятъ на третьемъ планѣ. При такомъ положеніи дѣла, само собою разумѣется, было бы странно Кириллу въ свое оправданіе во время споровъ съ римскимъ духовенствомъ ссылаться на греческое происхожденіе изобрѣтенной имъ азбуки: онъ долженъ былъ оправдываться въ томъ, въ чемъ его обвиняли, т. е. долженъ былъ защищать законность совершенія богослуженія на новомъ языкѣ, не входившемъ по мнѣнію противниковъ въ число трехъ языковъ привилегированныхъ (евр., греч. и лат.). Такъ Кириллъ и дѣлаетъ; напр. венеціанскіе епископы говорятъ ему: мы же три тѣмко языки вѣмы, ими же достойтъ въ книгахъ славить Бога: еврейскыи, еллинскыи и латинскыи. Отвѣща же филозофъ къ нимъ: како вы не стыдите се три языки мѣнше тѣчию, а прочимъ всѣмъ языкомъ и писменемъ слѣпомъ велеще и глухомъ быти?... Мы же народъ много знаемъ, книги умѣюще и Богу славу въздающе кждо своимъ языкомъ. Явѣ же суть си: армени, перси, ивери... и т. д. ²⁾).

2) «О Климентѣ говорится, продолжаетъ Шафарикъ, что онъ изобрѣлъ другой алфавитъ для большей ясности и удобства въ чтеніи и письмѣ. Это какъ нельзя болѣе идетъ къ алфавиту кирилловскому, но непримѣнимо къ азбукѣ глагольской, очень трудной для употребленія (§ 12)». Это доказательство Шафарика можетъ имѣть нѣкоторое значеніе только для тѣхъ, кто сталъ бы утверждать, что Климентъ былъ изобрѣтателемъ Глаголицы, а не Кириллицы. Но, по нашему мнѣнію, Климентъ не изобрѣталъ ни той, ни другой и вообще никакой азбуки. Значитъ, мы имѣемъ право оставить это соображеніе Шафарика безъ отвѣта. Замѣтимъ однакожь, что ясность, легкость и трудность алфавита понятія совершен-

¹⁾ См. Зацбуржца, буллы Іоанна VIII и въ особенности Стефана VI.

²⁾ Жит. Кир. по изд. Шаф. XVI.

но условныя: по нашему мнѣнію, каждый алфавитъ, даже самый трудный, совершенно ясенъ для того, кому онъ родной и кто привыкъ къ нему. Въ этомъ смыслѣ и китайскій алфавитъ для грамотнаго Китайца не представляетъ особенныхъ трудностей: по крайней мѣрѣ онъ не согласится промѣнять его ни на какой другой, даже самый легкій. А для цѣлаго народа такая замѣна одного алфавита другимъ, и притомъ вслѣдствіе личнаго произвола одного человѣка, невозможна рѣшительно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ и при какихъ условіяхъ могла бы совершиться эта перемѣна алфавита, изобрѣтеннаго Кирилломъ, азбукой новой, хотя бы то и болѣе легкой, если бы и рѣшился сдѣлать это Климентъ или кто другой изъ учениковъ Меѳодія? Кирилловскій, т. е. изобрѣтенный Кирилломъ, алфавитъ во время Климента уже распространился и въ Панноніи, и въ Моравіи, и въ Болгаріи, и въ Чехіи и вообще по всему юго-востоку. На немъ образовалась уже письменность и переводная, и оригинальная. Теперь въ случаѣ попытки замѣнить прежній алфавитъ новымъ, все это нужно вновь передѣлывать, переписывать всѣ книги, а главное всѣмъ переучиваться читать по-славянски. Да и кто бы послушался Климента? Положимъ онъ пользовался уваженіемъ современниковъ, но во мнѣніи ихъ Кириллъ конечно стоялъ несравненно выше, и бывший у нихъ въ употребленіи алфавитъ былъ освященъ его именемъ и потомъ именемъ брата его Меѳодія.

3) «Изобрѣтатель Глаголицы былъ искусный оріенталистъ, а такимъ именно и былъ святой Кириллъ философъ (§ 13)». Объ этомъ соображеніи Шафарика странно даже и говорить: вѣдь не одинъ же Кириллъ въ эпоху изобрѣтенія Глаголицы зналъ восточные языки. Въ IX и X вѣкѣ, при тогдашнихъ частыхъ сношеніяхъ и Византіи, и Рима съ Востокомъ, такихъ знатоковъ было очень много; слѣд. на основаніи сходства нѣкоторыхъ глагольскихъ буквъ съ восточными, эту азбуку можно приписать кому угодно. При томъ же, по общепринятому мнѣнію, съ восточнаго взято нѣсколько начертаній и въ Кириллицѣ, а слѣд. и въ отношеніи къ ней соображеніе Шафарика сохраняетъ полную свою силу. Съ другой стороны, что касается до Глаголицы, то доселѣ, какъ извѣстно, еще не рѣшено, откуда взяты ея начертанія. Мы выше видѣли, что нѣ-

которые изслѣдователи большую часть глагольскихъ буквъ производятъ изъ сѣверныхъ рунъ. Что тогда мы должны будемъ сами думать объ изобрѣтателѣ глагольскаго письма, если подобное производство его будетъ доказано строго-научнымъ образомъ? Не ясно ли, что въ такомъ случаѣ, говоря о лингвистическомъ образованіи Кирилла,—титло ориенталиста придется замѣнить титломъ знатока руническихъ письменъ?

4) «Древнѣйшее глаголическое письмо болгарскихъ рукописей вѣрно передаетъ пошибъ греческаго курсива IX—X вѣка и, *безъ сомнѣнія*, образовалось подъ его вліяніемъ, а слѣд. и Глаголица не могла явиться позже IX—X вѣка, потому что въ XI вѣкѣ греческій курсивъ уже значительно измѣнился (§ 17)». Этому соображенію, какъ видно, не придавалъ особеннаго вѣса и самъ Шафарикъ. Последнее ясно уже и изъ того бѣднаго результата, къ которому приходитъ онъ этимъ путемъ, т. е. что судя по пошибу древнѣйшаго глагольскаго письма (болгарскому), происхожденіе его нельзя относить къ эпохѣ поздне X вѣка. Но, слѣдуя указываемому Шафарикомъ способу, даже и съ такимъ выводомъ согласиться очень трудно. Пошибъ греческаго курсива рукописей конца IX—XIII вѣка и даже позднѣйшихъ, въ общемъ своемъ характерѣ, почти не представляетъ въ себѣ никакихъ разностей, никакихъ особенностей; по крайней мѣрѣ эти особенности въ отношеніи къ рассматриваемому вопросу, т. е. по сравненію почерка греческихъ рукописей, относящихся къ указанному періоду съ пошибомъ болгарской Глаголицы, совершенно ничтожны, такъ что съ точки зрѣнія Шафарика, на основаніи сходства пошиба болгарской Глаголицы съ пошибомъ греческихъ, писанныхъ скорописью, рукописей, появленіе ея можно съ одинаковымъ правомъ отнести и къ X—XI и къ XII—XIII вѣку. Вотъ другое дѣло—половина IX вѣка. Сюда перенести Глаголицу съ ея пошибомъ, если только образцомъ его служила греческая графика, рѣшительно невозможно. Но обо всемъ этомъ мы должны сказать нѣсколько подробнѣе. Шафарикъ здѣсь взглянулъ на дѣло съ такой точки, съ какой никто еще доселѣ не смотрѣлъ: мы разумѣемъ указываемый имъ способъ опредѣлить время появленія глагольскаго письма на основаніи его пошиба. Примѣнимъ этотъ способъ къ обо-

имъ славянскимъ алфавитамъ и посмотримъ, какіе выйдутъ изъ этого результаты.

Въ древней греческой графикѣ рѣзко различаются другъ отъ друга два пошиба, или почерка, уставный и скорописный, изъ коихъ тотъ и другой представляетъ въ себѣ нѣсколько частныхъ подраздѣленій. Такъ въ древнѣйшемъ греческомъ уставѣ,—въ рукописяхъ VI, VII и отчасти VIII вѣка,—употреблялись буквы круглыя и квадратныя, т. е. состоящія или изъ правильныхъ круговъ (напр. о, с), или изъ правильныхъ квадратовъ (напр. п, и, н и проч.); въ VIII же вѣкѣ начинаютъ входить въ употребленіе буквы продолговатыя, идущія больше въ длину, нежели въ ширину. Этотъ послѣдній почеркъ мы видимъ въ греческихъ манускриптахъ VIII—IX вѣка. Между тѣмъ въ концѣ IX вѣка происходитъ новая перемѣна: въ это время еще употребляются прежнія продолговатыя буквы, но они большею частію имѣютъ другое положеніе, не прямое, какъ прежде, а наклоненное—на право, или на лѣво. Съ этого же времени, т. е. съ конца IX вѣка у Грековъ, по подражанію стенографамъ, начинаетъ входить въ употребленіе письмо вязное, или скоропись, которая въ X вѣкѣ и становится почеркомъ господствующимъ, а въ XI вѣкѣ совершенно вытѣсняетъ собою уставъ. И такъ, говоря вообще, въ греческой графикѣ границей между уставомъ и скорописью служитъ конецъ IX и начало X вѣка¹⁾. Разумѣется, и изъ эпохи X и даже XI вѣка встрѣчаются греческія рукописи уставнаго письма; но во первыхъ, этотъ уставъ имѣетъ форму наклоненную, а не прямую; во вторыхъ, рукописи X—XI вѣка, писанныя уставомъ, или точнѣе полууставомъ, исключительно содержанія богослужебнаго; въ третьихъ, по словамъ Монфокона, такія рукописи составляютъ рѣдкость. Точно такъ же, какъ на рѣдкость, Монфокономъ указываетъ на греч. рукописи IX вѣка, писанныя скорописью. Теперь, исходя изъ той мысли, что изобрѣтатель греко-славянскаго письма, основаннаго по несомнѣннымъ признакамъ и свидѣтельствамъ на

¹⁾ Представленные нами выводы основаны на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ нами надъ греческими манускриптами Моск. Синодальной Библіотеки, а также надъ снимками съ греч. рукописей, находящимися въ гр. Палеографіи Монфокона и въ описаніи гр. рук. вѣн. Библ. Ламбедія.

греческомъ, взявъ образцомъ для составленной имъ азбуки греческой почеркъ *современный* ему, и притомъ господствующій, общеупотребительный, а не какой-либо исключительный, только начинавшій входить въ употребленіе, или устарѣвшій и вышедшій, а тѣмъ болѣе вышедшій изъ употребленія,—спрашиваемъ: къ какой эпохѣ греческой графики должно отнести появленіе Кириллицы? Отвѣтъ очевиденъ: безъ всякаго сомнѣнія къ той эпохѣ греческаго почерка, къ какой всего ближе подходитъ древнѣйшая Кириллица по формѣ своихъ буквъ. И вотъ новое подтвержденіе для насъ, что эта азбука изобрѣтена не позднѣе середины IX вѣка; потому что, какъ мы выше замѣтили уже, славянское кирилловское письмо, какимъ видимъ его въ древнѣйшихъ рукописяхъ, какъ нельзя ближе и вѣрнѣе передаетъ почеркъ греческихъ рукописей VIII и первыхъ 3-хъ четвертей IX вѣка. Переступимъ за эту грань, отодвинемъ появленіе Кириллицы къ X вѣку, или даже къ концу IX, когда дѣйствовалъ Климентъ, и мы войдемъ въ противорѣчіе съ палеографическими данными. Если Кириллица, какъ думаетъ Шафарикъ, изобрѣтена именно въ это время, и если какъ изобрѣтатель ея, такъ и его сотрудники и вообще первые, принявшіе новое письмо въ замѣнъ прежняго, слѣдовали бывшему тогда въ общемъ употребленіи греческому пошибу; то это письмо должно дойти къ намъ, или въ видѣ скорописи, или въ видѣ косвеннаго полуустава, какой употреблялся тогда у Грековъ. Но ничего подобнаго мы не видимъ въ кирилловскихъ рукописяхъ отъ XI до XIV вѣка включительно. Примѣнимъ теперь тотъ же палеографическій критеріумъ къ Глаголицѣ. По словамъ Шафарика она вѣрно передаетъ будто-бы пошибъ греческаго курсива IX—X вѣка. Согласимся на это. Но къ какому времени мы въ такомъ случаѣ должны отнести ея появленіе? Очевидно къ эпохѣ не ранѣе X вѣка или пожалуй конца IX, но только отнюдь не къ половинѣ его; потому что въ это время, т. е. въ эпоху Кирилла у Грековъ курсива еще не было, да и въ концѣ IX вѣка этотъ почеркъ, какъ сказано выше, только начиналъ еще входить въ употребленіе, а вовсе не былъ господствующимъ характеромъ письма. Вотъ почему даже съ точки зрѣнія Шафарика, руководствуясь указываемымъ имъ способомъ,

мы должны отнести появленіе Глаголицы скорѣе къ X вѣку, или ко времени позднѣйшему, вообще къ періоду времени, когда у Грековъ курсивъ сдѣлался господствующимъ почеркомъ. Прибавимъ однакожь, что послѣдній, сдѣланный нами выводъ можетъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія Шафарика. По нашему жъ мнѣнію дѣлаемое имъ сближеніе болгарской Глаголицы съ греческимъ курсивомъ невѣрно въ самомъ основаніи, и если въ отношеніи къ Кириллицѣ это сближеніе дѣйствительно приводитъ къ чрезвычайно важнымъ и точнымъ результатамъ, то въ отношеніи къ Глаголицѣ результаты сближенія могутъ быть только самые незначительные, —общіе и неопредѣленные. Греческій курсивъ, имѣвшій образцомъ для себя издавна употреблявшуюся у Грековъ стенографію, образовался вслѣдствіе желанія каллиграфовъ для скорости писать по нѣскольку буквъ сряду, однимъ почеркомъ, и сущность, его главный характеръ именно состоитъ въ этомъ соединеніи буквъ, въ связности письма. Между тѣмъ въ болгарской Глаголицѣ ничего подобнаго мы не видимъ, и единственное сходство между нею и греческимъ курсивомъ—это округленная форма буквъ. Съ этой же стороны можно приравнять бол. Глаголицу какъ къ греческому курсиву IX — XII вѣка, такъ еще съ большимъ правомъ къ письму латинскому той же самой эпохи.

5) «Новыя названія слав. буквъ доказываютъ, что изобрѣтенная Кирилломъ азбука состояла изъ новыхъ знаковъ. Съ другой стороны было совершенно естественно, что изобрѣтатель письма греко-славянскаго для составленной имъ азбуки не взялъ названій греческихъ или семитическихъ, а воспользовался готовыми извѣстными ему славянскими (глаголическими) названіями (§ 22)». Въ этомъ соображеніи Шафарика только игра словъ; потому что послѣдній его силлогизмъ мы имѣемъ полное право примѣнить точно также къ Глаголицѣ, какъ онъ примѣняетъ его къ Кириллицѣ, т. е. изобрѣтателю Глаголицы, — скажемъ мы, —извѣстны были славянскія названія буквъ кирилловскаго алфавита; поэтому совершенно было естественно, что онъ даже для тѣхъ начертаній которыя, по мнѣнію Шафарика взяты съ восточнаго, или которыя, по мнѣнію другихъ изслѣдователей, взяты изъ письменъ руническихъ, не взялъ

оттуда и самыхъ названій, а воспользовался названіями готовыми, существовавшими въ Кириллицѣ. Относительно мнимой новости названій славянскихъ буквъ, какъ и самыхъ начертаній Глаголицы, мы говорили выше. И такъ здѣсь остается замѣтить только, что новость (если бы даже она была доказана), или заимствованное происхожденіе названій буквъ, какой бы то ни было, не даетъ никакого права заключать о новости, или заимствованіи самыхъ знаковъ; равно какъ новость, или заимствованіе знаковъ не даетъ права заключать о новости, или заимствованіи самыхъ названій. Знаки могутъ быть заимствованные, а названія ихъ новыя, говоря, разумѣется, все это относительно. Въ доказательство этого положенія можно указать множество примѣровъ какъ изъ восточныхъ (напр. поваго Евр., Еѳіоп., Копт. и проч.), такъ и изъ европейскихъ (греч. и лат.) языковъ, а не одни только названія готскихъ буквъ, которыя (названія) Шафарикъ старается заподозрить со стороны исторической достовѣрности. И такъ совершенно естественно, что Кирилль, составивши изъ греческихъ и восточныхъ начертаній свой алфавитъ, далъ славянскимъ буквамъ, говоря относительно, названія новыя, примѣнительно къ свойствамъ славянскаго языка. Онъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ точно такъ же, какъ и составители алфавитовъ греческаго, латинскаго, готскаго, коптскаго и т. д.

6) «Кирилль, — говоритъ далѣ Шафарикъ, — изобрѣтая новое письмо для Славянъ, не имѣвшихъ собственной азбуки, слѣдовалъ правилу христіанскихъ народовъ востока, чтобы каждый новообращенный народъ имѣлъ собственное письмо, соотвѣтственно свойствамъ его языка», — и за тѣмъ въ подтвержденіе сейчасъ указаннаго обычая, ссылается на Грековъ, Коптовъ, Готовъ и т. д. (§ 23). Такимъ образомъ, самъ Шафарикъ приводитъ такіе примѣры (а другихъ нѣтъ), изъ которыхъ необходимо слѣдуетъ, что восточные народы, съ обращеніемъ въ христіанство, или оставляли у себя (если только оно было) прежнее письмо (Греки, Сирійцы, и проч.), или, если собственнаго письма у кого не было, принимали письмо греческое съ большими, или меньшими его измѣненіями (Копты) или наконецъ составляли для себя новую азбуку, но основанную на существовавшихъ прежде (Армяне, Готы,

Евѳопляне и проч.). Что же однако отсюда слѣдуетъ? Ужели то, что Кирилль долженъ былъ составить для Славянъ алфавитъ совершенно новый—глаголическій, какъ этого хочетъ Шафарикъ? Намъ кажется, что приведенные самимъ Шафарикомъ примѣры должны привести къ заключенію совершенно противному, т. е. если Кирилль при составленіи своей азбуки слѣдовалъ принятымъ на Востокѣ обычаямъ, то онъ долженъ былъ поступить такъ, какъ онъ дѣйствительно и сдѣлалъ, т. е. при отсутствіи у Славянъ собственнаго алфавита онъ долженъ былъ примѣнить къ ихъ языку буквы другаго языка и, разумѣется, всего ближе греческаго, на которомъ говорилъ самъ.

«Климентъ, говоритъ далѣ Шафарикъ, устраивалъ свой алфавитъ, т. е. кирилловскій, для такихъ Славянъ, которые были обращены въ христіанство Греками, жили съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ и были знакомы съ ихъ языкомъ. Вотъ почему онъ и предпочелъ греческія буквы, какъ болѣе знакомыя для новообращенныхъ». Но не говоря уже о томъ, что Климентъ, какъ мы выше видѣли, не изобрѣталъ не только кирилловскаго, но и никакого алфавита, — всѣ исчисленныя Шафарикомъ побужденія дать Славянамъ письмо именно греко-славянское, а не другое какое-либо—гораздо въ большей степени существовали для Кирилла, чѣмъ для Климента. Во первыхъ, Кирилль былъ Грекъ; во вторыхъ, при составленіи своей азбуки онъ имѣлъ въ виду не однихъ моравскихъ и паннонскихъ Славянъ, на что сильно настаиваетъ Шафарикъ, а вмѣстѣ и Болгаръ и вообще Славянъ византійскихъ, между которыми давно уже распространено было христіанство и именно Греками, и которые находились съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ. Но этого мало; какъ извѣстно изъ сказанія Храбра, между Славянами, обращенными въ христіанство Греками, были даже введены въ употребленіе греческія буквы, хоть и не вполне примѣненныя къ ихъ языку. Такимъ образомъ Кириллу оставалось только и совершенно было естественно окончить то, что начато его предшественниками, усовершенствовать ту азбуку, съ которой уже знакомы были Славяне, между которыми отчасти предстояла ему дѣятельность. Прибавимъ ко всему этому, что Кирилль составлялъ свою азбуку не въ Моравіи и не въ Панноніи, а въ Констан-

тинополѣ и притомъ по вызову греческаго императора и патриарха, которые при отправленіи къ Славянамъ миссіи, руководствовались цѣлями не одними религиозными, но и вмѣстѣ политическими. Говоря объ эпохѣ Климента и о періодѣ послѣдующемъ, самъ Шафарикъ признаетъ, что Греки, распростирая между Славянами и въ послѣдствіи между Русскими греко-славянское письмо, хотѣли черезъ это ближе примкнуть ихъ къ имперіи. Возможно ли, чтобы такого рода соображенія были выпущены ими изъ виду въ эпоху Кирилла, когда Славяне обратились къ нимъ съ просьбою о проповѣдникахъ?

7) Но Кириллъ могъ дѣйствовать независимо и не соображаясь съ интересами греческой церкви и имперіи?... Таково дѣйствительно и теперешнее мнѣніе объ этомъ Шафарика. «Кириллъ, говоритъ онъ, какъ можно заключить изъ молчанія византійскихъ источниковъ о его жизни и дѣятельности, рѣшительно отложился отъ патриарха Фотія и, предпринявъ миссію, совершенно перенесъ свою дѣятельность въ область западной церкви. Поэтому по прибытіи Климента и его спутниковъ въ Болгарію, Глаголица могла навлечь подозрѣніе въ латинствѣ». И вотъ съ точки зрѣнія Шафарика новое побужденіе для преемниковъ славянскихъ апостоловъ замѣнить Глаголицу новою азбукою (§ 30). Признаемся, въ изслѣдованіи Шафарика насъ ничто столько не удивило, какъ именно этотъ переворотъ во взглядѣ его на вѣроисповѣдный характеръ дѣятельности Кирилла. Само собою разумѣется, что въ этомъ взглядѣ въ сущности нѣтъ ничего новаго. Будто Кириллъ и Меодій были миссіонерами западной, а не восточной церкви и будто бы къ первой, а не къ послѣдней приспособлено было учрежденное братьями славянское богослуженіе,—это положеніе еще въ прошломъ столѣтіи старались доказать Ассемани, Добнеръ и другіе ученые. Этого мало: мнѣніе ихъ въ послѣдствіи нашло для себя отголосокъ даже и у нѣкоторыхъ изъ нашихъ отечественныхъ изслѣдователей¹⁾. Но во второй четверти нынѣшняго столѣтія, съ открытіемъ и разработкою новыхъ источниковъ для исторіи Кирилла и

¹⁾ См. мнѣніе объ этомъ г. Погодина въ приложеніи къ переводу Изслѣд. о Кир. и Меод. Добровскаго. Москва. 1825 г. стр. 121—23.

Меѳодія и съ обследованіемъ древнѣйшихъ памятниковъ славянской церковно-богослужебной литературы, такое мнѣніе объ учрежденномъ солунскими братьями слав. богослуженіи и вообще о вѣроисповѣдномъ характерѣ ихъ проповѣди устоять не могло, и всѣ сомнѣнія по этому вопросу должны были рушиться. Открылось, что всѣ древнѣйшія славянскія рукописи богослужебнаго и учительнаго содержанія приспособлены къ обрядамъ и догматамъ церкви греческой, а не римской. Этого мало: съ изслѣдованіемъ древнѣйшихъ кодексовъ глаголическихъ, именно болгарскаго извода, оказалось, что и эти кодексы въ разсматриваемомъ отношеніи одинакаго характера съ кирилловскими. Вотъ почему даже Копитаръ, въ другихъ отношеніяхъ, какъ извѣстно, склонявшійся ко взгляду, католическихъ ученыхъ, на эпоху Кирилла и Меѳодія,—на разсматриваемомъ пунктѣ съ ними разошелся. Правда, онъ нигдѣ ясно не отвѣчаетъ на вопросъ: какой именно церкви принадлежали солунскіе братья и новопросвѣщенные ими Славяне; но, судя по многимъ, разбѣяннымъ въ его сочиненіяхъ замѣткамъ, можно видѣть, что, по его мнѣнію, Кирилль и Меѳодій, не смотря на проповѣдническую дѣятельность свою въ областяхъ, подвластныхъ Риму, по своимъ вѣроисповѣднымъ убѣжденіямъ и по характеру своей дѣятельности, остались однакожъ вѣрными греческой церкви. Такъ напр. Копитаръ думаетъ, что Кирилль, по поводу мнѣнія о двухъ душахъ въ челѣвкѣ, разошелся съ патріархомъ Фотіемъ и тѣмъ съ большею готовностію принялъ вызовъ идти на проповѣдь къ Славянамъ; но нигдѣ не говоритъ о его разрывѣ съ греческою церковію, тѣмъ менѣе объ его отъ нея отпаденіи и *о перенесеніи своей дѣятельности въ область западной церкви*. Вопросъ о характерѣ учрежденнаго братьями богослуженія Копитаръ оставляетъ нерѣшеннымъ, замѣчая, что богослуженіе могло быть устроено или по обряду греческой церкви, такъ какъ раздѣленія между церквами въ то время еще не существовало, или по обрядамъ церкви римской, къ которымъ привыкли Моравцы¹⁾. Но изъ другихъ мѣстъ сочиненій Копитара видно, что мнѣніе его склонялось въ этомъ

---

¹⁾ Proleg. in Ev. Rem. in Slav. Bibl. Micl. B. I.

отношеніи къ первому предположенію. Такъ напр. Копитаръ говоритъ, что введенное братьями славянское богослуженіе вмѣстѣ съ священными книгами, по изгнаніи его изъ Панноніи, перешло къ Болгарамъ, Сербамъ, Кроатамъ и наконецъ къ отдаленнымъ Руссамъ, гдѣ нашло самый радушный пріемъ, продолжающійся и до нынѣшняго времени ¹⁾. Но въ Болгаріи, тѣмъ болѣе въ Россіи римско-каатолическаго богослуженія на славянскомъ языкѣ, какъ извѣстно, никогда не было, что безъ сомнѣнія очень хорошо извѣстно было и Копитару; а отсюда ясно, что по его мнѣнію это богослуженіе, первоначально введенное Кирилломъ и Меѳодіемъ у западныхъ Славянъ, было учреждено ими по обрядамъ церкви греческой, а не римской.

Объяснить взглядъ Копитара на разсматриваемый вопросъ мы считали нужнымъ съ одной стороны потому, что на него, какъ на своего предшественника въ разсматриваемомъ мнѣніи, ссылается въ своемъ послѣднемъ изслѣдованіи Шафарикъ;— съ другой потому, что этотъ взглядъ, какъ принадлежащій ученому, обладавшему обстоятельнымъ знаніемъ дѣла, можетъ служить доказательствомъ, до какихъ результатовъ въ разсматриваемомъ вопросѣ можетъ достигнуть наука, даже въ томъ случаѣ, если изслѣдователь не чуждъ пристрастія.

Изъ предшественниковъ Шафарика въ разсматриваемомъ его мнѣніи, явившихся въ послѣднее время,—предшественниковъ дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ, какимъ оказывается Копитаръ,—мы, къ сожалѣнію должны теперь назвать доктора Гинцеля, о которомъ уже имѣли случай упомянуть выше. Его такъ называемая «Исторія славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія и славянской литургіи» написана именно съ цѣлію доказать, что Кириллъ и Меѳодій, были проповѣдниками не греческой церкви, а римской, что они совершали богослуженіе по переведеннымъ имъ римскимъ богослужебнымъ книгамъ, были ревностными приверженцами догмата *Filioque* и вообще во всей своей дѣятельности были столь же преданными слугами римскаго престола, какъ самые ревностные изъ современныхъ подвижниковъ римской пропаганды.—

¹⁾ *Glag. Cloz.* 1836 p. XXXI Такъ же *Prol. in. Ev. Rem.*

Но что же? Всякій, сколько-нибудь знакомый съ дѣломъ, читая книгу Гинцеля, сейчасъ пойметъ, что она принадлежитъ къ разряду тѣхъ сочиненій, которыя, подъ видомъ рѣшенія вопросовъ науки, имѣютъ въ виду совсѣмъ другое, а отнюдь не эти вопросы, и вслѣдствіе этого защищаютъ такія положенія, которыя не могутъ быть доказаны никакими усиліями даже діалектики, а не только что исторической критики. Источникъ такихъ сочиненій, принадлежащихъ исключительно западнымъ ученымъ римско-католическаго исповѣданія, извѣстенъ: въ нихъ наука подаетъ руку политикѣ; авторамъ ихъ хочется въ первоначальной исторіи христіанства у Славянъ найти оправданіе для современныхъ церковно-политическихъ въ отношеніи къ нимъ мѣръ, принимаемыхъ римскимъ дворомъ и австрійскимъ правительствомъ. Вотъ почему въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ не изъ фактовъ извлекается взглядъ, идея, а наоборотъ на идею натягиваются самые факты, или если ихъ нѣтъ, то они придумываются, какъ опущенные потомствомъ, а вмѣстѣ съ этимъ, разумѣется, выпускаются изъ виду или вовсе отвергаются тѣ факты, которые противорѣчатъ заранѣе предзанятой идеѣ. Такова и книга Гинцеля. Не говоря уже о томъ, что Гинцель до послѣдней степени стѣснилъ кругъ источниковъ, относящихся къ его предмету, избравши только тѣ изъ нихъ, которыя сколько нибудь благопріятствуютъ его взгляду, и безъ всякаго основанія отвергнувши всѣ остальные и преимущественно славянскіе,—говоримъ, не смотря на все это, онъ не остался вѣрнымъ даже тѣмъ источникамъ, которые ему угодно было признать подлинными и достовѣрными, и это вовсе не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что книга Гинцеля писана не по историческимъ матеріаламъ, а по кодексу римскаго церковнаго права, т. е. Гинцель заботился не о томъ, чтобы написанная имъ исторія была согласна съ источниками, даже авторизованными имъ самимъ, а о томъ лишь, чтобы дѣйствія славянскихъ апостоловъ были согласны съ предписаніями римскаго каноническаго права, на которое даже самъ иногда и ссылается. Напр., по показанію источниковъ, славянскіе апостолы, какъ чрезвычайные дѣятели, призванные къ Славянамъ, чтобы сказать имъ вѣру на ихъ языкѣ, тотчасъ же

по своемъ прибытіи въ Моравію, учреждаютъ тамъ, а потомъ въ Панноніи, общественное богослуженіе на славянскомъ языкѣ; но это, по мнѣнію Гинцеля, несправедливо; потому что такой образъ дѣйствій, т. е. учрежденіе и отправленіе славянскаго богослуженія посторонними пастырями, не уполномоченными на это пассавскимъ архіепископомъ, которому въ церковномъ отношеніи подчинена была Моравія, былъ бы явнымъ нарушеніемъ церковнаго порядка. Вотъ почему Гинцель всю дѣятельность Кирилла и Меѳодія въ Моравіи и Панноніи, до 1-го путешествія ихъ въ Римъ, ограничиваетъ почти однимъ только школьнымъ ученіемъ дѣтей читать по славянски¹⁾. Далѣе, какъ извѣстно изъ источниковъ и въ особенности по памятникамъ древне-славянской богослужебной письменности, учрежденное братьями богослуженіе было по греческому обряду, и это обстоятельство, въ связи съ исповѣданіемъ греч. догмата о происхожденіи Св. Духа, какъ выше было замѣчено, было главною причиною гоненія, воздвигнутаго на Меѳодія и его учениковъ со стороны нѣмецкаго духовенства, а потомъ и со стороны римскаго двора. Но такой взглядъ на дѣло заставилъ бы насъ предполагать, что солунскіе братья не уважали самыхъ основныхъ законоположеній римской церкви. И вотъ Гинцель, чтобы снять темное пятно съ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, не приводя никакихъ доказательствъ, кромѣ предполагаемаго ихъ уваженія къ установленіямъ и догматамъ римской церкви, полагаетъ за аксіому, что учрежденное ими богослуженіе было приспособлено къ обрядамъ римской, а не греческой церкви, что они перевели на славянскій языкъ не греческій служебникъ, требникъ, мнѣю и проч., а римскій миссале, бревіарій и ритуаль²⁾; и, получивъ въ Римѣ полномочіе, совершали по нимъ богослуженіе, наконецъ, что Меѳодій до конца жизни непоколебимо исповѣдывалъ догматъ *Filioque*, хоть и не пѣлъ его на литургіи; даже по Гинцелю выходитъ, что эта вѣрность Меѳодія римскому догмату и римскому престолу едва ли не была главною причиною страданій Меѳодія и его учениковъ, которые, бывши

¹⁾ Ginz. *Geschichte der Slavenap.*, 40 sqq.

²⁾ Ginz. 56, 107 и далѣе, также 156.

изгнаны изъ Моравіи, принесли упомянутый догматъ въ Болгарію какъ драгоцѣнное сокровище, завѣщанное имъ ихъ учителемъ¹⁾).

Но и это еще не все: фанатизмъ и проницательность Гинцеля въ рѣшеніи темныхъ, по его мнѣнію, вопросовъ по мѣстамъ доходить до рѣшительнаго безсмыслія. Напр., еще въ началѣ своей книги изобразивши расположеніе и преданность Кирилла и Меѳодія къ римской церкви и ея намѣстнику въ самомъ умирительномъ видѣ, Гинцель даже путешествіе братьевъ въ Моравію и первое пребываніе тамъ представляетъ чѣмъ-то случайнымъ. Съ точки зрѣнія Гинцеля, солунскіе братья имѣли при этомъ въ виду не проповѣдь у Славянъ и не учрежденіе у нихъ богослуженія на ихъ языкѣ, а хотѣли только воспользоваться своею миссією, чтобы имѣть потомъ возможность поклониться прагу апостольскаго престола, исповѣдать свое согласіе съ римскимъ догматомъ о происхожденіи Святаго Духа и вообще съ ученіемъ римской церкви и принести въ даръ ея намѣстнику мощи св. Климента. Послѣдняя мысль, по Гинцелю, занимала Кирилла еще въ бытность его въ Херсонѣ. Отсюда, эти тщательные поиски, которые были предприняты Кирилломъ въ Херсонѣ, чтобы открыть мощи св. Климента, Гинцель объясняетъ не чѣмъ другимъ, какъ опять тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, которымъ славянскій апостоль былъ проникнутъ въ отношеніи къ римскому престолу, и его желаніемъ принести достойный даръ одному изъ его намѣстниковъ. Приводимъ еще примѣръ: принявъ за несомнѣнное, что Кирилломъ и Меѳодіемъ переведены были не греческія богослужебныя книги, а римскія, то есть, римскій миссаль, ритуаль и часословъ, Гинцель потомъ повторяетъ выше приведенное нами положеніе Копитара, что слав. богослужебныя книги по изгнаніи Меѳодія и его учениковъ изъ Моравіи перешли къ Болгарамъ, а потомъ съ 988 г. къ Руссамъ, гдѣ и нашли радушный приѣмъ²⁾. У Копитара въ этомъ, принятомъ Гинцелемъ, положеніи несообразности никакой нѣтъ; потому что, какъ мы выше видѣли, онъ оставилъ не рѣшеннымъ во-

¹⁾ Ibid. 94.

²⁾ Ibid. 106 и 155

прось, какія были переведены славянскими первоучителями и потомъ перенесены въ Болгарію и Россію богослужебныя книги—греческой, или римской церкви, и по всей вѣроятности склонялся въ этомъ отношеніи къ первому мнѣнію. Между тѣмъ въ словахъ Гинцеля, рѣшившаго по своему вопросу о характерѣ переведенныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ богослужебныхъ книгъ и потомъ принявшаго въ тоже время буквально приведенное положеніе Копитара, открывается уже явная, выходящая, изъ всякихъ предѣловъ несообразность; т. е. будто какъ Болгары, такъ и Русскіе въ древнѣйшую эпоху, а равно и въ послѣдствіи совершали богослуженіе по римскому миссалу и ритуалу!! Замѣчательно, что Гинцель при этомъ съ приличною невѣжеству наивностію выражаетъ даже удивленіе, почему Копитаръ, «завоевавшій у Грековъ и Русскихъ *Latinitaet* славянскаго церковно-богослужебнаго языка и такъ побѣдоносно доказавшій его хорутанское происхожденіе, оставилъ однакожъ не рѣшеннымъ вопросъ о характерѣ, учрежденнаго славянскими апостолами богослуженія»¹⁾. Съ точки зрѣнія Гинцеля этотъ вопросъ рѣшается силлогизмомъ самымъ простымъ. Кириллъ и Меѳодій, какъ передавшіеся, по его мнѣнію, римской церкви и принявшіе ея ученіе и уставы должны были учредить у Славянъ богослуженіе по римскому обряду, а слѣдовательно такъ и сдѣлали. Но мы въ отвѣтъ на удивленіе Гинцеля, съ своей стороны сказали бы, что Копитаръ отлично былъ знакомъ съ источниками славянской древности, зналъ исторію древне-славянской литературы и въ частности славянскихъ богослужебныхъ книгъ, и притомъ не по чужимъ только изслѣдованіямъ и не по наслышкѣ, а по памятникамъ. Вотъ почему онъ и оставилъ упомянутый вопросъ нерѣшеннымъ, вслѣдствіе пристрастія, котораго былъ не чуждъ, не желая, какъ видно, рѣшить его въ пользу греческой церкви, къ чему неизбѣжно приводитъ обстоятельное знакомство съ памятниками и историческими источниками разсматриваемой эпохи. Что же до васъ, Г. Гинцель, вы обладаете блаженнымъ невѣдѣніемъ какъ по отношенію къ славянскимъ источникамъ исторіи Кирилла и Меѳодія, такъ тѣмъ

¹⁾ Ibid. 112.

болѣе по отношенію къ памятникамъ славянской письменности. Это невѣдѣніе и спасаетъ васъ, т. е. вамъ и представляется, что рѣшить затронутый вами вопросъ не стоитъ никакого труда. Стоитъ только справиться съ современными уставами и учрежденіями римской церкви, и потомъ взять въ соображеніе ту глубокую преданность славянскихъ первоучителей римскому престолу, которою вы съ такою щедростію ихъ надѣлили. Будемъ однакожь говорить серьезно: по нашему мнѣнію, сочиненіе Гинцеля такого рода, что не заслуживаетъ даже опроверженія, хоть оно и разукрашено всѣми атрибутами учености, т. е. цитатами, примѣчаніями, выписками изъ источниковъ и проч. Только фанатизмъ и полное невѣжество могли вызвать на свѣтъ такую книгу. Противорѣчій, несообразностей, натяжекъ намѣренныхъ и ненамѣренныхъ въ ней столько, и притомъ всѣ почти они такого свойства, что не могутъ не броситься въ глаза даже человѣку, вовсе незнакомому спеціально съ источниками и памятниками разсматриваемой эпохи. Мы не говоримъ уже о невыдержанности и нелѣпости основной мысли сочиненія Гинцеля, т. е. взгляда его на отношенія славянскихъ первоучителей къ римскому двору. Чтобы видѣть эту нелѣпость, довольно одного знанія общихъ фактовъ исторіи Кирилла и Меѳодія, выработанныхъ современной наукой. Потому—то намъ кажется, что книга Гинцеля вмѣсто того, чтобы сколько—нибудь поколебать положенія, принятія въ этомъ отношеніи въ наукѣ, приводитъ читателя къ совершенно противоположнымъ результатамъ, т. е. къ полному убѣжденію въ ихъ исторической твердости и несомнѣнности; потому что Гинцель, проведши защищаемый взглядъ на характеръ дѣятельности славянскихъ апостоловъ чрезъ всю эпоху и доведши его до крайнихъ результатовъ, этимъ самымъ показалъ, какъ нелѣпъ и несообразенъ онъ въ самомъ своемъ основаніи.

Обращаясь снова къ вышеприведенному соображенію Шафарика, приводимому имъ въ пользу его мысли объ изобрѣтеніи Кирилломъ Глаголицы,—соображенію, въ которомъ, хоть и въ видѣ предположенія, но въ общихъ чертахъ повторяется почти тоже самое, что служитъ главною идеею книги Гинцеля, мы въ высшей степени интересовались бы знать, на какихъ

основаніяхъ почтенный ученый измѣнилъ свой, согласный съ общепринятымъ, взглядъ на вѣроисповѣдный характеръ дѣятельности солунскихъ братьевъ? Безпристрастіе Шафарика въ изслѣдованіи вопросовъ славянской старины извѣстно, а равно и по знанію ея источниковъ и памятниковъ ему давно уже совершенно по праву отдано первое мѣсто. И такъ новыя ли какія-либо открытія въ области славянской древности привели Шафарика къ принятію и увѣрованію вышеприведенной нами его мысли о переходѣ Кирилла къ западной церкви, или просто историческія соображенія съ прежде извѣстными данными? Къ сожалѣнію, рассматриваемое нами сочиненіе Шафарика ни въ выписанномъ нами мѣстѣ, ни въ другихъ мѣстахъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, потому что нельзя же считать въ этомъ случаѣ чѣмъ нибудь новымъ, и важнымъ ссылкой Шафарика на молчаніе о жизни и дѣятельности Кирилла византійскихъ источниковъ. Въ исторіи обращенія Славянъ и распространенія у нихъ христіанства мало ли найдется фактовъ, о которыхъ въ византійскихъ хроникахъ частію совсѣмъ умолчано, частію предлагаются самыя скудныя, да и то темныя и сбивчивыя свѣдѣнія: что напр. вѣрнаго и опредѣленнаго передаютъ намъ византійскіе хронисты о крещеніи Болгаръ, Сербовъ и другихъ Славянъ и о дѣйствовавшихъ у нихъ греческихъ проповѣдникахъ? Не умолчано ли совсѣмъ византійскими хронистами о крещеніи Ольги? Можно ли найти у нихъ даже какое-нибудь извѣстіе о греческихъ проповѣдникахъ, приходившихъ ко Владиміру, о крещеніи его въ Херсонѣ, о дѣятельности у насъ первыхъ греческихъ митрополитовъ и епископовъ? И ужели всѣ подобнаго рода факты историкъ въ правѣ отвергать, или давать имъ какое-либо другое объясненіе, напр. въ пользу римской церкви, потому единственно, что совершенно противныя о нихъ показанія славянскихъ источниковъ не подтверждаются, или совсѣмъ умолчаны византійскими хронистами? Да и съ точки зрѣнія послѣднихъ, что за особенно важное, выдающееся изъ круга обыкновенныхъ событіе, каково напр. отправленіе въ Моравію и дѣятельность въ этой странѣ греческихъ проповѣдниковъ, которыхъ въ то время Византія разсылала во множествѣ по разнымъ странамъ Европы и Азіи? Тѣмъ менѣе можно ожидать и требовать,

чтобы въ лѣтописи гордой своею исторіей и цивилизаціей Византіи внесены были какія-либо подробности о частной жизни и частныхъ отношеніяхъ моравскихъ проповѣдниковъ. Прибавимъ къ этому родовую ненависть Грековъ къ Славянамъ, считавшихъ ихъ варварами, а потому и бывшихъ совершенно равнодушными къ ихъ успѣхамъ на пути просвѣщенія и цивилизации, внутреннія гражданскія и церковныя смуты, раздиравшія въ то время Византію, наконецъ неудавшуюся попытку патріарха и императора посольствомъ въ Моравію проповѣдниковъ примкнуть эту страну къ греческой церкви и имперіи, что безъ сомнѣнія имѣлось въ виду въ Константинополѣ, когда посылали туда Кирилла и Меѳодія: и тогда намъ совершенно будетъ ясно, почему въ византійскихъ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни о Кириллѣ, ни о послѣдствіяхъ его посольства.

Другое, на что старается опереться или точнѣе, что имѣеть въ виду Шафарикъ въ пользу своей мысли о разрывѣ Кирилла съ греческою церковію, это его личныя отношенія къ патріарху Фотію, о которыхъ сохранилось краткое извѣстіе у Анастасія библіотекаря, бывшаго современникомъ Кириллу и даже знавшаго его лично. Послѣдній, въ своемъ предисловіи къ актамъ 8-го вселенскаго собора (869 г.) говоритъ, что Фотій, чтобы видѣть, какъ будетъ дѣйствовать патріархъ Игнатій въ отношеніи къ еретикамъ и доказать неспособность его къ управленію церковію, сталъ распространять бывшее тогда въ большомъ ходу въ философскихъ школахъ мнѣніе, будто человекъ одаренъ не одной, а двумя душами доброю и злою; но Кириллѣ, — продолжаетъ Анастасій, — бывший искреннимъ другомъ Фотія, обличилъ такой его образъ дѣйствій, представивъ ему, что это производитъ соблазнъ; послѣ чего Фотій и извинился въ своемъ поступкѣ передъ своимъ другомъ. Какой выводъ имѣеть право сдѣлать историкъ изъ этого факта о послѣдующихъ взаимныхъ отношеніяхъ Фотія и Кирилла, при рѣшительномъ молчаніи объ этомъ другихъ источниковъ? Безъ сомнѣнія то, что дружескія отношенія между ними послѣ упомянутаго случая могли продолжаться, но могли и охладѣть, или вовсе прекратиться. Между тѣмъ Копитаръ въ своемъ хронологическомъ обзорѣ исторіи Славянъ (подъ

857 год.), указавъ на упомянутую размолвку между Кирилломъ и Фотіемъ, говорить, будто съ этого времени у Фотія образовалась ненависть къ Кириллу и послѣдній тѣмъ съ большею охотою принялъ миссію къ Славянамъ¹⁾—мысль, которую въ разсматриваемомъ мѣстѣ, въ видѣ чужаго мнѣнія, повторяетъ и Шафарикъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что далѣе говорить о разрывѣ Кирилла съ греческою церковію вообще. Еще въ болѣе рѣзкихъ чертахъ эта мысль выражена у Гинцеля²⁾, который поставилъ ее исходною точкою своего изслѣдованія. Но, какъ мы выше видѣли, изъ словъ Анастасія бібліотекаря ничего подобнаго не слѣдуетъ. Во первыхъ, онъ говоритъ не о враждѣ и не о ненависти Фотія къ Кириллу, а объ увѣщаніи, которое дѣлалъ послѣдній первому какъ другъ; во вторыхъ, самъ же Анастасій прибавляетъ, что эта размолвка между Фотіемъ и Кирилломъ кончилась мирнымъ объясненіемъ, извиненіемъ со стороны Фотія. Да и съ другой стороны, что за достовѣрный въ этомъ случаѣ свидѣтель Анастасій бібліотекарь, если-бы и въ самомъ дѣлѣ онъ говорилъ о враждѣ Фотія къ Кириллу? Бывши заклятымъ врагомъ Фотія онъ естественно старался представить враждебными Фотію всѣхъ, кто только сколько-нибудь своими достоинствами выдавался между его современниками. — Этимъ замѣчаніемъ оканчиваемъ разборъ мнѣнія о мнимомъ разрывѣ Кирилла съ греческою церковію и о вѣроисповѣдномъ характерѣ дѣятельности славянскихъ апостоловъ, съ одной стороны потому, что у Шафарика въ пользу его мнѣнія больше ничего не указывается, съ другой потому, что надѣемся разсмотрѣть этотъ вопросъ въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу. Здѣсь же замѣтимъ только, что вопросъ о характерѣ проповѣди славянскихъ апостоловъ и объ учрежденномъ ими богослуженіи долженъ рѣшиться на основаніи разсмотрѣнія цѣлой ихъ исторіи и въ особенности исторіи отношеній ихъ къ римскому двору, а не на основаніи такихъ

1) Glag. Cloz. p. LXXVII. Hinc Photii odium in nostrum, hujusque paratio e Graecia emigratio.

2) Ginz. Gesch. d. Slawen—Ap. p. 23 и далѣе. Изъ этого же извѣстія Гинцель дѣлаетъ выводъ, будто Кириллъ въ послѣдствіи держался стороны низверженнаго съ патриаршества Игнатія. Извѣстно, что въ источникахъ нѣтъ на это даже никакого намека.

неопредѣленныхъ и ничтожныхъ свидѣтельствъ, каково свидѣтельство Анастасія бібліотекаря.

8—10.) Въ 28, 29, 31, 32 и 34 §§ Шафарикъ дѣлаетъ историческій очеркъ распространенія и развитія Глаголицы у западныхъ и восточныхъ Славянъ. Что сказать объ этомъ очеркѣ? Нельзя не согласиться, что онъ составленъ остроумно въ высшей степени. Но къ сожалѣнію для исторіи одного остроумія недостаточно. Для нея нужны факты; а ихъ—то и недостаетъ въ очеркѣ,—недостаетъ уже потому, что слишкомъ бѣдна фактами исторія глаголитской письменности. Въ ней мы доселѣ не знаемъ ни одного писателя, ни одного оригинальнаго сочиненія, даже не имѣемъ въ этомъ отношеніи никакихъ историческихъ извѣстій. Если взять напр. періодъ времени до XII вѣка, который для насъ въ настоящемъ случаѣ и важенъ, то въ этотъ періодъ даже переводная глаголитская письменность, если судить по памятникамъ, говоря строго, ограничивается почти однимъ евангеліемъ (въ нѣсколькихъ спискахъ) и потомъ нѣсколькими отрывками словъ (Глаг. Клоц.) и богослужебныхъ пѣсней (Праж. отр.). Тѣмъ меньше въ глаголитской письменности можно найти фактовъ въ пользу положеній, защищаемыхъ Шафарикомъ, и именно для эпохи IX вѣка. При такомъ положеніи дѣла неудивительно, если Шафарикъ, въ разсматриваемомъ очеркѣ говоря о началѣ Глаголицы въ Константинополѣ, потомъ о распространеніи ея въ Моравіи, Панноніи, Кроаціи и Далмаціи и о примѣненіи здѣсь къ западному славянскому нарѣчію, затѣмъ о введеніи и распространеніи глаголическаго письма въ Болгаріи, наконецъ о вытѣсненіи ея отсюда новоизобрѣтенною Кириллицею,—вмѣсто фактовъ имѣетъ въ виду одно лишь, сдѣланное имъ же самимъ, предположеніе, что Кириллъ изобрѣлъ Глаголицу, а Климентъ по переходѣ своемъ въ Болгарію Кириллицу, и на этомъ предположеніи основываетъ всѣ свои выводы относительно характера письма, которымъ были писаны извѣстные изъ той эпохи письменные памятники. Силлогизмъ Шафарика въ этомъ случаѣ имѣетъ такой видъ. До перехода Климента въ Болгарію Кириллицы не было; слѣдовательно, все, что до этого времени было писано славянскими буквами, т. е. въ западныхъ славянскихъ земляхъ, было писано Глаголицей. Но Климентъ

не могъ вдругъ всѣхъ заставить писать изобрѣтенною имъ азбукой: она, говоритъ Шафарикъ, входила въ употребленіе постепенно и окончательно вытѣснила собою прежнюю азбуку въ эпоху покоренія Болгаръ Греками (въ 1019 — 1186 г.) вслѣдствіе греческаго вліянія. Слѣд. и писатели, современные Клименту, каковы писатели временъ царя Симеона, а равно и ближайшіе ихъ преемники, вообще славянскіе писатели X и XI вѣка писали не Кириллицей, какъ это принято о нихъ думать, а Глаголицей. Предположеніе до послѣдней степени смѣлое и чтобы доказать его одной гипотезы — объ изобрѣтеніи Кирилломъ и всеобщемъ употребленіи, въ древнѣйшій періодъ слав. письменности, Глаголицы — недостаточно. Чтобы измѣнить общепринятый взглядъ на характеръ употреблявшагося въ это время письма, т. е. кирилловскаго, какъ этого хочетъ Шафарикъ, нужно представить факты по крайней мѣрѣ равносильные тѣмъ, которые существуютъ въ пользу Кириллицы. Нужно призвать на помощь, какъ и для гипотезы о характерѣ изобрѣтеннаго Кирилломъ письма, и исторію, и палеографію и филологію. Нужно доказать во первыхъ, что немногіе славянскіе памятники кирилловской эпохи, дошедшіе до насъ въ глаголитскихъ спискахъ, какъ-то: евангеліе и другіе были первоначально писаны Глаголицей же, а не списаны съ Кириллицы въ послѣдствіи. Во вторыхъ, нужно доказать, что и всѣ многочисленные другіе славянскіе памятники той же эпохи, дошедшіе до насъ въ однихъ спискахъ кирилловскихъ, какъ-то: апостолъ, псалтырь, вся библія, служебникъ, требникъ, октоихъ, вообще всѣ письменные труды Кирилла и Меѳодія и ихъ сотрудниковъ, а равно и переводы и сочиненія царя Симеона, Іоанна Екзарха, пресвитера Григорія, епископа Константина и т. д., все это первоначально было писано Глаголицей, а потомъ переписано Кириллицей. Между тѣмъ у Шафарика, за исключеніемъ, относящихся впрочемъ только къ небольшому числу славянскихъ памятниковъ ¹⁾ разсматриваемой эпохи,

¹⁾ Шафарикъ беретъ во вниманіе славянское евангеліе, апостолъ, псалтырь, слова Григорія Богослова и немногіе другіе памятники. Славянскіе богослужебные памятники и письменныя произведенія временъ царя Симеона вовсе выпущены изъ виду. А между тѣмъ нужно было доказать, что и сборникъ Святослава, и сочиненія І. Екзарха, Григорія, Константина и проч.

соображеній филологическихъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, въ разсматриваемомъ очеркѣ указано только два факта изъ глаголитской палеографіи и то допускающихъ множество самыхъ разнообразныхъ толкованій. Разсмотримъ эти факты.

Въ доказательство употребленія Глаголицы у западныхъ Славянъ въ періодъ до изгнанія учениковъ Меодія изъ Моравіи Шафарикъ указываетъ на извѣстную глаголическую псалтырь Николая Арбскаго, 1222 г., прибавляя при этомъ, что подлинникъ ея и именно глаголитскій же, писанъ при сплѣтскомъ архіепископѣ Теодорѣ (880—890 г.). Фактъ безъ сомнѣнія очень важный, послѣ котораго сомнѣваться въ употребленіи Глаголицы у западныхъ Славянъ въ IX вѣкѣ, казалось бы, нѣтъ никакой возможности. Между тѣмъ однакожъ псалтырь Николая Арбскаго извѣстна была и прежде, и при всемъ томъ это не препятствовало Добровскому отнести появленіе глаголическаго письма къ XIII вѣку, а другимъ долго соглашаться съ такимъ мнѣніемъ. Чтобы объяснить такое явленіе, мы должны представить дѣло съ надлежащею подробностію. И такъ, прежде всего замѣтимъ, что, какъ извѣстно, ни оригиналь псалтыря Николая Арбскаго, ни самая эта псалтырь до настоящаго времени не сохранились. Но, судя по описанію послѣдней, сдѣланному Леваковичемъ, въ предисловіи къ ней было сказано, что она списана съ псалтыри, писанной по повелѣнію Теодора, послѣдняго архіепископа Салонскаго. А такъ какъ Салона была разрушена въ 630—640 г., то Леваковичъ и Караманъ отнесли написаніе псалтыри Теодора къ 1-й половинѣ VII вѣка. Но уже Ассемани, твердо державшійся мысли о несуществованіи у Славянъ письма до Кирилла, подвергъ сомнѣнію достовѣрность какъ самой указанной нами приписки, такъ въ особенности толкованія ея. По его мнѣнію, въ древней псалтыри, съ которой писалъ Николай Арбскій, говорилось только о написаніи ея по повелѣнію епископа Тео-

---

да и самаго Климента первоначально были писаны Глаголицей; иначе общепринятое въ этомъ отношеніи мнѣніе должно остаться неприкосновеннымъ. Мы въ правѣ думать, что и самъ Шафарикъ, не смотря на свое теперешнее пристрастіе къ Глаголицѣ, не смотря на свое желаніе всюду и вездѣ видѣть Глаголицу, въ исчисленныхъ сейчасъ сочиненіяхъ, не нашелъ никакихъ даже филологическихъ признаковъ глаголитизма.

дора, слова же; *послѣдняго архіепископа салонскаго* писецъ прибавилъ отъ себя, по догадкѣ. Въ тоже время Ассемани, съ своей стороны, предложилъ мнѣніе, что подь именемъ архіепископа салонскаго *Θеодора*, можно разумѣть *Θеодора архіепископа сплѣтскаго*, занимавшаго эту должность въ 880—890 г., потому что послѣ разрушенія Салоны, салонская архіепископія перенесена въ Сплѣтъ, и сплѣтскіе архіепископы продолжали именоваться салонскими. Такъ понималъ приписку къ псалтыри *Николая Арбскаго* и *Добнеръ*, который ссылался на этотъ памятникъ, какъ на доказательство употребленія Глаголицы въ IX вѣкѣ. Но *Добровскій*, вопреки мнѣнію Ассемани и *Добнера*, утверждалъ, что *Николай Арбскій* подь именемъ *Θеодора* разумѣлъ не другаго кого, какъ именно послѣдняго архіепископа салонскаго, жившаго предъ разрушеніемъ Салоны (640 г.) и указалъ на него намѣренно, съ цѣлію возвысить древность глаголитскаго письма и дать знать читателю о существованіи псалтыри, согласной съ Вульгатой еще за долго до *Кирилла*¹⁾. Этимъ *Добровскій* очевидно хотѣлъ заподозрить историческую достовѣрность приписки вообще. Главное же знаменитый славянистъ уменьшилъ важность разсматриваемаго извѣстія для исторіи Глаголицы, оставивъ на видъ обстоятельство, на которое казалось бы нужно было обратить вниманіе прежде всего, но которое, между тѣмъ, почему-то было совсѣмъ выпущено изъ виду, именно: «*Добнеръ*,—писалъ *Добровскій* въ своей Глаголитикѣ²⁾—, основываясь на псалтыри *Θеодора*, предполагалъ, что эта псалтырь была писана глаголитскими буквами; но этого изъ словъ *Николая Арбскаго* не видно: его псалтырь, писанная въ 1222 г., могла быть списана съ псалтыри *кирилловской*. Глаголиты, не смотря на то, что принадлежали къ римской церкви, всегда уважали *Кирилла* и *Меѳодія*, какъ славянскихъ апостоловъ и учителей, а поэтому никогда не переставали пользоваться *кирилловскими кодексами*».

Нельзя не согласиться, что представленное нами возраженіе *Добровскаго* очень важно. По крайней мѣрѣ, взявъ его во вниманіе и потомъ принявъ вмѣстѣ объясненіе разсматривае-

¹⁾ Dobrows. Glagolitica. Prag. 1845, p. 19.

²⁾ Glag. Dobr. p. 24.

мой приписки, сдѣланное Ассемани, можно съ такимъ же правомъ приводить ее въ доказательство употребленія у западныхъ Славянъ въ IX вѣкѣ Кириллицы, какъ и Глаголицы, съ тѣмъ лишь различіемъ, что первое подтверждается множественствомъ историческихъ и другихъ данныхъ, а послѣднее не подтверждается ровно ничѣмъ. Но по нашему мнѣнію, самое объясненіе приписки, сдѣланное Ассемани, и, какъ открывається изъ послѣдняго сочиненія Шафарика, принятое и имъ, т. е. что подъ именемъ Θεодора салонскаго должно разумѣть Θεодора сплѣтскаго (880—890 г.) — это объясненіе въ высшей степени натянута и произвольно; потому что, спросимъ мы въ свою очередь, какъ же тогда нужно понимать слово *послѣднiяго* и будетъ ли оно имѣть въ такомъ случаѣ хоть какой-нибудь смыслъ? Нельзя же принять этотъ эпитетъ въ смыслѣ *послѣдняго съ именемъ Θεодора*, какъ толковалъ его Ассемани? Вотъ почему, по нашему мнѣнію, вѣрность объясненія разсматриваемой приписки все-таки должна остаться за Леваковичемъ, и слѣд., сообщаемое ею извѣстіе если и можетъ къ чему-нибудь годиться, то развѣ для тѣхъ, кто вновь сталъ бы возводить древность глагольскаго письма къ VII вѣку, куда ведетъ приписка.

Кромѣ недоказаннаго существованія глаголитской псалтыри Θεодора, въ подтвержденіе своей мысли объ употребленіи глагольскаго письма у западныхъ Славянъ въ IX вѣкѣ, Шафарикъ въ разсматриваемомъ очеркѣ указываетъ еще на какіе-то, видѣнные имъ самимъ, древнѣйшіе отрывки и остатки славянскаго письма, которые найдены въ этихъ странахъ и которые, замѣчаетъ онъ, писаны Глаголицей, а не Кириллицей. Чтобы вполне оцѣнить важность этихъ остатковъ, читатель безъ сомнѣнія въ правѣ ожидать болѣе подробныхъ о нихъ объясненій, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, древность досель бывшихъ извѣстными западныхъ глагольскихъ памятниковъ не восходитъ далѣе XII вѣка. Но къ сожалѣнію Шафарикъ не указываетъ ни того, гдѣ найдены эти отрывки, ни того, какъ древни они, какого характера, содержанія и проч. А потому и ссылка его на нихъ въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть принята къ соображенію. Говоря все это, мы однакожь вовсе не думаемъ отвергать предположенія о существ-

вованіи Глаголицы у западныхъ Славянъ въ IX вѣкѣ. Глаголица, если угодно, могла у нихъ существовать и въ это время. Но во первыхъ такое предположеніе должно быть подтверждено положительными данными, а до тѣхъ поръ оно останется предположеніемъ не больше; во вторыхъ, еслибы и нашлись эти данныя, напр. еслибы въ западныхъ славянскихъ земляхъ открыты были дѣйствительно древніе глагольскіе памятники въ родѣ псалтыри Θεодора, или еслибы мы знали, что напр. древніе, извѣстные въ настоящее время, памятники Глаголицы такъ называемой болгарской получили происхожденіе на Западѣ,—къ какому это должно бы было привести насъ выводъ? По нашему мнѣнію къ тому, что на Западѣ въ эпоху славянскихъ апостоловъ *на ряду съ Кириллицей* употреблялась и Глаголица. Мы хотимъ сказать, что общепринятое мнѣніе объ изобрѣтеніи Кирилломъ и употребленіи въ IX вѣкѣ у западныхъ Славянъ Кириллицы отъ этого нисколько не поколебалось бы: для этого оно слишкомъ твердо и прочно обставлено положительными данными. Между тѣмъ Шафарикъ, указывая на такіе сомнительные факты, какова псалтырь Θεодора сплѣтскаго, сообразно съ своимъ воззрѣніемъ на происхожденіе славянскихъ алфавитовъ, хочетъ чрезъ это доказать, что у западныхъ Славянъ въ IX вѣкѣ Глаголица употреблялась не на ряду съ Кириллицей, но только она одна и была извѣстна. По нашему же мнѣнію приводимыя имъ соображенія не достаточны не только для подтвержденія послѣдняго предположенія, но даже не подтверждаютъ мысли объ употребленіи во времена Кирилла и Меѳодія западными Славянами глагольскаго письма вообще, т. е. на ряду съ Кириллицей.

Говоря о введеніи и распространеніи Глаголицы въ Болгаріи изгнанными изъ Моравіи учениками Меѳодія и о вытѣсненіи ея отсюда Кириллицей, Шафарикъ нужно было и въ этомъ отношеніи, сдѣланныя имъ соображенія подтвердить какими нибудь фактами; и вотъ онъ пользуется здѣсь для своей цѣли извѣстнымъ обстоятельствомъ, что древнѣйшіе, вѣрнѣе признанные древнѣйшими глагольскіе кодексы, извѣстные въ настоящее время, найдены большею частію въ Болгаріи. «Сотрудники обоихъ славянскихъ апостоловъ, пишетъ Шафарикъ, Гораздъ, Наумъ, Климентъ, Ангелярь,

Савва и другіе, возвратившись около 886 г. изъ Панноніи (?) въ Болгарію (Македонію и Албанію), принесли сюда съ собою свои книги и здѣсь продолжали глаголическую письменность. *Отъ этого здѣсь драгоценныя копии и остатки (Лавра, Русско, Охрида, монастырь св. Наума, св. Горазда, Бояна)*». § 28.—Обстоятельство, дѣйствительно очень важное и потому не безъ причины давно уже на него обращено вниманіе ученыхъ. Такъ еще Копитаръ на основаніи указаннаго факта въ связи его съ наименованіемъ въ парижской рукописи, глагольскаго алфавита болгарскимъ (*Abecenarium Volgaricum*) утверждалъ, что Глаголица въ древній періодъ славянской письменности была въ употребленіи не только въ Далмаціи, но и въ Болгаріи, гдѣ она употреблялась современно съ Кириллицей, которой наконецъ была вытѣснена. Мнѣніе Копитара было принято и другими и развито было ими далѣе. Такъ нѣкоторые ученые, обративъ вниманіе на то, что глагольскіе памятники, найденные въ Болгаріи, древнѣе памятниковъ Глаголицы хорватской, пришли къ мысли, что и первое появленіе глагольскаго письма въ Болгаріи предшествовало появленію его въ Далмаціи, другими словами: Глаголица самымъ происхожденіемъ своимъ обязана была Болгаріи, а потомъ уже была примѣнена въ Далмаціи, т. е. вмѣстѣ съ славянскимъ богослуженіемъ она пришла на Западъ съ Востока. Тутъ-то явилась мысль самаго изобрѣтателя глагольскаго письма искать въ Болгаріи, вслѣдствіе чего оно и было приписано, какъ мы выше видѣли, одними — болгарскимъ сектантамъ, другими епископу Клименту и т. д. Въ то же время и опять въ силу того же факта было принято и дѣленіе глагольскихъ памятниковъ, въ палеографическомъ отношеніи, на двѣ редакціи, изъ коихъ одна (съ округленными буквами), представляемая глагольскими рукописями, найденными преимущественно въ Болгаріи, получила названіе редакціи болгарской и признана древнѣйшею, другая (съ квадратными буквами), представляемая памятниками западной семьи, названа хорватской и признана позднѣйшею—все это впрочемъ единственно на томъ основаніи, что памятниковъ послѣдней редакціи древнѣе XII—XIII вѣка доселѣ не отыскано. На сколько и въ какомъ именно отношеніи можетъ быть названо вѣрнымъ указанное нами

дѣленіе редакцій глагольскихъ памятниковъ и на сколько вѣрно, будто Глаголица на Востокъ появилась ранѣе, чѣмъ на Западъ, —разсматривать здѣсь не будемъ. Для насъ въ настоящемъ случаѣ важно то, что Шафарикъ въ приведенномъ нами мѣстѣ своего изслѣдованія разсматриваемому факту даетъ значеніе еще большее, нежели какое давали ему прежде, потому что опять приводитъ его не просто въ подтвержденіе извѣстности и употребленія, въ X вѣкѣ, въ Болгаріи Глаголицы на ряду и современно съ Кириллицей, но въ доказательство ея употребленія въ этой странѣ исключительнаго и ея общеупотребительности. И такъ приводимое имъ въ свою пользу обстоятельство мы должны разсмотрѣть ближе.

Мѣсто нахождения письменныхъ памятниковъ въ извѣстной странѣ дѣйствительно во многихъ случаяхъ можетъ служить вѣрнымъ признакомъ процвѣтанія, или по крайней мѣрѣ извѣстности въ ней той литературы, къ которой эти памятники принадлежатъ. Но съ другой стороны это правило допускаетъ многочисленныя исключенія. Извѣстно, что рукописи въ средніе вѣка по своему мѣстонахожденію подвергались самой измѣнчивой судьбѣ, и постоянно переходили съ мѣста на мѣсто, странствуя вмѣстѣ съ монахами, въ кругу которыхъ сосредоточивалось образованіе. Потомъ посредницею размѣщенія рукописей по разнымъ мѣстностямъ является наука, и письменными сокровищами древности начинаютъ наполняться европейскія общественныя и частныя библіотеки. Отъ этого въ настоящее время, напр. рукописи греческія, писанныя въ разныхъ областяхъ Византіи, находятся во множествѣ въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Европы. Тоже самое видимъ и съ рукописями славянскими (кирилловскаго письма). Кромѣ дѣйствительнаго мѣста процвѣтанія древне-славянской литературы, т. е. кромѣ Болгаріи, Сербіи и Россіи, славянскія рукописи въ настоящее время, какъ извѣстно, разсѣяны по всѣмъ главнѣйшимъ европейскимъ библіотекамъ и кромѣ того ихъ находятъ въ большомъ количествѣ въ монастыряхъ Аѳонской горы, на Синаѣ, въ Египтѣ и т. д., при чемъ сплошь и рядомъ открываютъ памятники славянской письменности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она не только никогда не была въ состояніи процвѣтанія, но гдѣ никогда не жило и не дѣйствовало ни одного славян-

скаго писателя, наконецъ гдѣ не была извѣстна даже славянская грамота. Вотъ почему для изслѣдователя, желающаго знать мѣсто процвѣтанія въ извѣстную эпоху той или другой письменности, важенъ вопросъ не о томъ, гдѣ находятся памятники ея въ настоящее время, а о томъ, гдѣ они находились первоначально, точнѣе, гдѣ они были писаны, переведены, или переписаны — вопросъ, къ рѣшенію котораго ведутъ съ одной стороны свидѣтельства историческія (находящіяся въ самыхъ рукописяхъ предисловія, послѣсловія, приписки, замѣтки, свидѣтельства о жившихъ и дѣйствовавшихъ въ извѣстной мѣстности писателяхъ и о написанныхъ ими сочиненіяхъ, общія историческія соображенія и т. п.), съ другой, т. е. при недостаткѣ указаній историческихъ, признаки и примѣты палеографическіе и филологическіе. Руководствуясь нечисленными данными, о многихъ славянскихъ рукописяхъ, не смотря на то, что онѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ находятся въ Россіи, мы знаемъ достовѣрно, что эти рукописи были писаны либо въ Болгаріи, либо въ Сербіи, на Аѳонѣ, у западныхъ Славянъ и т. под.

Указанный нами методъ разработки рукописей въ отношеніи къ вопросу о мѣстѣ написанія ихъ и слѣд. къ вопросу о мѣстѣ процвѣтанія, или употребленія той или другой письменности, разумѣется не представляетъ въ себѣ ничего новаго и къ памятникамъ славянской литературы кирилловскаго письма онъ примѣненъ уже давно; но тѣмъ страннѣе, что этотъ простой методъ былъ почти совершенно выпущенъ изъ виду при изслѣдованіи въ разсматриваемомъ отношеніи древнѣйшихъ рукописей глаголическихъ; по крайней мѣрѣ онъ не былъ примѣненъ къ нимъ на столько, на сколько бы это слѣдовало. И не странно ли въ самомъ дѣлѣ? Счастливый случай помогъ въ окрестностяхъ древняго болгарскаго царства сохраниться нѣсколькимъ глаголическимъ рукописямъ, писаннымъ особымъ почеркомъ отличнымъ отъ того, какой, судя по сохранившимся памятникамъ, употреблялся съ XIII вѣка у западныхъ Славянъ. Эти рукописи сдѣлались извѣстными ученому міру, и вотъ сейчасъ же, безъ дальнѣйшихъ справокъ, почему-то всеми признано было, что упомянутыя рукописи, равно какъ и другія рукописи, сходныя

съ первыми по почерку, принадлежать Болгаріи и по своему происхожденію, а за тѣмъ и начался въ отношеніи къ Глаголицѣ рядъ выводовъ, о которыхъ мы сказали выше, выводовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и рассматриваемое мнѣніе Шафарика, т. е. будто въ IX, X и даже XI вѣкѣ въ Болгаріи глаголическое письмо было господствующимъ. Далѣе, съ теченіемъ времени были наведены справки: открылось, что рукописи новой редакціи, названной болгарскою, своими филологическими особенностями ведутъ на Западъ, а не на Востокъ. Тутъ, казалось бы, всего естественнѣе было придти къ заключенію, что ни о болгарскомъ происхожденіи этихъ рукописей, или о болгарскомъ происхожденіи Глаголицы вообще, ни о преимущественномъ, а тѣмъ болѣе исключительномъ употребленіи ея въ Болгаріи въ древній періодъ славянской письменности — не можетъ быть и рѣчи, и между тѣмъ все-таки прежніе выводы о судьбѣ и мѣстѣ употребленія древней Глаголицы, сдѣланные сначала на основаніи случайнаго мѣста находенія ея памятниковъ, равно какъ и дѣленіе этихъ памятниковъ на двѣ редакціи продолжаютъ оставаться доселѣ. Другіе могутъ думать какъ угодно, но намъ кажется, что во всемъ этомъ допущено столько непоследовательности, столько произвола, что нужно только удивляться, какъ это доселѣ не было замѣчено учеными, которые замѣшаны были въ этомъ вопросѣ. Мѣсто находенія нѣсколькихъ глагольскихъ рукописей въ окрестностяхъ Болгаріи, по нашему мнѣнію, не доказываетъ здѣсь ровно ничего, и какъ на это обстоятельство рѣдко обращается вниманіе въ отношеніи къ рукописямъ кирилловскимъ, такъ точно на него нужно бы смотрѣть и при изслѣдованіи рукописей глаголическихъ. Судьба тѣхъ и другихъ рѣшительно одинакова: какъ и кирилловскія, глаголическія рукописи разсыяны по самымъ отдаленнымъ мѣстностямъ Европы и Азіи. Для примѣра возьмемъ въ разсмотрѣніе глаголическія рукописи, о которыхъ теперь идетъ у насъ рѣчь, — рукописи древнѣйшія, такъ называемаго болгарскаго письма, и посмотримъ, гдѣ онѣ были найдены и гдѣ находятся въ настоящее время. Рукопись графа Клоца, находящаяся теперь въ Тридентѣ, въ XV вѣкѣ была въ Венеціи; ватиканское евангеліе Ассемани въ XVIII вѣкѣ было въ Іеру-

салимѣ. Изъ остальныхъ двухъ глагольскихъ списковъ евангелія, одно находится на Аѳонѣ въ Зографскомъ монастырѣ, другое, принадлежащее теперь проф. Григоровичу, найдено было имъ такъ же въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей; такъ называемые Пражскіе листы найдены въ Прагѣ, наконецъ глаголическая псалтырь найдена на Синаѣ¹⁾. Что же остается изъ древнихъ глаголическихъ памятниковъ на долю Болгаріи? Нѣсколько глагольскихъ отрывковъ, найденныхъ проф. Григоровичемъ въ Охридѣ и въ монастырѣ св. Іоанна Рыльского? И потомъ, если угодно, рукописи аѳонскія?... Но на Аѳонѣ, какъ уже извѣстно, стекались монахи изъ всѣхъ странъ, и слѣд. эти рукописи могли быть вывезены столько же изъ Болгаріи, какъ и изъ Далмаціи, Панноніи и т. д. На Аѳонѣ есть же доселѣ кирилловскія рукописи, писанныя именно въ Далмаціи?... Не ясно ли отсюда, что точно такимъ же путемъ могли придти на Аѳонъ, равно какъ и вообще въ окрестности древняго болгарскаго царства, и рукописи глаголическія? Въ доказательство употребленія въ Болгаріи, въ древній періодъ славянской письменности, глагольскаго письма обыкновенно указываютъ еще на находимыя тамъ рукописи, писанныя Кириллицей, но съ примѣсью Глаголицы. (Охрид. Ап. и Болон. псалт.). Это обстоятельство по нашему мнѣнію гораздо важнѣе, тѣмъ больше, что объ одной изъ такихъ рукописей, именно Болонской псалтири (1186—1195 г.) извѣстно, что она была въ Болгаріи и писана и слѣд. служить яснымъ подтвержденіемъ извѣстности тамъ глагольскаго письма по крайней мѣрѣ въ XII вѣкѣ, къ которому относится рукопись. Но и это опять явленіе не единственное: такихъ рукописей, т. е. писанныхъ Кириллицей съ примѣсью Глаголицы, отыскано много и въ Россіи, и что всего важнѣе большая часть изъ нихъ съ ясными признаками, что онѣ въ

---

¹⁾ Глаголическій списокъ псалтири открытъ о. архим. Порфиріемъ Успенскимъ въ Библ. Синайскаго монастыря. Эта псалтырь, почему-то доселѣ не вошедшая въ счетъ памятниковъ глагольской письменности и между тѣмъ составляющая значительный вкладъ въ ея составъ, — писана одной Глаголицей, на пергаментѣ, въ 4-ю долю, мелкимъ почеркомъ. Какого она времени, неизвѣстно. Кратк. описаніе ея см. въ Пут. от. Порф. Успенскаго по Египту въ 1850 г. (т. II) Слб. 1856 г., стр. 163.

Россіи и были писаны. Изъ нихъ укажемъ на слова Григ. Бос. (XI в.), писанныя въ Новгородѣ, на типографскій уставъ (XI—XII в.) и Минею (XII в.), такъ же чисто русской редакціи, Троицкій и синодальный списки толковыхъ пророковъ Упыря Лихаго, на отрывокъ, открытый и недавно изданный проф. Бодянскимъ¹⁾, и т. д. Изъ такой разнообразной картины размѣщенія древнихъ глагольскихъ и полу-глагольскихъ рукописей не вправѣ ли мы заключить, что эта азбука, въ древній періодъ славянской письменности была извѣстна столько же въ Болгаріи, сколько и въ Россіи, въ Венеціи, на Аѳонѣ, въ Иерусалимѣ, наконецъ даже на Синаѣ? И при доказанной общеупотребительности въ древней Болгаріи, Сербіи и Россіи письма кирилловскаго, а не глагольскаго, не должны ли мы мѣста процвѣтанія такъ называемой болгарской Глаголицы искать по другимъ болѣе убѣдительнымъ признакамъ, а не на основаніи такого случайнаго обстоятельства, каково мѣсто нахождения ея памятниковъ?

Эти признаки, эти данныя давно найдены и уже достаточно изслѣдованы. Съ изслѣдованіемъ древнѣйшихъ глаголическихъ кодексовъ въ филологическомъ отношеніи, какъ мы выше уже замѣтили, открылось, что тѣ лингвистическія особенности, которыми глаголическая рецензія священныхъ и богослужебныхъ книгъ отличается отъ рецензіи кирилловской, могли образоваться только у западныхъ Славянъ, — въ древней Панноніи, Далмаціи, Хорватіи и т. д.. Къ такому заключенію приходилъ еще Добровскій въ своей «Глаголитикѣ»; тоже самое хоть и съ значительными отличіями съ мнѣніемъ Добровскаго и другъ отъ друга въ примѣненіи самаго вывода, утверждали: Копитаръ, Прейсъ, Миклошичъ, Срезневскій и др. Но приведенное нами положеніе относительно родины филологическихъ особенностей древнѣйшихъ глаголическихъ кодексовъ никѣмъ не было доказано и обслѣдовано съ такою ясностію и полнотою, какъ самимъ Шафарикомъ, и именно во 2-й части разсматриваемаго его труда, исключительно

¹⁾ Чт. Об. ист. 1859. г. кн. I. Тамъ же о тип. рукописяхъ. Подробнѣе о нихъ см. въ Писемъ арх. Саввы къ проф. Срезневскому въ Изв. Ак. Н. 1858 г., вып. V.

посвященной филологическимъ изслѣдованіямъ объ отчизнѣ и древности глагольской рецензіи священныхъ книгъ, и что для насъ всего важнѣе, — преимущественно на основаніи глагольскихъ рукописей такъ называемой болгарской редакціи. Въ этомъ отношеніи мнѣніе Шафарика относительно Глаголицы осталось почти неизмѣннымъ. За нѣсколько лѣтъ прежде, отмѣтивши нѣсколько разностей между кирилловскою и глагольскою рецензіей священныхъ книгъ, Шафарикъ писалъ: «Отклоненія и особенности языка рецензіи глагольской указываютъ на земли древняго Иллирика, Македонію, Албанію, Далмацію, Хорватскую землю» ¹⁾. Теперь, въ названной части своего изслѣдованія, отмѣтивши спеціальныя особенности языка глагольскихъ рукописей, гораздо въ большемъ объемѣ и по большому числу памятниковъ, Шафарикъ пришелъ къ такому заключенію: «Глаголитизмъ носитъ на себѣ столь рѣзкій, столь ясный и неизгладимый отпечатокъ, что мы не вправѣ приписать его ни епископу Клименту *въ Велицѣ и Охридѣ*, ни Богомилу въ Болгаріи;... и слѣд. (?) виновникомъ его (глаголитизма) должны признать Кирилла и его помощниковъ изъ среды уроженцевъ *Панноніи, области Коцела*... Въ этой области была та мастерская, гдѣ три перевода Кирилла: Евангеліе, Апостолъ и Псалтирь получили свой спеціально-глаголическій видъ.» Въ указанномъ мѣстѣ своего изслѣдованія, Шафарикъ, на основаніи представленныхъ имъ филологическихъ данныхъ опредѣляя родину лингвистическихъ особенностей глаголическихъ кодексовъ, равно какъ и самой Глаголицы, тѣмъ же самымъ путемъ (путемъ филологіи) старается опредѣлить и ея виновника, т. е. утвердить ее за Кирилломъ ²⁾, ссылаясь на полную гармонію, въ сво-

¹⁾ Изслѣд. и замѣч. о др. пам. старосл. лит. Спб. 1836 г., стр. 84.

²⁾ Филологическій силлогизмъ Шафарика, развитый имъ во второмъ его сужденіи и составляющій, какъ онъ самъ говоритъ, подтвержденіе и дополненіе его историческихъ выводовъ, — состоитъ въ слѣдующемъ: глаголическая рецензія священныхъ книгъ древнѣе кирилловской и, судя по ея лингвистическимъ особенностямъ, могла образоваться и получить свое происхожденіе только въ Панноніи, области Коцела, а не въ Болгаріи, и не въ Велицѣ или Охридѣ. Между тѣмъ исторически извѣстно, что въ этой области *долгое время* дѣйствовали святые братья, сначала оба, потомъ одинъ Меодій. Слѣд. изобрѣтеніе Глаголицы мы должны приписать не Клименту, не Богомилу, а именно Кириллу. По

емъ изслѣдованіи, лингвистическихъ и историческихъ данныхъ. Но послѣ сдѣланнаго нами разбора историческихъ доказательствъ Шафарика, будто Кирилломъ въ Панноніи изобрѣтена Глаголица, а не Кириллица, — мнѣніе его о лицѣ

не говоря уже о томъ, что отрицаніе мысли о Климентѣ, какъ изобрѣтателѣ глагольскаго письма, нисколько не обуславливаетъ собою необходимости приписывать его не кому либо другому, а именно Кирилу, — самую гармонію историческихъ и филологическихъ данныхъ, на которую старается опереться Шафарикъ, поставляя въ ней главную силу своихъ доказательствъ, нельзя не признать только мнимую, а не дѣйствительную. Потому что: во 1-хъ, Шафарикъ, какъ мы видѣли, исходитъ изъ той мысли, будто переводъ главнѣйшихъ священныхъ книгъ, какъ-то: Евангелія, Апостола и Псалтири, былъ совершенъ св. братьями въ Панноніи, гдѣ по его словамъ они дѣйствовали *долое время*, и будто помощники ихъ въ переводѣ были изъ природныхъ Паннонцевъ, — вслѣдствіе чего въ языкѣ глагольскихъ свщ. книгъ и явились слѣды древняго панн. нарѣчія; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ слав. первоучители въ Панноніи дѣйствовали самое короткое время, и дѣятельность ихъ, равно какъ и дѣятельность одного Меодія послѣ смерти Кирилла относится главнѣйш образомъ къ Моравіи; здѣсь окончень былъ Кирилломъ и переводъ Евангелія, начатый, какъ извѣстно, еще въ Константинополѣ; здѣсь же (т. е. до 1-го путешествія св. братьевъ въ Римъ) безъ сомнѣнія были переведены Апостолъ и Псалтирь. Съ другой стороны, что касается до происхожденія сотрудниковъ слав. Апостоловъ, то о большей части изъ нихъ, какъ извѣстно, мы не знаемъ откуда они были родомъ; а то, что знаемъ объ этомъ, идетъ противъ мысли Шафарика, а не въ пользу ея; потому что Климентъ, самый дѣятельный сотрудникъ св. братьевъ, по происхожденію былъ Болгаръ, а Гораздъ Моравецъ. Во 2-хъ, паннонское нарѣчіе исчезло вмѣстѣ съ народомъ еще въ IX вѣкѣ, послѣ нашествія на Паннонію Мадыаровъ, и потому Шафарикъ старается возстановить его путемъ искусственнымъ, по признакамъ нарѣчій — слав. народовъ западныхъ, сосѣдственныхъ съ Панноніей, которыхъ отчасти признаетъ потомками древнихъ Паннонцевъ. И такъ какъ критериума для опредѣленія древняго паннонскаго нарѣчія не существуетъ, то Шафарикъ не могъ устраниль мысли, что указанная имъ специальная особенности древняго паннонскаго нарѣчія, а слѣд. и глагольскія рукописи, въ которыхъ содержатся эти особенности, могли получить происхожденіе у западныхъ Славянъ, въ Далмаціи, Кроаціи, Хорватіи, Чехіи; и единственное, на что указываетъ онъ въ подтвержденіе своей мысли о происхожденіи этихъ особенностей не гдѣ либо, а именно въ Панноніи, это очень несостоятельная ссылка на историческія свидѣтельства о продолжительной дѣятельности въ этой странѣ св. братьевъ и о паннонскомъ происхожденіи ихъ помощниковъ (р. 45, 46.) Такимъ образомъ Шафарикъ, не доказавши воихъ положеній историческихъ, старается подтвердить ими свои выводы филологическіе, и наоборотъ, послѣдніе приводитъ въ подтвержденіе своихъ выводовъ историческихъ, между тѣмъ какъ они требуютъ доказательствъ еще сами. Въ 3-хъ, Шафарикъ, пріурочивая указанная имъ мѣстныя особенности глаг. рукописей къ Панноніи, предполагаетъ занесомѣнное, что эти особенности существовали и въ древнѣйшихъ, теперь потерянныхъ глаг. оригиналахъ (27, 28.), между тѣмъ какъ это требуетъ еще доказательствъ, и кто не согласенъ

изобрѣтателя Глаголицы здѣсь, —мы надѣмся, —вправѣ оставить въ сторонѣ, и, такъ какъ лингвистическія особенности глаголитизма извлечены Шафарикомъ преимущественно изъ глагольскихъ памятниковъ такъ называемой болгарской редакціи, то выводы его о родинѣ глаголитизма вообще можемъ примѣнить къ вопросу о родинѣ и мѣстѣ процвѣтанія такъ называемаго болгарскаго разряда глагольскихъ рукописей, въ частности.

Въ такомъ случаѣ, т. е. отстранивъ мысль Шафарика о виновникѣ и времени изобрѣтенія глагольскаго письма, вышеприведенное нами его положеніе на основаніи имъ же самимъ представленныхъ филологическихъ данныхъ, мы имѣемъ право выразить въ такой формѣ: языкъ глагольскихъ рукописей, найденныхъ въ окрестностяхъ древняго болгарскаго царства, вообще рукописей такъ называемой болгарской редакціи, носить на себѣ яркіе слѣды паннонскаго происхожденія, и лингвистическія особенности, отличающія эти рукописи, равно какъ и кирилловскіе списки съ утраченныхъ глагольскихъ оригиналовъ, отъ рукописей чисто кирилловской рецензіи, не могли явиться ни въ Велицѣ, ни въ Охридѣ, ни въ Болгаріи, а обязаны своимъ происхожденіемъ древней Панноніи; слѣд. и мѣстомъ написанія этихъ рукописей нужно признавать не Болгарію, а древнюю Паннонію. Если же нѣкоторые изъ нихъ были писаны и въ Болгаріи, то это такими людьми, которые были выходцами изъ Панноніи. Далѣе, такъ какъ характеръ несущаго теперь древняго паннонскаго нарѣчія Шафарикъ возстановляетъ по признакамъ нарѣчій западныхъ славянскихъ народовъ, какъ-то: Кроатовъ, Виндовъ, Словаковъ и т. д.; то мы имѣемъ право перенести туда и родину какъ этихъ рукописей, такъ и этихъ выходцевъ, т. е. въ Кроацію, Далмацію, Хорватію, —вообще въ западныя славянскія земли. Само собою разумѣется, что съ этимъ вмѣстѣ и мѣсто воздѣлыванія и процвѣ-

---

со взглядомъ Шафарика на старшинство глаг. письма, тотъ гораздо съ большимъ правомъ можетъ утверждать, что упомянутыя особенности вошли въ глаг. рукописи въ послѣдствіи подъ вліяніемъ мѣстнаго народнаго говора; первоначальныя же списки глаг. сваш. книгъ были во всемъ согласны съ кирилловскими, съ которыхъ были списаны.

танія такъ называемой болгарской Глаголицы мы должны искать на Западѣ, а не на Востокѣ, и появленіе памятниковъ ея въ Болгаріи, на Аѳонѣ и т. д. должны признать случайностію.

Теперь мы должны объяснить тѣ историческія условія, при которыхъ глагольскія рукописи такъ называемой болгарской редакціи, а равно и сами употреблявшіе это письмо Славяне въ первые вѣка слав. письменности могли переходить съ Запада на Востокъ и распространять въ Болгаріи, а вмѣстѣ и на Аѳонѣ и въ другихъ странахъ знакомство съ глагольской азбукой. Для этой цѣли, исходя изъ той мысли, что Глаголица явилась, по крайней мѣрѣ примѣнена была къ богослуженію у западныхъ Славянъ еще въ IX вѣкѣ, положимъ современно съ Кириллицею, — считаемъ нужнымъ бросить бѣглый взглядъ на церковно-политическое состояніе ихъ въ періодъ времени отъ IX до XII вѣка. Въ такомъ случаѣ прежде всего мы должны признать за несомнѣнное, что западные глаголиты, въ то время, когда у нихъ употреблялось округленное, или такъ называемое болгарское глагольское письмо, совершали богослуженіе по обрядамъ церкви греческой, а не римской. Это неопровержимо доказываютъ всѣ безъ исключенія древнѣйшіе глаголическіе кодексы (т. е. такъ наз. болг. редакціи) отъ Ассеманіева евангелія до Пражскихъ отрывковъ включительно, примѣненные, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, къ обрядамъ греческаго православія ¹⁾. Тоже самое видно и изъ содержанія рукописей

---

¹⁾ Такъ глаг. Евангеліе во всѣхъ трехъ спискахъ (Асс., Зогр. и Григ.) расположено примѣнительно къ обрядамъ греческой церкви; Пражскіе листы содержатъ въ себѣ отрывки изъ греч. богослужеб. книгъ; наконецъ даже Глаголита Клоца содержитъ въ себѣ поученія отцовъ греческихъ, а не римскихъ. Православный характеръ глаголич. рецензій свящ. книгъ доказывается такъ же и тѣмъ, что эта рецензія таже кирилловская, то есть греческая 70-ти толковниковъ, и по Вульгатѣ только поправлена, а не переведена съ нея. Это признаютъ Добровскій, Шафарикъ и другіе ученые. При такомъ положеніи дѣла, мы удивляемся, какимъ образомъ славянскіе ученые, каковы напр. Миклошичъ, Ганушъ и самъ Шафарикъ, приписывающіе Кириллу Глаголицу и въ тоже время утверждающіе, будто онъ передался римской церкви и учредилъ между Славянами богослуженіе по ея обрядамъ, не замѣтятъ внутренняго рѣшительнаго противорѣчія въ своемъ взглядѣ на Кирилла даже съ ихъ собств. точки зрѣнія. Не страшно ли въ самомъ дѣлѣ? Кириллъ, приверженецъ римской церкви, избрѣлъ Глаголицу, и въ тоже

кирилловскихъ, списанныхъ съ древнихъ утраченныхъ теперь глагольскихъ оригиналовъ. Очень можетъ быть, что Глаголица, когда она употреблялась въ округленной формѣ, была примѣнена въ тоже время и къ богослуженію римскому, но доказательствъ на это пока еще не имѣется; по крайней мѣрѣ памятниковъ глагольскихъ латинскихъ богослужебныхъ книгъ, писанныхъ округленными глаг. буквами доселѣ еще не отыскано. Введеніе глагольскихъ богослужебныхъ книгъ по римскому обряду страннымъ образомъ совпадаетъ съ появленіемъ Глаголицы хорватской — квадратной, памятники которой, какъ извѣстно, всѣ примѣнены къ богослуженію римскому, и начинаются не ранѣе какъ съ XII вѣка ¹⁾. И такъ хорватская Глаголица или образовалась гораздо позже округленной, именно съ введеніемъ у нѣкоторыхъ глаголитовъ богослуженія по римскому обряду, и въ такомъ случаѣ шрифтъ пражскихъ отрывковъ, составляющій, какъ извѣстно нѣчто среднее между глаголитой хорватской и такъ называемой болгарской, будетъ составлять переходъ отъ древняго шрифта къ новому, или она явилась еще очень рано и употреблялась на западѣ въ одно время съ округленной — одна у Славянъ греческаго обряда, — другая римскаго, одна въ Хорватіи, другая въ сопредѣльныхъ земляхъ, или, можетъ быть, въ самой Хорватіи, но у Славянъ греческаго исповѣданія. Впрочемъ первое предположеніе особенно послѣ открытія пражскихъ отрывковъ, по своему шрифту въ самомъ корнѣ уничтожающихъ границы и рѣзкую разницу между двумя формами глагольскаго письма и соединяющихъ ту и другую въ одинъ послѣдовательный процессъ развитія одного и того же способа письма въ одномъ и томъ же мѣстѣ,

---

время примѣнилъ глаг. священныя и богослужебныя книги къ обрядамъ греч. первыи. Ясно, что или Кириллъ къ Глаголицѣ не имѣлъ никакого отношенія, или если имѣлъ, то, какъ показываютъ глаг. памятники, онъ держался православія греческаго, а не римскаго.

¹⁾ Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду отрывки глагольскихъ богослужебныхъ книгъ по римскому обряду, обнаруженные Берчицемъ въ его глаг. Хрестоматіи (Prostat Saderae 1859). Впрочемъ отвоя эти отрывки въ XII в., Берчицъ никакихъ доказательствъ не представилъ. Пам. Хорв. глаг. съ означеніемъ года начинаются съ XIV в.

намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, но, соображая положеніе православныхъ глаголитовъ въ западныхъ славянскихъ областяхъ и отношеніе ихъ къ римскому престолу, мы естественно должны предположить, что за свою приверженность къ греческому православію они должны были еще при жизни Меѳодія подвергнуться такой же участи, какъ и кириллиты, т. е. преслѣдованію и притѣсненіямъ какъ со стороны папъ, такъ и со стороны нѣмецкаго духовенства, и очень можетъ быть, что извѣстныя увѣщанія папы Іоанна VIII (879 г.) къ Солинскому духовенству «оставить партію, Грековъ и Славянъ и возвратиться въ лоно римской церкви», равно какъ и благодарность къ кроатскому князю Бранимиру и его народу за возвращеніе подъ власть римскаго престола и другія письма того же папы ¹⁾ къ западнымъ слав. князьямъ относятся именно къ судьбѣ въ западныхъ славянскихъ областяхъ православныхъ глаголитовъ, а не кириллитовъ. Послѣ кончины Меѳодія, ученики его изъ Моравіи, какъ извѣстно были изгнаны, и церковь, которую съ такою любовью, усердіемъ и успѣхомъ насаждали и возвращали славянскіе первоучители въ Моравіи, Панноніи и сопредѣльныхъ съ нею областяхъ подверглась рѣшительному разстройству; надъ всѣми державшимися греческаго православія въ Моравіи и Панноніи, разразилась анаѳема (886 г.), изрекавшая на нихъ отлученіе отъ церкви ²⁾, а съ 899 года бывшая паства Меѳодія папою Іоанномъ IX была раздѣлена на 4 каѳедры, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ римскаго престола. Естественно, что тогда оставшіеся въ Моравіи и Панноніи ученики Меѳодія должны были или подчиниться власти римскаго престола и оставить греческое православіе, или переселиться въ Болгарію вслѣдъ за первыми туда переселенцами-сотрудниками Меѳодія. При такомъ положеніи дѣла ничего нѣтъ невѣроятнаго, что еще въ то время многіе глаголиты, жившіе въ западныхъ славянскихъ областяхъ, и

¹⁾ См. перечень и извлеч. изъ писемъ Іоанна VIII 879 г. въ *Glag. Cloz* Копитара. р. LXXVIII.

²⁾ Булл. Стеф. VI. 886 г. у Ваттенбаха. *Beiträge zur Gesch. d. chr. K. in Mähren und Böhmen*. Wien. 1849.

остававшіеся вѣрными греческому православію, вмѣстѣ съ кириллитами должны были такъ же переселиться въ Болгарію, гдѣ ихъ ожидало не притѣсненіе, а покровительство болгарскихъ государей. Въ концѣ IX вѣка движенію глаголитовъ вмѣстѣ съ кириллитами съ Запада на Востокъ могли содѣйствовать такъ же страшныя опустошенія, произведенныя въ Панноніи и сопредѣльныхъ съ нею областяхъ Мадырами (892—999 г.). По свидѣтельству Константина Багрянороднаго жителя древней Панноніи, избѣгшіе въ это время истребленія, убѣжали къ *Бумарамъ*, *Туркамъ* и *Кроатамъ*. Шафарикъ въ разсматриваемомъ своемъ изслѣдованіи (р. 13) въ приведенномъ свидѣтельствѣ даетъ особенный вѣсъ послѣднему указанію, ссылаясь на то, что бѣглецы должны были устремиться по направленію отъ враговъ, а не на встрѣчу имъ. Но бѣгущіе безъ сомнѣнія въ своемъ бѣгствѣ руководствовались не однимъ инстинктомъ и по крайней мѣрѣ избранные изъ нихъ — приверженцы греческаго православія должны были бѣжать туда, гдѣ надѣялись найти покровительство и защиту.

Гораздо яснѣе становится для насъ судьба православныхъ глаголитовъ на Западѣ съ X вѣка. Съ этого времени римскій дворъ начинаетъ употреблять противъ нихъ болѣе и болѣе рѣшительныя мѣры. Такъ папа Іоаннъ X въ 925 г. писалъ къ Сплѣтскому архіепископу, что по дошедшимъ до него слухамъ христіане сплѣтской епархіи, «оставивъ евангельское ученіе и апостольскіе каноны, уклонились къ ученію Меѳодія, не извѣстнаго въ числѣ святыхъ», и по этому требовалъ, чтобы они совершали богослуженіе на языкъ латинскомъ, а не славянскомъ и твердо держались ученія римской церкви ¹⁾. Точно такія же увѣщанія тотъ же папа дѣлалъ Тамиславу, королю кроатекому. Вѣроятно вслѣдствіе этихъ папскихъ буллъ въ томъ же году въ Сплѣтѣ былъ созванъ соборъ, на которомъ славянское богослуженіе было строго запрещено, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рукоположеніе священниковъ изъ Славянъ. Но какъ видно опредѣленіе этого собора исполнялось не съ полною строгостію, тѣмъ болѣе,

¹⁾ Письмо Папы Іоанны X. къ сплѣт. архіеп. Іоанну III, 925.

что оно, въ случаѣ недостатка въ духовныхъ лицахъ, знающихъ латинскій языкъ, допускало совершеніе богослуженія и на славянскомъ. По этому въ 1059 году въ Далмацію и Кроацію прибылъ папскій легатъ кардиналъ Майнардъ, подъ предсѣдательствомъ котораго въ Сплѣтѣ былъ созванъ новый соборъ, на которомъ запрещеніе совершать славянское богослуженіе было возобновлено и выражено съ полною рѣшительностію; при чемъ православныя церкви были заключены, священники изгнаны, св. Меѳодій превозглашенъ былъ еретикомъ, а употреблявшіяся его послѣдователями славянскія письмена, которыхъ изобрѣтеніе приписано ему, названы готскими. Конечно пока еще трудно утверждать положительно, что приведенныя нами факты запрещенія слав. литургіи относятся именно къ Глаголицѣ, а не Кириллицѣ; но такъ какъ въ нихъ дѣло идетъ о славянскихъ земляхъ, гдѣ въ послѣдствіи Глаголица является господствующимъ письмомъ, то по всѣмъ правамъ съ большею вѣроятностію можно отнести эти запрещенія къ послѣднему письму. На это указываетъ повидимому самое наименованіе славянскихъ письменъ, въ опредѣленіи сплѣтскаго собора 1059 года, готскими, съ которыми глагольскія начертанія по крайней мѣрѣ по наружному виду, представляютъ больше сходства, чѣмъ начертанія кирилловскія. Съ другой стороны взявши въ соображеніе, что для римскаго двора были собственно важны, т. е. ненавистны, не самыя письмена,—кирилловскія то, или глагольскія, а то, что ими выражалось именно греческое православіе и греческій обрядъ ¹⁾; то нельзя не согласиться, что, если въ разсматриваемую эпоху въ западныхъ православныхъ церквахъ тамъ и сямъ еще употреблялись кирилловскія книги, и если упомянутыя запрещенія относятся къ письму кирилловскому, то это письмо безъ сомнѣнія подвергалось запрещенію вмѣстѣ съ глагольскимъ. Есть признаки, что и у православныхъ Чеховъ вмѣстѣ съ введенною у нихъ Меѳодіемъ Кириллицей употреблялась и Глаголица и именно въ формѣ, близкой къ

---

¹⁾ Это видно по смыслу почти всѣхъ запрещеній славянской литургіи, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. въ буллѣ папы Іоанна X, 925 г., папы Іоанна XIII 972 г., въ опредѣл. сплѣт. соб. 1059 г. и т. д. такой взглядъ высказанъ ясно.

Глаголицѣ хорватской, какъ это показываютъ недавно найденные въ Прагѣ глагольскіе листы. Эти листы, какъ мы уже сказали, содержатъ въ себѣ отрывки славянскихъ богослужебныхъ книгъ по греческому обряду, и по мнѣнію Гефлера и Шафарика ¹⁾ составляютъ остатокъ библіотеки Сазавскаго монастыря, истребленной послѣ уничтоженія въ немъ славянскаго богослуженія въ 1097 году. Согласившись съ этимъ, естественно думать, что извѣстные факты запрещенія православной славянской литургіи въ Чехіи 972 и 1080 г., равно какъ и гоненіе на нее въ Сазавскомъ монастырѣ относятся столько же къ богослуженію глаголитскому, сколько и къ кирилловскому. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что православные глаголиты, прежде чѣмъ, вслѣдствіе исчисленныхъ угнетеній римскаго престола, рѣшились принять и ввести у себя богослуженіе по римскому обряду и замѣнить православныя богослужебныя книги переведенными съ латинскаго, вынесли продолжительную борьбу, съ твердостію отстаивая преданія, завѣщанныя предкамъ ихъ славянскими первоучителями, или ближайшими учениками ихъ. Что борьба глаголитовъ за православіе была упорна и продолжительна,—это можно видѣть изъ того, что, не смотря на многократныя запрещенія, глаголитами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Далмаціи, Славоніи, Хорватіи и проч. совершалось богослуженіе по греч. обряду еще во время папы Иннокентія IV. Исполняя просьбу сенскаго архіепископа, онъ охотно дозволилъ (въ 1248 г.) Славянамъ егo епархіи совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ, но давая на это дозволеніе не забылъ прибавить, *ut ex varietate litterae sententia non laedatur*, что по толкованію Гинцеля, въ настоящемъ случаѣ безпристрастнаго историка, значитъ, — чтобы славянскія церковныя книги во всемъ согласны были съ латинскими оригиналами римскаго служебника ритуаля и бревіарія ²⁾. Еслибъ въ то время всѣ западныя глаголиты совершали богослуженіе по римскому обряду, это условіе въ папской буллѣ, было бы излишне; съ другой стороны эта

---

¹⁾ Glag. Fragm. Prag. 1857 II. 47.

²⁾ Gesch. d. Slawenap. 1857. 124.

легкость и снисходительность ¹⁾, съ какою Иннокентій IV далъ глаголитамъ дозволеніе совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ, снисходительность составляющая столь рѣзкую противоположность съ строгимъ тономъ буллъ прежнихъ папъ, заставляетъ думать, что въ прежнихъ, исчисленныхъ нами запрещеніяхъ слав. литургій, имѣлось въ виду глаголитское богослуженіе по обряду греческому, а не римскому; послѣднее до папы Иннокентія IV, если, можетъ быть, и не было дозволено официально, то по крайней мѣрѣ было терпимо.

Соображая изложенные нами факты, характеризующіе стѣснительное положеніе православныхъ глаголитовъ въ западныхъ римскихъ областяхъ, со стороны римскаго двора, какъ въ IX, такъ и въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ до XIII включительно, опять естественно предположить, что тѣ изъ нихъ, которые не хотѣли оставить греческаго православія, должны были какъ и во время и послѣ Меѳодія, подобно кириллитамъ стремиться на Востокъ, въ православную Болгарію, гдѣ хоть и употреблялся другой, можетъ быть, мало знакомый глаголитамъ алфавитъ, — греко-славянскій, но совершалось богослуженіе по обрядамъ греческаго православія. Остается теперь прибавить, что во время всѣхъ этихъ переселеній глаголиты приносили съ собою въ Болгарію и глаголическія книги и распространяли между Болгарами знакомство съ неизвѣстною имъ азбукою. И вотъ объясненіе, почему въ Болгаріи и ея окрестностяхъ въ настоящее время находятъ памятники древнѣйшей глаголитской письменности и почему эти памятники испещрены идиотизмами западныхъ славянскихъ нарѣчій ²⁾. Но глагольскія книги въ Болгаріи

---

¹⁾ Здѣсь мы имѣемъ въ виду преимущественно слова буллы: *sermo rei, et non res sermoni subjecta*.

²⁾ Въ глаголическихъ, равно какъ и полу-глагольскихъ рукописяхъ находятъ признаки и болгарскаго нарѣчія; но выходя изъ той мысли, что текстъ глагольскихъ священныхъ книгъ первоначально списанъ съ кирилловскихъ оригиналовъ, такое явленіе нельзя не признать совершенно естественнымъ. Не смотря на измѣненія глаголитами свящ. книгъ сообразно съ ихъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, слѣды первоначальнаго нарѣчія, на которое онѣ были переведены, разумѣется, должны были остаться неизгладимыми.

были понятны для немногихъ, а отсюда явилась необходимость переписывать ихъ общеупотребительнымъ письмомъ, т. е. Кириллицей. Этимъ и объясняется происхожденіе кирилловскихъ рукописей болгарской редакціи, списанныхъ съ Глаголицы. Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ этихъ рукописей списаны и не съ Глаголицы, а съ Кириллицы же, но только проживавшими здѣсь глаголитскими писцами, которые, переписывая съ кирилловскихъ оригиналовъ Кириллицей, или по привычкѣ, или по капризу и симпатіи къ родной азбукѣ, примѣшивали въ переписываемыя ими копіи глаголическія буквы, слова, цѣлыя строки и наконецъ даже страницы. Новое доказательство, что ни Болгарія, ни Аѳонскіе монастыри для находимыхъ тамъ глагольскихъ кодексовъ не были родиной, и что послѣдніе зашли туда совершенно случайно, можно видѣть въ томъ, что всѣ они, какъ извѣстно, испещрены позднѣйшими кирилловскими поправками, приписками, разнаго рода замѣтками, дополненіями и т. п., наконецъ содержатъ въ себѣ даже цѣлыя кирилловскія статьи. Мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ: кирилловскія святцы въ Зографскомъ Евангеліи, замѣтки и приписки на поляхъ во всѣхъ трехъ евангеліяхъ, цѣлый кирилловскій листъ, вставленный въ Евангеліе Григоровича и т. д. Ясно, что эти рукописи, когда въ земляхъ, гдѣ они находились, прекратилось поколѣніе совершенно случайно зашедшихъ сюда глаголитовъ, достались въ руки такихъ людей, для которыхъ родной азбукой была Кириллица. Еслибы въ Болгаріи и на Аѳонѣ была дѣйствительно, какъ говоритъ Шафарикъ, мастерская Глаголицы и она была общеупотребительною азбукою, то естественно было бы ожидать, что упомянутыя дополненія на глаг. рукописяхъ были бы сдѣланы Глаголицей же.

Точно такимъ же образомъ можно объяснить мѣстонахожденіе глаг. кодексовъ и на Аѳонѣ, на Синаѣ, а равно появленіе ихъ въ древности и въ Россіи. Ясно, что изъ Болгаріи, или непосредственно изъ своей отчизны, глаголиты вмѣстѣ съ природными Болгарами могли приходить на Аѳонъ и въ монастыри восточныхъ патріарховъ, а съ Аѳона, а можетъ быть и прямо изъ Болгаріи, и въ Россію, гдѣ они же сами, или наученные ими русскіе могли переписывать Кириллицей

принесенныя ими сюда глагольскія рукописи, и оставлять въ нихъ намѣренно или не намѣренно глагольскія буквы. Что до русскихъ писцевъ, то, какъ можно судить по глаг. подписямъ на вышеупомянутыхъ типографскихъ рукописяхъ, для нихъ глагольскія буквы замѣняли иногда непонятные кружки, линіи, цифирные и другіе криптографическіе знаки, бывшіе, какъ извѣстно въ большомъ ходу въ нашей древней палеографіи, когда напр. переписчикъ желалъ скрыть свое имя подъ неизвѣстными знаками.

Высказанный нами взглядъ на распространеніе Глаголицы съ Запада на Востокъ и на случайность появленія ея, въ древній періодъ слав. письменности, въ Болгаріи, очевидно обуславливаетъ собою предположеніе о самомъ происхожденіи Глаголицы не въ Болгаріи, а такъ же на Западъ; но онъ во 1-хъ, какъ мы видѣли, оправдывается выводами современной филологіи; во 2-хъ, находится въ гармоніи съ тогдашнимъ церковно-политическимъ состояніемъ православнаго богослуженія у западныхъ и восточныхъ Славянъ; тогда какъ въ пользу противоположнаго мнѣнія говоритъ одно ¹⁾ лишь случайное обстоятельство мѣстонахожденія и то лишь немногихъ глагольскихъ рукописей. Съ другой стороны, принять это послѣднее мнѣніе, значитъ — или допустить непонятный и ничѣмъ необъяснимый фактъ появленія безъ всякой нужды въ Болгаріи въ одно время двухъ алфавитовъ, и Глаголицу приписать Клименту, основываясь на болѣе чѣмъ сомнитель-

---

¹⁾ Въ подтвержденіе болгарскаго происхожденія Глаголицы со временъ Копитара указываютъ еще на названіе этой азбуки болгарской въ извѣстной парижской рукописи: *Abecedarium Bulgaricum*. Но во 1-хъ этотъ памятникъ критически доселѣ еще не изслѣдованъ; во 2-хъ то, что извѣстно о немъ, возбуждаетъ только сомнѣнія. *Abecedarium Bulgaricum* находится, какъ извѣстно, на переплетномъ листѣ въ концѣ одной латинской парижской рукописи. Самъ Шафарикъ говоритъ что этотъ списокъ глагольскихъ буквъ, — при томъ еще не полный, — не есть намѣренный, замысленный трудъ, а случайная замѣтка для удовлетворенія любопытства, а слѣд. онъ составленъ былъ такими людьми и для такихъ людей, которые имѣли о глагольской азбукѣ и тѣмъ болѣе о мѣстѣ ея употребленія самое смутное представленіе. Можно по этому судить: имѣетъ ли право изслѣдователь давать вѣсь слову *Bulgaricum*. Нельзя при этомъ не вспомнить такъ же объясненія этаго эпитета, сдѣланнаго Прейсомъ. Слово *Bulgaricum* онъ считалъ равнозначительнымъ съ словомъ: грамота тарабарская-варварская. (Гл. письм. 198)..

номъ разсмотрѣнномъ нами свидѣтельствѣ краткаго житія Климента, или приписать Глаголицу Кириллу. Но ни то, ни другое предположеніе не находитъ подтвержденія ни въ исторіи, ни въ палеографіи, ни въ филологіи. Вотъ почему и такъ называемая болгарская редакція глагольскихъ рукописей можетъ, если угодно, называться паннонскою, округленною, вѣрнѣе древнѣйшею, но отнюдь не болгарскою. По крайней мѣрѣ съ этимъ названіемъ, по нашему мнѣнію, вовсе нельзя соединять идеи о мѣстѣ процвѣтанія и происхожденія такъ называемой болгарской Глаголицы. Само собою разумѣется, что и самый шрифтъ (округленный) этого разряда глаг. рукописей мы признаемъ произведеніемъ не Болгаріи, а такъ же западныхъ славянскихъ земель, и если Шафарикъ равно какъ и нѣкоторые другіе ученые стараются приравнять этотъ шрифтъ къ греч. курсиву IX—X вѣка, по подражанію которому онъ будто бы образовался; то, какъ уже замѣчено было, мы думаемъ, — имѣемъ больше основаній считать его образовавшимся подъ вліяніемъ латинскаго округленнаго письма до XII вѣка, точно такъ же какъ квадратный шрифтъ хорватской Глаголицы признавать подражаніемъ латинскаго готическаго письма, начавшаго входить въ употребленіе съ XII вѣка. Вотъ почему, можетъ быть, доселѣ не отыскано ни одного памятника хорватской Глаголицы древнѣе этой эпохи.

Но если первоначальной родиной округленной Глаголицы были славянскія земли западныя, а не восточныя; то почему глагольскихъ рукописей, писанныхъ этимъ шрифтомъ, сохранилось больше на Востокѣ, чѣмъ на Западѣ; наоборотъ почему ни у юговосточныхъ Славянъ, ни въ Россіи не встрѣчается памятниковъ Глаголицы хорватской? Что касается до перваго вопроса, на него можно отвѣчать другимъ вопросомъ: отъ чего въ Россіи древнихъ слав. рукописей, писанныхъ напр. въ Сербіи и Болгаріи сохранилось больше, чѣмъ сколько ихъ сохранилось на ихъ родинѣ? Всякой конечно скажетъ, что этотъ фактъ легко объясняется тѣми относительно благоприятными условіями, подъ которыми находилась въ Россіи письменность, и безъ сомнѣнія никому даже въ голову не придетъ на основаніи указаннаго факта утверждать, будто хоть напр. сербская редакція сначала явилась въ Россіи, а

потомъ уже перешла въ Сербію. Такое же объясненіе, по нашему мнѣнію, можно приложить и къ рукописямъ глагольскимъ. Правда, и въ Болгаріи памятники славянской письменности, какъ кирилловскіе такъ и глаголическіе, въ теченіе политическихъ бурь, вынесенныхъ этой страной, подвергались самой измѣнчивой судьбѣ, но, взявъ въ расчетъ православный характеръ древнихъ глаголическихъ богослужебныхъ книгъ, нельзя не признать, что въ Болгаріи они находились подъ несравненно благопріятнѣйшими условіями. Важно уже и то, что въ Болгаріи памятники древней глаголической равно какъ и кирилловской письменности гибли отъ однихъ враговъ внѣшнихъ, а въ западныхъ славянскихъ земляхъ — отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ вмѣстѣ, и такъ какъ съ сохраненіемъ древнихъ глаголическихъ памятниковъ у глаголитовъ хранилась память о греческомъ православіи и о греческихъ обрядахъ, то безъ сомнѣнія истребленіемъ этихъ памятниковъ не преминуло намѣренно заняться западное духовенство, какъ напр. истреблены были славянскія богослужебныя книги въ Сазавскомъ монастырѣ, по уничтоженіи тамъ въ 1097 году славянскаго богослуженія. Съ другой стороны, нисколько не удивительно, если ни въ окрестностяхъ Болгаріи, ни на Аѳонѣ доселѣ не отыскано ни одного глагольскаго памятника, писаннаго Глаголицей хорватской, а равно и не встрѣчается кирилловскихъ рукописей съ примѣсю хорватскихъ буквъ. Судя по памятникамъ, всѣ глагольскія рукописи, писанныя хорватской Глаголицей, по своему содержанію, примѣнены были къ обрядамъ западной церкви, а слѣд. если они какъ-нибудь случайно и попадали въ Болгарію, на Аѳонъ, и т. д., тамъ не имѣли причинъ ни хранить ихъ, ни тѣмъ болѣе списывать съ нихъ, какъ списывали съ Глаголицы округленной, древнѣйшей. Притомъ же по многимъ причинамъ можно думать, что въ западныхъ славянскихъ земляхъ квадратная Глаголица, какъ уже замѣчено было, вѣроятно появилась не ранѣе XII вѣка, т. е. когда съ одной стороны послѣдовало окончательное раздѣленіе церковей восточной и западной, съ другой когда западная церковь большинство православныхъ глаголитовъ успѣла подчинить своей власти и ввести между ними богослужебныя книги, переведенныя съ латин-

скаго. Само собою разумѣется, что эти два обстоятельства должны были произвести рѣшительное разобщеніе между болгарскими кириллитами и западными глаголитами и остановить переходъ письменныхъ глагольскихъ памятниковъ съ Запада на Востокъ.

Сообразивъ все вышесказанное о происхожденіи и распространеніи такъ называемой болгарской Глаголицы, можно теперь судить, на сколько доказательна ссылка Шафарика на мѣстонахожденіе ея памятниковъ, приводимая имъ въ пользу его мнѣнія объ общеупотребительности въ IX — XI вѣкѣ въ Болгаріи глагольскаго письма, и есть ли какое-нибудь основаніе производить первыхъ славянскихъ писателей времени болгарскихъ царей Бориса и Симеона и послѣдующаго времени изъ кириллитовъ въ глаголиты.

11. Мы выше сказали, что Шафарикъ, хоть и далъ своему сочиненію тонъ положительнаго изслѣдованія, основаннаго единственно на источникахъ, не могъ однакожь оставить безъ вниманія и нѣкоторыхъ возраженій, по крайней мѣрѣ такихъ, которыя прямо напрашиваются противъ его мнѣнія объ изобрѣтеніи Глаголицы Кирилломъ. Такъ кромѣ свидетельства Храбра, онъ старается ослабить возраженіе, представляемое названіемъ греко-славянскаго письма Кириллицей, чѣмъ уже безъ сомнѣнія ясно указывается и на лицо ея изобрѣтателя. Подобнаго рода преданія, заключающіяся въ самомъ названіи предмета, стоятъ за себя твердо, и чтобы поколебать ихъ силу, нужны доводы и соображенія, которыя бы достигали степени очевидности, а не были бы только гаданіями. Но Шафарикъ, увлеченный своей идеей, въковому названію греко-славянскаго алфавита кирилловскимъ не только не придаетъ никакого значенія, но даже старается объяснить его въ свою пользу. Какъ мы видѣли, по его мнѣнію названіе греко-славянскаго алфавита Кириллицей ошибочно и вошло въ употребленіе только съ XVI вѣка; прежде же, продолжаетъ Шафарикъ, Кириллицей называлась Глаголица, и въ доказательство указываетъ на послѣсловіе къ утраченному списку толковыхъ пророковъ Упира Лихого 1047-го года, переписанное буквально въ позднѣйшіе списки. Вотъ это послѣсловіе: «слава тебѣ господи царю небесныи. яко сподоби мя написати книги си. искоу-

риловицѣ. Князю Володимеру Новѣгородѣ княжашю. сынови Яро-
славлю болшему. почях ѣ писати в лѣто 1047 мѣсяца мая
14 а кончах того же лѣт мца декабря въ 19 азъ попъ оупиръ
лихыи. Тѣмже молю всѣх прочитати пррчьство се...» и т. д. ¹⁾
«Я убѣжденъ, пишетъ Шафарикъ (§ 18), что слово *иско-*
уриловицѣ здѣсь значить не что-нибудь другое, какъ Глаголи-
лицу... Потому что еслибы Упирева рукопись была писана
съ кирилловской, то замѣтка писца была бы совершенно
излишня, даже была бы несообразностью.» Вмѣстѣ съ этимъ,
какъ на доказательство, что Упиръ Лихой писалъ именно съ
рукописи глаголической, Шафарикъ ссылается на глагольскія
буквы и даже слова, встрѣчающіяся въ Троицкой копіи Упи-
рева списка. Заключение отсюда очевидно: если Упиръ Лихой
подъ именемъ Кириллицы разумѣлъ Глаголицу, то такое наз-
ваніе ея въ XI вѣкѣ, а слѣд. и вообще въ древности было
общеупотребительнымъ; т. е. въ это время Глаголица носила
названіе Кириллицы и это безъ сомнѣнія по имени своего
изобрѣтателя, св. Кирилла; а слѣд. и вопросъ о лицѣ изобрѣ-
тателя загадочной азбуки можно считать рѣшеннымъ». Да!
скажемъ мы, еслибы можно было подобнаго рода запутанные
вопросы рѣшать такими ничтожными средствами. Но взгля-
немъ на дѣло ближе.

Шафарикъ въ своихъ выводахъ очевидно выходитъ изъ
того предположенія, что Троицкая копія Упиревой рукописи
въ разсматриваемомъ отношеніи представляетъ точное подо-
біе оригинала, т. е. что и въ послѣднемъ точно такъ же и,
можетъ быть, даже на тѣхъ же мѣстахъ были глаголическія
буквы, какъ это видимъ въ упомянутой позднѣйшей копіи
его. Но это требуетъ еще доказательствъ: какъ извѣстно,
позднѣйшихъ списковъ съ Упиревой рукописи въ нашихъ
библіотекахъ сохранилось очень много, и между тѣмъ при-
мѣсь глаголическихъ буквъ замѣчена только въ двухъ изъ
нихъ, — именно въ Троицкомъ и въ одномъ изъ синодаль-
ныхъ ²⁾; остальные списки писаны одной Кириллицей. Вотъ

¹⁾ Предисл. къ Остр. Ев. изд. Вост. 1843 г.

²⁾ Шафарикъ указываетъ только на одинъ списокъ. Но по описанію Сиб. Библ. (т. 2, 1857 г. стр. III.) открывается, что и въ одномъ изъ синодальныхъ списковъ (изъ двухъ) такъ же есть примѣсь глаголическихъ буквъ. Любопытно было

почему есть возможность предполагать, что подлинный список Упира Лихого могъ быть писанъ одной Кириллицей, и что глаголитскія слова и буквы въ упомянутыя два списка могли войти самостоятельно, независимо отъ древняго оригинала: оба они могли быть писаны писцами, знакомыми съ Глаголицей, которые, переписывая кирилловскую рукопись, примѣшивали по мѣстамъ глаголическія буквы, — намѣренно, или ненамѣренно, — все равно.

Но согласимся, что глаголическія слова и буквы, встрѣчающіяся въ позднѣйшихъ спискахъ Упиревой рукописи, дѣйствительно были и въ оригиналъ ея, писанной самимъ Упиремъ; можетъ быть, ихъ тамъ было даже больше. Въ такомъ случаѣ ужели изъ этого непременно слѣдуетъ, что Упиръ писалъ съ Глаголицы? Напротивъ, основываясь на самой припискѣ, не должны ли мы думать, что онъ писалъ именно съ Кириллицы? Тогда примѣсь глаголическихъ буквъ можетъ быть объясняема напр. такимъ образомъ: Упиръ Лихой былъ изъ глаголитовъ, или былъ хорошо знакомъ съ этой азбукой, и потому обыкновенно переписывалъ съ рукописей глаголическихъ; но въ настоящій разъ онъ писалъ съ Кириллицы. И такъ нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ при этомъ сбивался на Глаголицу, или примѣшивалъ по мѣстамъ глаголическія буквы съ какою-нибудь цѣлю, или просто по капризу. Еще естественнѣй, что, сверхъ обыкновенія списавши рукопись съ Кириллицы, онъ захотѣлъ означить это въ самомъ послѣсловіи къ своему списку, чтобы отличить его отъ другихъ рукописей, переписанныхъ имъ съ Глаголицы. Само собою разумѣется, что при такомъ предположеніи и самая замѣтка объ этомъ получаетъ полный смыслъ. Но сдѣлаемъ еще уступку: согласимся, что Упиръ Лихой дѣйствительно писалъ съ Глаголицы, и объявляя въ послѣсловіи, что онъ писалъ съ Кириллицы, дѣйствительно разумѣлъ подъ этимъ словомъ Глаголицу; но при вѣковой твердости преданія, усвояющаго названіе Кирил-

---

бы сличить, въ однихъ ли и тѣхъ же мѣстахъ этихъ списковъ встрѣчаются глаголическія слова и буквы или въ разныхъ. Еще любопытнѣе было бы изслѣдовать, встрѣчаются ли въ нихъ глаголитизмы. Шафарикъ указываетъ на одно только специально-глаголитское слово въ Троицкомъ спискѣ; но этого безъ сомнѣнія недостаточно.

лицы письму греко-славянскому, не глагольскому, не вправѣ ли мы предположить, что оригиналь, съ котораго списывалъ Упирь Лихой, названъ имъ кирилловскимъ намѣренно, — съ цѣлю скрыть настоящее происхожденіе сдѣланнаго съ него списка?

Возможны и другія предположенія для объясненія разсматриваемаго нами загадочнаго слова, напр. въ XI вѣкѣ въ Россіи полныя глагольскія рукописи были очень рѣдки, хотя предки наши съ этой азбукой и были уже нѣсколько знакомы. И вотъ новгородскій князь просто для удовлетворенія своей любознательности, или съ какою-нибудь другою цѣлю, пожелалъ имѣть рукопись писанную одной Глаголицей, и приготовить такую рукопись было поручено Упирию Лихому, какъ человѣку, знакомому съ глагольской азбукой. Упирь Лихой написалъ рукопись одной Глаголицей, но за недостаткомъ глагольскихъ оригиналовъ списалъ ее съ кирилловскаго списка, о чемъ и счелъ нужнымъ упомянуть въ своемъ послѣсловіи. За тѣмъ въ послѣдствіи эта глагольская рукопись другимъ писцомъ переписана была Кириллицей съ примѣсью глагольскихъ буквъ, но послѣсловіе оставлено прежнее съ буквальною точностію, что и возбуждаетъ теперь столько недоразумѣній, и т. д. Но главное, по нашему мнѣнію, прежде чѣмъ приводить разсматриваемую приписку въ доказательство употребленія еще въ XI вѣкѣ названія славянской азбуки — глаголитской или кирилловской — Кириллицей, нужно прежде еще рѣшить вопросъ: дѣйствительно ли подъ словомъ *искоуриловиць* нужно разумѣть азбуку, а не что нибудь другое. Какъ извѣстно, нашъ почтенный филологъ А. Х. Востоковъ, обнаружившій эту приписку, предложилъ мнѣніе, что подъ словомъ *искоуриловиць* писецъ разумѣлъ не азбуку, а *книгу, писанную Кирилломъ*. Мы же съ своей стороны предлагаемъ другой вопросъ: слово *искоуриловиць* не значить ли здѣсь *мѣстность*, въ которой жилъ писецъ, или откуда онъ прислалъ новгородскому князю переписанную имъ рукопись? У нашихъ писцевъ, какъ извѣстно, было въ обычаѣ, вмѣстѣ съ именемъ и годомъ, означать въ своихъ послѣсловіяхъ и мѣсто, городъ, или монастырь, гдѣ они переписывали рукопись; поэтому, если принять это объясненіе, послѣсловіе Упирия Лихого под-

ходило бы ближе къ общему типу обыкновенныхъ подобныхъ рода приписокъ. Само собою разумѣется, что тогда и разсматриваемая нами приписка съ вопросомъ о славянскихъ азбукахъ потеряетъ всякую связь.

Какъ бы то ни было, но утверждать, будто Глаголица въ XI вѣкѣ носила названіе Кириллицы, — и это единственно на основаніи разсмотрѣнной фразы, допускающей столько разнообразныхъ толкованій, — рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Вотъ почему Шафарикъ, указавъ на эту фразу, поспѣшилъ прибавить, что глаголитскій алфавитъ назывался Кириллицей и въ позднѣйшее время; но къ сожалѣнію самыхъ свидѣтельствъ объ этомъ онъ не приводитъ, и трудно рѣшить, какія именно свидѣтельства разумѣлъ Шафарикъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ: какъ извѣстно, въ древнихъ славянскихъ памятникахъ названія: *Кириллица* и *Глаголица* не встрѣчаются рѣшительно нигдѣ, и Упирева приписка, если только въ ней подъ словомъ *искоуриловицъ* разумѣется *азбука*, составляетъ въ этомъ случаѣ единственное исключеніе. Желая ослабить возраженіе со стороны названія глагольскаго алфавита *Глаголицей*, Шафарикъ замѣчаетъ, что это названіе такъ же не восходитъ далѣе XVI вѣка; но по мнѣнію Григоровича, хоть и неизвѣстно на чѣмъ основанному, Глаголица называлась этимъ именемъ еще въ XIII вѣкѣ ¹⁾

Переходимъ теперь къ разбору доказательствъ Шафарика въ пользу мнѣнія его о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей вообще, независимо отъ вопроса о лицѣ изобрѣтателя той и другой азбуки.

А. Викторовъ.

---

¹⁾ О древ. письмъ Слав. Ж. М. Н. Пр. 1852 г. № 3.

МУРОМСКОЕ СКАЗАНИЕ О МАРѢ И МАРИИ.

(Изъ лекцій объ исторіи русской словесности, 18⁵⁸/₅₉ академическаго года.)

Любопытная повѣсть о взаимной любви двухъ сестеръ, Марѣ и Маріи, составляетъ главное содержаніе мѣстной муромской легенды о явленіи *Унженскаго креста* ¹⁾. Это одно изъ тѣхъ драгоценныхъ для исторіи литературы сказаній, которыя въ теченіе столѣтій ходили въ устахъ народа и въ послѣдствіи получили литературную форму.

Позднѣйшій писатель этого сказанія въ своемъ введеніи къ нему свидѣтельствуетъ, что многіе изъ благочестивыхъ людей, приходя на рѣку Унжу, въ унженскій станъ, поклониться стоящему тамъ кресту господню, спрашивали не разъ церковнослужителей, гдѣ и какъ эта святыня была обрѣтена и не могли уже получить удовлетворительнаго объясненія: «зане убо многимъ лѣтомъ протекшимъ, еще же и многого ради иноплеменныхъ нашествія на страну оную, паки же и частаго ради варварскаго расплѣненія, *древняя изгибоша стисанія*, въ кія лѣта и при коихъ содержательхъ (вар. самодержцахъ) быша сія; но токмо *на малый харатійць просторъчїемъ*, якоже поселяне, написано держажу памяти ради.» Наконецъ, побужденные распросами благочестивыхъ людей, священнослужители того унженскаго креста по благословенію Моисея, архіепископа рязанскаго и муромскаго, поручили нѣкоторому грамотному человѣку сказаніе объ этой святынѣ *благохитростнѣ* переписать, то есть, дать литературную форму повѣствованію, которое сохранилось отъ древнихъ временъ записанное *просторъчїемъ*, вѣроятно, со словъ простолюдиновъ.

По смиренному обычаю древнихъ писателей, благочестивый авторъ объявляетъ себя *груба суща и витійскія* бе-

¹⁾ По рукописному муромскому житейнику, XVII в., въ библиотекѣ автора, и также по Синодальному сборнику XVIII в., въ 4-ку, № 850, листъ 739 и слѣд., и по другому муромскому житейнику, рук. XVII в., графа Уварова, въ 4-ку, № 425 (Царск. № 129), листъ 133 и слѣд.

слѣды ничтоже свѣдуща, давая тѣмъ разумѣть о своихъ покушеніяхъ замѣнить просторѣчіе народнаго разсказа риторическими фразами церковно-славянскаго стиля, которыя, къ счастью, не настолько исказили это сказаніе, чтобъ уже нельзя было подъ ними открыть слѣды изящной простоты народнаго склада. «Азъ же окаянный—продолжаетъ—отъ обою содержимъ бѣхъ—страхомъ и радостію: понеже бо страхъ за недостоинство претить ми глаголити, радость же и любви влечетъ мя вѣщати.» Напослѣдокъ обращаясь за вдохновеніемъ къ Источнику всякой жизни, восклицаетъ онъ отъ всего своего сердца: «Ты убо Наставниче премудрости и смыслу давче, немудрымъ наказателю и нищимъ защитителю! Утверди и вразуми сердце мое, Владыко! Ты даждь ми слово въ отверженіе устъ моихъ, иже отчее однородное слово; и содѣйствуй ми силою креста твоего, якоже нѣкогда нѣмому повелѣ глаголати! и глухому слышати. И тако прострохъ грѣходѣльную ми руку, и яхся по дѣло сіе, о немъ же намъ слово.»

Церковно-славянскій текстъ, придавшій этому сказанью слишкомъ важный тонъ, я замѣняю русскимъ простымъ слогомъ, который, какъ бы возстановляя просторѣчіе старинной хартийки, гораздо больше приличенъ содержанию разсказа.

Были двѣ сестры, дочери одного вельможи. Имя одной Марья, а другой Марѣа. И вышла за мужъ Марія за нѣкотораго Іоанна въ муромской области, а Марѣа была выдана за Логина въ рязанскую область. Былъ Іоаннъ по своему отечеству честнаго рода, но имѣніемъ пооскудѣлъ; а Логинъ родомъ былъ меньше Іоанна и его отечества, но имѣніемъ очень богатъ.

И случилось имъ быть вмѣстѣ у тестя своего и у тещи на пиру, и была между ними распря о мѣстахъ: Іоаннъ хотѣлъ выше сѣсть по отечеству своему и по старѣйшинству, потому что былъ старшій зять; а Логинъ не давалъ ему мѣста, ради своего богатства. И отъ того времени они много лѣтъ между собою не сѣзжались сами, и женъ своихъ

не пуцали, ни письмами не ссылались до самой своей смерти.

По многихъ лѣтахъ умерли они оба въ одинъ день, и жены ихъ овдовѣли; но Марья не вѣдала о Логиновѣ преставленьи, а Марѳа объ Иоанновѣ преставленьи. И опечалились о томъ объ сестры. Тогда помыслила себя Марія, говоря: «Поѣду къ зятю своему Логину въ Рязань и увижу сестру свою, и если они полюбятъ меня, буду у нихъ жить; а если не возлюбятъ, прощусь съ сестрою и возвращусь домой». И Марѳа тоже самое помыслила себя, говоря: «Поѣду къ зятю своему Иоанну и къ сестрѣ своей, и увижу: если они меня призрятъ, и я имѣниемъ своимъ обогащу ихъ, и будутъ они богаты, какъ былъ и мужъ мой, и славны по своему отечеству». И какъ помыслили, такъ и сдѣлали.

И въ одинъ и тотъ же день объ поѣхали изъ домовъ своихъ и встрѣтились на пути и станы—каждая особо сдѣлали, а не вмѣстѣ, потому что не знали, съ кѣмъ встрѣтились. И послала меньшая слугу своего спросить: «Кто тамъ стоитъ? И если то женскій полъ, то вмѣстѣ сойдемся въ одинъ станъ; а если мужескій полъ, то поѣдемъ дальше». И пришедъ слуга спросилъ, и услышалъ, что ѣдетъ вдова отъ Мурома на Рязань къ сестрѣ своей. Слуга, воротившись, повѣдалъ то госпожѣ своей. Она же сказала: «Сойдемся вмѣстѣ». И сошлись и поклонились между собою и не признали другъ друга, что родныя сестры, пока не спросили объ именахъ и отечествѣ; потомъ уже спознались и начали лобзаться со слезами и съ радостію и скорбьтѣю о мужьяхъ своихъ, что были между собою не въ любви до самой своей смерти; скорбѣли не столько о нихъ, сколько о себѣ, что столько лѣтъ не видались, ни письмами другъ о другѣ не извѣщались. Но о томъ радовались, что далъ имъ Богъ свидѣться на кончинѣ вѣка ихъ; и учредили трапезу, и ѣли и пили во славу божію и веселились. Легли спать; но не спали совершенно, да и бодрствовать не могли. Во мгновеніе ока явился имъ во снѣ ангелъ и далъ имъ золота и серебра: Марѳѣ—золото, а Маріи серебро; и повелѣлъ имъ сотворити—въ золотѣ животворящій крестъ, а въ серебрѣ ковчегъ; и повелѣлъ имъ то золото и серебро отдать первому человѣку, который по это-

му пути утромъ поѣдетъ. Онѣ же, взявши во снѣ золото и серебро, завертѣли себѣ за рукава и проснулись. И говорила одна сестра другой: «Явился мнѣ во снѣ ангелъ господень и далъ мнѣ золота говоря: Господь прислалъ къ тебѣ злато по твоей вѣрѣ, сотвори въ немъ крестъ»; и поглядѣла у себя за рукавомъ и тамъ дѣйствительно на яву было золото. «И повелѣлъ мнѣ то золото отдать первому человѣку, который по утру поѣдетъ этимъ путемъ». И Марія сказала: «Также и мнѣ во снѣ явился ангелъ господень, далъ мнѣ серебро и повелѣлъ также отдать и сотворить животворящему кресту ковчегъ», — и поглядѣвъ, нашла у себя за рукавомъ серебро. И начали обѣ плакать со слезами и радостью, и потомъ Богу молились о томъ предивномъ чудѣ, что даровалъ имъ Господь Богъ такую благодать. И вдругъ увидѣли—по дорогѣ идутъ трое монаховъ. Подозвали ихъ къ себѣ, повѣдали все случившееся, какъ явился имъ во снѣ ангелъ господень и далъ имъ золото и серебро,—и отдавали то и другое монахамъ. И отвѣчали имъ монахи: «Для того мы къ вамъ и пришли». Тогда сестры безъ всякаго сомнѣнія тотчасъ же отдали монахамъ золото и серебро и велѣли въ золотѣ сотворить крестъ, въ серебрѣ же ковчегъ. Монахи взяли золото и серебро и отошли въ путь свой.

Сестры прибыли въ Муромъ къ своимъ сродникамъ и повѣдали имъ все бывшее на пути. Но сродники стали на нихъ роптать, зачѣмъ такую благодать отдали старцамъ: «Развѣ здѣсь въ городѣ нѣтъ такихъ мастеровъ (*хитрецовъ*), кому въ золотѣ честный крестъ сотворить, а въ серебрѣ ковчегъ?» И отвѣчали имъ сестры: «Намъ такъ велѣно было сдѣлать».

И совѣщавшись, всѣ родственники поѣхали на то мѣсто и собралось къ нимъ множество народа и начали уговариваться, кому куда ѣхать путемъ вслѣдъ тѣхъ старцовъ, отыскивать золото и серебро. И утвердили такой совѣтъ: пусть господинъ ѣдетъ съ чужими рабами, а рабы съ чужими господами, чтобъ имъ, догнавши тѣхъ монаховъ, не утаить между собою того золота и серебра. И урядили, кому куда ѣхать—не только по большимъ дорогамъ, но и по малымъ тропинкамъ (стопицамъ). И вдругъ видятъ—идутъ трое старцовъ и несутъ животворящій крестъ, сдѣланный изъ золота, и ков-

чегъ изъ серебра. И подступили было къ нимъ молодые люди; но монахи имъ говорили: «Ступайте туда, куда совѣщались идти». Тогда вельможи запретили юнымъ, чтобъ не оскорбляли монаховъ, а сами сошли съ коней и съ честью ихъ принимали. Монахи же, подошедши къ двумъ сестрамъ, сказали: «Марѳа и Марія! Въ томъ золотъ и серебръ, которое явилось вамъ во снѣ, сотворилъ Господь Богъ животворящій крестъ и ковчегъ, вамъ на долготѣе, а міру на исцѣленіе». И спрашивали ихъ: гдѣ они были? Они же отвѣтствовали: «Въ Царѣградѣ». И опять ихъ спрашивали: Давно ли оттуда? — Третій часть, отвѣчали они. — Тогда хотѣли угостить ихъ трапезою; но монахи сказали: «Мы не ядушіе—это вамъ повелѣлъ Господь пить и ѣсть». И сказавъ это, они исчезли. Послѣ этого обѣимъ сестрамъ явился во снѣ животворящій крестъ, да поставятъ его въ церкви архангела Михаила. Такъ они и сдѣлали: поставили тотъ крестъ въ Унженскомъ стану, на рѣкѣ Унжѣ, въ 25 поприщахъ отъ города Мурома.

Эта легенда распространялась между нашими грамотными предками, конечно, не ради ея литературной, поэтической занимательности, а по той теплой вѣрѣ, которую питали къ явленію креста и ковчега. Но вѣра въ дѣйствительность описываемаго въ повѣсти не только не мѣшаетъ поэтическому интересу, но даже увеличиваетъ его, очищаетъ фантазію отъ праздно мечтательности и придаетъ ей необыкновенную живость въ представленіи того, что описывается. Точно также искренно вѣруетъ эпическій пѣвецъ въ міръ боговъ и героев своихъ простодушныхъ пѣсень; съ тою же увѣренностью въ дѣйствительность всего фантастическаго слушаетъ довѣрчивый ребенокъ наивные рассказы своей няньки. Такимъ образомъ въ отношеніи поэтическомъ наша духовная повѣствовательная литература вполне соответствуетъ произведеніямъ эпическаго періода,—произведеніямъ, въ которыхъ—по убѣжденію народа—господствуютъ не вымыслы, а истина историческая, родная старина въ назиданіе потомкамъ, или же чудесное, постигаемое вѣроу.

Художественной стиль приведеннаго мною повѣствованія явствуетъ уже съ перваго взгляда. Оно возникло тогда,

когда въ мірѣ художественномъ господствовалъ символизмъ и строгая, но наивная симметрія иконописнаго стиля.

Героинями являются двѣ женщины — Марія и Марѳа, — имена, столь знакомыя и прославленныя въ извѣстномъ евангельскомъ разсказѣ. Ихъ родственная симпатія наивно проведена черезъ цѣлый рядъ симметрическихъ событій. Обѣ они въ одно и тоже время выходятъ за мужъ; въ одно и тоже время лишаются своихъ мужей; въ одно и тоже время отъезжаютъ въ путь, каждая, будучи влекома родственною любовью — побывать у своей сестры. Обѣ видятъ одинъ и тотъ же сонъ, и наконецъ обѣ одинаково надѣлены отъ Бога высокою благодатью. Эта симметрія, напоминающая строгое размѣщеніе фигуръ въ древнехристіанской живописи, составляетъ существенную основу многихъ средневѣковыхъ разсказовъ. Такимъ образомъ религіозно-эпической мысли соотвѣтствуетъ извѣстный художественный стиль въ самомъ проведеніи этой мысли по различнымъ подробностямъ.

Для того, чтобъ литературное произведеніе возникло, недостаточно одной мысли, — необходима дѣйствительность, къ которой бы мысль примѣнялась, или изъ которой бы она извлекалась. Отсюда неизбежная связь религіозно-поэтической идеи съ историческими и мѣстными обстоятельствами, дающими обстановку произведенію художественному.

Сестры были несчастны. Пагубная вражда ихъ мужей, возникшая изъ мѣстничества, была причиною ихъ разлуки. Какъ тяжело было сестрамъ въ разлукѣ, видно изъ того, что они тотчасъ же готовы были другъ съ другомъ свидѣться, какъ миновала причина ихъ разлуки.

Повѣствованіе это возникло, очевидно, въ духѣ миролюбія и христіанской идеи равенства, которой были противны учрежденія и обряды мѣстничества. Это протестъ противъ безсмысленнаго и вреднаго обычая, — протестъ, произнесенный во имя семейной братской любви и смиренія христіанскаго. Сестры не высказываютъ своихъ мыслей противъ мѣстничества — явно и рѣшительно; онѣ будто бы еще не сознаютъ своимъ умомъ всей нелѣпости этого зла, но только постигаютъ его своимъ любящимъ сердцемъ, отвращаются отъ него, опечаленныя и оскорбленныя — въ своей взаимной братской любви.

Такимъ образомъ особенно важна эта повѣсть для исторіи не только мѣстничества, но и древне-русской женщины, о которой вообще такъ скудны извѣстія нашихъ старинныхъ памятниковъ. Мы видимъ изъ повѣсти, что вдовы пользовались значительною самостоятельностію; ѣзжали въ путь однѣ, въ сопровожденіи своихъ слугъ; на дорогѣ останавливались станомъ и легко сближались съ другими незнакомыми женщинами; мало довѣряли вѣжливости мужчинъ и, встрѣтившись на пути съ мужчиною, не медля удалялись, или изъ боязни оскорбленія или изъ ложнаго стыда быть одной въ обществѣ мужчины.

Довѣрчивости вообще было мало въ древнемъ обществѣ. Такъ родственники сестеръ, не уваживъ монашескаго сана, собрались въ погоню за тремя старцами. Какъ мало было довѣрія другъ къ другу, свидѣтельствуемъ опасеніе, чтобъ погнавшійся за монахами и отнявшій у нихъ золото и серебро, не утаилъ его у себя. Между господиномъ и его рабами все было шито да крыто, изъ страха ли рабовъ передъ господиномъ или же изъ взаимной любви, — рѣшать теперь не будемъ, хотя и замѣчу, что первое предположеніе вѣрнѣе. Чтобъ предупредить утайку или какой другой проступокъ — надобно было развести господина съ его рабами, — очень наивная, но любопытная подробность.

Не смотря на грубость общества, не смотря на малое развитіе общественной жизни, препятствовавшіе благотворному вліянію женщины на грубые нравы эпохи, — все же протестъ противъ мѣстничества, противъ глупой вражды былъ скорѣе почувствованъ женщиною. По крайней мѣрѣ въ этой повѣсти, женщина съ своимъ любящимъ сердцемъ стоитъ на сторонѣ прогресса и за свое челоуѣколюбіе и христіанское смиреніе награждается свыше. Она является скромною героинею, предшественницею историческаго переворота, уничтожившаго мѣстничество. Но подвигъ ея на землѣ не громокъ: она только страдала отъ пагубнаго зла; потому и увѣнчалась не земною славою, а чудесною благодатью, ниспосланною ей съ небесъ.

Ө. Буслаевъ.

II.

МАТЕРІЯЛЫ.

СЛОВО И ОТКРОВЕНІЕ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛЪ.

Предисловіе.

Каково бы ни было происхожденіе предлагаемаго здѣсь памятника, иностранное или славянское, во всякомъ случаѣ важность его для исторіи славянской мѣологии не подлежитъ сомнѣнію. Извѣстно, какъ много способствовали для объясненія древне-нѣмецкаго язычества сближенія божествъ классическихъ съ нѣмецкими, такъ часто встрѣчающіяся у средневѣковыхъ писателей въ ихъ собственныхъ сочиненіяхъ, въ переводахъ съ латинскаго, въ глоссахъ и разныхъ замѣткахъ. Чешскія глоссы *Mater Verborum* 1202 г., по средневѣковому обычаю, объясняютъ боговъ славянскихъ языческими именами древнихъ народовъ; напр. «*Ztuor* или *Zcuor* — *Osirus rex fuit Egipti et interpretatur pauper*». — «*Zuoba* — *Feronia, dea paganorum*». «*Veless* — *Pan, umago hircina*» и т. п. Точно такъ и въ отреченномъ откровеніи св. апостоловъ, Перунъ признается божествомъ Еллиновъ, Хорсъ помѣщается въ Критъ, а богъ Троянъ называется римскимъ царемъ. Безъ сомнѣнія, авторъ или перелагатель этого откровенія, смотрѣлъ на Перуна тѣми же глазами, какъ и составитель чешскихъ глоссъ, въ которыхъ Перунъ толкуется Юпитеромъ: «*Perun—Jupiter*». Божества, упоминаемая въ этомъ памятникѣ, принадлежатъ именно русской мѣологии: то—есть, Перунъ, Хорсъ и Троянъ; но письмо и произношеніе обнаруживаютъ въ памятникѣ болгарское происхожденіе. Отсюда, какъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ свидѣтельствъ, съ вѣроятностію можно заключить, что древнѣйшія мѣоическія основы были общи у славянъ восточныхъ, то—есть, у Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ; между—тѣмъ какъ западная славянская вѣтвь, отдѣлившись отъ восточной, хотя и сохранила нѣкоторыя обще-

славянскія мифическія преданія, однако въ послѣдствіи выработала свои собственныя эпическія сказанія въ чехо-ляхскихъ историческихъ басняхъ. Не распространяясь о значеніи Перуна и Хорса, и оставляя покамѣсть *Дья*, извѣстнаго уже изъ слова Григорія Богослова, по рукописи Публичн. Библ. XI вѣка, обращаю вниманіе читателей на бога *Трояна*. Въ Словѣ о полку игоревѣ не однажды упоминается имя Трояново въ темныхъ выраженіяхъ, обличающихъ *старья словеса* и *замышленіе* Бояна. Вотъ эти мѣста:

— Рица въ тропу Трояню чрезъ поля на горы (сказано о самомъ Боянѣ). — Были вѣчи Трояни (т. е. вѣка Трояновы). — Вступил(а) дѣвою въ землю Трояню (обида). — На седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу.

Ясно, что авторъ Слова или Боянѣ, слова котораго онъ приводитъ, зналъ какую-то землю Троянову и отъ вѣка Троянова вель поэтическую хронологію русскихъ эпическихъ преданій. Въ другомъ мѣстѣ было мною указано *), что восточные славяне доселѣ помнятъ сказанія о какомъ-то мифическомъ существѣ, извѣстномъ подъ именемъ *Царя Трояна*. Для окончательнаго сближенія мифическихъ основъ русскаго эпоса съ общеславянскими, и особенно съ восточнославянскими, не доставало только свидѣтельства о томъ, что Троянъ чествовался божескою почестью, такъ же какъ Перунъ и Хорсъ, и что вмѣстѣ съ божественнымъ происхожденіемъ онъ соединялъ въ себѣ характеръ историческаго героя, царя, о землѣ и временахъ котораго вспоминали еще русскіе пѣвцы XI и XII в.

Нынѣ обнаруженный памятникъ блистательно разрѣшаетъ всякое недоумѣніе. Наши предки дѣйствительно знали бога Трояна и въ отличіе отъ Перуна и Хорса называли его царемъ, вѣроятно, на основаніи ходившихъ о немъ эпическихъ разсказовъ, слѣды которыхъ доселѣ сохранились въ сербо-болгарскихъ преданіяхъ.

Θ. Буслаевъ.

---

*) Историч. Очерки рус. нар. словесн. и искусства. I, стр. 385 и слѣд.

СЛО И ШКРОКЕНІЕ СТЫ АПАХ. ГИ БЛКН ОУЕ.*

—

Но дїеѣ възшешъ гоу илшемоу ісѡу хѡѡ ѡ горы ѣлесѡньскыѡ. и прїидоша оуѡеници егѡ. къ оудоль асѡфатовѡ. помышлѡѡще ѡ родѣ невернѡемъ хлѡутѣ. ѣже сѡгрѡшаѡ. и да рѡзѡумѡжѡ оуѡеніѣ ѡѡа ско-
 ѣгѡ. и да выша рѡзѡумѡлан многїи хлѡци. и къ прѡлѡсть великоу не
 киндѡ миѡѡце бѡгы многы. пѣроуна и хѡрса дѡмѡ и трѡѡнѡ, и ииѡи
 многѡ. иѡо иѡко тѡ хлѡци бѡли сѡѡ старѡишннѡи пѣроуѡнѣ къ ѣлннѡ. ѡ
 хѡрса въ кѡнрѣ. трѡѡнѣ каше црѣ в рннѣ. ѡ дроуѡгїи дроуѡѣ. пѡ
 дѡбрїи мѡжн вѡхѡ. ѡ дроуѡгїи развоинннѡи. тѡкѡмѡ бѡгы прїзѡвѡша многѡ
 хлѡци и тѡко ии илѡуша трѡѡмѡ покѡлѡдѡти. и тѡко прѡлѡсть вїнде къ
 хлѡкы. и дѡ сего дїе ѣ къ поганѡмѡ. глѡ бѡ ѡво сѡѡ бѡгн неѡвїтї. ѡ дроуѡ-
 гїи зѣмннѡ. ѡ дроуѡгїи польстїи. ѡ дроуѡгїи кѡнїи. тѡ не безѡума лї
 ѣсте погыноуѡн ѣже тѡко кѣрѡвѡсте. бѡ лї ѣ кѡмоу, ѣже всеѡ тѡвѡрїѡ
 не ѡблѡдѡеть. кто лї ѣ тѡварѡ дѡлнѡх ил хлѡсти. и тѡ ѣ истїннѡмѡ бѡ.
 иѡе всеѡ тѡвѡрїѡ влѡдѡеть. вїднѡмѡ и неїднѡмѡ. и сѡ глѡ вѡ. ѣже
 пнѡсѡ гѡ прѡсты скѡннѡ. и рѣ къ ѣхлїи глѡцїи. сѡ нїѡѡ ит сѡѡ бѡгн.
 рѡзѡѡ мѡне. да не тѡвѡрїте сѡбѡ бѡгѡмѡ и ѡсакогѡ ииѡннѡ. нї ѣдннѡгѡ ѣлнко
 нѡ иѡсѡ горѣ. и ѣлнко нѡ зѣмлн дѡлѣ. и ѣлнко въ вѡдѡ нѡ зѣмлѡѡ.
 и да не покѡлонїтѡсѡ ииѡмѡ. и нї молнїтѡсѡ. нї послѡѡжнїте ии. нї рѡѡѡ-
 те иѡко бѡгн сѡѡ. ѡзѡ ѣсмѡ бѡѡ сѡтѡвѡрнѡмѡ иѡѡ и зѣмлю. и рѡѡмѡ и ѣже
 сѡ въ мѡрнѡ и въ рѡѡѡ и въ безнїѡ. ѡзѡ ѣсмѡ бѡѡ прѡѡѡмѡ вѡшѡ. рѡзѡѡ
 мѡне ииѡгѡ бѡ иѡ мнѡ покѡлонїтѡсѡ. и ииѡт послѡѡжнїте. мѡне ииѡнїте
 бѡ ѡѡнцѡлѡѡгѡ грѡѡмѡ вѡшѡ. и зѡмнѡѡѡѡ вї. и нѡ мѡ оуѡповнїте тѡ
 снѡсете дїѡѡ скѡѡ. ѡѡѡ лї мѡне не послѡѡшѡѡте. и ѡзѡ вї къѡрїѡѡу
 къ ѡгнѡ исоѡѡгѡшннѡмѡ. иѡѡѡе плѡменѡ не оуѡгѡсѡѡеть. и хрѡѡѡ не оуѡсы-
 пѡѡѡ. врѡтїѡ нїѡѡ прїснїѡ крѡѡмѡ. дѡбрѡгѡ ипѡѡѡтѡдннѡѡ хѡѡ. ииѡнѡ илѡстѡ
 гѡ хлѡѡтѡ ииѡлѡ жѡдннѡмѡ постнннѡ. хсѡ бѡѡ сѡѡ бѡ прїѡблнжнѡ. и цѡлн-

* Это слово найдено мною въ полууставной рукописи XVI вѡка бывшей Тол-
 стѡѡ (Отд. 1. № 62), нынѡ Имперѡторскѡї публнчнѡї бнблїѡтекн (F, I, 4);
 оѡо зѡннѡмѡѡѡ въ рѡкѡннѡї л. 266 об. — 267. об. *Ред.*

тель грѣхы ѿстѣхлѣ. тѣ же ѿ сна вѣставше братїѣ. ѿсно вѣимѣ
 глѣмѣлѣ ѿплѣѣ ѿкоже оуунѣ ны. нощь мїноу ѿ днѣ приближнса. нощь
 бо е сѣ житїе наше. тѣмже рѣ ѿврѣзѣмъ дѣла темнѣя. ѿ ѿблецѣмса
 въ ѿрѣжїе свѣта. егоже прѣтрѣпѣ всѣ сїѣ вѣка нѣ радї. дѣсаженїе
 прїѣ похвѣленъ бы. слышасѣ вѣсь не прогнѣвасѣ. слышасѣ лѣстець
 злоушениъ бы. ѿцѣта ѿ жлѣхн вѣкоу си. копїе прїхѣть въ рѣврѣѣ. сїѣ бса
 прнтрѣпѣ нашего радн снїѣ. горе мнѣ, горе мнѣ ѿкаанноу грѣш
 номоу. ѿко безъ ѿвѣта есмь. что рѣкѣ. нлї что вѣглѣ. тебѣ свѣт
 доущѣ гнѣ тѣннаѣ срѣца моѣго. ѿцѣсти мѣ бѣ недѣстоїннаго. ѿ спрѣста
 дѣсаженїѣ. лнѣ слѣва не хотѣ слышатн. сѣлнко прнтрѣпѣ нѣ дѣла. ктѣ
 сѣ не плахѣеть по мнѣ. говнїѣ. покровъ злобоѣ стѣжавшѣ. слѣвесн
 же крѣпншествоуѣ, дѣлесы же прогнѣвѣлѣ. въ нѣстнїноу нѣсѣше лѣобы
 мнѣгоуѣ дѣшѣ. вѣспрїлнѣмъ къ гоу молавы. не ѿмѣтаѣть бо сѣ гнѣ
 хотѣцн сѣ снѣтн. нѣ ѿ поспѣшествоуѣть нмѣ. рѣ нмѣ сѣ прѣкѣ. ѿврѣ
 тнса дѣше моѣ въ поконъ твоѣ ѿко гнѣ дѣбро стѣворн тебѣ. да ѿ мнѣ
 спѣдобнмса слышатн рѣуенѣ гнѣ. сѣ снѣ моѣ, ѿ мрѣтѣ въ ѿ ѿжн
 ве. погыбе ѿбрѣтѣса. томоу слава въ вѣкы. ѿмннѣ.

ЖАЛОСТНАЯ КОМЕДИЯ ОБЪ АДАМЪ И ЕВВЪ.

Начало русскаго театра ¹⁾.

Прежде чѣмъ средневѣковая драма западной Европы нашла себѣ доступъ въ нашу литературу, у насъ уже успѣли развиться тѣ элементы, которые приняли главное участіе въ образованіи средневѣковой драмы: въ народныхъ праздникахъ и обрядныхъ играхъ уже выдѣлились отдѣльные эпизоды чисто драматическаго характера. Исторія народной поэзіи убѣждаетъ насъ, что отдаленныя начала театральныхъ представленій всегда и вездѣ были одинаковы; что народная драма вырастаетъ и обособляется въ отдѣльное самостоятельное цѣлое изъ того обширнаго цикла эпической поэзіи, который держится языческими преданіями народа. Форма загадки, столь любимая младенчествующими народами, такъ близка къ діалогу, что изъ нея легко возникнуть небольшой народной драмѣ: слагаясь изъ вопроса и отвѣта, загадки какъ бы вносятъ въ эпическую поэзію драматическое начало. Уже въ Эддѣ встрѣчаемъ цѣлую пѣсню, составленную изъ загадокъ и проникнутую глубоко драматическими мотивами: богъ Одинъ состязается въ мудрости съ великаномъ Вафтрудниромъ и борьба оканчивается побѣдою надъ послѣднимъ. Изъ подобныхъ зародышей образуется народная драма, которая потому и носить на первое время эпическій характеръ. Нѣмецкія мясопустныя пѣсы, Fastnachtspiele, представляютъ часто въ своемъ древнѣйшемъ видѣ не болѣе, какъ рядъ драматизированныхъ загадокъ. Съ другой стороны во время языческихъ праздниковъ въ Германіи и вообще въ западной Европѣ разыгрывались сцены животной басни, соединенныя съ переряживаніемъ; каждый бралъ на себя роль какого-нибудь животнаго и такимъ об-

---

¹⁾ Въмѣсто предисловія къ «Жалостной комедіи» помѣщаю три лекціи изъ курса, читаннаго мною въ Московскомъ университетѣ въ 1889/90 академическомъ году.

Ред.

разомъ животный эпосъ превращался въ драму: въ XIV вѣкѣ уже извѣстна была трагедія о Рейнеке Фуксѣ, въ которой изображалась вся жизнь Рейнеке. Если животная басня воплощала въ себѣ народныя вѣрованія языческаго періода, то и праздники, соединенные съ переряживаніемъ въ животныхъ, тоже имѣли нѣкогда религіозный смыслъ. Рано нашли себѣ эти языческіе праздники западной Европы доступъ въ христіанскую церковь, смѣшались съ праздниками христіанскими, съ которыми часто совпадали по времени, преобразовались и обновились отъ такого смѣшенія. Ряженые являлись въ храмы, поднимали хохоть, пляски, пѣли свои языческія пѣсни; капитуляріи не разъ предписываютъ народу, приходя въ церковь, дѣлать только то, что относится къ богослуженію, а плясокъ, развратныхъ пѣсень и игръ дявольскихъ не творить. Языческіе танцы назывались у Нѣмцевъ *leich*; тоже слово означаетъ и жертву,—прямое указаніе на религіозное значеніе народныхъ игръ, изъ которыхъ возникла народная драма средневѣковой Германіи. Западная церковь чувствовала необходимость сдѣлать уступку могущественнымъ обрядамъ стараго національнаго язычества; она сама устроила въ христіанскихъ храмахъ драматическія зрѣлища, чтобы подавить обаятельныя игры языческія.

Но мистерія, возникшая какъ противодѣйствіе народному язычеству, съ теченіемъ времени подъ напоромъ народныхъ началъ утратила свой первобытно церковный характеръ и подчинилась вполнѣ мірскимъ интересамъ. Въ ней какъ бы незамѣтно развилось комическое начало; она обставилась сатирическими эпизодами обыденной жизни; переплелась съ народными пѣсами, имѣвшими совершенно противоположное ей происхожденіе. Драма религіозная, рожденная въ лонѣ церкви, сближалась съ безыскусственными драмами народа, развившимися изъ древнихъ языческихъ обрядовъ и игръ. Народныя мясопустныя пѣсы (*Fastnachtspiele*) по своему происхожденію примыкаютъ и у Нѣмцевъ, и у Славянъ къ языческимъ играмъ въ честь новолѣтія, къ проводамъ зны и изгнанію смерти и другимъ языческимъ обрядовымъ праздникамъ ¹⁾. Бросимъ взглядъ на судьбу въ допетров-

¹⁾ По мнѣнію Я. Гримма (*Göttinger gelehrte Anzeigen*, 1838, p. 552 sqq) исконная страсть народа къ зрѣлищамъ проникла въ церковь и произвела мистеріи. «Игры рождественскія и подобныя имъ народныя и дѣтскія игры, которыхъ начало теряется въ глубокой древности, языческія жертвоприношенія и іюльскіе праздники, сцены изъ области животной басни, встрѣча лѣта, переряживанья, которыя сосредоточивались около Гольды, Берхты, *Knecht Ruprecht*: вотъ, кажется, древнѣйшія и настоящія точки опоры германской драмы; точно также какъ во Франціи и въ Италіи она произошла изъ древнеримскихъ праздниковъ и народныхъ увеселеній, распространившихся съ латинскимъ образованіемъ и

ской Россіи и заимствованной съ запада мистеріи и безыскусственныхъ народныхъ драмъ, выросшихъ на языческихъ обрядахъ нашей древней жизни.

Святки и масленица составляютъ для русскаго народа самую веселую пору жизни: никогда языческіе обряды и поэзія не разыгрываются въ такой силѣ, какъ въ это время. Переряживанье одинаково господствуетъ и во время святокъ, и на масленицѣ.

У Славянъ уже въ древнѣйшее время существовалъ обычай изгнанія зимы или смерти, совершавшійся въ мартѣ или въ началѣ мая. Чучело, представлявшее зиму или смерть, обносилось въ это время по полямъ; въ пѣсняхъ, которыми сопровождался процессія и ея обряды, упоминалось имя Зимы, древняго исполина; въ заключеніе чучело сжигалось или бросалось въ воду. Въ Германіи эти похороны зимы получили еще болѣе драматическую обстановку. Вступали въ борьбу два молодыхъ человека, изъ которыхъ одинъ, обвязанный соломой, представлялъ зиму; другой, украшенный плющемъ и зелеными вѣтвями, — лѣто. Борьба оканчивалась торжествомъ послѣдняго: соломенная одежда зимы разбрасывалась по вѣтру; побѣдитель (*Blumenrag*) раздавалъ зрителямъ зеленыя вѣтви, которыя разносились по домамъ; народъ пѣлъ похвальные пѣсни въ честь лѣта¹⁾. Остаткомъ этого общегерманскаго и славянскаго обряда служить у насъ обычай ставить въ Троицынъ день березки по домамъ. Самый обрядъ не вымеръ во многихъ мѣстностяхъ Россіи до сихъ поръ. Въ нижегородской губерніи, въ Русалкино — Заговѣнье молодежь собирается на площадь. «Тутъ кого-нибудь наряжаютъ лошадей, подвѣшиваютъ подъ шею колокольчикъ, сажаютъ верхомъ мальчика и двое мужчинъ ведутъ подъ уздцы въ поле, а позади весь хороводъ *съ громкими прощальными пѣснями* провожаетъ и, придя въ поле, разоряетъ наряженную лошадь съ разными играми: это значитъ проводить весну»²⁾. Съ приведенными обычаями изгнанія зимы и проводовъ весны имѣетъ тѣсную связь процессія, господствовавшая въ Лейпцигѣ въ XV вѣкѣ: тамъ женщины свободнаго поведенія въ *пер-*

языкомъ по Европѣ. Церковь для обузданія и удовлетворенія народа старалась сочетать часть этихъ обрядовъ съ назидательными представленіями, и такимъ образомъ явился цѣлый рядъ мистерій и драмъ, которыя были тѣмъ безжизненнымъ, чѣмъ болѣе старались ограничить и исключить свѣтскій элементъ». Ср. Gödeke, *Das Mittelalter*, p. 269. Мнѣнію Гримма противорѣчатъ древнѣшій мистеріи, въ которыхъ нѣтъ никакой примѣси свѣтскаго элемента. Мы склонаемся къ мнѣнію Моне (*Schauspiele des Mittelalters*, II, p. 369).

¹⁾ Freytag, *De initiis scenicae poëseos apud Germanos*, p. 13—14.

²⁾ Этнографическій сборникъ I, 56.

вые дни масляницы торжественно несли изъ своего квартала соломенное чучело смерти подъ звуки заклинательной пѣсни противъ смерти и за городомъ бросали чучело въ рѣку. Этимъ городъ оберегался отъ заразы¹⁾. Народныя мясопустныя пѣсы примыкаютъ въ Германіи и у насъ къ обрядовому изгнанію зимы или смерти, къ лейпцигской процессіи и къ нашимъ обрядамъ, которые имѣли ту же цѣль — испросить плодородіе землѣ. Такое значеніе ея ясно раскрывается нашими обрядами «опахиванія смерти». Дѣвки, вдовы и замужнія женщины собираются съ вечера *въ однихъ рубашкахъ, съ распущенными волосами*, держа въ рукахъ что-нибудь, могущее издавать звукъ. Берутъ соху, впрягаютъ въ нее беременную женщину, *и управлять сохою даютъ дѣвкѣ, рывившейся не идти замужъ*²⁾; прочія дѣвки помогаютъ тащить соху; вдовы набираютъ заранее песку и разбрасываютъ его по проведенной бороздѣ. Эта процессія обходитъ вокругъ села со звономъ въ косы, чугуны и другія вещи, заклиная смерть пѣсною, въ которой между прочимъ говорится:

Когда песокъ взойдетъ,
Тогда къ намъ смерть придетъ³⁾.

Многія мясопустныя игры и увеселенія коренятся въ этихъ древнихъ языческихъ обычаяхъ изгнанія смерти, встрѣчи весны и призванія плодородія землѣ. Сожженіе чучела зимы или смерти смѣнилось сожженіемъ чучела самой масляницы⁴⁾. Такова языческая основа мясопустныхъ игръ и обрядовъ, изъ которыхъ возникли въ Германіи Fastnachtspiele, которые и у насъ служатъ представителями народной драмы. И какъ бы ни была велика разница между тѣми и другими, источникъ ихъ одинъ и тотъ же. Въ Германіи, небольшія кучки молодыхъ людей въ маскахъ, наряженные дикарями, (wilde

1) Flögel, Geschichte des groteskekommischen, p. 221.

2) Въ Лейпцигъ былъ древній обычай: молодежь замаскировывалась во время масляницы и таскала по улицамъ плугъ, въ который насильно впрягали *дѣвицу*, какъ бы въ наказаніе за то, что въ минувшемъ году они не успѣли вытти замужъ. Flögel, I. с. p. 220. Изложенные обряды коренятся въ древнемъ вѣрованіи, уже запесенномъ въ Эду. Богиня Gefjun, изъ поколѣнія Асовъ, родила съ какимъ-то исполномъ четырехъ быковъ и ими запахала одинъ островъ. Она покровительствуетъ земледѣлю; ей служатъ всѣ, *умирающія въ двѣсти*. Замѣчательно однако, что эта покровительница земледѣлія обвиняется злымъ Локки *въ продажѣ своего цѣломудрія*. Этихъ объясняется и лейпцигская процессія нецѣломудренныхъ женщинъ и нашихъ дѣвокъ, опахивающихъ поле. Die Edda, herausg. von Lünig, p. 55.

3) Этнографическій сборникъ I, 217—218.

4) Этнографическій сборникъ, I, 195; II, 43.

Männer, у насъ цыгане) и мужиками, ходили по домамъ и представляли разныя аллегоріи, или смѣшныя картины обыденной жизни. Сцены рынка, суда, домашнихъ несогласій супруговъ составляли любимое содержаніе этихъ импровизированныхъ пьесъ; знакомыя пословицы и загадки доставляли въ этомъ случаѣ легчайшее средство забавлять зрителей. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ этихъ пьесъ первое мѣсто занимаетъ сама масляница, за ней слѣдуютъ монахъ, палачъ, дикари или просто люди «въ однообразной шутовской одеждѣ» — *der erste Narr, der ander Thor, der dritt Esel* и т. д. Гансъ Фольцъ, Гансъ Розенплутъ и многіе другіе дали этимъ народнымъ сценамъ литературную обработку и они служили не послѣднимъ средствомъ для распространенія реформаціонныхъ идей въ Германіи: самъ Лютеръ оглашенъ былъ приверженцемъ мясопустныхъ игръ. И наши народныя мясопустныя пьесы отразились, хотя въ слабой степени, въ литературѣ. Въ русскихъ интерлюдіяхъ первой половины XVIII вѣка ¹⁾ находится сцена продажи цыганомъ лошадей простоватому Греку: это не болѣе, какъ литературная обработка любимой темы въ народныхъ мясопустныхъ играхъ. Въ ярославской губерніи и теперь во время масляницы, ряжутся цыганами и мѣняются лошадьми «такъ искусно (по отзыву очевидца), что со стороны непременно примешь ихъ за природныхъ цыганъ» ²⁾.

Нѣмецкимъ забавникамъ, ходившимъ во время масляницы по домамъ, чтобы разыгрывать разныя сцены, соотвѣтствуютъ у насъ *окрутники* и *халдеи*. Слово *окрутникъ* означаетъ клеветника ³⁾, обманщика. Въ Новгородѣ со втораго дня праздника Рождества Христова ряженные окрутники ходили по улицамъ и являлись въ тѣ дома, гдѣ въ знакъ приглашенія ставили на окнахъ зажженные свѣчи: здѣсь окрутники тѣшили хозяевъ шутками, каррикатурными представленіями и пляскою. Окрутники представляютъ намъ обломокъ языческой старины. Ряженные актеры рождественскихъ игръ, они и въ названіи и въ нѣкоторыхъ изъ своихъ атрибутовъ сохранили память о своей языческой роли. Въ Тихвинѣ, а вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ, во время святокъ снаряжается *большая лодка*, которая ставится на нѣсколько саней и по улицамъ везется множествомъ лошадей, на которыхъ сидятъ окрутники. Въ лодкѣ также, въ различныхъ нарядахъ помѣщаются окрутники (вудесники): они

¹⁾ См. 3-ю книжку «Лѣтописей».

²⁾ Этнографическій сборникъ, II, 40.

³⁾ Въ русскомъ переводѣ «Римскихъ Дѣяній» (въ главѣ «чтобы мы старость имѣли въ добрыхъ дѣлахъ») слово *окрутникъ* употреблено именно въ такомъ смыслѣ.

поютъ во время поѣзда, играютъ, дѣлаютъ разныя штуки ¹⁾. Въ половинѣ XVI в. этотъ обычай былъ распространенъ въ Германіи: *во время весны* молодые люди съ разными шутками, играми и драматическими обрядами возили по городу и селамъ *большую лодку* (или *плугъ*): это дѣлалось съ цѣлю содѣйствовать плодородію земли ²⁾. Этотъ обрядъ существовалъ у многихъ Индоевропейскихъ народовъ и основывается на отождествленіи плуга и корабля, какъ символовъ весны ³⁾. Наше *плугъ* сближается съ Лат. *plu, flu*, греч. πλέωω, слав. *плону, плыву* ⁴⁾; скр. *aritra* (соотв. лат. *agratum*) означаетъ корабль и весло. Тихвинская процессія окрутниковъ есть остатокъ стародавняго языческаго обычая обвозить по полямъ плугъ или корабль, для того, чтобъ испросить у боговъ плодородіе наступающему лѣту; окрутники, эти актеры и авторы забавныхъ народныхъ піесъ, являются намъ въ роли жрецовъ, исполнителей языческаго обряда. Память объ этомъ значеніи окрутниковъ уцѣлѣла въ ихъ названіи: чеш. *okrut* (польск. *okret*) значитъ *корабль*.

Подъ именемъ халдеевъ въ началѣ XVII вѣка у насъ извѣстны были шуты, устроивавшіе свои игры за недѣлю до Рождества Христова. По словамъ Олеарія, они ежегодно получали отъ патріарха позволеніе производить въ Москвѣ свои шутовскія представленія: они бѣгали съ зажженными лучинами по улицамъ, жгли у встрѣчныхъ бороды и т. п. Халдеи одѣвались совершенно, какъ нѣмецкіе актеры мясопустныхъ игръ ⁵⁾ въ деревянныя расписанныя шапки и назывались халдеями (опять *wilde Männer?*), потому что представляли рабовъ Навуходносора, которые разводили въ печи огонь для наказанія трехъ отроковъ. Во время своихъ бѣганій по городу, *они считались нечистыми язычниками, людьми отлученными отъ церкви*. Поэтому наканунѣ крещенія господня они были подвергаемы крещенію, чтобы смыть съ себя нечистоту.

Святочные окрутники, какъ и *homines vagi* средневѣковой Германіи, были народными комедіантами и вмѣстѣ представителями языческой старины, призывавшими плодородіе землѣ при наступленіи весны. Ихъ роль въ настоящее время измѣнилась; прежнее значеніе давно утратилось; переряживаніе во время святокъ остается теперь просто веселымъ и забавнымъ обыкновеніемъ. Крестьяне и

¹⁾ Снегирева, Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды II, 33—34.

²⁾ Freytag, De initiis scenicae poesis apud Germanos, p 9—10.

³⁾ Grimm, Deutsche Mythologie, p. 236 syb.

⁴⁾ Kuhn въ Indische Studien I, 354. Ср. Geschichte d. deutschen Sprache I, p. 39.

⁵⁾ Flögel, Geschichte des groteskekomischen, p. 226.

теперь, во время святочных посидѣлокъ принимаютъ видъ разныхъ животныхъ: волковъ, лисицъ журавлей ¹⁾; но это дѣлается просто для потѣхи зрителей. Въ такъ называемые *крисые вечера* (отъ 27 декабря по 7 января) крестьяне собираются для игръ и забавъ, рассказываютъ басни, предлагаютъ другъ другу загадки ²⁾.

Современный обычай принимать во время этихъ игръ видъ животныхъ или по крайней мѣрѣ отказываться отъ своего обыкновеннаго образа ³⁾ бессознательно коренится въ древнихъ языческихъ воззрѣнiяхъ на природу и на отношенiи человѣка къ животному міру — воззрѣнiяхъ, которыя дали жизнь и животному эпосу и убѣжденiю въ существованiи оборотней, волкодлаковъ и т. д. Въ настоящее время проводы масляницы составляютъ последнее драматическое зрѣлище нашего народа передъ великимъ постомъ. Въ ярославской губернии оно устроивается такимъ образомъ: «Запрягаютъ десять лошадей и болѣе въ нарочно приготовленную большую повозку; лошади впрягаются гусемъ одна за другою: на каждую изъ нихъ сажаютъ вершника въ рубищѣ, разодранномъ съ головы до ногъ, всего выпачканнаго сажею. Одинъ вершникъ держитъ большой кнутъ, другой метлу; вездѣ, и даже на свои шеи, навѣшиваютъ коровьи колокольчики и всякія погремушки; рогожаную кбитку, всю запачканную, увѣшиваютъ вѣниками и сажаютъ въ нее пьянаго человѣка, тоже запачканнаго и въ рубищѣ, облитомъ пивомъ. Подлѣ него стоитъ боченокъ съ пивомъ, напротивъ сундукъ съ съѣстными припасами. Этотъ человѣкъ представляетъ свою масляницу. Весь этотъ поѣздъ означаетъ, что *масляница идетъ домой*. Нѣкоторые, искренне желая удержать масляницу хотя на нѣсколько еще времени, останавливаютъ цыницу и упрашиваютъ погостить еще хоть денекъ; но онъ не соглашается отговариваясь тѣмъ, что ему непременно нужно наскоро ѣхать въ Ростовъ на ярмарку, и убѣждаетъ въ другое селеніе» ⁴⁾. Поѣздъ масляницы совершается и въ другомъ видѣ. «Связали вмѣстѣ нѣсколько креселъ, такъ чтобъ они не могли раздвинуться, прикрѣпили по средияхъ ихъ и перпендикулярно къ нимъ длинную слѣгу въ видѣ мачты; нижній ярусъ обвертѣли рогожами конусообразно, а на верхнемъ ярусѣ прикрѣпили надѣтое на мачту колесо и покрыли его женскимъ сарафаномъ. Въ этотъ поѣздъ впрягли лошадей 20; на каждую посадили по вершнику *въ маскѣ и въ однообразной шутовской одеждѣ*. На колесо

¹⁾ Этнограф. сборникъ II, 37, 229.

²⁾ Этнографическій сборникъ, II, 227.

³⁾ Переряживаются не только въ животныхъ, но и въ цыганъ; рялятся и самою масляницею.

⁴⁾ Этнографическій сборникъ, II, 40—41.

протянули веревочную лѣстницу и на него посадили самого ловкаго шалуна, одѣтаго въ женское платье съ большимъ кокошникомъ на головѣ и въ маскѣ. Впереди ѣхало нѣсколько всадниковъ, тоже наряженныхъ въ шутовское платье — цыганами»¹⁾. Масляницу и здѣсь провожали такимъ же образомъ, какъ и въ прежнемъ обрядѣ. Лубошныя картины часто представляютъ этотъ знаменитый отъѣздъ масляницы въ Ростовъ со всею драматическою обстановкою, которую онъ сопровождаетъ; здѣсь можно найти и текстъ той небольшой народной драмы, которая разыгрывается по поводу печальнаго событія. Это тѣ самобытныя народныя піесы, которыя соотвѣтствуютъ нѣмецкимъ *Fastnachtspiele*.

Если нѣмецкія народныя фарсы сдѣлались довольно вѣрной картиной обыденной жизни нисшаго класса; то и у насъ хороводныя святочные игры часто принимаютъ видъ небольшой, но полной и характеристичной сцены. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ хороводная игра сопровождается представленіемъ примиренія мужа съ женой. «Всѣ становятся въ кругъ, исключая одного мужчины и одной женщины: первый ходитъ въ кругъ, а послѣдняя за кругомъ. При этомъ поютъ піесню, которая показываетъ дѣйствіе обоихъ:

Ухъ, вы люди, люди добрай маи!
 Вы сусѣдзи приближеннай маи!
 Малода жана нялюбитсь миня,
 Що нялюбитсь (миня) ни глядитсь на миня;
 Идзѣ сбѣдитца, ни кланяйтца,
 А разыйдѣтца—ня простиѣтца.

Послѣ этого та, которая ходила за кругомъ, входитъ въ кругъ и кланяется играющему роль мужа, причемъ поютъ:

Вы спасиба люди добрай маи!
 Самирили зъ молодой жаной миня:
 Идзѣ сойдѣтца паклонитца,
 Разыйдѣтца—пацалуйтца»²⁾.

Браки, вмѣстѣ праздниками и обрядами языческаго происхожденія, соверждались въ древней Россіи драматической обстановкой и завязывали первый узелъ народной драмы. Уже начальная лѣтопись свидѣтельствуетъ о Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ, что «брати не бываху въ нихъ, но *игрища* межю селы: схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища». Драматическія игрища язычества, указанныя Несторомъ, продолжали жить и въ христіанскую

¹⁾ Этнограф. сборникъ II, 41.

²⁾ Этнографическій сборникъ, I. 274.

эпоху, лишь слегка измѣнивши свою «бѣсовскую» форму. Въ той же летописи читаемъ подъ 1068 годомъ: «Сими дьяволъ лститъ и другими нравы, всячьскими лстми превабля ны отъ Бога: трубами и скоморохы, гуслими и русальи. Видимъ бо *игрища утолочена* и людей много множество, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять.» Въ XVI вѣкѣ необыкновенно сильны были эти языческія игрища, тѣсно примкнувшія къ обрядамъ христіанскимъ. «Въ мірскихъ свадьбахъ (говоритъ Стоглавъ) играютъ глумотворцы, и органники, и смѣхотворцы и гусельники и бѣсовскія пѣсни поютъ. И какъ къ церкви вѣнчаться ѣдутъ: священникъ со крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ». Не одна свадьба, но цѣлый рядъ языческихъ игръ и обрядовъ XVI вѣка развивалъ въ народѣ любовь къ драматизму. Память верхотурскаго воеводы Рафа Всеволожскаго говоритъ, что «мірскіе люди во время святаго пѣнія къ церквамъ божіимъ не ходять, а умножилось въ людяхъ всякое мятежное бѣсовское дѣйство, скоморошество со всякими бѣсовскими играми: многіе люди, забывъ Бога, тѣмъ скоморохомъ послѣдствуютъ, на безчинныя ихъ прельщенія сходятся по вечерамъ на позорища; и на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ ихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ..... и накладываютъ на себя личины и платье скоморошское, межъ себя наряда бѣсовскую кобылку водять. А въ городахъ на свадьбахъ бывають всякіе безчинники и скоморохи со всякими бѣсовскими играми». Воевода предписываетъ бить такихъ людей батогами.

Современные свадебные обряды, это лучшее и полнѣйшее драматическое зрѣлище нашего народа, всего лучше убѣждаетъ насъ въ стародавности и глубококомъ миѣическомъ смыслѣ этихъ сценъ безыскусственной народной драмы. Свадебныя церемоніи нашего крестьянина переносятъ насъ въ иной бытъ, въ иныя вѣрованія; въ этихъ церемоніяхъ ярко выражаются старыя понятія родоваго быта и древнія вѣрованія, еще облеченныя въ формы обрядовой эпической поэзіи народа. Свадьба представляетъ послѣдовательный рядъ многознаменательныхъ сценъ, напередъ изученныхъ, переходящихъ по преданію отъ одного поколѣнія къ другому. Опытные люди, призванные соблюдать жизнь отцовъ безъ всякой порухи, сохраняютъ и свадебную драму въ возможной чистотѣ. Для невѣсты заблаговременно выбираются изъ замужнихъ женщинъ двѣ подружки, чтобы провести свадебную драму по старинѣ: та, которая лучше другихъ знаетъ пѣсни, употребляемая въ этомъ случаѣ, называется *заводницей*; она руководитъ невѣстой и другими

неопытными актерами пьесы¹⁾. Но настоящимъ устроителемъ-режиссеромъ всѣхъ свадебныхъ обрядовъ бываетъ *дружка большой*²⁾ или *тысяцкій*³⁾. Сцена продажи невѣсты составляетъ существенную часть свадебной церемоніи. Когда дружка приходитъ для сватовства вмѣстѣ съ женихомъ, возлѣ невѣсты сидитъ уже продавецъ, у котораго дружка долженъ выкупить невѣсту или деньгами, или рѣшеніемъ загадокъ. Между продавцомъ и дружкой завязывается такой разговоръ. *Дружка*. Добрый молодець! скажика мнѣ, чѣмъ ты торгуешь? Куницамъ али лисицамъ? атласомъ али бархатомъ? *Продав.* Торгую я не куницамъ, не лисицамъ, не атласомъ и не бархатомъ, но дѣвичей красотой». Дружка проситъ потомъ уступить ему мѣсто подлѣ невѣсты и продавецъ предлагаетъ ему рядъ вопросовъ и загадокъ; напр.: «Дай ты мнѣ море съ берегомъ ровно и чтобъ доушко было посеребрено.» Дружка наливаетъ ковшъ пива и бросаетъ на дно серебряную монету. «Дай ты мнѣ краше краснова солнушка и свѣтлѣ свѣтлова мѣсяца». Дружка подаетъ икону. «Друженька! что такое: самъ нагъ, а рубашка въ пазухѣ?» Дружка подаетъ ему свѣчу⁴⁾. Другая драматическая сцена начинается, когда поѣзжане молодого подѣздутъ къ дому невѣсты послѣ вѣнчанія. Дружка жениха стучитъ въ ворота и спрашиваетъ: «Можно ли намъ тутъ обогрѣться? Если въ этомъ дому хозяйинъ: или батюшка, или матушка, или дружка — вѣрная служка, легкая ножка, скорая посылка, крутая поговорка?» Ему отвѣчаютъ вопросомъ: «Какіе вы люди? Куда ѣдете? Можетъ, вы какіе разбойники злодѣи: если у васъ видъ?» — «Мы люди дорожные: виду у насъ нѣтъ.» Наконецъ дружка жениха объявляетъ, что они ищутъ дѣвицу. На это отпирающіе ворота отвѣчаютъ: «Она тутъ, только тяжело достать: наша княгиня молодая ходила гулять по лѣсамъ, по лугамъ, по синю морю, островамъ, и чего догуляла? златы ключи потеряла. Теперъ пошла ключовъ искать; придется вамъ постоять.» Дружка возражаетъ: «Эта, пріятель, твоя сказка нашимъ дѣламъ не повязка. Нашъ князь молодой не гулялъ, съѣздилъ въ городъ, шолку накуплялъ, съ шелку сѣтей навязалъ, и въ сине море покидалъ: тамъ бѣлу шуку онъ поймалъ, шуки сердце разрѣзалъ, златы ключи вынималъ. Ключи княгинины у насъ». Дружка молодой отвѣчаетъ: «Ну такъ и княгиня будетъ у васъ»⁵⁾.

¹⁾ Этнографическій сборникъ, II, 155.

²⁾ Тамъ же, стр. 161, 163.

³⁾ Въ азбуковникъ XVII в. Гр. А. С. Уварова (№ 675, Царск. № 553) читаемъ: «*Архитриклинъ*—большой надъ пиршественными служебники, ему же поручено все строеніе и промышленіе пира, или тысяцкой браку.» л. 10 об.

⁴⁾ Этнографическій сборникъ II, 22—23.

⁵⁾ Этнографическій сборникъ II, 155.

Обрядовыя пѣсни и голошенья, столь же обычныя, какъ и причитанья надъ покойникомъ, составляютъ лирическую часть свадебной драмы. Голошенья должны соответствовать положенію невесты. Если у ней нѣтъ ни отца, ни матери, ея голошенья должны отличаться отъ голошенья подружекъ: она должна голосить *по-мертвецки*, какъ будто на похоронахъ или на могилѣ родителей¹⁾. Музыка со скрипкою или дудю подыгрываетъ подъ звуки голошенья и такимъ образомъ указываетъ и сохраняетъ обычный напѣвъ свадебныхъ голошеній. Свадебные обряды до такой степени похожи на увлекательное драматическое зрѣлище, что народъ вмѣсто забавъ любитъ представлять свадьбу. Во время святочныхъ посидѣлокъ «при крикѣ свадебныхъ пѣсенъ, при стукѣ и топотѣ скачущихъ, молодежь обоего пола переряживается, женщины и дѣвицы въ мужчинъ, мужчины въ женщинъ, и разыгрываются свадьбы, въ которыхъ молодежь жепится на дѣвицѣ или женщинѣ, или женщины и дѣвицы между собою»²⁾.

Свадебная драма слагается изъ животныхъ басенъ, загадокъ, причитаній и совершается въ духѣ старины, со всевозможными предосторожностями противъ злаго глаза и колдовства, въ строгой вѣрности заповѣданному отъ предковъ чину.

Любя драматизмъ въ своихъ языческихъ играхъ и обрядахъ, въ своихъ свадьбахъ и похоронахъ, народъ естественно не прочь былъ требовать того и отъ христіанскихъ торжествъ. По крайней мѣрѣ не легко было ему разстаться съ драматической стороной своей родной старины. Начиная съ XI и вплоть до XVIII вѣка, и даже далѣе слышимъ мы возгласы нашего духовенства противъ москолучества, личинъ, игръ и пѣсенъ бѣсовскихъ, скаканій, русалій; но эти мірскія языческія забавы не прекращались. Удовлетворяя народной привязанности къ подобнымъ зрѣлищамъ, Западная церковь устроила мистеріи въ храмахъ, приняла «бѣсовскія» игры въ свою службу, указала имъ новую-христіанскую цѣль. Наша церковь не дѣлала уступокъ язычеству; хотя повидимому въ народѣ заявлялось желаніе видѣть драматизмъ и въ христіанскомъ богослуженіи. Правило русскаго митрополита Зосимы замѣчаетъ между прочимъ: «а еже безуміи попы печатаютъ *съ народомъ* двери царскіе въ вечерю субботы великіа, уже позже суще подобяся жидомъ, сего не подобаетъ творити»³⁾. Замѣчательно, что правило выставляетъ народъ главнымъ виновникомъ такого обряда, а за нимъ «безумныхъ» поповъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 167.

²⁾ Тамъ же, стр. 36.

³⁾ Сборникъ Синодальн. бібліотеки, № 853, л. 7. Тоже самое запрещеніе и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ читается и въ Златой Чѣпѣ, по Троицкому спи-

На помощь къ языческимъ начаткамъ безъискусственной народной драмы не пришла ни церковь, ни книжная литература. Преслѣдуя постоянно бѣсовскія игры, наша церковь не считала нужнымъ замѣнить ихъ зрѣлищами христіанскими, а духовенство, совершенно чуждое эстетическихъ потребностей, довело до совершеннаго упадка чинъ и порядокъ христіанскаго богослуженія. Наше богослуженіе (въ XVI и XVII вѣк.) не имѣло строго выдержанной драматической обстановки и глубокой символической смыслъ его часто былъ тайною для самыхъ совершителей литургіи. Невѣжество и равнодушіе духовенства вносило въ него лишь произволь и не въ силахъ было дать отпора тѣмъ языческимъ безчинствамъ народа, которыя вторгались въ храмъ. «Обрящешили чинопослѣдованіе по указанному святыхъ отецъ взаконенію?» спрашиваетъ Курбскій. Церковь во время богослуженія представляла безпорядочное зрѣлище площади, гдѣ юродивые, шпыни, иноки прокураты и всякихъ чиновъ люди ползали, пискъ творили и великій соблазнъ полагали въ простыхъ челоуѣцѣхъ. Затерявши драматическое начало христіанскаго богослуженія, наше духовенство не могло притти къ мысли объ устройствѣ церковной драмы для народа. Въ XVII вѣкѣ совершались у насъ, правда, два три драматическія зрѣлища, заимствованные изъ Византіи; но они оставались на первой ступени драматическаго развитія. Хожденіе на осляти и пещное дѣйствіе больше подходятъ къ нѣмымъ представленіямъ, нежели къ духовной драмѣ. Въ Константинополѣ хожденіе на осляти извѣстно было уже въ IV вѣкѣ; у насъ оно совершалось слѣдующимъ образомъ. Недалеко отъ Лобнаго мѣста, со стороны Красной площади, стояла лошадь, покрытая бѣлою попоною и изображавшая ослия. Тутъ же находился экипажъ съ нарядно-приготовленными деревьями, которыя украшались различными плодами: грушами, винными ягодами. «Вѣрба зеленувалась, якобы сейчасъ разцвѣла; листы сучинены зеленые и плоды видятся, яко бы отъ земли возросли, и яблоки большіе и средніе, и завязи малыя и птицы всякія различными видами видятся.» Патріархъ вошедъ на Лобное мѣсто, раздавалъ ваи; потомъ діаконъ читалъ евангеліе и «какъ дойдетъ до словъ, что Христосъ послалъ двухъ отъ учениковъ своихъ, соборный протопопъ и ключарь, представлявшіе учениковъ, подходили къ патріарху, ко-

---

ску XIV вѣка: «не печатати двери церковныхъ, *якоже латина*» Чтенія въ Обществѣ ист. и древн. при Московскомъ университетѣ, 1846, № 2, отл. IV, стр. 46. Но не доказано, чтобы статья, содержащая это запрещеніе, была Византійскаго происхожденія; да еслибы это было и такъ, то сказаніе Зосимы не даромъ же упоминаетъ объ этомъ обрядѣ въ перечнѣ такихъ суевѣрныхъ обрядовъ — какъ напр. внощенія въ алтарь съ просфорами и масляной яди, яицъ и проч.

торый словами евангельскаго текста посылалъ ихъ по осля. Протопопъ и ключарь, принявши благословеніе, шли по осля къ уготованному мѣсту и пришелъ, отрешеть я; причемъ бояринъ патриаршій спросить: «что отрѣшаете осля?» А они отвѣчаютъ: «Господь требуетъ.» И поведутъ ученики осля, и приведутъ къ патриарху, къ лобному мѣсту; а патриаршіе дяки несутъ сукна, которыя и разстилаются по дорогѣ во время процессіи. Патриархъ садился на осля съ крестомъ и евангеліемъ: государь велъ подъ устцы его лошадь. Передъ нимъ ѣхала нарядная верба, около которой стояли мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ и пѣли стихиры. ¹⁾ Передъ рождествомъ совершался обрядъ пещнаго дѣйствія, въ которомъ видна уже болѣе смѣлая попытка создать церковную драму. Халдеи играли въ немъ главную роль. Пещное дѣйствіе совершалось во время заутрени. На святительскомъ мѣстѣ заранѣе поставлена была печь. Передъ патриархомъ выходили изъ алтаря три отрока въ бѣлыхъ одеждахъ, а за ними два халдея *въ халдейскихъ одеждахъ*. Халдеи пальмами указывали отрокамъ на печь и говорили: «Дѣти царевы! видители сію печь огнемъ горящу и вельми раскаляему? Сія печь уготовася вамъ на мученіе.» Когда халдеи вводили отроковъ въ печь и показывали видъ, что разводять огонь, пѣвчіе и отроки пѣли приличныя священныя пѣсни. За тѣмъ сходилъ ангелъ господень въ печь къ отрокамъ въ трубѣ велицъ съ громомъ вельми и послѣ краткаго разговора халдеевъ между собою, отроки выходили изъ печи, и богослуженіе продолжалось обыкновеннымъ порядкомъ.

Хожденіе на ослати и пещное дѣйствіе по скудости діалога и дѣйствія скорѣе могутъ быть названы эпизодами изъ театра маріонетокъ нежели духовными драмами. Въ первомъ случаѣ ограничивались немногими діалогами патриарха и протопопа съ ключаремъ, изображавшихъ учениковъ Христа; а остальное время было занято торжественною процессіею патриарха и нарядной вербы. Не драматическій разговоръ дѣйствующихъ лицъ, а «хожденіе» составляло главное содержаніе этого обряда ²⁾. Въ пещное дѣйствіе даже халдеямъ не удалось внести жизни и разнообразія: въ печь халдеевъ спускалась статуя ангела и все это зрѣлище, довольно краткое, на столько же относится къ театру маріонетокъ, насколько и къ духовной драмѣ.

¹⁾ Забѣлина, Домашній бытъ русскихъ царей. От. Зап.

²⁾ Въ Голландіи и Австріи, въ началѣ прошлаго вѣка, совершалось такія же процессія въ день Вербнаго воскресенія; но при этомъ возили на ослати только деревянное изображеніе Спасителя. Magnin, Histoire des marionettes en Europe, p. 279.

Народъ оставался безъ мистерій. Равнодушный къ порядку богослуженія, непріученный понимать драматическую сторону и символическій смыслъ христіанской литургіи, постоянный зритель дракъ и «лая смраднаго» въ храмахъ, онъ съ тѣмъ большею строгостью и отчетливостію соблюдалъ драматическія сцены своихъ свадебъ и старыхъ праздниковъ языческаго происхожденія

О духовной драмѣ въ самой церкви не могло быть и рѣчи, особенно въ то время. Ея постоянно чуждалось строгое византійское воззрѣніе нашего духовенства и прежде; XVII вѣкъ всего менѣе благопріятствовалъ развитію храмовой драмы. Симеонъ Полоцкій пытался ввести нѣкоторые драматическіе и поэтическіе элементы въ придворное богослуженіе; но попытка его не могла имѣть успѣха. Въ силлабическихъ виршахъ разлагалъ Полоцкій легенду о святомъ на отдѣльные куплеты, которые поочередно пѣлись въ церкви «отроками», точно также какъ въ западную литургію вносилось пѣніе извѣстныхъ сивилинскихъ предсказаній о Христѣ. Но католическія нововведенія Полоцкаго не встрѣтили сочувствія въ православномъ духовенствѣ, которое вообще подозрительно смотрѣло на него. Духовенство православнаго сѣвера недоброжелательно относилось къ духовенству южному; въ послѣднемъ видѣли наклонность къ латинскимъ ересямъ и при стремленіи сохранить и поддержать въ возможной чистотѣ греческое православіе часто встрѣчали враждебно даже и то, что само по себѣ не заслуживало нападенія. Притомъ въ послѣдней четверти XVII вѣка, болѣе чѣмъ когда-нибудь, отстранились отъ всякихъ нововведеній церковныхъ, которыя могли быть заподозрѣны въ латинствѣ. Православіе рѣшительно высказалось противъ раскола. Та и другая сторона выставяла свои исключительныя права на соблюденіе древняго православія въ его византійской чистотѣ; та и другая равно боялась подать поводъ къ упреку въ чемъ нибудь отреченномъ и естественно избѣгала всякихъ прибавокъ противъ общецерковной канонической формы.

Оставляя въ сторонѣ южнорусскія драмы, зачинавшіяся подъ польскимъ вліяніемъ, и проникавшія въ Москву, мы не можемъ обойти куколъ ныхъ піесъ малорусскаго вертепа, которому принадлежитъ довольно почетное мѣсто въ исторіи и, малорусскаго и великорусскаго народнаго театра.

Вертепная драма сдѣлалась въ южной Руси наиболѣе любимымъ и распространеннымъ видомъ *народно-христіанской* мистеріи. И по существу представляемаго событія, и по языческимъ воспоминаніямъ, тяготѣвшимъ къ этому празднику, рождественская драма вертепа близка была къ народу и успѣла выработаться въ своеобразныхъ

формахъ литературныхъ, Польша имѣла свою долю вліянія на происхожденіе и развитіе ея.

Праздникъ Рождества Христова наиболѣе способенъ былъ сдѣлаться темою народной піэсы: поклоненіе Христу пастуховъ вводитъ прямо въ число дѣйствующихъ лицъ событія представителей народной жизни. Почти всеобщій обычай западной Европы заставлялъ во время Рождества ставить въ церквахъ ясли и живописныя изображенія осла и быка. Францъ Ассизи, желая придать воспоминанію великаго событія еще болѣе наглядности, велѣлъ устроить ясли въ лѣсу и тамъ разыгрывать рождественскую драму. Въ Германіи съ празднованіемъ Рождества Христова соединяются остатки языческаго поклоненія богинѣ Гольдѣ или Берхтѣ, которой въ древнее время посвящены были двѣнадцать ночей передъ январемъ мѣсяцемъ. По народнымъ вѣрованіямъ богиня странствовала въ это время по селамъ, посѣщала крестьянскія избы, хвалила и поощряла женщинъ, прилежно занимавшихся пряжею, порицала и наказывала лѣнивыхъ. Христіанство дало этому вѣрованію новый видъ. Теперь въ Германіи около этого времени ходятъ по селамъ перереженные люди, представляющіе Христа или Богоматерь. Они входятъ въ избы, поощряютъ добрыхъ дѣтей, пугаютъ злыхъ. При перереженномъ странникѣ бываетъ одинъ или нѣсколько спутниковъ, которые носятъ имя, то Іосифа, то Николая Чудотворца. Одѣтый въ черную одежду, онъ пугаетъ дѣтей, грозитъ имъ ударами, общаетъ выколотъ имъ глаза. Въ языческое время спутникомъ Гольды былъ Knecht Ruprecht. Въ другихъ мѣстностяхъ Германіи господствуетъ другой обычай: молодые люди, особеннымъ образомъ наряженные, бродятъ по селамъ и полямъ съ бичами и колокольчиками: ими думаютъ отогнать старое божество, которое въ это время по общему повѣрью странствуетъ по землѣ. Последнему обычаю соответствуютъ наши колядованья: дѣти бродятъ съ пѣснями по селу и тѣмъ разгоняютъ злыхъ духовъ, которые въ это время вездѣ ищутъ себѣ убѣжища. У насъ въ XVII вѣкѣ, о рождествѣ и до богоявленьева дня, сходились мужскаго и женскаго полу многіе люди въ бѣсовское сонмище, на дьявольскія прелести, во многое бѣсовское дѣйство: играютъ во всякія бѣсовскія игры; а въ навечеріе Рождества Христова клички бѣсовскія кличуть: Коляду, Таусень и Плуту.

Въ Польшѣ во время Рождества во многихъ церквахъ разыгрывалась вертепная драма: въ церкви ставили изображеніе вертепа, въ которомъ помѣщались картонныя изображенія Богоматери, Іосифа, Христа, ангеловъ, пастуховъ и трехъ царей; зрителю видны были также быкъ, оселъ и овца Іоанна Крестителя.

Представлялось избіеніе невинныхъ младенцевъ, въ числѣ которыхъ погибалъ и сынъ Ирода. Послѣдній въ припадкѣ отчаянія призывалъ смерть: она являлась въ видѣ скелета и снимала съ него голову; за нею выбѣгалъ дьяволъ, весь черный, съ острыми рогами, длиннымъ хвостомъ, краснымъ языкомъ: онъ уносилъ трупъ Ирода въ адъ ¹⁾). Въ половинѣ прошлаго вѣка эти зрѣлища были однако запрещены, потому что вертепъ съ теченіемъ времени совершенно утратилъ церковный характеръ; въ немъ уже показывались оживленная пляска солдатъ и крестьянокъ; въ немъ являлись и украинскій казакъ, и житель карпатскихъ горъ, и жидъ маркитантъ, умѣвшій всякаго обмануть и въ заключеніе попадавшій въ когти къ дьяволу. Народный элементъ взялъ верхъ надъ церковнымъ. Въ Литвѣ передъ крещеніемъ на всѣхъ дверяхъ пишутъ латинскія буквы, которыми начинаются имена трехъ царей, приходившихъ на поклоненіе Христу въ церквахъ, около престоловъ висятъ на лентахъ люльки, а въ нихъ лежитъ вылитое изъ воску изображеніе младенца; у изголовья стоятъ осель и быкъ; вокругъ люльки помѣщаются изображеніе Богородицы, Іосифа и трехъ волхвовъ. Подходящіе къ люлкѣ качаютъ ее три раза и молятся. Въ Литвѣ распространена и вертепная драма.

Подъ именемъ вертепа извѣстны ящики въ три этажа: въ первомъ и третьемъ этажѣ происходитъ дѣйствіе посредствомъ куколъ, второй назначенъ для машинъ и пружинъ, которыми приводятся въ движеніе фигуры. Въ Польшѣ и Малороссіи вертепъ является большею частію въ двухъ видахъ: представленія городского вертепа сопровождаются рѣчами показывающаго, который съ приличными измѣненіями голоса читаетъ по очереди роли куколъ; въ деревнѣ вертепъ сопровождается только пѣніемъ колядскихъ пѣсень. Вертепныя піесы всегда и вездѣ находились въ связи съ мистеріями, служили зародышемъ или же сокращеніемъ ихъ. Меньше распространенія и значенія должны были они имѣть въ западной Европѣ, встрѣчая опасное соперничество въ духовной драмѣ; у насъ они долго были *для народа* единственнымъ видомъ духовной піесы и даже забавныхъ интерлюдій. Драматическое изображеніе жизни народа и сатирическія изліянія его антипатій нашли себѣ мѣсто въ полуимпровизированныхъ піесахъ вертепа: въ немъ прежде всего эпизоды духовной драмы переплелись съ картинами обыденной жизни и народнаго быта; забавный интерлюдій незамѣтно вкрадывался въ рождественскую драму. Представленіе вертепа открывалось напр. поклоненіемъ волхвовъ Христу. За тѣмъ изъ боковой башенки выходилъ Полякъ, на встрѣчу ему женщина въ

¹⁾ Magnin, Histoire des marionettes en Europe, p. 278

національномъ костюмѣ: отдавши другъ другу поклонъ, они начинали пляску, которая смѣнялась малороссійскимъ танцомъ. На сцену является и цыганъ съ медвѣдемъ и работникомъ. Разнообразныя пляски ихъ оканчиваются выходомъ царя Ирода, котораго сопровождаетъ неразлучный совѣтникъ его на всякое зло — жидъ. Иродъ грозитъ погубить весь свѣтъ; но смерть пресѣкаетъ своею косою хвостовъство царя и навты жида. На сценѣ показывается не надолго ступающая Ревекка; а тамъ библейскія событія снова замѣняются сценами народной жизни во время святокъ: чаровница дѣлаетъ масло, а дьяволъ украдкою выпиваетъ у ней сметану¹⁾. Наибольше обыкновеннымъ содержаніемъ вертепной драмы была смерть Ирода послѣ его напрасной попытки умертвить Христа; во время представленія пляска польская пѣсня: *W złobie leży* и т. д.

Рождественская драма малорусскаго вертепа есть не иное что, какъ повтореніе рождественской пѣсы въ томъ видѣ, какъ она ходила въ западной Европѣ или какъ писалъ ее Дмитрій Ростовскій; вертепное представленіе ея сопровождалось только пѣніемъ духовныхъ стиховъ и народныхъ дѣтскихъ славленій. Въ вертепѣ, освѣщенномъ восковыми свѣчами, изображалось появленіе звѣзды на востокъ, рожденіе Спасителя въ ясляхъ, привѣтствіе ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ. Во дворцѣ царя Ирода, куда переносится зритель, пиръ и музыка. Балъ открываютъ деревянныя фигуры, которыя пляшутъ и вертятся, пока упадутъ въ обморокъ. Иродъ, очарованный красотою Иродіады, приказываетъ отрубить голову Іоанну Крестителю и принести ее на блюдо. Затѣмъ выскакиваетъ Смерть: она отсѣкаетъ голову Ироду, который падаетъ, дрягаетъ ногами и кричитъ: «Опежь лихо мыни! Якъ бы я знавъ, что всему причиною дивчата, тобъ ни танцовавъ и ни жартовавъ. Карае за нихъ Небесный Царь!» Иногда длинная народная пѣсня сопровождала всю исторію Рождества Христа, представляющуюся на сценѣ; пѣсня начиналась словами:

Христось народився,
Весь міръ возвеселився.

Но и бѣдная вертепная драма Малороссіи стѣсняема была въ своемъ развитіи тѣмъ обстоятельствомъ, что попадала въ руки бурсаковъ кievской академіи, которые замѣняли народныя пѣсни схоластическими виршами школы.

Съ зрѣлищемъ вертепа часто соединяется другой народный обычай— хожденіе дѣтей со звѣздою для славленія, наканунѣ и въ первые

¹⁾ *Pieśni ludu krakowskiego zebrał I. K.* (W Krakowie 1840), p. 85—86

три дни Рождества Христова. Звѣзда дѣлается изъ бичайки, оклеенной желтой бумагой, пропитанной масломъ; на одной сторонѣ ея изображено лицо, на другой поклоненіе пастырей; въ срединѣ вставлена зажженная свѣча, чтобъ рисунокъ былъ виденъ. Въ бѣлыхъ одеждахъ, съ коронами на головахъ, ходять трое дѣтей и поютъ стихъ о Рождествѣ Христовѣ:

Нова радость стала,
Яка не бывала и т. д.

Пѣсни оканчиваются просьбою о милостыни и могутъ быть названы драматизированными духовными стихами слѣпцовъ—нищихъ, «прошающихъ святую милостыню.»¹⁾ Дѣти, одѣтые восточными царями, драматически исполняютъ передъ зрителями народную легенду, которую пѣвцы, калики переходящіе, поютъ безъ драматической обстановки: становясь во единой кругъ, они

Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали. . . .

Около вертепа и рождественской звѣзды группировались и драматически распредѣлялись народныя пѣсни и легенды, хранимыя то каликами—перехожими, то дѣтьми, принимающими на себя роль народныхъ пѣвцовъ въ рождественскихъ обрядахъ.

Представленіе классической драмы вертепа—смерти Ирода, сопровождалось часто колядками и пѣснями, которыя не имѣли никакого отношенія къ представляемому событію, а служили иногда отголосками языческихъ вѣрованій народа. То пѣли разсказъ о богатырѣ, который обложилъ городъ Львовъ (или Краковъ) и не хотѣлъ отступить ни за какую дань, требуя, чтобъ ему выдали золотую дѣвицу²⁾; то слышались насмѣшливые стихи о жидкахъ, которые пустились промышлять обманомъ. Судьба святаго семейства, изображеніе котораго стояло въ срединѣ вертепа, объяснялась пѣніемъ народныхъ легендъ и духовныхъ стиховъ. Въ однихъ разсказывалось, какъ Марія просила ночлега у крестьянина: бѣднякъ мѣстомъ убѣжища могъ предложить ей только конюшню, гдѣ она и рождаетъ Христа; въ другихъ, какую нищету терпѣла Богородица: она не имѣетъ денегъ, чтобъ купить пищи и жалѣетъ, что не можетъ достать рыбы; ребенка

¹⁾ Ср. пѣсню «Сорокъ каликъ съ каликою» въ Древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ.

²⁾ Piesni ludu Krakowskiego, p. 90.

Христось наловилъ ей рыбы, а ангелы приготовили ужинъ. Богоматерь удивляется чуду, и Христось говоритъ ей:

«A ty Matuchno nie wierzysz,
 Żeby ja miał być syn Boży»,
 Oj stało nam się wesele,
 Boże Narodzenie!
 «Stworzyłem Żydów, Tatarów,
 J was Chrześcianów»,
 Oj stało etc.
 «Stworzyłem ptactwo robactwo,
 Sudziom na bogactwo.»
 Oj stało etc., etc.¹⁾

Третья легенда рассказывала, какъ Св. Иоаннь водить коней по крестьянскому полю: вмѣстѣ съ Христомъ и Св. Стефаномъ пашеть онъ золотымъ плугомъ, а Богоматерь за ними ходила,

Śniadanko nosiła,
 Szczęścia im życzyła.

Легенда заключается молитвою объ урожай²⁾. Такъ примкнули къ вертепной драмѣ древнее вѣрованіе о божественныхъ покровителяхъ поля и основанный на немъ обрядъ призывать ихъ милость на пашню, — обрядъ, связанный въ старину съ обнесеніемъ плуга и съ процессією окрутниковъ.

Кромѣ легендъ, въ которыхъ доносятся къ намъ вѣрованія языческой эпохи и которыя примкнули къ рождественской драмѣ, на сценѣ вертепа находили себѣ мѣсто и параболическія піесы, *moralités*, объяснявшіяся народными пѣснями и стихами. Довольно часто представлялась въ вертепѣ притча о богатомъ, который призывалъ къ себѣ всѣ земныя удовольствія и хвастался своимъ могуществомъ. Себѣстѣдникомъ богача была Смерть: она напрасно старалась обратить его къ покаянію; богачъ надѣялся откупиться отъ нея. Когда уже она порушила его, богачъ со слезами проситъ у ней помилованія, чтобы покаяться; но Смерть отвѣчаетъ ему:

¹⁾ Ibidem, p. 95.

²⁾ Нѣтъ нужды объяснять, что на христіанскія лица перенесены вѣрованія въ старыхъ языческихъ боговъ. Въ великорусскихъ сказаніяхъ мѣсто Св. Стефана заступаетъ Илья Пророкъ; въ скандинавской мѣологии эта роль принадлежитъ Тору, громоносному покровителю земледѣлія и мирныхъ полевыхъ работъ. Въ индексѣ отреченныхъ книгъ XVII вѣка упомянуты «обходи апостольстїи, что приходили ко граду, обрѣтоша челоувѣка оруща волю и просиша хлѣба; онъ же иде въ хлѣбъ ради, апостоли же безъ него взоравше ниву и насыавше, и приде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу.» Щаповъ, Русскій расколъ, стр. 449.

Miałeś na to czasu dosyć,
Teraz nie dam się uprosić.

Дьяволы и ангелы приходят по душу богача и начинают спорить о ней ¹⁾). Эта вертепная пьеса представляет намъ не болѣе, какъ постановку на сцену одного изъ любимыхъ мотивовъ народной литературы. Какъ у насъ Аника воинъ, встрѣтившись съ смертью, предлагаетъ ей золоту казну и умоляетъ ее объ отсрочкѣ, чтобъ проситься съ отцомъ съ матерью и покаяться; такъ точно богачъ въ польскомъ и малорусскомъ вертепѣ откупается отъ смерти тысячею копъ серебра и золота и, видя бесполезность этой попытки, просить срока,

Niech dam komu co potrzeba,
By modlili za mnie Nieba.

Вертепная пьеса о Смерти и Богачѣ, а также и о самомъ Иродѣ, кромѣ стиха объ Аникѣ воинѣ, стоитъ въ ближайшей связи съ стихами о Лазарѣ и богатомъ, а черезъ нихъ съ тѣмъ богатымъ запасомъ народныхъ представлений, которые выразились въ «Пляскѣ мертвыхъ». Эпизоды послѣдней украсили стѣны храмовъ и листы народныхъ книгъ, нашли себѣ мѣсто на средневѣковой сценѣ западной Европы, у насъ въ вертепѣ и на лубошныхъ картинахъ. Связь вертепной пьесы съ лубошными повѣстями и народными діалогами тѣмъ важнѣе, что впоследствии фигуры вертепа смѣнились лубошными картинами и вертепъ превратился въ раекъ, передавши ему свое содержаніе.

Вертепная драма, вращаясь въ кругу народа, пережила тѣже два главные періода, которые ясно выдѣляются въ исторіи западной мистеріи: первоначальный, церковно — каноническій характеръ ея стерся и развѣялся отъ напора народныхъ началъ; церковное содержаніе мистерій сначала профанировалось сценами обыденной жизни, выходками народного юмора, апокрифическими вставками, интерлюдіями, а подъ конецъ было совершено ими вытѣснено. Въ вертепѣ, забывшемъ рождественскую драму съ ея легендарной обстановкой, представлялись самыя разнообразныя сцены народной жизни Малоруссовъ. Около шинкаря жида, обманывавшаго покупателей, собирались въ вертепной комедіи самыя разнохарактерныя лица и веселье ихъ всегда оканчивалось плохо для обманщика. Или представлялось въ вертепѣ возвращеніе домой пьянаго мужа: онъ капризничалъ, приказывалъ приготовить себѣ постель на дворѣ и предавался астрономическимъ наблюденіямъ. Указывая на созвѣздіе большой мавѣдницы, онъ спрашивалъ жену, какъ оно называется, и когда она отвѣчалъ: *Возз* (общепотребив-

¹⁾ Izopolskiego. Dramat wertepowy, въ Athenaeum, 1843, Oddz. trzeci, III, 60—69

тельное въ украинскомъ народѣ названіе созвѣздія), пьяный вскакивалъ и начиналъ бить свою жену, за то что она положила его, какъ собаку какую нибудь, спать *подъ возомъ*. Иногда вертепныя пѣсы имѣли совершенно скандальное содержаніе; любовныя похождения представлялись съ тѣмъ же цинизмомъ и въ тойже наготѣ, которыми отличаются нѣкоторыя изъ извѣстныхъ намъ народныхъ интермедій¹⁾ и пока не позволяютъ печатно говорить о нихъ.

Такіе драматическіе зародыши застала нѣмецкая мистерія при своемъ появленіи у насъ. Эти зародыши были по преимуществу безыскусственныя произведенія народной поэзіи, хранившія память о своемъ родствѣ съ языческой стариною; въ глазахъ церкви они были бѣсовскою игрою и отреченнымъ дѣломъ. Только немногіе церковные праздники получили бѣдную драматическую обстановку; да и та болѣе дѣлала ихъ похожими на нѣмыя представленія, нежели на символическую мистерію запада. Попытка внести свѣтскую поэзію въ церковь не одобрялась православнымъ духовенствомъ, какъ католичество; новое церковное пѣніе, введенное Никономъ, далеко было отъ мотивовъ народной пѣсни. Богослуженіе, болѣе чѣмъ когда нибудь, облакалось формализмомъ и каноническою правильностію; хожденіе на осляти и пешное дѣйствіе были запрещены. Вертепная драма Малороссіи не свободна была отъ вліянія схоластическихъ виршъ кievской академіи, уже давно тяготѣвшаго надъ духовной драмой юга. Православные пуриты съ особенной энергіей поднимали преслѣдованія на мірскія пѣсни, игры, свадебныя церемоніи и старались подавить ихъ драматическую сторону.²⁾ На перваго человѣка, который дѣятельно взялся за устройство театральныхъ зрѣлищъ при московскомъ дворѣ, на Матвѣева многіе смотрѣли, какъ на черно книжника или, по крайней мѣрѣ, желали огласить его такимъ.

Немного свѣдѣній имѣемъ мы о началѣ театральныхъ зрѣлищъ при московскомъ дворѣ XVII вѣка. На эту нѣмецкую забаву, устроенную Матвѣевымъ для русскихъ государей, почти не обратили вниманія и лишь въ два-три оффиціальные акта занесены объ ней случайныя и скудныя свѣдѣнія. «Тогожъ году (1672 г.) была у великаго Госу-

¹⁾ Такова напр. «Интеремедія», записанная въ сборникѣ прошлаго вѣка, Толстов. V, № 62, л. 9 об. и слд. Въ этой народной пѣсѣ, написанной стихотворнымъ складомъ, выводятся на сцену *Гаеръ, старуха, ея дочь*, которая переходитъ изъ рукъ въ руки, *Шляхта, Цыганъ*, который выдаетъ гаера за своего крестьянина и продаетъ его, а гаеръ у своего хозяина, какъ Совиздралъ, только портитъ все и объѣдаетъ господина. Судя по сценическимъ указаніямъ, интермедія была представляема, — вѣроятно, во время масленицы.

²⁾ Акты историческіе IV, 124, 355.

даря въ селѣ Преображенскомъ комедіе: тѣшили его великаго Государя иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла, и на органахъ играли Нѣмцы да люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева; а за нимъ великимъ государемъ были въ комедіи бояре и околничіе, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближніе люди всѣ и столники и стряпчіе.»¹⁾ Такое извѣстіе сохранилось въ Дворцовыхъ Запискахъ о начальныхъ театральныхъ зрѣлищахъ при русскомъ дворѣ. При отсутствіи всякихъ положительныхъ и определенныхъ извѣстій о тогдашнемъ устройствѣ придворнаго театра и обстановкѣ игравшихся на немъ піесъ, мы можемъ составить о томъ понятіе только на основаніи нѣкоторыхъ указаній въ рукописныхъ піесахъ того времени и расходныхъ книгъ приказовъ владимірской и галицкой чети, на счетъ которыхъ поддерживался придворный театръ при Алексѣ Михайловичѣ²⁾.

«1672 года іюня въ 4 день великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Есфирь и для того дѣйства устроить хоромину *вновь*, а на строеніе тое хоромины и что въ нее надобно покупать изъ приказа володимерской чети. И по тому великаго государя указу камидѣйная хоромина построена въ селѣ Преображенскомъ со всѣмъ нарядомъ, что въ тое хоромину надобно. А сколько въ тое хоромину лѣсныхъ запасовъ, и всякаго наряду и на сколько по цѣнѣ чего пошло и тому смѣтную роспись подалъ окольничему Артемену Сергѣевичу Матвѣеву да дьякомъ думному Григорью Богданову, да Якову Поздышеву, да Ивану Евстафьеву приказу володимерские чети подъячей Аванасей Дмитріевъ»³⁾.

Театръ переносился изъ Преображенскаго въ Москву, въ хоромы боярина Мирославскаго (называвшіеся оттого потѣшнымъ дворцомъ), а отсюда снова въ Преображенское, смотря по мѣстопребыванію го-

¹⁾ Выходы государей царей, стр. 41 прил.

²⁾ Изъ піесъ XVII вѣка сценическими указаніями особенно богата Комедія о царѣ Давидѣ въ рукописи XVIII вѣка гр. А. С. Уварова, № 622 (Царск. № 468) и драма объ Алексѣ, Божіемъ человекѣ, въ рукописи XVII вѣка Императорской Публичной Библиотеки XIV, Q, 7 (Толст. Отд. II, № 314). За разрѣшеніе пользоваться расходными книгами приказовъ владимірской и галицкой чети, хранящимися въ Московскомъ Главномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, приносимъ глубокую благодарность Управляющему архивомъ князю М. А. Оболенскому.

³⁾ Расходныя книги володимирской и галицкой чети.

сударя. Театръ располагался также надъ придворною аптекою ¹⁾. Впрочемъ въ Преображенскомъ построена была постоянная комидійная хоромина; она находилась отдѣльно отъ дворца и обнесена была заборомъ. Внутри она обита была коврами и сукнами и во время представленія освѣщалась сальными свѣчами ²⁾, подсвѣчники съ которыми утверждены были на доскахъ.

Актеры для придворнаго театра набраны были изъ подьячихъ, какъ наиболѣе грамотныхъ людей того времени. Изъ 60 мѣщанскихъ и подьяческихъ дѣтей устроена была въ нѣмецкой слободѣ особенная школа, гдѣ магистръ Иоганнъ Готфридъ Грегори ³⁾ обучалъ ихъ комидейному дѣйству. Школа получала отъ двора содержаніе, а комедіантамъ положено было царское жалованье ⁴⁾. Нѣкоторые изъ подь-

¹⁾ «181 года генваря въ 22 день великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ надъ оптѣкою, что на дворцѣ въ полатахъ построить какъ быть комидейному дѣлу».... Ibidem.—«181 г. генваря въ 22 день по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, окольничей Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ приказалъ съ двора боярина Ильи Даниловича Милославскаго изъ полаты ковра и сукна и всякое потѣшное платье, что взято изъ села Преображенскаго, перевезть въ село Преображенское и комидейную хоромину нарядить по прежнему, чтобъ х комидейному дѣйству генваря къ 25-му числу все было готово.... И тогожъ числа з двора боярина Ильи Даниловича Милославскаго въ село Преображенское ковра и сукна и всякое потѣшное платье перевезено.... Нынѣшнягожъ 181 г. генваря въ 23 день велик г. ц. и в. кн. Алексѣй Михайловичъ вс. в. и м. и б. Рос. самодержецъ указалъ надъ приказомъ аптекарскіе полаты въ полатахъ построить и нарядить какъ—быть комидейному дѣйству».—«181 г. генваря въ 23 день по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, вс. в. и м. и б. Рос. самодержца, и по приказу околничаго Артемона Сергѣевича Матвѣева перевезены изъ села Преображенскаго ис комидейной хоромины рамы перспективаго письма къ Москвѣ и внесены въ палаты, что над оптѣкою, а для взносу, что болшіе и середніе рамы въ двери не прошли, перетерты и построены здвигными и къ тѣмъ рамамъ придѣлано сто задвижекъ да двѣсти скобъ желѣзныхъ. За железо и за дѣло по уговору кузнецу Сенке Троимову три рубли десять алтынъ, да провозу отъ тѣхъ рамъ отъ тридцати ото шти штукъ отъ села Преображенскаго къ Москвѣ до дворца на десять подводъ извошкамъ Андрюшке Яковлеву съ товарищи по три алтына на подводѣ, всего четыре рубли шесть алтынъ четыре денги.—Ibidem.

²⁾ Расх. книгъ влад. и гал. чети.

³⁾ Такъ расписался самъ онъ въ одномъ изъ документовъ гал. чети.

⁴⁾ Школа учреждена вскорѣ послѣ того, какъ Иоганнъ Готфридъ Грегори припалъ на себя обязанность играть при дворѣ духовныя комедіи. «181 г. генваря въ 22 день по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, вс. в. и м. и б. Рос. самодержца, околничей Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ приказалъ въ новонемецкую слободу, къ магистру къ Ягану Готфриду

ическихъ дѣтей, поступившихъ въ эту школу въ 1673 г., подали царю слѣдующую челобитную. «Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, бьютъ челомъ подьячишка Васка Мешалкинъ с товарищи. В нынешнемъ государь во 181 году июня въ день по твоему великаго государя указу отослали насъ, холопей твоихъ, в немецкую слободу для наученія камидѣйнаго дѣла къ магистру къ Ягану Готфрету, а твоего великаго Государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено и ныне мы, холопи твои, по вся дни ходя к нему магистру и учася у него, платышкомъ ободрались и сапожишками обносились, а пить ѣсть нечего и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ! пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на препитанье поденной кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комедіаннаго дѣла, голодною смертію не умереть. Царь государь смилуйся!» ¹⁾.

Во второй половинѣ XVII вѣка мистерія, впервые показавшаяся тогда въ Россіи, была чѣмъ-то прошедшимъ для литературъ западныхъ. Во Франціи она была изгнана съ публичныхъ театровъ и запрещена въ XVI вѣкѣ, потому что она была уже не духовной драмой, а цинической потѣхой народа, льстившей дурнымъ наклонностямъ толпы. Въ Германіи, за вестфальскимъ миромъ, послѣдовало полное торжество аристократическаго начала; народъ вездѣ осѣлъ; мѣсто мистеріи заняли придворныя оперы или школьныя драмы іезуитовъ. Тѣ и другія рассчитывали лишь на эффектъ внѣшней обстановки и театральныя зрѣлища дѣлались орудіемъ для распространенія и усиленія извѣстныхъ принциповъ,—дорогихъ для двора или для братства Іисуса. Нашей духовной драмѣ XVII вѣка мы можемъ указывать параллельныя явленія въ европейскихъ литературахъ XV или много-много XVI вѣка. Надъ драмами, заимствованными нами съ запада и изъ Польши, тяготѣли тѣ неблагопріятныя обстоятельства, которыя мы указали выше и которыя ясно выражаются въ словахъ: «царь указалъ дѣйствовать *изъ библии* книгу Есфирь.» Однообразно религиозный отпечатокъ лежитъ на всей исторіи нашей мистеріи: хотя она и не осталась чужда народнымъ легендамъ, хотя она приняла въ себя не-

---

въ школу, въ которой онъ учитъ дѣтей х комидѣйному дѣйству, дать двѣ сажени дровъ съ малороссійскаго двора.» Ibid. На первое время актерами были дворовые люди боярина Матвѣева вмѣстѣ съ нѣмцами.

1) На оборотъ челобитной написано: «Дать комедіантомъ царскаго жалованья с того числа, какъ начали быть въ ученьи.»

многія черты современной русской жизни; но ея литературное развитіе не пошло далеко, потому что она вращалась въ замкнутомъ кружкѣ придворной жизни или въ стѣнахъ школы. Удаленная отъ народнаго творчества, оставленная въ рукахъ ученаго южнаго духовенства, русская духовная драма сохранила за собою тотъ строго религіозный типъ, какой имѣла на западѣ мистерія и *moralité* въ первые періоды своего развитія. Не давая никакого мѣста свѣтскому элементу, исключивши изъ своего круга сцены обыденной жизни, русская духовная драма, если отступала отъ своего легендарнаго содержанія или отъ Св. Писанія, то и эти отступленія скорѣе дѣлались въ пользу классической мифологіи, нежели въ пользу родной жизни и поэзіи ¹⁾. Въ этомъ нельзя не видѣть отчасти отголосковъ тогдашней польской литературы, мельчавшей и упадавшей въ рабскомъ подражаніи древнимъ при послѣдователяхъ Кохановскаго. Дворъ и школа оставили свои слѣды на русской драмѣ XVII и XVIII вѣка.

Этимъ общимъ характеромъ и направленіемъ въ Россіи духовной драмы должно было опредѣлиться и самое устройство сцены, на которой она разыгрывалась. Извѣстно, что средневѣковая сцена западной Европы раздѣлялась на три, правда соединенныя между собою, сцены, но имѣвшія каждая самостоятельное значеніе: самая нижняя часть сцены (часто полузакрытая) представляла адъ; надъ ней раскидывалась средняя сцена, на которой разыгрывались событія земной жизни, верхняя сцена изображала рай. Нашъ театръ XVII в. ²⁾ сохранялъ довольно вѣрно устройство и видъ средневѣковой европейской сцены относительно средняго и частію верхняго этажа (т. е. земной сцены и рая); за то, сколько извѣстно, въ немъ никогда не было мѣста аду, или нижнему этажу западно-европейской сцены. Отсутствіе ада въ нашемъ театрѣ составляетъ характеристическую черту его въ отличіе отъ западныхъ. Дьяволъ и шутъ уже въ первыя времена существованія мистерій отождествлялись; адъ былъ жилищемъ дьяволовъ и сценою, на которой разыгрывались ихъ грубыя шутки, на которой слышался не строгій и торжественный тонъ библейскаго языка, а обыденная площадная рѣчь повседневной жизни. Зло и безобразіе были для народа синонимами глупости и шутовства; дьяволъ и шутъ были въ западной драмѣ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Нѣмецкій Hanswurst не иное что, какъ перерожденный дьяволъ старой мистеріи.

¹⁾ Исключеніемъ служить пока едва ли не одна рождественская драма Димитрія Ростовскаго, гдѣ сцена пастуховъ изображена правдивыми чертами народной жизни.

²⁾ Говоримъ преимущественно о придворномъ театрѣ, на которомъ представляема была драма объ Алексѣѣ, Божіемъ человѣкѣ.

Весь комическій элементъ духовной драмы среднихъ вѣковъ развился въ аду (въ нижнемъ этажѣ сцены) среди дьяволовъ и оттуда перешелъ на среднюю сцену, на землю, куда дьяволы имѣютъ постоянный доступъ. Этотъ комическій элементъ и тяготеетъ постоянно къ аду, своему источнику. Народная средневѣковая комедія, начавшаяся въ сферѣ еще духовной драмы, имѣетъ своимъ первообразомъ дьяволовъ; въ аду, а потомъ и на землѣ впервые нашло себѣ мѣсто народное туземное начало въ западныхъ мистеріяхъ, начало со всею полнотою выразившееся въ фарсахъ, *sotties*, *Fastnachtspiele* и подавившее религиозный смыслъ мистерій; въ аду и на земной сценѣ впервые начали вплестаться въ мистерію сцены домашней жизни того народа, среди котораго драма разыгрывалась. Отсюда мірской смѣхъ, профанирующій церковное содержаніе мистерій, сталъ распространяться все далѣе и далѣе, пока не прокрался даже въ верхнее святилище—въ рай и не превратилъ лицъ, тамъ дѣйствовавшихъ, въ насмѣшниковъ надъ божествомъ. Тогда религиозное значеніе мистерій падаетъ подъ преобладаніемъ прозаической дѣйствительности, народный юморъ беретъ перевѣсъ надъ церковнымъ лиризмомъ. Отсутствіе ада на нашей сценѣ обуславливается архаическимъ, библейски выдержаннымъ тономъ нашей духовной драмы; русскую мистерію робко старались удержать на ея канонической основѣ и строго выдѣляли изъ нея всякую примѣсь свѣтскаго и народнаго начала. Ни шутъ, ни дьяволъ не показывались на нашей сценѣ; комическіе интерлюдіи почти не пробивались въ ней ¹⁾. Какой интересъ могли имѣть въ глазахъ двора и боярства сцены изъ жизни народа,—этой неразвитой и безправной массы, которую нужно было сдерживать не только въ дѣйствительности, но даже и на театральныхъ подмосткахъ? Драма объ Алексѣѣ, божіемъ челоуѣкѣ, вывела правда «на позорище» мужиковъ; но для того только, чтобъ зритель видѣлъ, какъ они приносятъ поздравленія Евфиміану, пируютъ на свадьбѣ его сына, какъ потомъ «сваръ и битва всѣхъ мужиковъ стается». За возможность явиться въ такой незавидной роли одинъ мужикъ, за всѣхъ своихъ товарищей, «отъ людей прощеніе просить»:

.....Панове! пробачьте,

А на ихъ пьяныхъ за то дивовать не рачте.

¹⁾ Къ сожалѣнію мы не имѣемъ свѣдѣній о тѣхъ «потѣшныхъ комедіяхъ», которыя были играны при Алексѣѣ Михайловичѣ вмѣстѣ съ «Жалостною комедіею объ Адамѣ и Еввѣ», какъ свидѣтельствуетъ прологъ. Были ли то въ самомъ дѣлѣ комическія пѣсы или только вѣнья потѣшныя представленія придворныхъ скомороховъ?

Народная комедія развивалась внѣ мистеріи, особнякомъ отъ дворцовыхъ потѣхъ, безъ всякихъ почти связей съ нею. Она начала сближаться съ духовной драмой, когда послѣдняя изъ высшихъ сферъ общества, отъ людей образованныхъ спустилась въ народъ. Адъ не имѣлъ мѣста на нашей сценѣ, дьяволы не появлялись на ней. Если нужно было напомнить объ адскихъ мученіяхъ, то зрителямъ показывалась змѣиная голова. Указанія на это встрѣтилось намъ только въ драмѣ объ Алексѣѣ, божемъ человекѣ¹⁾. Когда Алексѣй колеблется въ выборѣ себѣ житейскаго пути, является Виртусъ и не советуетъ ему идти пространнѣмъ путемъ свѣта, потому что мученія уготованы злымъ. «Ту змій ротъ роззявить и дымъ испущаетъ,» замѣчаетъ пѣса.

Рай, если того требовало содержаніе пѣсы, изображался на нашемъ театрѣ отдѣльнымъ этажемъ, поднятымъ надъ сценою, съ которою онъ соединялся нѣсколькими ступенями. Ангелы Гавріилъ и Рафаилъ, чтобы внушить Алексѣю рѣшимость соблюдать тѣлесную чистоту, должны изъ рая, своего мѣстопребыванія, спуститься на землю. «Ангеломъ, низходящимъ отъ степеней высоты, носящимъ цвѣты, Алексѣй имъ показуется на встрѣчу.» Въ то время, когда зритель видѣлъ Алексѣя, сидящаго на землѣ въ своей хижинѣ, троекратный «*гласъ слышитъ зъ неба: Приидѣте ко мнѣ всѣ труждающіися.*»

---

¹⁾ Устройство такой подвижной сцены, какова была придворная въ XVII вѣкѣ, не могло быть постоянно одинаковымъ; рай напр. приставлялся, если то нужно было по ходу пѣсы. Но стараясь уловить общій типъ нашей придворной сцены, мы имѣемъ право пользоваться указаніями драмы объ Алексѣѣ божемъ человекѣ. Было высказано мнѣніе (и мы сами прежде раздѣлили его), что эта пѣса написана въ Польшѣ и оттуда перенесена къ намъ. Но 1) пѣса представлена была въ присутствіи Алексѣя Михайловича при московскомъ дворѣ, 2) она написана въ южной Россіи или, по крайней мѣрѣ, значительно передѣлана тамъ. На это прежде всего указываетъ прологъ пѣсы, написанный тѣмъ же размѣромъ, слогомъ и въ томъ же духѣ, какъ и вся драма. А между тѣмъ прологъ объявляетъ, что представленіе этой пѣсы

Будетъ на славу пресвѣтлому и благочестивому царю Алексѣю,
Котрый, въ Бога и въ святыхъ маючи надѣю,

Съ непріятелемъ креста Христова дѣло начинается.

3) Во время сильныхъ неудовольствій русскаго двора съ Польшею не могъ быть написанъ въ Польшѣ заключительный «эпилогъ» пѣсы; 4) Житіе Алексѣя, вставленное въ драму, не имѣетъ ни одного полонизма и заимствовано изъ славянскаго житейника; 5) Надробныя причитанья родителей и жены Алексѣя Божія человекѣ, выдѣляющіяся изъ силлабическихъ виршъ церковною прозою, буквально взяты изъ житія Алексѣя, напечатаннаго въ Анеологіонѣ, 1660 г. Пѣса была явлена черезъ шляхетну молодѣ въ Кіевѣ и напечатана въ 1674 г.—Русская Бесѣда 1857, Кн. I, Смѣсь, стр. 74.

Наконецъ вслѣдъ за изображеніемъ всего того, что произошло въ Римѣ по смерти Божія челоѣка, зритель видѣлъ, какъ святой «тѣшится въ раю среди ангеловъ». Земная жизнь героя духовной драмы кончилась, — и дѣйствіе переносится въ рай, гдѣ началась для него новая жизнь.

Но если русскій придворный театръ XVII вѣка не давалъ у себя мѣста аду, если рай изображался въ немъ рѣдко въ видѣ приставочнаго этажа; за то сцена земная сохранила у насъ въ XVII в. нѣсколько существеннѣйшихъ свойствъ западнаго средневѣковаго театра. Правда по самымъ мѣстнымъ условіямъ (театръ помѣщался въ особомъ зданіи, а не на вольномъ воздухѣ) она не могла такъ раздвинуться въ длину, какъ ея прототипъ; но и на болѣе тѣсномъ пространствѣ ея совмѣщались тѣ разнородныя и удаленныя одна отъ другой мѣстности, которыя фривольно группировались на западной сценѣ. Расписанныя декораціи (рамы перспективаго письма) извѣстны были нашему придворному театру; ими, вѣроятно, и означались на нашей сценѣ нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ каждое представляло особую мѣстность, особый городъ. На одной сторонѣ сцены находился Римъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него стоялъ Эфесъ. Зритель узнавалъ названіе мѣстности точно также, какъ и значеніе дѣйствующихъ лицъ: актеръ называлъ мѣстность и при первомъ появленіи своемъ на сцену рассказывалъ, кого онъ представляетъ. Алексѣй оставляетъ домъ родительскій, бѣжитъ изъ Рима въ Месопотамію и зритель слѣдитъ за нимъ въ продолженіе всей дороги. Путь коротокъ: разстояніе отъ Рима до Эфеса такъ ничтожно, что Алексѣй едва успѣваетъ сказать два небольшихъ монолога на переходѣ отъ одного города къ другому. Вышедши изъ Рима, обозначеннаго на сценѣ особымъ отдѣленіемъ, Алексѣй встрѣчаетъ нищаго и мѣняетъ съ нимъ свои богатыя шаты (одежду) на старческія латы и по удаленіи нищаго благодаритъ Бога за то, что ему удалось переодѣться: теперь и слуги отца не узнаютъ его. Архангелъ Гавріиль является святому (конечно изъ рая, или поднятаго надъ остальной сценой этажа) и совѣтуетъ ему итти въ Эфесъ и тамъ жить въ храмѣ Богородицы. Алексѣй, едва успѣлъ сказать:

Боже! благодарю Тя, же ми путь сказалесь;

Спѣшу ся тамъ охочо, гдѣ ми розказалесь,—

и уже находится близъ Эфеса. *«Приближаючися до Ефеса, Алексѣй говоритъ:*

Се градъ Ефесъ; се есть той храмъ царицы неба;

Тутъ мнѣ, якожь слышелъ, склонитись треба.

Смотрячи пречистой Маріи Дъвы на образъ, такъ до него говоритъ Алексѣй:

Подъ твой покровъ, чистая Дъво, прибѣгаю и т. д.

Иногда два параллельно идущихъ дѣйствій въ одно время разыгрываются на разныхъ мѣстностяхъ сцены; монологи дѣйствующихъ лицъ въ Эфесѣ смѣняются разговорами дѣйствующихъ лицъ, находящихся въ Римѣ, и кромѣ того въ эти событія земной жизни вторгаются неземныя существа, пребывающія въ раю. Внимание зрителя должно постоянно перебѣгать на разные концы сцены, въ разныя сферы бытія. Ангелъ Гавріилъ объявляетъ людямъ Алексѣя, челоуѣка Божія, совѣтуетъ обращаться къ нему «въ своихъ потребахъ.» Къ Алексѣю, которой въ то время находится въ Эфесѣ, дѣйствительно приходятъ просящіе; отпустивши ихъ, Алексѣй хочетъ итти въ другое мѣсто, потому что въ Эфесѣ народъ уже узналъ его. «*Смотрячи на Римъ,*» Алексѣй говоритъ:

До Рима, бачу, тая дорога приводить.

Онъ рѣшается итти въ Римъ и поселиться въ отцовскомъ домѣ. Пока онъ держитъ туда путь, отецъ его Евѣиміанъ возвратился отъ цесаря и въ монологѣ выражаетъ надежду, что слуги, которыхъ онъ послалъ разыскивать Алексѣя, возвратятъ ему сына. Тутъ Алексѣй «пришелъ до Евѣиміана и до него рѣчи говорить.» Отецъ позволяетъ ему жить въ своемъ домѣ и поставить для себя кушу. «Ту Алексѣй хижину себѣ устроилъ.» Теперь дѣйствіе происходитъ то на дворѣ Евѣиміана, который приглашаетъ нищихъ къ своему столу; то въ хижинѣ Алексѣя, который чувствуетъ приближеніе смерти и посылаетъ за черниломъ и хартією, чтобъ описать свое житіе.

Въ томъ отдѣленіи сцены, которое изображало Римъ, зритель видѣлъ опять нѣсколько мѣстностей, по которымъ распредѣлено было дѣйствіе. Сначала цесарь Гонорій съ ужасомъ рассказывалъ боярамъ, что во время литургіи слышанъ былъ съ неба гласъ: «Ищите челоуѣка Божія,» и, не смотря на всѣ поиски, въ Римѣ не нашли такого челоуѣка. По совѣту одного изъ бояръ цесарь идетъ въ домъ Евѣиміана; сюда же переходитъ и дѣйствіе. Послѣ небольшого разговора здѣсь между Гоноріемъ, Евѣиміаномъ и его слугою, «Цесарь и Евѣиміанъ пришелъ до тѣла Алексѣева со всею полатою:» дѣйствіе переходитъ въ третій пунктъ Рима.

Предложенные выводы объ устройствѣ придворнаго русскаго театра получаютъ свое значеніе въ исторіи сценической постановки русскіхъ мистерій, если мы сблизимъ ихъ съ сценическими указаціями позднѣйшей піесы «*О царь Давидъ и сынъ его Соломонъ.*»

Въ ней, по видимому, на земной сценѣ не было тѣхъ отдѣленій, которыя соответствовали различнымъ мѣстностямъ — Риму, Эфесу и т. д. Земная (и единственная) сцена представляетъ уже одну мѣстность. Аданія, сынъ царя Давида, посылаетъ одного изъ воиновъ за Иоавомъ. «Итти воину въ уборную палату и привести Иоава предъ Аданія.» Послѣдній приказываетъ этому воеводѣ созвать своихъ братьевъ, первыхъ вельможъ, жителей города и іерея Авіаѡара, чтобъ онъ помазалъ его на царство. «Притить Иоаву въ уборную и взять Авіаѡара и всемъ воинамъ и сенаторамъ и набрать маленькихъ ребятъ и притти Иоаву предъ Аданія, а Аданію ево встретить.» (Рук. А. С. Уварова № 622, ч. 180 об.). Іерей благословляетъ Аданія на царство, возливая на него елей; Аданія славитъ Бога, воины и сенаторы поздравляютъ его. Дѣйствіе переносится отсюда въ палату другой жены Давида Вирсавіи. «Сидеть предъ трономъ на стуле матери соломоновой Вирсавіи и *открыть шпалеръ* и въ то время притти къ ней (къ) трону Наѡану.» Когда шпалеръ открывался, актеры, которые должны были играть въ этомъ явленіи, были уже на мѣстахъ: не принимавшіе участія въ явленіи или тѣ, которые, по ходу пьесы, должны были вытти по призыву въ срединѣ явленія, находились въ уборной палатѣ. (См. *ibid.* л. 178, 180, 184, 185). Перемена мѣста дѣйствія сопровождалась закрытіемъ и поднятіемъ шпалера; пьеса дробилась на явленія, сообразуясь съ переходомъ дѣйствія изъ одной мѣстности въ другую (*ibid.* л. 179 об., 181 об., 187 об.) и, стало быть, краткія явленія русскихъ пьесъ XVIII вѣка соответствуютъ нынѣшнимъ дѣйствіямъ или картинамъ. Въмѣсто того, чтобъ дѣлить сцену на отдѣленія, въ которыхъ послѣдовательно происходило дѣйствіе, на смѣну мѣста дѣйствія указываетъ постоянное закрытіе и открытіе шпалера. Явленія иногда были очень коротки. Такъ все 7-е явленіе упомянутой пьесы состоитъ въ слѣдующемъ. «*Сидеть на стуль предъ трономъ Аданію и при немъ быть воеводѣ Иоаву и открытъ шпалеръ.*

Речь Аданія:

Иоавъ воевода,

Правитель израителева народа!

Кто весьма радостно такъ играетъ?

Какую же бо радость себѣ днесъ получаетъ?

Шедши, потщися ихъ спросити

И паки возвратися мнѣ возвѣстити:

Тако повелѣваю тебѣ сотворити.

Речь Иоави:

Готовъ волю твою исполнити

И во всемъ тебѣ угождати.

(И закрыть тталеръ). Въ слѣдующемъ явленіи «притить Іоаву въ домъ Давыдовъ и вопрошать пророка Нафана, а пророку быть въ готовности предъ трономъ и, какъ шпалеръ откроютъ, итить къ Іоаву». (л. 186 об.—187).

Помѣщая Римъ рядомъ съ Вилеемомъ, и также мало дорожа условіями времени, какъ и условіями мѣста, средневѣковая драма западной Европы часто ничѣмъ не выкупала этихъ скачковъ черезъ вѣка и пространства. Поэтическая иллюзія не стирала для зрителя этихъ вопіющихъ анахронизмовъ. Мистерія, особенно позднѣйшаго времени, не могла похвалиться единствомъ и выдержанностью идеи; она не производила въ зрителяхъ цѣльнаго, опредѣленнаго настроенія: рядомъ съ событіями евангельской исторіи разыгрывались шутовскіе эпизоды изъ обыденной дѣйствительности или же просто только что сыгранная сцена изъ жизни святаго пародировалась самымъ циническимъ образомъ.

Русская духовная драма XVII вѣка уклонялась отъ подобныхъ вставокъ. Она, можетъ быть, выигрывала черезъ это въ единствѣ и выдержанности идеи; но, сохраняя свой сурово—архаическій стиль, она стояла вѣдъ всякаго соприкосновенія съ животворными элементами народной жизни и поэзіи. Псевдоклассическая теорія органичила строгими правилами это пренебреженіе условіями времени и мѣста, а также и праздную игру чувствомъ и мыслию зрителя; но вмѣстѣ съ тѣмъ отреклась и отъ народной поэзіи, отъ народнаго содержанія трагедіи въ пользу началъ чуждыхъ. Наша духовная драма XVII вѣка точно также поплатилась за свою вѣрность канонической основѣ живымъ народнымъ содержаніемъ.

Искушеніе человѣческаго рода было древнѣйшимъ сюжетомъ христіанской драмы. Въ длинномъ рядѣ разнообразныхъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ эпизодовъ выражала великую тайну искупленія духовная драма, начинавшаяся часто сотвореніемъ міра и завершавшаяся изображеніемъ страшнаго суда. Рождественская драма среднихъ вѣковъ, вѣрная догматическому ученію церкви, почти всегда предпосылала картину грѣхопаденія изображенію рождества Спасителя: только тогда являлось оно зрителю въ своемъ истинномъ значеніи. Мистеріи объ Адамѣ и Еввѣ почти никогда не составляли отдѣльнаго самостоятельнаго цѣлаго; и вообще ветхозавѣтное содержаніе дѣлалось предметомъ духовной драмы не иначе, какъ въ связи съ

новозавѣтнымъ или въ примѣненіи къ нему ¹⁾). Въ «Жалостной комедіи объ Адамѣ и Еввѣ» доносятся къ намъ существенные мотивы рождественской драмы западной Европы. До сихъ поръ «Жалостная комедія» извѣстна намъ по неполной копіи, сдѣланной для библіотеки Гр. Сухтелена въ настоящемъ столѣтіи ²⁾). Піеса названа «Жалостною комедією»; такое названіе (*klägliche Comödie*) давалось въ нѣмецкой литературѣ піесамъ серьезнымъ и трогательнымъ—тѣмъ, которыя мы называемъ драмою въ тѣсномъ смыслѣ. Въ этомъ названіи уже выражается шаткость взгляда на сущность трагедіи и комедіи; у насъ, какъ рабское заимствованіе, оно не имѣетъ особеннаго значенія.

Піеса открывается рѣчью пролога, этого исконнаго актера мистерій, который въ началѣ піесы вкратцѣ излагалъ зрителямъ ея содержаніе, а въ концѣ выводилъ изъ нея нравоученіе. Первое дѣйствіе состоитъ изъ трехъ «сѣней» или явленій. Сначала Адамъ въ небольшомъ монологѣ описываетъ свое блаженное состояніе въ раю; потомъ къ нему приходитъ ангелъ Уріилъ и напоминаетъ заповѣдь господню—не вкушать запрещеннаго плода: злые ангелы Луциперъ и Веліалъ замышляютъ соблазнить къ тому Адама. По удаленіи Уріила Адамъ и Евва даютъ взаимное обѣщаніе сохранить заповѣдь божію. Дѣйствіе заключается пѣніемъ ангеловъ: «Святъ есть Господь Богъ Саваоѣ.» Въ этомъ эпическомъ складѣ мистеріи, пѣлое дѣйствіе которой лишено всякаго движенія, всякой драматической жизни, и посвящено

¹⁾ Съ такимъ значеніемъ является у насъ нѣмаяпіеса о грѣхопаденіи Адама и Еввы, представленная въ Tobольскѣ въ 1733 году. Содержаніе ея изложено у Флѣгеля (*Geschichte der komischen literatur*, 1787, IV, p. 27—28) слѣдующимъ образомъ: Піеса открылась пѣніемъ. Потомъ вышелъ отрокъ и поздравилъ съ праздникомъ пасхи. За тѣмъ явился челоѣкъ весь черный, представлявшій дьявола; онъ гналъ передъ собою дряхлаго старика въ сѣдою бородою, который жалобно кричалъ и выражалъ обычные недуги старости: это былъ Адамъ. Дьяволъ всячески издѣвался надъ нимъ и наконецъ вложилъ ему на плеча чучелузмѣи, съ яблокомъ въ пасти: полуертвыи Адамъ падалъ на землю подъ этимъ бременемъ. Тогда выходила смерть съ косою и хотѣла овладѣть старикомъ, но дьяволъ противился тому и выкидывалъ всякаго рода шутки. Наконецъ показывался Христосъ съ крестомъ въ одной и вѣнцомъ въ другой рукѣ; дьяволомъ овладѣвала съ приближеніемъ Христа трусость и онъ, послѣ неудачныхъ попытокъ спрятаться, убѣгалъ со сцены. Сила креста возвращала Адаму жизнь; приказавши старику встать, Христосъ возлагалъ на него золотой вѣнецъ. Адамъ не зналъ, какъ благодарить Искупителя: Христосъ уводилъ его на небо.

²⁾ Эта рукопись принадлежитъ теперь Императорской Публичной Библіотекѣ и означена XIV, F, 6. Переписчикъ плохо былъ знакомъ съ скорописью XVII вѣка: букву *e* онъ передаетъ въ своей копіи постоянно буквою *n*, букву *ь* буфвою *и*.

исключительно разсказу о пребываніи Адама въ раю, въ сохраненіи церковной пѣсни, которая занимаетъ средину между двумя дѣйствіями, въ удержаніи роли пролога мы видимъ признаки и живые остатки *древней* мистеріи. Второе дѣйствіе также коротко и также слабо ведено, какъ и первое. Оно состоитъ изъ двухъ явленій. Въ первомъ змѣя приходитъ къ Еввѣ и искушаетъ ее; Евва срываетъ яблоко и ѣсть его; за нею дѣлаетъ тоже и Адамъ. Вѣроятно, змѣя изображалась на нашей сценѣ точно также, какъ и въ Германіи—въ видѣ дѣввицы съ длинною косою ¹⁾. Средневѣковая сцена руководствовалась въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ постановкѣ піесъ, церковною живописью: на древнѣйшихъ иконахъ змѣя писалась въ видѣ женщины; на миниатюрахъ древнихъ библій змѣя является съ женскою головою. — Вкусивши плода, Адамъ и Евва отходятъ. Во второмъ явленіи того же дѣйствія Адамъ стоитъ на колѣняхъ въ иномъ одѣяніи: все явленіе занято его лирическими сѣтованіями на свой грѣхъ и сравненіемъ прежняго состоянія своего съ настоящимъ. Дѣйствіе оканчивается пѣніемъ: «Черезъ адамово паденіе вси роды погублены.»

Въ третьемъ актѣ архангелы Гавріиль, Уріиль и Рафаиль, по повелѣнію божію, готовятъ мѣсто для суда надъ преступленіемъ Адама. Уріиль разсказываетъ, что всѣ силы небесныя соболѣзнуютъ объ его паденіи, вся вселенная оглашается скорбными стопами о томъ: ни одна птица уже не поетъ, ни одинъ звѣрь не ищетъ про себя пищи, ни одинъ цвѣтокъ не сохранился въ прежней красотѣ своей; деревья отъ печали роняютъ на землю листья свои и трава увядаетъ. Въ этомъ эпизодическомъ разсказѣ какъ-будто отдаются христіанскія и восточныя сказанія о покаянномъ плачѣ Адама: чтобы омыть свой грѣхъ, онъ погрузился въ Іорданъ и сорокъ дней стоялъ тамъ въ постѣ и покаяніи: сюда сошлись всѣ звѣри, птицы, ангелы и вмѣстѣ съ Адамомъ плакали о его паденіи ²⁾. Это единственный

¹⁾ Weinhold, Weihnacht — Spiele und Lieder aus Süddeutschland und Schlesien, p. 311.

²⁾ Ср. Weil, Biblische Legenden der Muselmänner, p. 30, Adam's Klage въ Gesamttabentener Gagen, и наше апокрифическое *Слово о исповданіи еевинъ и болѣзни адамовъ*: «Ту свидошася вси звѣрие и птица и множество ангель плакаху.»

слабый слѣдъ въ нашей мистеріи апокрифическихъ христіанскихъ разсказовъ, которые принимали такое сильное участіе въ развитіи средневѣковой европейской драмы и обогащали ее прекрасными поэтическими мотивами.—Змѣя торжествуетъ и хвалится, что вслѣдствіе нарушения заповѣди божіей родъ человѣческой принадлежитъ теперь ей и никто уже не вырветъ его изъ власти дьявола. Архангелъ Михаилъ стоитъ съ мечемъ, ожидая Господа. Змѣя приводитъ связанныхъ Адама и Евву. Дьяволъ и въ «Жалостной комедіи» обмолвился шуткою надъ согрѣшившими людьми. «Приходите, послушливыя чада мои (говорить онъ имъ); нынѣ васъ на лучшее мѣсто поведу: здѣсь дрожите знатно отъ стужи, но тамо учнете отъ тоски потѣти.» Эта выходка Змѣи остается бѣднымъ обломкомъ той роли, которую адскій насмѣшникъ надъ блаженствомъ и могуществомъ человѣка игралъ въ средневѣковомъ искусствѣ и поэзіи. За тѣмъ начинается надъ прародителями судъ по всей юридической формѣ. Змѣя является истцомъ: она требуетъ, чтобъ Адамъ и Ева, какъ нарушители заповѣди божіей, были отданы ей и постигнуты смертію. Адамъ и Ева признаютъ справедливость обвиненій. Архангелъ Михаилъ, выслушавъ обѣ стороны, повелѣваетъ истцу и отвѣтчику отступить, ожидая изрѣченія великаго Судіи. Жалобы дьявола (змѣи) смѣняются и вытѣсняются картиною небеснаго процесса, который съ XIII вѣка былъ любимую темою средневѣковой поэзіи католическаго запада. Для суда надъ Адамомъ приходятъ Богъ-Отецъ, Богъ-Сынъ, Правда, Истина, Милосердіе и Миръ. Правда, держа въ рукѣ жезлъ, обращается къ Богу Отцу съ прошеніемъ, чтобъ Онъ предалъ человѣка такому же осужденію, какому подверглись гордые небесные ангелы, свергнутые въ геенну огненную. «Люди нечистому духу больше служили, нежели Богу; свою свободную волю наклонили къ злу, а не къ добру,» и Правда протягиваетъ Богу-Отцу свой жезлъ съ тѣмъ, чтобъ Онъ сокрушилъ его надъ главою грѣшниковъ. Уже Богъ-Отецъ хочетъ исполнить требованіе Правды; но Сынъ Божій проситъ потерпѣть въ праведномъ гнѣвѣ, пока сами люди дадутъ отвѣтъ предъ его престоломъ. За примирительными словами Сына Божія раздается строгій голосъ Истины: она напоминаетъ завѣтъ Бога съ Адамомъ и требуетъ, чтобъ никакое заступничество не могло потушить Истины. Но и Милосердіе всегда имѣетъ доступъ къ престолу божію: оно-то является теперь ходатаемъ за человѣческую родъ. Просьбы Милосердія не въ силахъ однако поколебать Божества: иначе Ему пришлось бы нарушить вѣчную Правду. Напрасно и Миръ приходитъ на мѣсто

суда, чтобы вдохнуть единство въ небесныхъ сестеръ—въ Милосердіе, Правду и Истину. Правда не можетъ взять назадъ свое требованіе, потому что ей подобаешь во всѣхъ судьбахъ сіять, какъ утренней зарѣ: уступка помрачила бы ее. Истина также не можетъ отречься отъ своихъ словъ, потому что это значило бы отказаться отъ своего существа. Всѣ небесныя сестры идутъ наконецъ къ Богу-Сыну, чтобы у него испросить совѣта, какъ избавить родъ человѣческой отъ геены; но прежде они положили между собою, чтобъ ни одна изъ нихъ не претерпѣла оскорбленія, чтобъ Милосердіе Божіе сочеталось съ Прадою, а Истина съ Миромъ. На общее прошеніе ихъ Богъ-Сынъ отвѣчаетъ совѣтомъ отыскать такого мужа, который бы своею смертію воздалъ долгъ за Адама и Еву. На этомъ прерывается извѣстный намъ списокъ «Жалостной Комедіи.»

Процессъ между Небесными Сестрами принадлежитъ къ любимымъ темамъ средневѣковой литературы: цѣлая столѣтія служилъ онъ для простаго народа нагляднымъ объясненіемъ основнаго догмата христіанской религіи. Историческія бібліи (Historienbibel), популярно, со внесеніемъ множества туземныхъ поэтическихъ и апокрифическихъ сказаній, излагавшія ветхозавѣтную исторію, любили повторять рассказъ о небесномъ процессѣ. Бернадъ, аббатъ Клервѣ, (въ половинѣ XV стол.) первый въ проповѣди на Благовѣщеніе развилъ въ формѣ живой и длинной параболы стихъ 81 псалма: «Милость и истина сръбтостася, правда и миръ облобызастася.» ¹⁾ Этому примиренію Милосердія и Истины, Правды и Мира предшествовало конечно какое-нибудь разногласіе (говоритъ Бернадъ) и это разногласіе выразилось именно относительно судьбы человѣческаго рода послѣ грѣхопаденія. Только добровольный вызовъ Бога-Сына принести себя очистительною жертвою божественной Истинѣ и Правдѣ примиряетъ Небесныхъ Сестеръ. Парабола Бернарда во множествѣ варіацій обошла всю католическую Европу. Трактатъ Якоба Өерамо *Belial* или *Consolatio peccatorum* (1378—1389 г.) въ формѣ небеснаго процесса выразилъ догматъ объ искупленіи. Это произведеніе во множествѣ переводовъ на новые языки распространилось по всему Западу и легло въ основу одного польскаго догматическаго трактата, переведеннаго

---

¹⁾ См. статью Пипера *Der Rathschluss der Menschenwerdung und Erlösung* въ его *Evangelischer Kalender*, 1859, p. 17—42,

въ 1674 г. на русскій языкъ. У Оерамо демоны, въ лицѣ представителя своего Веліара, ведутъ процессъ съ человѣческимъ родомъ и требуютъ вѣчнаго его осужденія. Моисей становится защитникомъ людей. На осужденіе настаиваютъ Истина и Справедливость; противятся тому Миръ и Милосердіе. Тогда Богъ—Сынъ объявляетъ, что добровольная смерть праведнаго человѣка можетъ примирить разноглаголющія требованія Небесныхъ Сестеръ. Истина по всему міру отыскиваетъ безгрѣшнаго человѣка и не находитъ. Наконецъ Сынъ Божій изъясняетъ готовность умереть за человѣка.

Это параболическое толкованіе догмата объ искупленіи до такой степени освоилось въ поэзіи европейскихъ народовъ, что во Франціи оно часто слышится въ народныхъ рождественскихъ пѣсняхъ; въ нѣмецкой народной драмѣ ¹⁾ даже въ томъ видѣ, въ какомъ она и теперь гнѣздится по нѣкоторымъ заходустьямъ Германіи, сцена небеснаго процесса составляетъ лучшую и самую патетическую часть рождественской пьесы. Въ Швеціи во время одного представленія драмы грѣхопаденія, когда появились на сцену небесныя сестры, народъ съ умиленіемъ упалъ на колѣни ²⁾.

Въ русской литературѣ XVII вѣка небесный споръ извѣстенъ былъ и изъ другихъ произведеній, помимо «Жалостной комедіи.» По своей связи съ драматической литературой особеннаго вниманія заслуживаетъ «*Противъ человѣка, всечестнаго божія созданія, завистное сужденіе и злое поведеніе проклятаго демона. Съ польска языка*

¹⁾ Весьма распространенное въ средніе вѣка нѣмецкое стихотвореніе *Sich huor vor gotes trône* напечатано въ *Die Erlösung*, herausg. von Karl Bartsch. Quedlinburg, 1858 (р. VIII—XX). Необыкновенно близка къ «Жалостной комедіи» многими подробностями *Paradeis—Spiel*, которая и теперь каждую зиму, около Рождества Христова, играется крестьянами въ верхней Штиріи. Она издана съ превосходными объясненіями Вейнгольдомъ въ его *Weihnacht—Spiele und Lieder*, р. 294—328. Не можемъ также не обратить вниманія на богатую древними мотивами нижненѣмецкую мистерію *Sündenfall* Арнольда Иммесенъ, который «хотѣлъ сдѣлать Священное Писаніе доступнѣе для народа, ради истиннаго благочестія.» Многіе стихи ея часто буквально повторяются въ нашей «Жалостной комедіи.» Ср. напр. стихи 3624, 3631, 3659, 3720 по изданію Шёнemann: *Der Sündenfall und Marienklage*. Hannover. 1855.

²⁾ Devrient, *Geschichte der deutschen Schauspielkunst*, I, 344.

преведеное.» ¹⁾ Этот длинный трактатъ о козняхъ дьявола принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеій католической церковной литературы, въ которыхъ народная легенда, апокрифъ и богословскій догматъ равноправно соединялись съ дидактическою цѣлью. Вышеупомянутый *Belial* служилъ образцомъ польскому писателю при изображеніи небеснаго грощесса. Исторія грѣхопаденія передана съ особенной подробностью; главные виновники грѣха въ людяхъ, дьяволы составляютъ сильное и могучее царство тьмы. Оно постоянно занято разсужденіями, какъ искутить и погубить человѣка. «Сужденіе демоновъ» представляетъ довольно много матеріаловъ для исторіи обычаевъ и народныхъ суевѣрій въ Польшѣ и западной Россіи, въ XVI столѣтіи. Глава 17-я *О демонскомъ собраніи и думѣ* рассказываетъ, какъ Луциферъ разсылаетъ во всѣ края и предѣлы свѣта бѣсовъ, которые отвращали бы людей отъ евангельскаго и апостольскаго ученія. Разошлись демоны по всему свѣту сводить и уловлять человѣковъ и теперь «мало уже знать, кто чьего стада». Злобные супостаты «насылали плевель лютыхъ въ простомъ народѣ: чарованія, губленія, шептанія, волхвованія и многоразличная злая изобрѣтенія». Жидовъ научили они ни въ чемъ не сообщаться съ христіанами, «и повелѣли имъ сокровища подавати въ лихву». Демонскія сестры научили бабъ «чаровать зельемъ и кореньемъ управлять и вырывать во времена къ тому удобныя»; «у гордыхъ людей они крадутъ дѣтей изъ колыбелей; инныяже подметають, и такихъ летавцы приносятъ демонамъ.» Къ Нѣмцамъ послана цѣлая тьма демоновъ, потому что тамъ призываютъ ихъ тысящами. Къ нимъ отправился Теутъ съ своимъ полкомъ, «да учить противленіе чинити князей противу кесаря, да не имутъ ни соединенія, ни послушанія». Теутъ научилъ ихъ такъ называемымъ «свободнымъ» (а по мнѣнію автора «невольнымъ») наукамъ, «научилъ же ихъ оттуда развращенія съяти, въ спорахъ же и упрямствахъ люторскаго поданія стояти. Назвашежеса, отнелѣже отъ Теута ученіе пріяша, Теутоны; зѣло убо проклятымъ своимъ ученіемъ мудры мнятся быти и зовутся евангелисты». «Такожде Луциперъ посла и въ нашу страну (заключаетъ сочинитель) Польшу цѣлой

---

¹⁾ Рукопись XVII вѣка въ моей библіотекѣ. Списки «Сужденія» попадаются нѣредко. Въ рукописи бывшей Царскаго, № 428, означенъ и годъ перевода 1674. Ср. Рукопись Толстовскаго каталога, отд. II, № 268.

полкъ демоновъ или паче тьму ловити и приводити во многая любо-страстія, а паче въ гордость и въ піанство, въ прохлады и танцы. Подослаже и сестры свои, бабъ проклятыхъ—вѣдунью—вѣдму, ворожейку, гадку и прочихъ; чрезъ Польшу посла въ Литву, въ Бѣлую Русь и въ самую Москву: тамо и паче Бахусъ возможе и Гордадь, и всю полуночную страну Бахусъ одолѣ съ товарищи своими».

Этихъ немногихъ выписокъ довольно, чтобы познаться съ направлѣніемъ и взглядомъ автора «Сужденія» Замѣчательно, что уже въ первой половинѣ XVII вѣка высказывалось мнѣніе, будто литературное сближеніе московскаго государства съ Польшею проводило въ простой народъ бѣсовскія ухищренія и волхвованія; что черезъ Польшу входили въ самую Москву «прохлады и танцы». Дѣйствительно, Польша передала намъ много отреченныхъ сборниковъ мистическаго содержанія, гадательныхъ книгъ, волхвониковъ и т. п. Даже «Сужденіе демоновъ» потому, безъ сомнѣнія, и интересно было для русскихъ читателей, что представляло имъ много апокрифическихъ сказаній и довольно подробную характеристику бѣсовъ, разосланныхъ по свѣту съять свои плевелы и совращать людей въ поганскую прелесть. Содержаніе совѣщательныхъ засѣданій демоновъ, исторія грѣхопаденія и небесный процессъ изложены въ діалогической формѣ; остальная часть сочиненія имѣетъ повѣствовательную форму. Исторія грѣхопаденія и небеснаго процесса составляетъ цѣлую и полную мистерию; всѣ условія драмы соблюдены въ точности и невольно приходишь къ предположенію, что дѣйствительно отдѣльная піеса вплетена въ сборникъ апокрифическо-догматическихъ статей. Споръ небесныхъ сестеръ по содержанію очень близокъ къ *Belial*: мѣсто Моисея занимаетъ здѣсь (какъ и въ Жалостной комедіи) архангелъ Михаилъ, который ходатайствуетъ за человѣческой родъ передъ престоломъ божіимъ. Сначала Велиаръ проситъ, чтобы родъ человѣческой навсегда присужденъ былъ демонамъ. Архангелъ Михаилъ заступаетъ за людей; но Велиаръ прерываетъ его рѣчь упрекомъ за несоблюденіе юридическихъ формальностей. Тогда небесные ассесоры «приводятъ опасателей, дабы объ страны не глаголали по гнѣву, но учтиво и благочестно.» Въ сознаніи своей справедливости Велиаръ проситъ, чтобы сама святая Правда, которая никогда не отлучается отъ престола божія, приняла на себя какой-нибудь образъ и усмирila между ними сваръ и распри. Правда принимаетъ на себя образъ «дѣвицы неглѣннаго тѣла.» Она становится передъ престоломъ Господа

Сердцевѣдпа, «имѣя въ рукѣ скипетръ долгій и пресвѣтлый», который во время суда ставить передъ собою и начинаетъ говорить, «не ожесточевая рода демонскаго.» Но ея слова не въ пользу рода человѣческаго. Архангелъ Михаилъ призываетъ Клеменцію и съ краскою стыда, «воспламенившись червленостію», начинаетъ она «тихую» рѣчь свою передъ престоломъ божіимъ. Замѣтвши, что Господь склоняется къ ея рѣчамъ, демонъ» разъярися на ню и сказалъ гласомъ гнуснымъ, подобнымъ встеклому: «Женскъ родъ мѣста не имать при судѣ говорити или за кого ходатайствовати; но имуть молчаніе хранити, яко и въ церкви: точію сіе единымъ мужемъ належитъ.» После длиннаго ряда юридическихъ доводовъ и опроверженій со стороны Веліара и архангела Михаила, на небѣ «настаетъ веліе молчаніе въ ожиданіи божественнаго суда», и за тѣмъ является «указъ по дѣлу», который повелѣвается прочесть предъ всѣми небесными чинами и предъ всѣми ангельскими полками и записать въ книгу живота архангелу Рафаилу. Содержаніе его — объѣтъ Бога-Сына.

Небесный процессъ польскаго «Сужденія» не можетъ быть обойденъ исторіею нашей драматической словесности. Сравнивая его съ «Жалостной комедіею объ Адамъ и Еввѣ», мы видимъ, что польское произведеніе указываетъ гораздо болѣе отбѣнковъ для актера, нежели «Жалостная комедія»: характеристическія черты Милосердія, Правды и демона схвачены и выставлены довольно живо. Процессъ ведется съ соблюденіемъ всѣхъ тонкостей юридической практики: тяжущіеся пользуются всякою неточностію и оплошностію противника, привязываются къ словамъ, призываютъ небесныхъ ассессоровъ для того, чтобъ ни одна формальность не была нарушена: дѣло развивается въ длинную запутанную процедуру, изъ которой, повидимому, нѣтъ исхода. Юридическому схоластицизму и судебнымъ тонкостямъ данъ полный просторъ. Это расширеніе объема небеснаго процесса стоитъ въ связи съ историческимъ развитіемъ и драмы, и юридической практики на 3 падѣ.

Clerici французскихъ юристовъ, составившіе знаменитую корпорацію Королевства Базошь, для упражненія въ судебной практикѣ и юридическихъ словопреніяхъ, разыгрывали вымышленные судебные процессы, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались «фарсы». Содержаніемъ этихъ процессовъ были преимущественно запутанныя происше-

ствія обыденной жизни, бросавшіяся въ глаза своею странностію или скандалезностію. Но чѣмъ болѣе обобщались главные типы фарсовъ, чѣмъ болѣе развитія въ литературѣ получала аллегорія, тѣмъ ближе подходили фарсы къ перерожденію въ новую форму—въ *sottie*. Какъ мистерія, отказавшись отъ историческаго развитія церковнаго сюжета, смѣнивши библейскія личности общими аллегорическими фигурами, переходила въ *moralité*, такъ и фарсъ въ *sottie*. Матеріаль, которымъ пользовалась Базошъ для своихъ драматическихъ игръ, заимствовался часто изъ юридической литературы прежняго времени; мистерія и *moralité* брали также содержаніе изъ судебныхъ процессовъ. Знаменитый итальянскій юристъ Бартоло написалъ въ первой половинѣ XIV вѣка *Processus et tractatus quaestionis ventilatae coram Domino Jesu Christo inter Mariam, advocatam humani generis, ex una parte et diabolum ex altera parte*. Бартоло потратилъ свою ученость на юридическую обработку темы, которая вошла въ составъ мистерій, моралитѣ. Въ странѣ, прославленной служеніемъ Мадоннѣ, Богоматерь является заступницею человѣческаго рода вмѣсто архангела Михаила ¹⁾ Въ переводномъ «Сужденіи» демоновъ противъ рода человѣческаго мы позволяемъ себѣ видѣть перенесеніе въ нашу литературу того, что было выработано въ этомъ предметѣ драматическою и юридическою практикою запада.

Такимъ образомъ третье дѣйствіе «Жалостной комедіи» представляетъ болѣе драматическаго движенія; своимъ содержаніемъ и складомъ оно обнаруживаетъ уже позднѣйшую ступень въ исторіи драматическаго искусства, когда мистерія начала замѣтно переходить въ *moralité*, библейскія лица смѣняться аллегорическими, историческое начало—дидактическимъ. Подъ перомъ кievскихъ писателей послѣднее получаетъ совершенный перевѣсъ и мистерію смѣняетъ *moralité*, процвѣтающая до второй половины XVIII столѣтія.

Но стоя на переходѣ къ *moralité*, вывода аллегорическія личности, принося къ намъ одно изъ положеній западнаго богословія, развитое

---

¹⁾ Впрочемъ Богоматерь является заступницею рода человѣческаго во многихъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и славянскихъ произведеніяхъ народной поэзіи, примыкающихъ къ великой драмѣ страшнаго суда.

въ форму цѣлаго процесса, «Жалостная комедія» вѣрна архаическому стилю духовной драмы и въ сценической постановкѣ сохраняетъ связь съ церковнымъ искусствомъ Запада. Древняя мистерія, какъ простое наглядное представленіе библейскихъ событій, имѣла одну задачу съ иконописью: для необразованнаго простолюдина она должна была, какъ икона, служить замѣною и объясненіемъ священнаго писанія. Это совпаденіе въ задачахъ церковной живописи и духовной драмы не осталось безъ вліянія на структуру и сценическую постановку послѣдней. Актеръ, выходя на сцену, точно также называлъ имя представляемаго имъ лица и предлагалъ краткую характеристику его зрителямъ, какъ на иконахъ изъ устъ изображенныхъ на нихъ святыхъ выходили или подписи ихъ именъ, или произносимый ими текстъ. Дѣйствующія лица мистерій являлись въ томъ же видѣ, съ тѣми атрибутами и въ тѣхъ же одеждахъ, въ какихъ уже изобразила ихъ иконопись или скульптурныя изображенія, украшавшія храмы и церковныя порталы. Вообще, чѣмъ древнѣе мистерія, тѣмъ вѣрнѣе она художественному типу образовательныхъ искусствъ христіанскаго времени. Постановка духовной драмы на русскомъ придворномъ театрѣ незамѣтно сближала насъ съ западнымъ искусствомъ. Сцена, когда Правда подаетъ Господу скипетръ, чтобы переломить его надъ головою грѣшниковъ, когда Змѣя, въ образѣ дѣвицы, приводитъ Адама и Еву къ суду—гораздо ранѣе получили себѣ выраженіе въ живописи, нежели на театрѣ: мистерія изобразила въ образѣ живыхъ людей то, что нашла въ церковной живописи и скульптурѣ.

Таковы, по нашему мнѣнію, важнѣйшія черты «Жалостной комедіи», перенесенной съ запада на подмостки придворнаго театра царя Алексѣя Михайловича.

Н. Тихонравовъ.

ЖАЛОСТНАЯ КОМЕДИЯ.

ЛИЦА, КЪ ТОЙ КОМЕДИИ ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ:

- 1) Прологъ, то есть предисловецъ.
- 2) Адамъ.
- 3) Ева.

Добрые ангелы:

1) Уриилъ.	2) Гавриилъ.
3) Рафаилъ.	4) Михаилъ.
1) Истинна.	2) Правда.
3) Милосердіе.	4) Миръ.

Змья.

Нѣкоторые еще ангелы, которые поютъ.

Богъ Отецъ.

Богъ Сынъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всевожможнѣйшій монарше! человѣческое житіе, еже по Бозѣ подѣ милостивымъ защищеніемъ Вашего царскаго Величества имѣемъ и въ немъ содержаны бываемъ,—во ономъ таже всѣ ¹⁾ прохлажденіе и радость взыскуемъ; но обрѣтаемъ скорбь и бѣду. Ей, взыскуемъ въ немъ мѣру, но чтоже обрѣтаемъ? не смиреніе, а брань; взыскуемъ посмѣшеніе, но обрѣтаемъ плачь и рыданіе; взыскуемъ въ немъ здравіе, но обрѣтаемъ болѣзнь и недугъ. Ей поистинно (sic!) егда мы, простые человѣцы, таковыми отягченными въ зеркаль разсмотримся, тог-

¹⁾ Въ рукописи: *все*.

да на насъ с коротой ево¹⁾ въ помышленіе надходитъ:—якоже многіе сіе (но еже языческіи есть) началу созданія нашего восхотѣша приписать, но мыже носимъ предателя неизвѣстно въ нѣдрахъ нашихъ, а имянно древняго Адама, то есть истую плоть и кровь нашу, ей, врагъ²⁾, иже тую бѣду скоро при созданіи нанесе той оную между нами, человѣческіи отроки, и расади, непрестая до скончанія міра ю всегда распространи-ти;—чтобъ тогда намъ нынѣ, при потѣшныхъ радостныхъ комедіяхъ, и едину малую жалобную комедію примѣшат, чего ради смиренно молю Вашего царскаго Величества о милосердомъ прошеніи, да мы ю яко человѣцы и о человѣческомъ началѣ, также о паденіи и конечной погибели его нѣчто въ малой жалобной комедіи, то есть о Адамѣ и Еввѣ, представимъ; ащели же что прегрѣшится, паки о милостивомъ прощеніи смиренно просимъ.

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА СЪНЬ ПЕРВАЯ.

Адамъ единъ млаголетъ. О како усердно возрадуюся, како возвеселяюся о Бозѣ моемъ, иже превышемъ добромъ моимъ, свѣтъ сердца моего, радость и веселіе мое, ей! начало и конецъ мой есть! Божественное могутство, честь и силы его превосходитъ небо и земля. Ей вельможенъ еси ты, и велія и сила твоя никогда не оскудѣетъ. Имя твое и власть твоя зельной чести достойна, тѣмъ же достойную ти славу и честь да воздаемъ! Отъ персти земля преобразилъ мя; ей, славнымъ и великимъ сотворилъ мя еси. Паче всѣхъ звѣрей земныхъ превышилъ мя еси, и вси птицы небесныя, рыбы морскія, имъ же нѣсть числа, и вся, яже на земли, подъ ноги поддалъ еси, о вельи Боже Саваоѣ! О Господи и творче мой! како льпо и благо здѣ быть и обитать: идѣже бо очеса моя вождену, тамо возрадуется весма сердце мое. Но что же ти за то воздамъ, что мя создалъ еси? не точю бо чудесно сотворенъ есмь, но и премудрымъ совѣтомъ твоимъ Евва ми прознаменена бысть: да въ единствѣ не пребуду, отъ ребра моя тобою изображена есть, егда ус-

¹⁾ Въ рук. неразборчиво: *скоротомево*.

²⁾ Въ рук.: *празъ*

нухъ; тѣмъ же ничтоже во всемъ мѣрѣ любезнѣйша кромѣ ея не имѣю, понеже она ближайшая честь сердца моего, отъ меня взята есть; убо матерью всѣхъ на свѣтѣ родящихъ человекъ наречется.

О Боже, Боже мой! азъ паки возвѣщаю, яко милости твоя нѣсть мѣры, ниже числа, юже надо мною сотворилъ еси: чемъ ми ты благодарити, или что ти¹⁾ за то воздати имаю? Праведенъ и благъ еси ты, и всѣ дѣла твои благи; даждь, яко да азъ и весь человѣческой родъ за то ты во вѣки хвалити,²⁾ славити и великое имя твое превозносить достойни будемъ. Но когоже тамо вижу, семо градуша?

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА СЪНЬ ВТОРАЯ.

Уриилъ да Адамъ.

Уриилъ. Адаме! радуйся; Адаме, глаголю ти, радуйся! О како усердно возвеселюся, видящи ты въ сицевой великой чести! вѣчно же еси съ собою да радуемся и возвеселимся.³⁾ но слышиже, брате мой, Адаме, знаешили дрѣво сие⁴⁾? Вѣмъ бо, яко Богъ ти заповѣда, да подъ лишеніемъ живота своего отъ него не яси, ниже ко овощамъ его да не прикоснешися. Тѣмъ же и не сомнѣваюсь,—зане Богъ много ты паки увѣщаетъ,—что яко послушливое отроча отца своего съ радостію слушаешь, ибо Веліаль и Луциперъ со иными многими ангелы гордости ихъ ради изъ неба извержены: тѣмъ же стережися, яко Веліаль ты къ паденію не приведетъ, понеже злый промыслъ надъ тобою измышляетъ.

Адамъ. Охъ! ужели сие на семъ свѣтѣ содѣяся (sic!) они? Азъ въ томъ не опасаюся, однакоже ты, возлюбленный ми ангелы, за твое благое увѣщеваніе благодареніе воздаю; но радъ быхъ о томъ⁵⁾, како то учинилось, извѣщены были; обаче же до иного времени пуцаю, ныне бо вождѣю съ Еввою моею повидатися.

¹⁾ Въ рук.: *мы*.

²⁾ Въ рукописи: *хвалитъ. Славити*.

³⁾ *Да радуешся и возвеселишися?*

⁴⁾ Въ рук.: *сіа*.

⁵⁾ *да о томъ?*

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ТРЕТЬЯ.

Адамъ да Ева.

Адамъ. О Ева, возлюбленная моя Ева! о какихъ чудесныхъ слышалъ есмь вещехъ: нынѣ бо ангель Уриль у меня баше, иже ми нѣчто извѣсти.

Ева. Что же ти извѣстилъ есть?

Адамъ. Сказалъ ми онъ, яко великій ангель Луциперъ отпаде, а Веліаль купно съ нимъ и со многочисленными ангелы изъ неба изверженны суть, зане гордостію своею на Бога возносилися; нынѣ же жилище ихъ въ нѣкоемъ пустомъ мѣстѣ обрѣтается, тѣмъ же увѣщева мя, яко да отъ прелесныхъ промысловъ ихъ остерегателень буду, понежъ прилѣжаніе имѣють нѣчто¹⁾ злобное намъ наносити.

Ева. Не скорби о семь, Адаме: ибо прелстити имъ азъ не поддамся.

Адамъ. И азъ ихъ къ тому не допущу; иди же со мною, да любовію время во вертоградъ упразднимъ.

Ева. Благоволеніе твое да будетъ; азъ съ радостію послушати готова тебя, чесоже ради да придемъ.

Здѣ Адамъ да Ева идутъ и хранятся за древа.

*Но Ангелы поютъ.**Ангелы.*

Бога тя мы хвалимъ,

Богу благодаримъ.

1-й ангелъ. Святыи естъ Богъ Господь, Богъ Саваоѣ!

2-й ангелъ. Святыи естъ Богъ Господь Саваоѣ!

Всѣ Ангелы. Святъ естъ Господь Богъ нашъ!

Святъ естъ Господь Богъ нашъ!

Святъ естъ Господь Богъ нашъ,

Господь Богъ Саваоѣ!

ВТОРАГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ПЕРВАЯ.

Змія, Адамъ, Ева.

Змія. Мати моя Ева! я. . . . .²⁾, благоли живѣте, како

¹⁾ Въ рук.: *ничто*.

²⁾ Въ рук. пропущенное слово было скопировано переписчикомъ безсознательно: *жльстесъ*.

мужу твоему Адаму поводится. Гдѣ онъ нынѣ есть? зане онаго при тебѣ не обрѣлъ есть.

Евва. Адамъ не далѣче. Богъ всегда съ нимъ.

Змія. О коль блаженъ мужъ Адамъ, егоже Богъ сиче почтилъ есть! Гдѣ бо множая такового рая обрѣсти, въ немъ же нынѣ Адамъ и Евва обитають? То бо жилище и лутшимъ прохладеніемъ нашимъ есть. Имянножь видите и слышите лепотныхъ струевъ шумы, видите и слышите красныхъ птицъ пѣніе, имѣте также прохладеніе ваше и радость въ звѣряхъ и рыбъ въ водахъ; возможно вамъ утѣшиться въ прекрасны злакахъ и древесяхъ и въ различныхъ цвѣтахъ. Азь днесъ, во утрѣи¹⁾ зѣло рано предъ солнечнымъ восходомъ стояще, не возмогъ доволи утѣшиться изъ умильного пѣнія птицъ во вертоградѣ, очеса мои удоволны бяху въ прекрасныхъ овощахъ на древесехъ. Посемъ, егда пресвѣтло сіяющее солнце мало росу отъ травъ осуши, пошелъ есть нѣчто²⁾ прогулятися и обрѣтохъ различные красовитые овощи. Но между иныхъ овощъ, евоже ровни никогда лутше обрѣсти невозможно: какъ скоро бо оного вкусихъ, воспряхъ такую охоту и радость въ сердцѣ моемъ веденіемъ въ себѣ самымъ; и вѣдати не могу, какъ скоро рѣчь языка моего въ пріятную сладость премѣнися, еже оддано³⁾ все отъ васъ приходитъ, зане вамъ къ ползѣ Господь Богъ созда и мы ради вашей даровъ такихъ причащаемся. Нынежемъ⁴⁾ отходити, да недолго тя задержу.

Евва. Ни, нимало; но слышиже: возможноли то древо еще познати.

Змія. Что познати? Охъ его! Никогда же ми лѣпота древа того и сладость овощъ его въ забвеніи не будетъ. Дасть Боже, да и вы отъ него вкусите: ей! истинно тогдабъ мя похваляли есте, рекуще, яко вамъ неложныя предложилъ вещи.

Евва. Змія любимая! идиже тогда со мною, зане зѣло желаю то прекрасное дрѣво видѣти и возьми змію твою съ собою.

Змія. Азь то радъ учинити, ащели желаеши: тебѣ бе ради пошелъ быхъ и изъ свѣта сего. *Здѣ они идутъ къ древу.*

¹⁾ Въ рукописи: *поутрѣи.*

²⁾ Въ р.: *ничто.*

³⁾ *Однако?*

⁴⁾ *Ныне же илама?*

Тое то красное древо и сладкія овощи! Утѣшайся ими и вкуси ихъ: ей! благодареніе ми воздаси.

Евва. Никогда же то учину. Азъ начаяхся, иному древу быти; но нынѣ вижу, вижу, яко тое есть, къ нему же прикоснутися Богъ намъ крѣпко заповѣдалъ есть; но отъ иныхъ всѣхъ даровъ божіихъ, яже на семъ свѣтѣ, волно намъ есть вкусити.

Змія. Какъ велія польза вамъ есть, что вся ваша ради создано ползы; такъ великое было бы вредство, когдабъ сицевой преизрядной овощъ древа того завѣдѣнъ. Но знятели (sic!) его воистинно: тое ли то истое, о немъ же глаголете?

Евва. Ей! истинно то есть, понеже имянно его знаю: нарицаеть бо ся древо вѣдѣнія добра и зла.

Змія. Азъ тому вѣрую, яко возможно тако быти, понеже имянно согласуется съ самомъ дѣломъ, и азъ на самомъ себѣ искусно повѣдалъ есть. Но паки тому вѣрити не могу, чтобъ Богъ такъ крѣпко и весма овощу древа того вкусити имѣлъ запрещеніе. Не смущайтесь, того ради, и образумитесь.

Евва. Что глаголеши: образумитесь?

Змія. Тако и есть; не смѣтли ми къ древу тому прикоснутися?

Евва. Азъ паки глаголю, яко Богъ намъ жестоко заповѣда при клятвѣ: овощу того вкусимъ, вѣчною смертію умирать намъ будетъ.

Змія. О любимая мати моя! *не* устрашайся ¹⁾: овощъ бо сей сицеваго въ себѣ не имѣеть яду, инако бы уже давно умершевленъ былъ; прими токмо да вкушай.

Евва. Хотя бы невѣдомо, каковъ овощъ былъ; однакоже не учину для него, и не хошу милость божію погубити.

Змія. О какіе вы чудные люди! Тоголи бъ ради Богъ имѣлъ таковое древо, еже сицевые преизрядныі овощи родить, создати, имиже смерть родитися имѣла, его же ровенство во всемъ вертоградѣ не обрѣтается кромѣ того единого? И вамъ токмо къ пользѣ создано есть, а отъ него никій ангель вкуситъ не смѣеть: къ чему же бы таковыя овощи потребни были? Тѣмъ пріими, зане вся наша суть; и вкушай и даждь такожде мужу

¹⁾ Въ рукописи слово *не* пропушено.

твоему Адаму вкусити: вѣмъ убо, яко тогда и очеса ваша отверсти будутъ и познаете вся, яже блага и зла на сей земли; ей! ащели ми вѣрите хотите: самому уподобитесь Богу.

Евва. Истинно, когда бы иной овощъ былъ; но въ семь смерти опаство сокровенно есть.

Змѣя. Кое смерти опаство? Не начаяхся, яко вы, новосозданные челоувѣцы, такъ боязливи будете. Сама же сказала еси, яко Богъ повелѣ отъ всѣхъ древесъ ясти, кромѣ сего едиѣаго, и то мню я, яко неистинно вразумѣла еси. Нѣсть ни едиѣаго опаства, а когда бы тако было, како глаголеши, то бы Богъ къ вамъ не былъ милостивъ; нынѣ же Богъ, яко сами вѣсте, любовію самъ нарицается: тѣмъ же Богу никакую вражду приписати недостойтъ, инако бо не можетъ, токмо да васъ возлюбитъ, понеже изображеніе и дѣло рукъ его есте. Почему убо сицевымъ является дивимъ? осязайте токмо вся и идите, что хотите: ничтоже вамъ вредитъ имать.

Евва. Скоро быхъ дерзнула принимать.

Змѣя. Ей, ей! ево ягоды точію! можешь бо сама разумѣти, когда бы нѣкоторой ¹⁾ овощъ бы въ вертоградѣ былъ, которой бы смерть родилъ, то бы и некакую разнь отъ иныхъ овощей имѣлъ. Смотри токмо, сестрицо: какой преизрядной сей овощъ есть, но тысящу преизряднѣе и сладше укусь его.

Змѣя отходитъ тихо. *Евва, послѣ она ѣстѣ.* Преизрядной цвѣтъ сего овоща, нужда ми его вкушати. Охъ когда бы и Адамъ здѣ былъ! О Адаме, Адаме! когда бы и ты здѣ былъ!

Адамъ. Здѣ азъ есмь, Евва: что хочеши?

Евва. О Адаме! возлюбленный мой Адаме! воззри токмо на сей прекрасный овощъ, его же намъ Богъ запрети вкушати. Ныне же въ разумъ прииде, яко не тако Богъ мыслитъ: азъ бо уже отъ него вкусихъ, а еще въ живыхъ обрѣтаюся, взаимно аки осязаю въ себѣ небесную мудрость. Дасть Боже, да и ты о овощу того преизрядного яси!

Адамъ. Тако ли есть, яко глаголеши? и иныи никто бы ми не возмогль наговорити.

Евва. Возлюбленное сокровище мое, Адаме! Что глаголеши

¹⁾ Въ рук. *никоторый*.

сицевыя чюдные рѣчи? Когдажъ предъ тобою солгахъ или какъ ми тебя прелстить? Самъ бо видиши мя очевидно безопасно, и еже живу, иже еще тогожъ оwoщу ясти буду. Молю тя, яко и ты со мною вкусиши. *Здѣ она ѡстѣ.*

Адамъ. Дажь сѣмо, возлюбленная Евва моя! Не хочу ти сѣе отрещи, понежъ сѣе дерзнула и жива осталась еси; тѣмъ же и азъ увижу, кая въ немъ добродѣтель сокровенна. *Здѣ онъ ѡстѣ, потомъ глаголетъ.* О горе, горе! Что мнѣ чинилося? О Евва что! ты сотворила еси? Увы, увy! не вѣмъ огъ тоски, гдѣ имамъ поити.

Здѣ отходятъ.

ВТОРАГО ДѢЙСТВА СЪНЬ ВТОРАЯ.

Адамъ стоитъ на колыняхъ во иномъ одѣяннѣ.

Охъ! куды же мнѣ поити? Чувство и естество мое весьма превратилось. Ей! истинно злый мой конецъ будетъ и въ подлиннѣ таковому доброй конецъ быти не можетъ, иже очи и сердце отъ слова божія отвратить; таковому вся злоклученія скоро во следъ ¹⁾ идутъ. Азъ прежде имѣлъ превышнюю мудрость и благоразуміе, къ томужъ и все вѣдалъ, но нынѣ разумъ мой весьма помраченъ; во мнѣ пребысть истинная правда, нынѣ же весьма со мною премѣнилось; азъ бѣхъ святъ и безъ порока, но нынѣ есть головня преисподней гѣнны; пресвѣтлыя драгоцѣнныя каменія, аспидъ и яхантъ сіянію палаты моей уступали, нынѣ же и то отъ меня отыде, еже прежде того примѣчати не возмоглъ: нынѣ бо обрѣтаюся быть нагимъ. Ко Господу Богу баше упованіе мое, не бояхся ²⁾ никогоже; но нынѣ трепещу и страшуся, нищетная земля, и предъ листвѣемъ деревовымъ; прежде обыдоша окрестъ безчисленныхъ полковъ, но нынѣ вся отъ меня отступиста; звѣріе такожде ко мнѣ во множествѣ числѣ совокупистася, но нынѣ вся отъ меня убѣгають; солнце, луна и звездѣ воззирають на мя зѣло печальными образы и земля не хоцетъ мя вящше носити: ничтоже, того ради, оставаеть, точію во отчаянія ми пріити.

) Въ рук.: *последъ.*

) Въ рук.: *небояся.*

О Евво, Евво! что сотворила еси? таяли овощу того сила? не на божіемъ ли хотѣли есмы сѣдалищѣ сидѣти? нынѣже принуждены есмы въ крошечной адовой лужи купатися. Восхотѣли самому Богу сравниться; но нынѣ преобразны есмы диаволу самому, вѣдая, яко добро на зло премѣнили. О страсть, о боязнь, о трепеть! о како сердце мое въ тяжести пребываетъ! О тоска, о отчаяніе, о страсти, яже мя попирають! Охъ, охъ! принужденъ есмь сокрытися.

Здѣ поютъ пѣснь:

Черезъ адамово паденіе вси роды погублены,
Зане тотъ ядъ на насъ пріиде; и уже не можемъ жити
безъ божіей руки сильней,
Яже насъ выручила:
Егда змія Евву звела
Казнь на насъ всѣхъ навела.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА СЪНЬ ПЕРВАЯ.

Гавріилъ, Уріилъ, Рафаилъ.

Гавріилъ. Извѣстно вамъ есть, возлюбленные сопутешественницы мои, чесо ради Богъ насъ послалъ есть: имянно, чтобъ намъ мѣсто на семь свѣтѣ устроить, идѣже Богу дѣло то, еже,—о горѣ!—нынѣ учинилось, судити. Тѣмъ же азъ нынѣ пойду повелѣнное ми исправить, то есть Адама и Евву къ суду поставить, выже между симъ уготовите мѣсто.

Уріилъ. Той нынѣ тамо идетъ; но, увы! желалъ быхъ, чтобъ тѣ убогіе челоувѣцы во инемъ благополучнемъ поведеніи.

Рафаилъ. И азъ желалъ быхъ, чтобъ имъ предъ жестокое судилище не становитися, ибо того дѣла ради зѣло печалень есть. О! что же нынѣ они сами помышляютъ? Увы, увы бѣдному созданію тому!

Уріилъ. Ей, истинно! кто бы о такомъ плачевномъ наде-ніи не печалень былъ? Всѣ небесныя силы соболѣзнуютъ о семь и никакой радости ужъ болше нѣсть, также и вся во всей вселенней стонетъ, скорбящи зѣло о томъ: никакая бо птица больши ни поетъ, никій звѣрь больши не ищетъ про себя пищи, никій цвѣтокъ не обрѣтается въ прежней быв-

шей красоть, дрѣвеса низ сроняють отъ печали листы своя и трава увядаеть.

Рафаилъ. Уже время ко уготовленію суднаго дѣла.

Змія. Человѣческой родъ нынѣ мой, а Богу уже нѣсть права больши къ нему; понеже бо они слово его отринули. тогда власть азъ надъ ними получихъ и хошу ихъ держати. Увижу, кто ихъ отъ меня отыметь.

Михаилъ. Молчи, діаволе! Слушай, что азъ ти повѣмъ: нынѣшняго дня Богъ судъ творити учнетъ надъ плачевнымъ паденіемъ человѣка, тѣмъ же повелѣваю вамъ, яко ничтоже человекомъ да судите, донелѣже судное изреченія (sic!) отъ Господа Бога не примуть. Однакоже толико вамъ повелѣно быти имѣеть купно же съ ними предъ судилищемъ становитися, предлагаа жалобы ваши. *Михаилъ отходитъ.*

Змія. Удивлятися ми приходитъ о сицевомъ дѣлѣ, еже¹⁾ намъ о человѣцехъ судитися. Чаю, чаю, что въ сегодняшнемъ числѣ нѣчто намъ противное учинится.

Зміяюжъ. Азъ же надъ тѣми богохулники, то есть надъ женою и мужемъ: горе, горе! возопію. Посемъ же да увидимъ, аще возмогутъ отъ насъ убѣжати.

Зміяюжъ. Доволно. Всякъ лутче промыслъ свой да исполнить; азъ же уповаю, яко родъ человѣческой и свойство получитися (sic!) сподобимся.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА СЪНЪ ВТОРАЯ.

Гавріилъ, Адамъ, Ева.

Гавріилъ. Взыскую, ничтоже обрѣтаю. Адаме, Адаме! гдѣ еси ты? Посланъ есмь отъ Господа Бога, да ищу тя. Адаме, Адаме! вѣмъ истинно, яко съ женою своею нѣгдѣ сохранился есть страха и боязни ради, тѣмъ же и молчишь. Адаме, Адаме! повеленіемъ божіимъ посланъ есмь тебя взыскати и волю божію ти извѣстити; не слышишь ли, Адаме? Изыди, гдѣ еси ты?

Адамъ отъ страху трепещетъ. Увы! здѣ азъ лежу въ великомъ страху и, какъ гласъ божій слышалъ есть, устрашихся и сокрхся, зане увидѣхъ, яко нагъ есмь.

¹⁾ Въ р.: еще.

Гавриилъ. Кто ти о томъ сказалъ, яко нагъ еси? занеже и преже сего, какъ ты Богъ сотвори, нагъ былъ еси и не боялся. Истинно нѣчто иное въ томъ сокрыто есть. Почто трепещеши тако? не ялъ ли еси овошу, егоже ты Богъ подь смертною казнею вкусити запрети?... Таколи заповѣдь божию сохранилъ еси? Такоели воздаеши благодареніе за великую милость, яко ты создалъ ешь?

Евва. Увы, увy! когдабъ сіе николиже учинилось было! Нынѣ убо погибли есмы.

Гавриилъ. О! нынѣ хотите по согрѣшеніи каяться, но всуе. Послушайте убо божіе къ вамъ извѣщеніе: яко милосердый и купно ревнительный Богъ возмогъ бы васъ праведнаго ради гнѣву своего абіе вѣчною смертію казнити; но милосердіе его велико есть и гнѣвъ его долготерпѣливъ, яко беззаконіе и неправедное дѣло ваше еще милостиво предъ праведнымъ судилищемъ слушати хошетъ. Тѣмъ же готови будьте купно со дьяволы связаны предъ судилищемъ превышняго Бога ставитися.

Адамъ. О! аще быхъ крыла имѣлъ, яко голубъ, дабы въ дивнихъ пустыняхъ и лѣсахъ сокрытися могъ, да отъ гнѣву Его убѣжу! Кто убо предъ страшнымъ лицомъ Его состоятися можетъ?

Евва. О горе, горе намъ, яко и демони вязати насъ имѣютъ! Охъ! охъ! когда такъ безопасна была, да въ каменной раселинѣ въ пустомъ мѣстѣ сохранитися могла! Ей! лутше, да земля разступится меня поглотити, нежели чтобъ ми надъ демонскія лица зрѣти. Еще въ помышленіи вижу и вострепещущей страшной ликъ его, которой въ то время имѣлъ; а нынѣ ми паки въ рукахъ его быти! Увы, увy! смертію опасною насъ убьетъ!

Гавриилъ. Упокойтися и не отчиевайте, зане трепеть вашъ и боязнь вамъ ничтоже помощи не дасть: ибо врагъ той лукавой ни мало, кромѣ допущенія божія, вамъ сотворити не можетъ. Мнѣ же нынѣ нужда есть паки отходити; междо симъ готовитися къ суду.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА СЪНЪ ПЕРВАЯ.

Михаилъ, Адамъ, Евва, Змія.

Михаилъ съ мечемъ. Послушайте всѣ, служащія къ Богу, и

вси лики небесные внимайте о страшномъ судѣ, егоже Богъ надъ Адамомъ и надъ Еввою уложи. Премудрость вѣчная въ совѣтъ Святыя Троицы сіе въ совершеніе приведе. Понеже Богъ всю вселенную со всѣмъ, яже на ней, созда и по семь челоуѣка сего по образу своему и по подобію сотвори надо всю тварь подѣ владѣніе, ничего себѣ не оставляя, кромѣ единого древа, да отъ него не вкушаютъ, отъ того благодаренія токмо произвѣдати; но когда подѣ смертною казнію изданную заповѣдь преступив, божій на себя гнѣвъ навели и похотемъ своимъ послушали¹⁾, тогда превѣчный Богъ благоизволи предѣ страшный судъ ихъ поставити и дѣла оныхъ слушати; тѣмъ же кто какую жалобу имѣеть предложити, той безъ мѣшкоты сотвори, прежде нежели предѣ превышнимъ престоломъ ставится.

Змія. Азъ прихожу передѣ судъ сей, имѣя полную мочь въ томъ дѣлѣ отъ перваначальника своего Луцыпера. Впрошаю тогда соизволеніемъ, не время ли тѣхъ презрителевъ, Адама и Евву, къ суду поставити.

Михаилъ. Такъ, время; но судъ божій надъ ними вѣщит не позволяеть токмо, да связанныхъ къ суду поставишь.

Змія Адама да Евву приводитъ. Приходите, послушливые чада мои: нынѣ васъ на лучшее мѣсто поведу, здѣ дрожите знатно отъ стужи, но тамо учнете отъ тоски потѣти. Идите, идите, помози ихъ держати, нынѣ ихъ лѣпотою устрою, въ чемъ имъ у суду явится; помози держати, да не убѣгутъ.

Адамъ. О горе! Никогда, никогда не чаялъ, яко нас проклятые враги имуть вязати. Ох! къ чему есмы приведены! о горе, того безчестія ради и мученія!

Евва. Увы, увy! прихожу во отчаяніе. Нынѣ ли намъ въ демонскія руки впасть, яко да въ посмѣхъ духомъ адовомъ подани будемъ?

Змія. Азъ впервые вопію: горе! страшного ради паденія Адама и Еввы, которые презрѣніемъ Бога въ вѣчную смерть впади.

Евва. О горе! еще наругаешься съ нашего безумія, а самъ прельстиль насъ еси.

¹⁾ Въ рук.: *послушати*.

Змія. Такъ, такъ. Ащелибъ ти кто рекъ: иди въ воду и утопися; не чаю, чтобъ сіе сотворилъ бы, но нынѣ бѣднѣй бѣсъ виновать твоя свободныя воли. Азъ втретіе вопию: горе! страшнаго ради паденія Адама и Еввы, которые презрѣнемъ Бога въ вѣчную смерть впади.

Михаилъ. Всякъ тогда да молчитъ, яко да возможно жалобу съ единой страны и отвѣтъ на то съ другія страны слышати и потомъ судебную расправу учинити.

Змія. Азъ еще предлагаю жалобу предъ судомъ божіимъ тяжкаго паденія и безчестія ради Адама и Еввы. Аще сіе всѣмъ довольно и вѣдомо есть, обачежъ вкратцѣ паки вспомяну: тѣмъ бо престолъ божій презрѣли, аки бы Богъ во жи востанетъ и словеса своя не содержитъ, когда отъ овощу того не вкушаютъ, къ сему было въ нихъ зломнительство яко имъ отъ овощу того завидуеши, имъже тебѣ равными быти помышляху. Тѣмъ же зри, великій судія: какими послушливыми суды (чады?) являются, иже, презрѣвъ заповѣдь твою, единой подъ смертію запрещенной овощъ на досаду тебѣ вкусили, отъ чего же ничто иное разсудити мочно, развѣ что они жестокою заповѣдь твою въ ложь ставятъ и тобою токмо наругаются. Тогоже ради предлагаю на мужа сего и жену, на тѣло и животъ ихъ жалобу, уповающе съ товарищами моими, яко по божественному суду своему даси ихъ къ смерти преподати, а что болши въ семь судомъ дѣлъ еще принадлежить, то нынѣ себѣ предпоставляю.

Михаилъ. Адаме! чреда къ отвѣту нынѣ къ тебѣ приходит, да ти потребное извѣщаешъ?

Адамъ. Увы! лживити не могу, что преступихъ заповѣдь божію; но недерзостнымъ предложеніемъ, токмо по ласкателнымъ словамъ жены, еже Богъ ми далъ есть, вкусихъ малую часть.

Михаилъ. Вы ли послушливые чада божіи? Евва! скажи: чесо ради сіе сотворила еси.

Евва. Увы! врагъ лукавый со змією своею тако мя извѣлъ есть сладостными прелестными словами, и азъ вкусихъ и Адаму дала; нынѣ же на насъ еще жалобу творить, толкуя сіе всякою злобою. Азъ истинно въ то время не начаяхся ¹⁾, чтобъ по такихъ словахъ сицева горестъ надходити имѣла.

¹⁾ Въ рук.: *почахся.*

Змія. Смотрите: нынѣ Евва смѣетъ еще говорити, яко бѣсъ¹⁾ еѣ извѣлъ есть. Не возмогла ли въ то время слова бо-жія держатися, а мнѣ супротивлятися? Не возмогль быхъ тя силою принудити, егда възпѣла бысть изрядную пѣснь; но гордость, невѣріе, ненависть и зависть принуждали тя со мною къ древу итти, начая, яко Богъ оwoщу того тебѣ завидуеть. Но когда бы мнѣніе твое и сбылось, о како супротиволь бысть Богу! ни мало меншихъ хотѣла быхъ²⁾ еси быти Бога. Тѣмъ же сицевое великое поношеніе и безчиніе не изволь, о праведный Боже, терпѣти, ниже правду свою разорити: не могутъ бо очищатися, зане слово свое ихъ осудить, еже вѣчную имъ смерть сбѣщало, аще заповѣдь твою протупягъ. Содержиже тогда то, яко Богъ истинны, и даждь ихъ во владѣніе мое, азъ ихъ уже тако мучити учну, да увѣдають, яко инаго Господа имѣють, нежели ты еси.

Михаилъ. Истче да отвѣтчику! отступите, всеожидаясь изреченія великаго суди.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА СЪНЪ ВТОРАЯ.

Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Правда, Истинна, Милосердіе, Миръ.

Богъ Отецъ. Зѣло ми Правда и усердно болѣзнуеть о бѣдномъ паденіи человѣческомъ Адама и Еввы, въ кое прелестею бѣсовскою впади, яко же и вамъ о семъ вѣдомо добре есть, чего ради достоитъ о томъ совѣтное постановленіе учинити и по семъ на нихъ праведный судъ издати.

Правда, держаще жезлъ въ рукахъ. О Господи и праведный Боже, любивый правду и вся во святомъ свѣтѣ твоёмъ правдою исправляяй! покажи и въ симъ: Богъ еси ты, возненавидяй беззаконія. Не произвѣдали ми предобрыи ангелы, иже изъ небесъ во кромѣшную гегенну повержены, тѣмъ же и множае человѣкъ согрѣши, и того ради въ равномъ ему быти осужденіи³⁾. Аще и правда, отъ демона прелщены, но почто нечистому духу болши, нежели тебя слушали? и почто свободную волю свою къ тварямъ, а не къ Богу, къ злобнымъ, а

¹⁾ Въ рук.: *без.*

²⁾ Въ р.: *бы.*

³⁾ Въ рук.: *осужденіе.*

не къ благимъ наклонили? Почесому малое является прощеніе, но паче мѹку вѣчную получить, яже праведная мзда за ихъ злодѣяніе; тѣмъже праведному чину твоему лепость¹⁾ надъ ними жезлъ сей крушити.

Здѣ Отецъ емлетъ жезлъ и хочеть его разломити.

Сынъ. Отче возлюбленный! потерпи, молю тя, въ праведномъ гнѣвѣ твоемъ до тѣхъ мѣстъ, до коихъ они сами отвѣтъ предъ превышнимъ престоломъ твоимъ учинять.

Истинна. Боже истинный, его же истинна пребываетъ во вѣки! яко же самымъ дѣломъ обѣщанное исполняешь, а понеже тогда изрекль еси и человѣку вѣчно ему жити, аще сохранитъ заповѣдь твою; противно же, аще отъ запрещеннаго овощу вкусит, вѣчно ему умерети смертію: совершиже того ради то, да будетъ истинное слово твое сильно ихъ до основанія погубити, и не допусти никоей помощи истинну твою затушити: что бо глаголеши, никому то перемѣнити. Тѣмъ же исполни судъ твой надъ тѣми злодѣйствующими.

Сынъ. Еще мало да потерпишь, молю, Отче! зане и Милосердіе причастіе имѣеть къ божественному престолу твоему, потерпи и услыши, каковъ оно приговоръ учинить.

Милосердіе. О горе! сердце мое хочеть ми сокрушиться въ лишеніи надежды помощи ради! Тому ли адову врагу предобрѣйшимъ созданиемъ, еже на всей земли, сице удобно владѣти, и ему наругатися ей? И надъ Богомъ самимъ²⁾ возгордїйся рѣкуше толи преизрядное созданіе во образъ божїй и подобіе его сотворенное, еже ангеломъ въ ровенствѣ во вѣки имѣло пребыти, тому ли нечистому демону вящшую честь получитьи, нежели преизрядному созданію Божїю? Правда есть, яко человѣкъ не достоинъ милости твоей получитьи, зане въ то же прїиде паденіе, что и дьяволы; однакожде между человѣкъ и дьяволъ великая обрѣтается разность, и возмогль дьяволъ со всѣмъ адовымъ собраніемъ удобъ единаго человѣка прельстити, къ сему человѣкъ кается паденія своего; но дьяволъ не кается, что божїй престолъ обезчестиль, но паче кается въ томъ, что невозможно ему злѣйше нѣчто сотворити. О ми-

¹⁾ *Льпо есть?*

²⁾ Въ р.: *самъ.*

лосердый Боже! умилостивись и отъими у нечистаго духа возхищенное: что бо ти поможетъ кровь ихъ? и что ти ползуетъ смерть ихъ? Помяни, Господи: яко самымъ нареченъ бываеши милосердіемъ. Кто убо въ мертвыхъ ти воздаяніе подасть, и кто тя въ преисподнихъ восхвалить?

Правда. Единому токмо Милосердію быти, гдѣ же мнѣ пребыти? Убо праведенъ Богъ и правда его состоятися должна; аще и весь свѣтъ преставится, однако же Богъ ничто же супротиво правды не учинить.

Милосердіе. О окаанный и от потешенія лишенный человекъ! камо тя уподобляти? Всѣ волны злочастія ты открываютъ, никтоже сіе не внимають, зѣльная язва твоя и неизцѣльная рана твоя. Увы! скорблю зѣло о страшномъ паденіи твоёмъ. Но Господи, Господи, въ совѣтъ сильный, долготерпѣливый и многомилостивый! даждь ми услышати, яко ты Боже проречеши и рабу твоему и рабыни твоей миръ и помощь дати обѣщаеши. О Господи, Господи, сотворивый небо и землю и вся, яже на ней! на что хощеши всему всуе быти сотворенну и человеку сице вскорѣ погубленну? О сотвори надъ ними милость, рекль бо еси въ началѣ, яко возрадуешься и возвеселишися въ нихъ; пниѣ же то демону хошетъ поступитися. О Господи! часть прииде, да помилуеши ихъ; прости имъ согрѣшенія ихъ: милосердіе бо твое велико, яко и ты самъ великъ еси.

Сынъ. Охъ ты согласный Мире! чего ради молчиши? возможно ли ти есть на сіе безслезными очми смотрѣти?

Миръ. О Господи соединенія и Боже примиренія! понеже мы всѣ имена наши отъ божественнаго бытія твоего пріяхомъ, тѣмъ же, миротворивый Господи, услыши ны: милосердіе бо твое превзыдетъ яже на небеси и на земли. Якоже¹⁾ и Богъ примиренія отъ вѣка еси ты, того ради, дабы на жестокомъ судѣ Твоёмъ единая часть другую не ослабѣла, молю тя, поволи ми, да любимыхъ сестръ моихъ къ соединенію приведу и потомъ Твой божественной судъ исполню.

Сынъ. О Мире! сотвори радѣтельное тщаніе, дабы дѣло въ соединеніе привести и доброе учинилось совершеніе.

¹⁾ Въ рув.: *люсе.*

ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВА СЪНЪ ПЕРВАЯ.

Миръ, Милосердіе, Правда, Истинна.

Миръ. Возлюбленные сестры! не скорбители о страшномъ согрѣшеніи чловѣческомъ, то однакоже сожалѣйте сицеваго презряднаго созданія, о немъже небо скорбитъ. Молю вы, да въ соединеніи будемъ, ты же, Правда, воспоминай и на Милосердіе не буде сиче жестока и ты, Правдо, возможешь сиче въ мирѣ пребыти, аще Господь Богъ по жестокому суду своему чловѣчскій родъ не погубитъ.

Милосердіе. О Правдо! не буди такова жестока, но припусти моленію моему у себѣ мѣсто получитьи.

Правда. Но якоже то быти можетъ, хотябъ и рада хотѣла? Разсудите сами: Правдѣ достоитъ во всѣхъ судьбахъ сіятися яко утреннія зари, по такимъ противнымъ обычаемъ по-мраченабъ была.

Истинна. Аще же азъ къ вашему совѣту присовокупилась бы, тогда Богъ никогда¹⁾ истинный былъ, тѣмъ же въ симъ никакова совѣта не имѣю; но если вы вѣдаете, и азъ пособити рада.

Миръ. О Боже! помози. Нынѣ пакн прииду въ чувство въ надеждѣ сушей, яко все еще добро будетъ. Возлюбленные сестры мои! аще ми послушати хотите въ томъ, что никакая отвражденіи будетъ, а однакоже чловѣкъ отъ дьявольскія силы свободенъ быти можетъ, тогда идите во слѣдъ меня. Азъ вѣмъ единого мужа, той намъ въ дѣлѣ томъ лучшей совѣтъ подастъ.

Милосердіе. О! со усердіемъ азъ съ вами иду.

ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВА СЪНЪ ВТОРАЯ.

Богъ Сынъ, Миръ, Правда, Истинна, Милосердіе.

Миръ. О вѣчный Сынъ Божій, со Отцемъ во равенствѣ сый! положили есмы въ любви и смиреніи сей уставъ: есть ли бѣ возможно было, яко да никто отъ насъ поврежденіе приметъ, Милосердіе божіе съ Правдою, да Истину²⁾ съ Миромъ

¹⁾ Въ рук.: *никогда.*

²⁾ Въ рук.: *истинно.*

соединити, чтобъ челоуѣка изъ гортани дьявольской изторгнути; но не вѣмы никакого къ тому совѣта, ниже ко исполненію средствія; тѣмъ же приходимъ къ Тебѣ, къ вѣчной премудрости отча, моляще въ томъ отъ насъ не отступити, инако бо челоуѣку во вѣчномъ пребыть осужденіи.

Милосердіе. О премудрость божія! утѣшеніе даждь намъ совѣтъ свой и помощь свою, да безъ ущербленія нашего бѣднѣй челоуѣкъ свободу одержати моглѣ.

Правда. О пребогатый Боже! аще возможно, да Правда устоится купно съ Милосердіемъ тогда Твоимъ, яко да премудрость Твоя насъ проводитъ и челоуѣка бѣднаго освободитъ.

Истинна. О премудре сыне божій! дабы такожде въ семь дѣлъ Истинна божія состоялася, то соединеніе наше изволилъ проводитъ вѣчнымъ совѣтомъ своимъ, дабы бѣдной челоуѣкъ отъ узъ дьявольскихъ избавленъ былѣ.

Сынъ Божій. По вашему согласному прошенію хочу вамъ и совѣтъ преподати, но никакое иное средство избобрѣтено быти можетъ, развѣ единый за то да терпитъ; тѣмъ же взыщите такова мужа, иже смертію за нихъ долгъ той воздастъ: такимъ бо образомъ безвредны пребудете и бѣднѣй челоуѣкъ освободится. Любви ради къ челоуѣкомъ скорблю о семь и хотѣлъ быхъ усердно, дабы въ живыхъ сохранены были....

СЛОВО О ВѢРѢ ХРИСТІАНСКОЙ И ЖИДОВСКОЙ.

Предисловіе.

Вмѣстѣ съ преданіями о старинныхъ богатыряхъ и герояхъ въ народѣ ходять гораздо позднѣйшаго происхожденія повѣсти о дуракахъ и шуткахъ, которые однако всегда сѣмѣютъ поставить въ тупикъ и осмѣять книжниковъ и ученыхъ философовъ. Грубый неучъ Эзопъ дурачитъ философа Ксапта, привязываясь къ словамъ и играя ими; грязный Маркоуль торжествуетъ надъ премудрымъ Соломономъ; хитрый Эйлен-

шпигель рѣшаетъ всѣ вопросы ученыхъ профессоровъ пражскаго университета; Панюрж осмѣиваетъ Фавмаста. Къ числу подобныхъ героевъ принадлежитъ и спорящій съ Тараской жидовиномъ «глупецъ, скоморохъ и голышъ кабацкій.» Онъ побѣждаетъ жидовскаго философа, съ которымъ состязается въ «скрытныхъ премудростяхъ», своею простотою именно благодаря тому, что совершенно не въ попадъ объясняетъ себѣ его мимику. Напечатанный нами подъ № 2 списокъ передаетъ преданіе въ большей полнотѣ и чистотѣ, нежели *слово о вѣрѣ христіанской и жидовской*, № 1. Въ послѣднемъ смыслъ борьбы какъ будто затерянъ; читателю не объяснено, что герои препираются въ «скрытыхъ мудростяхъ» и потому подробности о томъ, какъ скоморохъ грозитъ выколоть жиду оба глаза, когда тотъ уставишь противъ него палецъ, кажутся не относящимися къ спору. А между тѣмъ эта борьба скрытыми премудростями и взаимное непониманіе спорящими мимическихъ знаковъ и составляетъ существенное содержаніе народныхъ анекдотовъ о борьбѣ философа жидовскаго съ скоморохомъ, о которыхъ хотимъ мы представить теперь нѣсколько замѣчаній. Уже въ глоссахъ Аккурсія на пандекты († 1260) находится разсказъ о томъ, какъ Греки послали въ Римъ мудреца, чтобъ узнать, достойны ли Римляне того, чтобъ имъ дать законы. «*Qui quum Roman venisset, Romani cogitantes, quid poterat fieri, quendam stultum ad disputandum cum Graeco posuerunt, ut si perderet, tantum derisio esset. Graecus sapiens nutu disputans coepit et elevavit unum digitum, unum deum significans. Stultus credens, quod vellet eum uno oculo excaecare, elevavit duos et cum eis elevavit etiam pollicem, sicut naturaliter evenit, quasi caecare eum vellet utroque. Graecus autem credidit, quod trinitatem ostenderet. Item Graecus apertam manum ostendit, quasi ostenderet omnia nuda et aperta Deo. Stultus autem timens, maxillatam sibi dari, pugnum clausum quasi repercussurus elevavit. Graecus intellexit, quod deus omnia clauderet palma: et sic credens Romanos dignos legibus recessit et leges his sapientibus concedi fecit in civitate Athenarum et Lacedaemonum.*» Замѣчательно, что побѣда шута надъ философомъ даетъ здѣсь Римлянамъ право приобрѣсть совершенные законы, какъ въ нашемъ разсказѣ содѣйствуетъ утвержденію христіанской вѣры. Обходя пересказы того же преданія въ европейскихъ литературахъ¹⁾, остановимся на одномъ произведеніи Ганса Розенблюта «*Ein disputaz eins freiheits mit eim Juden*»,

¹⁾ Указанія на нихъ можно найти въ статьѣ Рейнгольда Келера *Rosenblüts Disputaz eines Freiheits mit einem Juden*, напечатанной въ журналѣ Пейффера *Germania*, Vierter Jahrgang, 4-s Heft.

въ которыхъ подробно и очень близко къ нашему анекдоту рассказана таже борьба ¹⁾. Въ Нидерландахъ въ одномъ городѣ поднялся, «als man mir gesaget hat», большой споръ между жидами и христiянами. По предложенiю одного стараго жиди рѣшили наконецъ избрать съ той и другой стороны по мудрецу (meister) для диспута о вѣрѣ. Но христiяне не могли отыскать ни мудреца, ни ученаго доктора, которому можно бы было поручить дѣло.

So kombt gegangen in die stat
 Ein freiheit gar in schnöder wat
 Zue einem wirt er ein wart fragen.

Freiheit вызывается вступить въ диспутъ съ жидомъ. Христiяне довольны; снабжаютъ Freiheit приличной одеждой и, подкрѣпившись въ день диспута мальвазiей, онъ торжественно идетъ на мѣсто боя. Онъ предлагаетъ жидовскому философу, чтобъ не затягивать спора, рѣшить дѣло или тремя вопросами, или тремя жестами (mit drei deüten). Жидъ выбираетъ послѣднее и рѣшiе начинается. Жидъ поднимаетъ вверхъ одинъ палецъ, Freiheit въ отвѣтъ на то—поднимаетъ два. Жидъ объявляетъ себя побѣжденнымъ. «Я задумалъ (говорить онъ своимъ соплеменникамъ), что есть одинъ истинный путь; а онъ возразилъ мнѣ, что такихъ путей два: одинъ къ радости, другой къ скорби, одинъ въ рай, другой въ адъ». А Freiheit объясняетъ въ тоже время христiянамъ, что жидъ изъ мести хотѣлъ ему выколоть глазъ:

Do gedacht ist mir: wöll gott
 Mit helfen noch sein gnad senden
 An baiden augen will ich dich plenden
 Darumb ich jm dann zwen vinger pot.

Сошлись снова. Жидъ поднялъ вверхъ раскрытую ладонь, Freiheit сжатый кулакъ. Жидъ опять признаетъ себя побѣжденнымъ: раскрытой ладонью онъ хотѣлъ сказать, что милосердiе боже доступно всѣмъ и ни для кого не закрыто; а противникъ возразилъ, что оно не для всѣхъ отверсто. Freiheit объясняетъ христiянамъ: «жидъ хотѣлъ дать мнѣ пощечину, а я погрозилъ ему кулакомъ». Сходятся въ послѣднiй разъ. Жидъ вставилъ себѣ въ ротъ палецъ, а Freiheit всю ладонью потрепалъ себя по животу. Жидъ и здѣсь видитъ себѣ поражение. Онъ задумалъ, что всякая рѣчь исходитъ изъ устъ, а противникъ возразилъ, что рѣчь истекаетъ изъ сердца. Freiheit рассказываетъ своимъ, что жидъ жаловался на голодъ, а онъ чувствуетъ себя совер-

¹⁾ См. Fastnachtspiele aus dem fünfzehnten Jahrhundert. Stuttgart. 1853, III, p. 1113—19.

шенно сытымъ. — Жиды принуждены были оставить городъ, а Freiheit.

In hohe wird ward er gesetzt

Und auch sein lebtag wol gehalten.

Имена спорящихъ и въ нашемъ, и въ нѣмецкомъ разсказѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія: они могутъ навести на тотъ путь, которымъ пришло преданіе въ нашу и въ нѣмецкую литературу. Потерявши имя шута и обобщивши его личность, какъ представителя грубой необразованной черни, наши рассказы согласно называютъ жидомъ Тараскою; Disputaz Розенблюта, не зная имени жидомъ, называетъ его противника Freiheit, что по Келлеру значить Vagabund. Но намъ кажется, что имена вмѣстѣ съ завязкою разсказа заимствованы изъ византійскаго памятника, довольно рано получившаго извѣстность въ славянскихъ литературахъ ¹⁾ и упомянутого между прочимъ въ индексѣ отреченныхъ книгъ. Это *Обрътненіе о 12 пятъницѣхъ святаго Елферіа*. Здѣсь спорящіе названы *Тарсьемъ* жидовиномъ (позднѣйшій Тараска) и *Елеверіемъ* (Ἐλευθέριος—свободный, Freiheit). Этотъ византійскій разсказъ далъ обстановку и завязку нашему и нѣмецкому памятнику, какъ можно заключить изъ слѣдующаго начала *Обрътненія*: «Въ западнѣй странѣ есть земля лаоура в неиж есть град великын вѣпитан. в томъ же градѣ бяше множество жидовъ, и споръ имѣяхоу со крстьяны овогда в торгоу, овогда во вратѣхъ градных. и (въ?) спорѣ томъ побивахоуся. Се же быс при коринѣ при. и собрашас жиды, придоша ко крстьяномъ и рекша имъ доколе намъ злоба си межю собою имѣти не можемъ детей своихъ видѣти побиваемыхъ: изберитесь оубо себѣ моужа добра философа, а мы от себя другаго философа исберемъ да и та внидоуть в повѣсть. а мы слоушаемъ ею. то аше преприть вашъ философъ нашего философа, то мы крестимся; аше ли кто от нашихъ не крестится, то от васъ елицѣ яремъ боудет. аше ли нашъ философъ преприть вашег философа, то бы в нашу вѣроу идѣте. Се же глаголахоу жидове, надѣющеса на своего мудраго философа и любы быс крстьяномъ словесе ихъ. избраша крестияне от себе мужа богобоязнива именемъ елферія. а жидове от себѣ тарся. и начаста събиратися съходящася на едино мѣсто. а они слоушаютъ ею.» ²⁾ Дальнѣйшій разсказъ не имѣетъ отношенія къ изданнымъ нами памятникамъ; борьба ведется не жемами: главное

¹⁾ Караджичъ (Примѣри ерско-славенскога језика. У Бечу. 1837. стр. 26) указываетъ книжку, напечатанную на сербскомъ языкѣ, въ которой между прочимъ находится сказаніе о 12 пятки великие кое подобаетъ почитовати васакону христянину. ²⁾ По рук. XVI в. Син. биб., № 830, л. 7 об. Этотъ списокъ древнѣе нап. въ Православн. Собесѣд. 1859, № 2, стр. 190.

содержаніе *Обрѣтенія* разсказъ, какъ Елевверій узналъ отъ Малха, сына Тарсіева, о 12 пятницахъ.

Первое изъ напечатанныхъ нами словъ издано по списку конца XVII вѣка, скорописью, находящемуся въ Московской Синодальной Библиотекѣ, № 557; варианты къ нему подведены по списку гр. Уварова, прошлаго вѣка, входящему въ составъ Тульского сборника (л. 208 об. сл.). Списокъ Тульского сборника представляетъ одну редакцію съ синодальнымъ и озаглавленъ такимъ образомъ: *Слово отъ древнихъ писаній о вѣрѣ христіанствѣ и жидовствѣ*. Болѣе полная редакція напечатана по списку прошлаго же вѣка изъ сборника переводныхъ народныхъ повѣстей и романовъ, принадлежащаго И. Е. Забѣлину.

Н. Тихонравовъ.

1. *Слово о древнихъ списанныхъ о вѣрѣ христіанской і о жидовской, еже есть вопросъ первыхъ нижнійская* ¹⁾.

Нѣкии человекъ ²⁾ бѣша князь христіанскій, спираяся зъ жидовскими велможами о вере христіанской і жидовской. Рече князь христіанскій жидовскимъ велможамъ: *Наша вѣра* ³⁾ Богу угодна і святая. І рекоша жидовские вельможи: *Наша вѣра* лутше вашей; *наша вѣра* ⁴⁾ ізначала. І много вопреки глаголаша. *Последиже* ⁵⁾ рекоша: *Утвердимъ вѣру* едину между собою: *аще будетъ ваша христіанская вѣра* лутше нашей, і намъ внити въ вашу вѣру і креститися; *аще будетъ наша вѣра* ⁶⁾ лутше вашей, і вамъ внити въ нашу вѣру. Рече князь христіанскій на . . . . . философа іспыта . . . . . наж, которая *вѣра* лутше ⁷⁾. І рекоша жидовскіи вельможи: *Взыщемъ философовъ, вы отъ себя, а мы отъ себя і велимъ говорить передъ нами* ⁸⁾ отъ создания мира и доныне і до совершения ⁹⁾. И любо

¹⁾ Описки рукописи оставляемъ безъ поправокъ; на испорченныхъ мѣстахъ ставимъ точки.

²⁾ Этого слова въ списокѣ гр. Уварова нѣтъ.

³⁾ Въ сп. У.: *Наша оубо вѣра христіанская лутче.*

⁴⁾ Въмѣсто этихъ двухъ словъ въ сп. Ув.: *понеже.*

⁵⁾ Въ сп. У.: *А последи и ропту глаголаше: утвердилъ.*

⁶⁾ Это слово повторено въ печатаемомъ списокѣ два раза.

⁷⁾ Въ сп. У.: *И рече князь христіанскій: како намъ испытати, кая вѣра лутче?*

⁸⁾ Въ сп. У.: *Передъ народомъ.*

⁹⁾ Этихъ словъ въ сп. У. нѣтъ.

бысть обѣимъ: оучиниша срокъ і разыдошася вси. І начаша искати князь христианскій в своѣ вѣре христианска философа и искаше мѣсяць і не обретоша ни едина философа і печален бысть князь христианскій. И приде к нему скоморох ¹⁾ і рече скоморох князю христианскому ²⁾: Господине! ³⁾ аз хочу говорить і прѣки ⁴⁾ з жидовскими философы ⁵⁾ о вѣре нашей христианской и о жидовской. І снидошася на срокъ и помышляше ⁶⁾ велможи жидовския, что христианскій князь послалъ скомороха в философова мѣсто, а жидовския велможи послали ⁷⁾ философа отъ себя, іменемъ Тараска жидовина, мужа мудра и горазда к книгам і велерѣчива ⁸⁾. А жидовинъ татарской ⁹⁾ плешив, борода у него велика зело. І паки став татарской жидовина ¹⁰⁾, един перстъ устава скомороху і помысливъ скоморох: то ми хочеть глас выколот, и скоморохъ ему два перста уставн ¹¹⁾: аз тебѣ два глаза выколю. И снидошася оба вѣмѣсто ¹²⁾ и удари скоморох христианска ¹³⁾ жидовин по уху и рече ему: Послушай, христианскій философъ ¹⁴⁾: въ вѣрѣ вашей во ¹⁵⁾ святом евангиліи пишеть: аще хто тя ударит по ланите и ты и ему обрати и другую. Рече ему скоморохъ: Послушай, философъ жидовскій: въ том же во святом евангиліи пишеть: Како вам человекы творят ¹⁶⁾... і удари скоморох жидовина по уху и рече жидовин скомороху: Отгадай ты философе, загадку: курица ли от яйца или яйцо от курицы? И скоморох, сняв з жидовинна шапку і ударив жидовина въ плешь, и рече: Отгадай ты, философе жидовской: отчево

1) Въ сп. У.: *скомражъ*.

2) Трехъ послѣднихъ словъ въ сп. У. нѣтъ.

3) Въ сп. У. прибавлено: *князь христианскій*.

4) Ошибочно вмѣсто: *прѣки*: *Спиратися* въ сп. У.

5) *Съ жидовиномъ* въ сп. У.

6) *Увидѣша* въ сп. У.

7) *Выбрали* въ сп. У.

8) *Книгамъ гораздо наученъ и велерѣчивъ*.

9) Очевидно ошибка; слѣдуетъ: *Тараска*.

10) *И Тараска, ставъ далече*.

11) Послѣ этого прибавлено въ сп. У.: *и глаголю*.

12) *Вмѣстѣ*.

13) Это слово зачеркнуто въ рукописи.

14) *Послушай, скомраше, что азъ, жидовинъ, тебѣ глаголю*.

15) Въ рукописи: *но*.

16) Въ сп. У. вполне: *и вы иже такожде творите*.

трѣськѣ трещит от плѣшь ли или от руки или рука от плечи? И рече жидовин: Оставим то все; сочтемъ в году в коей вѣре празников больше, та и лутше вѣра. И рече скоморохъ: Добро реклъ еси, жидовине философе¹⁾; наперед в моей вѣре счести празниковъ въ году, а дай мнѣ у тебя изъ бороды по волосу рват і²⁾ класти перед собою и перед тобою; ино тебѣ внятно будетъ, а мнѣ памятно: сколько в году празниковъ и сколько котораго дни святых, и яз столко вырву у тебя волосов. А ты, жидовин, станешь щитать въ своей вѣре жидовской, сколько празниковъ въ году, и ты у меня по волосу рви изъ бороды³⁾, да клади перед собою і передо мною. И рече жидовин: Добро реклъ еси, философе⁴⁾: буди тако, і твори, ясеж хочещи⁵⁾. Рече скоморохъ жидовину. Послушай, философъ жидовьской: в нашей христіанской вѣре начало въ году празниковъ въ году⁶⁾ рожество Господа нашего Исуса Христа, иже вы, жидове, роспяше его на крестѣ зависти ради і въ трети день воскресе. А у жидовина волос із бороды выдрали і положили предо всѣми. А на завтрее⁷⁾ у нас рожество христове празникъ соборъ пресвятыя Богородицы. Да волоз же у жидовина вырвалъ. А на трети день святаго первомученика Стефана архидиакона. Да волозъ же у него вырвали⁸⁾. А на четверты день празникъ у насъ святыхъ мученик двѣ тмы. І поймав жидовина за бороду обѣими руками, выдрал⁹⁾ у него мало не всю бороду. А на пятой день празникъ у нас 14,000 избіенныхъ младенецъ¹⁰⁾. І выдралъ уже и остаток¹¹⁾ бороды; жидовин же, не стерпя стояти, і побежа посрамълень от ско-

1) Этой фразы въ сп. У. нѣтъ, а вмѣсто нея прямо: *Дай же ми, философе жидовине, напередъ въ моей вѣрѣ счести празники, сколько въ году.*

2) *Да стану тѣ вины класти...*

3) Въ сп. У.: *А сколько въ твоей вѣрѣ празниковъ, и ты оу меня столкоже оурви из брады власовъ, да клади...*

4) Этой фразы въ сп. У. нѣтъ.

5) *И сотворимъ то, жидовину та рѣчь полюбилася.*

6) *Начало есмъ празникамъ въ году первый празникъ рожество.*

7) *А на оутрѣи оу насъ рожества христова.*

8) Въ сп. У. постоянно прибавляется: *и положилъ передъ собою и предъ нимъ*

9) *Выдралъ бороды, сколько хотѣлъ.*

10) *14,000 младенцевъ, избіенныхъ от Ирода царя.*

11) *И скомрагъ оу жидовина и досталъ браду и с усомъ выдралъ до остатку, что ничего не осталось.*

мороха і вси жидове ¹⁾ разбегошася. Князь же христіанскій рад велми і даде даръ скомороху і и внѣкое мѣсто властелина скомороха постави его, вмѣсто воеводы ²⁾; область великую дасть ему ³⁾).

2. О преніи христіанъ съ жиды и о вѣрѣ стязанія.

Бысть убо въ нѣкое время: возсташа жиды на христіанъ и начаша ратовати на святую Христову вѣру и злословити хульными словесы и князя христіанскаго принуждаху о вѣрѣ, яко датъ имъ премудрѣйшаго философа, изряднаго ритора, ктобы сними претися о вѣрѣ и стязатися. Князь же христіанскій велми печаленъ бысть, потомъ и въ недоумѣніе впаде . . . . . положиша совѣтъ между собою, глаголюще, яко да утвердится вѣра . . . . . философъ мудрыхъ людей одинаго отъ христіанъ, а другаго отъ жидовъ и оставиша день, вонъже о вѣрѣ прѣнїю быти. Жиды избраша у себе одинаго жидовина мудраго и премудраго челоуѣка именемъ Тараску; христіанскій же князь нача изъ христіанъ взыскивати мудраго челоуѣка. И уже близъ день, вонъже имати о вѣрѣ истязатися, не можаху изъ христіанъ избрати такова велерѣчива и ученаго челоуѣка, кому бы съ жидовиномъ Тараскою о вѣрѣ глаголати: никтоже смѣяше, вѣдая такова мудраго челоуѣка жидовина Тараску. Князь же христіанскій нача плакати и тужити о семъ и сжалися зело, и во мнозѣ и велицѣ бывши недоумѣніи и не вѣдая, кому будетъ отвѣтъ творити ⁴⁾). И бысть же нѣкто скоморохъ, піяница голышъ кабацкій, размышляя въ себѣ: иду азъ за христіанскую вѣру съ Тараскою жидовиномъ истязатися: аще возвысится христіанская вѣра и побѣжду врага нашего Тараску, то немалую честь прїиму; аще препретъ мя Тараска и азъ не могу у жидовъ убѣжати. Той же скоморохъ плѣшивъ и обѣ единомъ оку, прїиде ко князю христіанскому и рече: «Господине, князю! хощу азъ

¹⁾ Прибавлено въ сп. У.: с великимъ срамомъ и стыдомъ посрамлены от скомороха.

²⁾ Въ печатаем. списокѣ: воеды.

³⁾ Въ сп. У.: И постави его во своей области властелиномъ на нѣкоемъ мѣсте славне и богатъ, и тако укрѣпился христіанская вѣра

⁴⁾ Въ рукописи: трити.

съ жи́ды о вѣрѣ христіанской истязатися: знаю азъ, господине княже! что права наша христіанская, а ихъ жидовская вѣра стараго закону.» И рече князь къ скомороху: «Какъ ты можеша съ Тараскою о вѣрѣ глаголати? Тараска жидови́нь мудръ бѣ человекъ и ученъ философи, а ты скоморохъ неученъ грамотѣ ни писанія; то твоя наука — что скоморошить и у христіанъ деньги выманивать?» И рече скоморохъ: «Княже, мой господине! и христіанъ обманивать надобно умѣючи; збодливаго обманить, а середнаго возвеселить, а скупаго добра и податливаго учинить. А, не учась, и у христіанъ ничего не добыть и головы своей не прокормить. И то, господине, учились памятно и по книгамъ отчасти; помню только немного и Тараску скоро побѣжду и васъ безпечальныхъ учиню, а жидовъ посрамленныхъ отпущу.» И князю угодна бысть рѣчь скоморошія и размышляя въ себѣ, яко есть въ немъ глубина премудрости, и вземъ князь скомороха и совлече съ него раздраныя рубища, и облече во свѣтлую одежду и повелѣлъ скомороха поставить на мѣстѣ, идѣже съ жидовиномъ претися о вѣрѣ. И тутъ приде на то мѣсто много жидовскихъ вельможъ, христіанскихъ немного бѣше. Вельможи же жидовскіи посмѣяшася, что князь христіанскій вмѣсто философа привелъ скомороха; Тараска же веселяся, что сталъ противу его не мудрецъ, но глупецъ, скоморохъ и голышъ кабацкій іму (?) его побѣдити, надѣяся на свою хитрость и велерѣчіе. Тараска же плѣшнѣвъ и брадатъ зѣло. И стаха оба прямо другъ друга молча; Тараска жидови́нь нача скрытыя премудрости творити: поднявъ руку высоко, и помысли: кто сотвори небо? И скоморохъ помысли въ себѣ: «Хочетъ де меня въ голову ударить»; и махнулъ рукою по земли и помысли: «Ты де меня въ голову, а я тебя по боку.» Тараска же мысляше: «Я де указалъ вверхъ рукою — кто сотвори небо? а онъ, махнулъ рукою — тотъ де и землю; и онъ ту де мою загадку отгадалъ: тотъ же будетъ судити и на земли.» Тараска же устави персть единъ концемъ къ скомороху и помысли: «Богъ единъ сотвори человека единаго Адама.» А скоморохъ помысли «что де азъ кривъ и онъ хочетъ и другой глазъ выколоть», и постави ему концемъ два перста и мыслями: «Я де тебѣ и оба выколю.» Тараска же мысляше:

«Азь де загадалъ, что Богъ сотвори Адама, а онъ де казалъ: тойже сотвори и Евву.» И мысляше Тараска, яко зѣло премудръ скоморохъ отвѣтъ творить. Тараска же указа на ожегъ и помысли: «Чего ради бѣси черны?» Скоморохъ же мысляще: яко хошетъ меня ударить ожегомъ и указа на смоленой помазъ, и помысли: «Ты де меня ожегомъ, а я тебя помазомъ.» Тараска же помысли: «Я де подумалъ: чего ради бѣси черни? а онъ де сказалъ: и втрѣд имъ въ смолы.» Жидовинъ же Тараска постави перстъ съ крюкомъ и повернулъ къ себѣ и помысли: «Кого де такъ тянуть бѣси крюками въ муку?» Скоморохъ же помысли: «Ты де хощешъ вернуть за шею крюкомъ?» И взявъ шесть и укололъ его концемъ въ груди и помысли: «Ты де меня крюкомъ, а я тебя шестомъ.» Тараска же помысли: «Я де загнулъ, что грѣшниковъ такъ стануть бѣси тянуть крюками *), въ муку пихать.» Тараска же подъя руку, единъ перстъ скорча, выше главы скомороховы и помысли: «Чего ради бѣси все крюками?» Скоморохъ же помысли: «Такъ онъ хошетъ меня одною рукою за волосы поднять.» Скоморохъ же, поднявъ обѣ руки кверху, и помысли: «Ты де меня одною рукою, а я тебя обѣми стану драть.» И нача скоморохъ Тараску за волосы драть и волочить; и, поволоча ринулъ его отъ себя о землю. Жидовинъ же возста отъ земли и помысли: «Я де подумалъ, что бѣси въ день страшный суда будутъ съ крюками; а онъ мнѣ и отгадалъ: ангели де ихъ тако мучили и съ небеси въ преисподнюю сверзали.» И удивляяся Тараска скоморошью отвѣту премудрому: яко огонь палашъ вода угашаетъ, тако глупаго отвѣтъ премудраго велерѣчіе посрамляетъ. Тараска же рече къ скомороху: «Полно намъ молча загадокъ загадывать: я къ тебѣ съ загадками, а ты ко мнѣ съ дракою.» И удари Тараска скомороха по уху и рече: «Послушай, христіанскій философ! По вашей вѣрѣ во святомъ евангеліи написано: аще кто тя ударить по деснѣй ланитѣ и ты обрати ему и другую.» Скоморохъ же рече: «Послушай, брате Тараска: въ томъ же евангеліи написано, якоже хошете да творять вамъ челоуѣцы, и вы такожде имъ творите.» И удари Тараску по уху и рече: «Отгадай, брате Тараска: курица ли отъ яица или яицо отъ курицы?» Тараска же отвѣта никакова ему не даде. Потомъ

Тараска, снемъ шапку скомороха, и удари его по плѣши и рече: «Отгадай, брате скомороше: отъ чего треснуло, — отъ руки или отъ плѣши?» И рече Тараска: «Брате скоморошо! оставимъ то все и станемъ считать въ году праздники: и въ которой вѣрѣ болѣе праздниковъ будетъ, то въ тое вѣру и вѣровать станемъ!» И рече скоморохъ: Добро реклъ мнѣ такое слово: твори тако. Тольки дай ты мнѣ брате Тараска, напредъ въ моей вѣрѣ праздники всѣ и прочихъ святыхъ въ году исчитати и утвердимъ между собою вѣру крѣпку и неподвижну; только дай ты мнѣ противъ всякаго праздника изъ браны по волосу вырвать и предъ себя полагать; тебѣ будетъ памятно и мнѣ внятно: сколько во дне праздниковъ и во дне святыхъ, и азъ столько у тебе изъ бороды и волосовъ вырву. А послѣ ты, брате Тараска, станешь свои праздники считать во своей вѣрѣ и сколько начтешь праздниковъ, столки и я изъ броды волосовъ дамъ — на всякой праздникъ по волосу.» И рече Тараска скомороху: «Брате скомороше! добре реклъ еси; твори тако: любо мнѣ такое слово.» Потомъ рече скоморохъ жидовину: «Послушай, брате Тараска: въ нашей христіанской вѣрѣ начало всѣмъ праздникамъ въ году рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, его же вы зависти ради распяша на крестѣ и въ третій день воскресе изъ мертвыхъ.» И вырванъ у Тараска изъ броды единъ волосъ и положилъ предъ собою и предъ нимъ; жидовинъ же Тараска воздохнувъ зѣло тяжкія ради болѣзни. Рече же ему скоморохъ: «Се первый у насъ праздникъ сказахъ ти ¹⁾ и единъ власъ браны твоя вырвалъ; ты же не скорбѣлъ еси. И еще повѣмъ ти: Назавтріе рождества Христова праздникъ Соборъ Пресвятыя Богородицы.» Да у жидовина и другій власъ вырвалъ и положилъ предъ собою и предъ нимъ; жидовинъ же вельми скорбенъ бысть о изгубленіи браны своя. Скоморохъ рече ему: «Что скорбиши, брате Тараско? Терпи за вѣру свою: аще до конца претерпиши, то спасенъ будеши. На третій день рождества Христова праздникъ первомученика и архиѡдіакона Стефана и съ нимъ убиенныхъ Никодима и Малелеиха и иныхъ многихъ, ихъ же

¹⁾ Въ рукописи: *сказати*.

жиды каменіемъ побиша.» И вырвалъ у Тараски три волоса и положилъ предъ собою и предъ нимъ. Тараска же возопи гласомъ велимъ и рече: «Охъ мнѣ! погубилъ.» Жидове же уныли бяху, стояще, и рекоша ему: «Терпи, брате Тараска, закона ради нашего.» Скоморохъ же рече ему: «Тараско! Слушай, внятно чтобъ тебѣ было и впередъ памятно: на четвертый день рождества Христова праздникъ двѣ тмы мученикъ Христовыхъ.» И взявъ Тараску за браду обѣма руками и нача у него браду драти. Жидовинъ же хотя бѣжати и нача скакати и вопети: «Горе, горе мнѣ! яко обезумился еси: даль браду свою драти.» Жидове же стояще поблѣдоша и отепенѣвше отъ страха и рекоша вси со слезами: «Терпи, брате Тараско: то у насъ послѣдней праздникъ.» А у Тараски уже брады мало осталось. Скоморохъ же рече: «Еще не послѣдней праздникъ. Начало праздниковъ сіе. Потѣха приходитъ тебѣ, брате Тараско, не къ смѣху, но къ плачу. Ещежъ на пятой день рождества Христова праздникъ 4000 младенцевъ, отъ Ирода царя избіенныхъ и отъ васъ жидовъ: укажите, какъ вы избили ихъ.» И, взявъ жидовина за остатки брады и нача драти, и терзати, и мечемъ посѣкати, и рече: «Такъ вы младенцевъ побивали во время рождества Христова въ Вилеємѣ іудействмъ.» Тараска же нача вопити велимъ гласомъ: «О горе мнѣ, погнѣохъ, яко попадохъ въ немилостивы руки скоморошьи.» Скоморохъ же и остатки брады у Тараски вырвалъ и рече ему: «Жестоко ти есть протива роджу прати: тако и вамъ жидамъ противу истинныя вѣры стояти.» Князь же христіанскій со христіаны нача веселитися и глаголати: «Велеумный и велерѣчивый жидовскій философѣ, Тараско! Что, шалуна себя давъ, стоиши поруганъ, аки бѣсъ безхвостой? Гдѣ твоя брада? гдѣ твой разумъ и велерѣчіе? Гдѣ премудрость еллинская? гдѣ твоя наука философская? гдѣ твоя слава и честь жидовская? Разумѣй, какова вѣра христіанскаго: пьянаго глупость погубила философскую мудрость.» И потомъ скоморохъ рече къ жидовину: «Послушай Тараско: еще у насъ впреди все праздники господскіе — крещеніе господне, обрѣзание господне и прочіе; а у тебя въ брадѣ нѣтъ ни единого волоса, а на головѣ и не осталась, что имаша противу праздниковъ ставитъ. Отсѣку тебѣ и руки и ноги, а

противу обрѣзанія обрѣжу тебѣ губы и носъ.» Тараска же стоя, плача и рыдая горько и вси жида съ нимъ. И отъ страха и срама бѣжаше Тараска и вси жида съ нимъ побѣгоше, вельми посрамленн, и срама ради не могуще зрѣти на христіанъ о погибели мудреца своего Тараска. И вопіяху вси единогласно: «Како ты обезумих(ом)ся, Тараска? отъ христіанъ бѣжишь поруганъ.» Глаголюще: «Како скоморохъ, — не книжникъ, но пїяница и голышъ кабацкій всѣхъ книжниковъ и ученыхъ посрамилъ, но и всѣмъ вѣчный положилъ позоръ?» Скоморохъ же нача плясати, и играти, и жидовскую вѣру ругати. Князь же нача со христіаны веселитися; князь же даде скомороху много имѣнія и постави его властію, и неотступно велѣ ему себя веселити. Скоморохъ же нача постоянно жити и всегда Бога благодарити, ему же слава ¹⁾ всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ Аминь.

ИНТЕРМЕДИЯ

НА ТРИ ПЕРСОНИ: СМЕРТЬ, ВОИНЪ И ХЛОПЕЦЪ ²⁾.

Воинъ выходитъ и мовитъ:

Я есть воинъ славнїй,
 Всему свѣту справнїй;
 Вишоль звитязяючи,
 Зе много звитязаль:
 Якъ би съ тоєю смертію
 Спробовать самъ (ся малъ?)
 Звѣдати забилъ з луку:
 Нехай смерть не попадается въ мою руку!

Смерть вниде и мовитъ:

Отъвожъ и я тутъ, Смерть, завитала,
 Же бимъ ся съ тобою, воине, спробовала.
 Самсонъ былъ наднїй,

¹⁾ Это слово въ рукописи пропушено.

²⁾ Предлагаемая интермедія заимствована мною изъ сборника разныхъ народныхъ произведенїй, составленнаго въ 1788 году на югъ и подареннаго въ мою бібліотеку А. А. Камковымъ. Въ рукописи печатаемая статья названа: *Интермедія на три персони: смерть, воинъ и хлопецъ.* Ред.

(Соломонъ) ¹⁾ мудрїй;
 А я надъ Самсономъ сильнѣйша,
 А надъ Соломономъ мудрѣйша.

Воинъ говоритъ:

Почто, Смерте, мене война лякаешъ?
 Покажи мнѣ, шо ти за поратунокъ маешъ?

Смерть говоритъ:

Ото: косу, грабль, заступъ маю.
 Еще царей, и королей и гетмановъ стинаю.
 Не вважаю я на святїи патріархи,
 Закопую я въ землю владки и великіе монархи,
 И еще съ тоби, воине, могу ся спробовати,
 Лукъ еще щастя стяти.

Воинъ наставляеть шаблю, а Смерть косу. Воинъ говоритъ:

Вставай, Смерте, тута со мною,
 Будемъ битися съ тобою.
 Хлопче! подай мнѣ стрелбу,
 На смерть буду.

Хлопецъ подае стрелбу, а смерть говоритъ:

Не уповай, воине, на тѣлесное здравіе,
 Воспомяни небесное царствіе и житіе вѣчное:
 Видиши ти, яко силніе и мудріе умирають,
 Нѣ ве келяхъ, нѣ дворахъ предо мною ся ни сховають.
 Не надѣся, воине, на мимоходящую красоту:
 Бо ей оберну въ самую темноту.

Воинъ стреляючи говоритъ:

А вжежъ побачимо: кто кого звоуетъ,
 Той живъ до дому поидеть.
 Стреляю якъ упія, таки могу застрелити я тебѣ:
 Бо ти по свѣту людей заидаешъ
 И въ темніе гроби ихъ упровожаешъ;
 Уже не будешъ людей заидати.
 Буду на тебе з лучницы стреляти.

Стрелилъ воинъ и говоритъ:

Смерте сухоребра!
 Стрѣлилъ воинъ у твои ребра.

Смерть упаде, а воинъ ²⁾ звалится:

Уже панъ смерть застрѣлилъ

¹⁾ Это слово въ рукоп. пропущено.

²⁾ Такъ въ рукописи. Вѣроятно, должно быть. *хлопецъ*.

Такъ, якъ самъ хотѣлъ:
Уже не будетъ болшъ людей заидати
И на поединокъ война призивати.

Смерть встанетъ отъ стрелби и мовитъ:

Безуміе все, войне, сотворяешь.
И почто на Смерть страляешь?
Самъ Христосъ плотію умиравъ
И намъ ¹⁾ свой образъ показаль,
Матфусамъ жилъ девять
Сотъ лѣтъ и еще девять.
Помишлай день страшній:
Бо пойдемъ во гробъ темній.

Воинъ мовитъ:

Почто мя, Смерте, гробомъ устрашаешь
И почто надо мною косою махаешь?
Стрелбу вседобрую маю
И до тебѣ якъ унія страляю

Воинъ стрелилъ, а смерть воина затнать и мовитъ:

Востани, войне. Ко Богу
Ото заразъ пойдешъ подъ ногу.
Кто творяй, войне, таковая,
Яко же ти творишь вся злая?
Яко же свиня лѣзешъ до калу,
Ото заразъ упадешъ къ земному долу.

Воинъ лежаши мовитъ.

Дивная и морская Смерте!
Пришла еси воинву главу стерти:
Трепещьми гро очима взираю (?)
Съ тоюжь ити до гробу маю,
Связанъ вняѣ многими грѣховъ пленицами.
Отъ южъ служацу темній дворь,
Широкій путь, оде усадніе власти
И ворота теперь павшы
Въ темность въ гробъ гнисти.
Горе будетъ отсилаемому у муку!
Подай, войне, Смерть свою руку
И зъ людми ужъ попрощайся,
А тутъ и не обавляйся.

Аминь.

¹⁾ Въ рукописи *нашъ*.

III.

СМЪСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

МИНИАТЮРЫ ОСТРОМІРОВА ЕВАНГЕЛІЯ.

Извѣстно, что знаменитая рукопись, написанная въ 10⁵⁶/₅₇ году для новгородскаго посадника Остромира, украшена четырьмя миниатюрами, изображающими четырехъ евангелистовъ, заставками и многочисленными заглавными буквами. Всякій, кто знакомъ съ памятниками средневѣковаго искусства, съ перваго взгляда съумѣеть отличить въ этихъ живописныхъ произведеніяхъ двѣ руки: миниатюры принадлежатъ одному художнику, и именно живописцу, и изготовлены для этой рукописи, а не взяты изъ какой-либо другой, напримѣръ греческой и приставлены на свои мѣста для явшаго изукрашенія этого манускрипта, что вообще часто встрѣчается въ рукописяхъ. Это доказывается какъ пергаменомъ одного достоинства, такъ и одинаковой съ пергаменомъ писаннаго текста величиною. Заставки же и заглавныя буквы явно, по исполненію своему, принадлежатъ другому художнику—каллиграфу, на которомъ лежала обязанность украшать рукописи подобными орнаментами послѣ окончанія переписки текста, что доказывается многими неоконченными средневѣковыми манускриптами и даже нѣкоторыми типографскими инкунабулами. Оставляя въ сторонѣ послѣднія живописныя украшенія Остромирова Евангелія, какъ относящіяся къ средневѣковой каллиграфіи, я осмѣливаюсь обратить вниманіе знатоковъ средневѣковой живописи только на миниатюры четырехъ евангелистовъ. Когда разсматриваешь ихъ, невольно рождается вопросъ, рѣшеніе котораго тѣсно связано со всѣмъ состояніемъ искусства въ древнѣйшую эпоху Россіи: принадлежатъ ли эти изображенія византійскому живописцу, Греку, научившемуся въ Византіи своему искусству, пріѣхавшему къ намъ и работавшему для нашихъ религіозныхъ потребностей, или они оригинальное произведеніе русскаго художника? Если допустить первое, то замѣчательное исполненіе этихъ произведеній и всѣ ихъ особенности вполне становятся понятны. Если же согласиться на второе, то должно допу-

стить, что въ ту эпоху, когда былъ написанъ этотъ древнѣйшій памятникъ церковно-славянской письменности, искусство въ Россіи находилось на такой высокой степени процвѣтанія, какъ и въ Византіи, и въ ней проявляется тотъ же фактъ, какъ и въ этой послѣдней странѣ; а именно, съ каждымъ вѣкомъ искусство въ ней падаетъ глубже и глубже. Кромѣ того надо допустить, что если одна вѣтвь искусства, — и притомъ весьма второстепенная, каково изукрашеніе манускриптовъ, — находилась на такой степени процвѣтанія въ XI-мъ столѣтіи въ Россіи, то другія, болѣе самостоятельныя, вѣтви искусства, каковы архитектура, стѣнная и иконная живопись, стояли еще выше и слѣдовательно Россіи, для созиданія храмовъ, не нужно было призывать ни въ то время, ни послѣ напр. зодчихъ изъ Византіи, Германіи и Италиі. Кромѣ того, допуская послѣднюю гипотезу, слѣдуетъ также допустить, что русскіе художники XI вѣка, во внѣшнихъ отношеніяхъ, позволяли себѣ работать совершенно по волѣ своей художественной фантазіи, потому что въ этомъ-то отношеніи именно миниатюры Остромирова Евангелія и представляютъ замѣчательное даже въ византійскомъ искусствѣ исключеніе, на которое никто до сихъ поръ не обратилъ вниманія.

Уже въ статьѣ моей «О состояніи живописи въ сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала романской эпохи», напечатанной въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1859 г., я старался провести мысль и доказать ее фактически, что въ миниатюрахъ средневѣковыхъ рукописей вообще отражается самымъ полнымъ образомъ состояніе живописи, каждаго вѣка, стиль каждаго вѣка и направленія его различныхъ школъ. Но, изучая памятники средневѣковой миниатюрной живописи я сдѣлалъ еще другое любопытное наблюденіе: не говоря объ общемъ характерѣ стиля эпохи, лежащемъ на этихъ произведеніяхъ, ихъ автора любили иногда передавать въ своихъ крошечныхъ созданіяхъ стиль тѣхъ художественныхъ предметовъ, которые въ извѣстную эпоху находились въ модѣ. Сколько ни покажется это страннымъ съ перваго взгляда, но вѣроятно всѣ знакомые съ внутреннею жизнью среднихъ вѣковъ знаютъ, что мода въ эти наивныя времена тиранствовала стольже сильно, какъ и въ наши. Такъ напр. когда въ западной Европѣ вошли въ большую моду расписанныя стекла въ церквахъ, то миниатюрные живописцы воспроизводили въ точности технику этихъ произведеній въ своихъ миниатюрахъ. Я нашелъ нѣсколько примѣровъ тому. Когда крестоносцы съ востока привезли съ собою восточныя ткани и ковры, то миниатюристы начали переносить въ свои миниатюры странные рисунки, иногда восточно-религіознаго характера, которыми изукрашали тексты религіозно-хри-

стіанскихъ твореній. Въ X столѣтїи высоко процвѣтала въ Византіи эмалевая живопись: многочисленныя произведенія ея были въ общей модѣ (см. мою статью: Исторія византійской эмали, въ первой книжкѣ Л. Р. Л. и Д.). Миниатюристъ, украсившій Остромирово Евангеліе, воспроизвелъ въ своихъ четырехъ миниатюрахъ всю технику такъ называемой *инкрустированной* эмали, бывшей тогда въ исключительномъ употребленіи въ Византіи (см. стр. 40 сейчасъ названной статьи). Вотъ почему миниатюры Остромирова Евангелія представляютъ совершенное исключеніе въ византійской живописи и любопытно было бы найти другіе, схожіе съ ними, примѣры. Глядя на эти миниатюры, можно принять ихъ съ перваго взгляда за эмали: очертанія фигуръ сдѣланы какъ-будто изъ золотыхъ пластинокъ и промежуточные пространства между ними наполнены соответственной каждому изображаемому предмету краскою. Если эти миниатюры — оригинальное произведеніе, то живописецъ, ихъ написавшій, долженъ былъ быть хорошо знакомъ съ техникою эмали. Не совсѣмъ вѣроятно, чтобы онъ списалъ ихъ съ дѣйствительныхъ эмалевыхъ напр. иконъ, потому что едвали на иконахъ евангелисты изображались въ этихъ самыхъ позахъ. Византійскій живописецъ легко могъ знакомую ему технику воспроизвести въ своихъ миниатюрахъ; напротивъ едва ли въ XI столѣтїи была она обще-извѣстна и распространена въ Россіи. Наконецъ можно допустить еще одно и послѣднее предположеніе: миниатюры Остромирова Евангелія могутъ также быть копіями съ неизвѣстныхъ намъ византійскихъ миниатюръ, точно такъ же исполненныхъ, и въ такомъ случаѣ копіями русскаго художника, воспитаннаго въ византійской школѣ. Но руки копіиста я въ нихъ не замѣчаю: исполненіе ихъ чрезвычайно самостоятельно. Древнѣйшій памятникъ русской живописи есть въ тоже время лучшій и древнѣйшій образецъ миниатюрной живописи въ нашемъ отечествѣ.

Я сочту себя счастливымъ, если эта замѣтка вызоветъ болѣе подробное изслѣдованіе этого важнаго памятника живописи и всѣхъ связанныхъ съ нимъ вопросовъ, чѣмъ мнѣ можно было это сдѣлать во время недавняго кратковременнаго моего пребыванія въ Петербургѣ.

К. Г е р ц ъ.

ЖЕНИТЬБА СОЛНЦА НА КРАСАВИЦѢ ГРОЗДАНКѢ ¹⁾.*(Бомарская сказка).*

У Славки дѣти не живутъ; но вотъ родила Славка дѣвочку, которая собою очень хороша; Славка думаетъ и гадаетъ, какое бы дать имя своей дочери. Назвала она ее Грозданкой: пусть будетъ это имя грознымъ. Росла Грозданка и выросла, стала ужь большой дѣвицей, а Солнце ни разу еще не видало ея. Разъ Грозданка вышла погулять въ батюшкинъ садикъ, передъ батюшкинымъ дворомъ. Тамъ-то и увидало ее Солнце! Увидавши ея, оно три дня и три ночи трепетало, трепетало и не заходило. А мать ему ужь приготовила ужинъ, приготовила и думаетъ: «отъ чего бы это запоздало Солнце?» Только что Солнце воротилось домой, мать стала было журить его, журила а сама спрашивала: «Солнушко, матушкино дитятко! отъ чего ты, солнце, запоздало? а я тебѣ и ужинъ было приготовила, ужинъ изъ яловой коровы и девяти печеныхъ кислыхъ хлѣбовъ». А Солнушко и говорить матери: «Знай же, матушка, знай, какую я усмотрѣлъ дѣвушку на дольней землѣ, на другомъ свѣтѣ! Если не возьму за себя этой дѣвушки, не буду я такъ ясно восходить, какъ до сихъ поръ восходилъ. Или, матушка, иди; иди ты, матушка, къ Богу, иди да спроси Его: можемъ ли мы ее взять, живую сюда поднять и могли я на ней жениться». Приходитъ мать солнцева къ Богу и говорить: «Боже, благодарю тебя! Солнце тужить и горюетъ: увидѣло

¹⁾ Заимствуемъ эту сказку изъ книги Раковскаго: Показалець или руководство, какъ да ся изисквуть и издирють най стари чърти нашего бытїя, языка, народопокольнїя, стараго ни правленїя, славнаго ни прошествїя и проч. часть първа Одесса. 1859. Въ этомъ сборникѣ есть нѣсколько любопытныхъ подробностей о бытїи и устной поэзиі Болгарскаго народа, хотя попытки ученаго объясненїя ихъ мало удаются издагслю. Переводъ предлагаемой сказки сдѣланъ г. Истринымъ.

оно разъ дѣвицу внизу, на дольней землѣ; можно ли и прилично ли намъ взять эту дѣвицу къ себѣ живую?» Господь отвѣчаетъ матери: «Старушка ты, солнцева матушка! можно и пристойно. Давайте спустимъ золотыя качели на дворъ Грозданкинъ, опустимъ ихъ въ самый Егорьевъ день: пусть приходятъ сюда и малые и большіе, пусть на здоровье качаются на нихъ. Послѣ всѣхъ придетъ сюда и Грозданка, сядетъ она на эти качели, будетъ на нихъ качаться; тогда мы поднимемъ эти качели и давайте возьмемъ ее къ себѣ на высоту». Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Въ самый Егорьевъ день спущены были золотыя качели на Грозданкинъ дворъ. Качались большіе и малые, качались на здоровье. Качались всѣ и перекачались, наконецъ пришла сюда и Грозданка, мать сама ее качала. Только что сѣла она на качели, и покрылось все вдругъ темною мглою, качели сдвинулись и, какъ пошли онѣ на верхъ, мать начинаетъ плакать о своей дочери и наказывать ей: «Грозданка, милая дочка! Девять лѣтъ кормила я тебя, и девять лѣтъ, смотри, не говори ни со свекоромъ, ни съ свекровью, ни съ первымъ любимымъ женихомъ». А Грозданкѣ почудилось: девять лѣтъ не говори! И вотъ Грозданка девять лѣтъ не говоритъ ни со свекоромъ, ни со свекровью, ни съ первымъ женихомъ—солнушкомъ. Грустно стало Солнцу, что Грозданка—нѣмая; и хочетъ онъ взять за себя другую дѣвицу, которая бы не была нѣма. Грозданка же будетъ кумой (шаферомъ), Грозданка обвиняетъ ихъ. Затѣяли большую свадьбу. Грозданка накинула на невесту покрывало; а покрывало вдругъ само и вспыхнуло. И проговорить тогда невеста изъ-подъ покрывала: «Грозданка, опытная прислужница! если ты изъ нѣмыхъ нѣмая, то не изъ слѣпыхъ слѣпая, чтобы зажечь мое покрывало!» Грозданка засмѣялась и сказала невестѣ такое слово: «Не зажигала я твоего покрывала, и не нѣмая я изъ нѣмыхъ, не слѣпая изъ слѣпыхъ. Мнѣ матушка говорила: девять лѣтъ я тебя кормила, девять лѣтъ за это не говори ни со свекоромъ, ни со свекровью. Теперь ужъ минуло девять лѣтъ, теперь хочу я говорить». Услыхало о томъ Солнце и старая его мать, солнцева: невесту назадъ вернули, а Грозданку съ Солнцемъ обвинчали.

СКАЗКА ОБЪ ИВАНЪ БѢЛОМЪ ¹⁾.

Билъ себѣ царь да в его три дочки, а 1 синь, и жили себѣ въ пущахъ и такие у нихъ доми хорошие и пришло до ихъ въ ночи подъ окно и рече: «Добри вѣчеръ тебѣ, царю!» и говоритъ подъ полатами: «Царю! отдай за мене старшую свою дочарь». Царь въ полатахъ озвавшись и рече: «Коли добъре, иди въ хату». Старшая дочарь ево отворила дверѣ и взглянула: и воно ухватило и помчало. Царь же, схватившись ис хоромъ, и ише велми усюди по пущамъ и не сискалъ. На другую ночь пришло подъ окошко и рече царю: «Отдай за мене подстаршую дочарь». Царь въ полатахъ озвавшись і рече: «Коли добре, иди въ хату». Подстаршая дочарь ево вискочила ис хати и (воно) вхватило и помчало. Царь, схватившись с хоромъ, и ише велми усюди и не сискалъ и скорбель велми дуже. И умре царь и царица и осталься синь и меншая дочарь, и приде черезъ три дни у глухую ночь под окошко и рече: «Отдай, царевичу! меншую сестру». И царевичъ в полатахъ озвавшись: «Коли добре, иди в хату». І меншая сестра ево отсунула окошко и взглянула, и вхватило и помчало, Богъ знае хто и вѣдкул. И царевичъ велми тужилъ и плакалъ, искалъ и не сискалъ и пошелъ искать, и шелъ 3 недѣли и бьются три человека и говоритъ имъ царевичъ: «За что ви бьетесь?» И вони, смотря на ево красоту, и говорятъ ему: «За баткѣвщину». И говоритъ царевичъ: «За какую баткувшину?»—За шкарупѣлку, за шапку, за чоботи. И онъ говоритъ тимъ человекамъ: «А якая то шкарупѣлка, и шапка, и чоботи?» И тиі человеки говорятъ: «Шкарупѣлка такая, что куля не пробуе и утѣшная; а шапка якъ наложить на голову, то и человека не видно; а чоботи такие, якъ убуется да и скажетъ: несѣтъ мене, куди я исхожу, то они и понесутъ». Царевичъ имъ говоритъ: «Пойдѣте у тое лози и вѣрѣжте по луку и по стрѣльцѣ и стрѣлянте: да кто далѣ стрелить, тому и ска-

¹⁾ Эта сказка заимствована нами изъ того же сборника Е. Д. Филимонова, изъ котораго взяты и *заговоры на оружіе*, напечатанные въ 4-й книжкѣ «Лѣтописей».

рупѣлка, а кто ближе, тому чоботи, а кто ище ближе, тому шапка». ~~А~~ они съ радостію поишли у лози, а царевичъ, шапку на голову наложивъ, у чоботи убувся, у шарупѣлку одѣвса и сказалъ: .....¹⁾ Вдарилъ и говоритъ: «Знать у тебе бахури есть». Она и сказала: «Чтожь? мой братъ приходилъ, да твоего духу спужался и не знаю, где девался». Онъ его искать. Какъ узялъ плакать и говоритъ: «Колибъ я его найшолъ!...» Жена ему говоритъ: «Чтожь? якъ ти его найдешъ, ти его зальешъ, ти его забьешъ». И говоритъ: «не буду». А онъ въ (за)куте сиделъ и вишолъ. «Здоров, зятю!» И онъ говоритъ: «Здоров, шурину!» И поздоровкался, стали пить и гулять, и говоритъ шуринъ: «Зятю! навъчи мене своего лицарства». И онъ говоритъ: «Навчу.» И вишли ис полать и перекинулись громомъ и поднялись високо, стали стучеть и греметь: учитель хорошо, а ученикъ лутче. И прилетѣли и стали пить и гулять. И сказалъ «Зятю! прощайте». Они плачутся, не пуцаютъ ево; онъ и пошелъ за дворъ, и клонился и пошелъ и сказалъ на чоботи: «Несѣтъ мене до пѣдстаршой сестры». И ишолъ онъ лесомъ 4 дни и пришолъ у такие пуши и нетры! И поишелъ у тие пуши — и тамъ городъ каменной, и пошелъ у той дворъ и въ томъ дворѣ хороми каменные, а его сестра подстаршая на горницѣ своему мужу сребромъ хусточки шіе. И вскочила изъ горницы до ево; онъ заговоривъ; до ево собаки сунулись, сестра ево обороняе, онъ и вскочилъ на горницу. И поздоровкались и спрашиваетъ ево сестра: «Зачимъ ти, брате, сюди заишолъ?» И говоритъ: «Ноги занесли». И спрашиваетъ: «За кимъ ти, сестра моя любезная? Кто твой мужъ?» И она говоритъ: «Мой мужъ дощъ. Охъ! мой мужъ лихъ: какъ онъ прилетитъ, онъ тебе зальетъ, онъ тебе забьетъ! где мѣнѣ тебе и сховати?» Онъ говоритъ: «Не бойся, сестро!» Онъ и летитъ, вдарился въ дворе и перекинулся молодцомъ краснимъ и воишелъ у хоромы и говоритъ: «Что руская кость воня?» А жена ему говоритъ: «Где бивалъ, где ти леталъ, тамъ ти русской кости набрався и тутъ тобѣ воня». Онъ ее въ щоку вдарилъ и говоритъ: «Знать у тебе бахуры есть?» Она и сказала: «Чтожь? мой братъ приходилъ, да твоего духу спужался, не знаю, гдѣ девался». Онъ сталъ искать; какъ узялъ плакать и говоритъ, что «колибъ я его найшолъ».... Жена ему говоритъ: «Чтожь? якъ ти ево найдешъ, ти его зальешъ, ти его забьешъ?» И говоритъ:

¹⁾ Здѣсь одного листка не достаесть; но нить разсказа, благодаря эпическому повторенію частныхъ, легко восстанавливается изъ послѣдующаго. Царевичъ пожелалъ перенестись къ своей старшей сестрѣ. Услыхавши о возвратѣ своего мужа, она спрятала его; но громъ сталъ допрашивать жену: отчего русскимъ духомъ пахнетъ.

«Не буду». А онъ за столомъ сидель и вишоль: «Здорово, зятю!» «Здорово, шурина!» И поздоровкались и стали пить и гулять и говорить: «Зятю! навчи мене своего лицарства». И онъ говоритъ: «Навчу». И вишли изъ полатъ и перекинулись дошемъ, и стали литъ, топить села и города: учитель гораздъ, а ученикъ лутче. И прилетѣли и стали пить и гулять. И сказалъ: «Зятю! прощайте». Они плачутся, не пуцають ево, онъ и пошелъ за дворъ и поклонился, и пошелъ и сказалъ на чоботи: «Несетъ мене до меншої сестры». Шоль онъ лесомъ 8 день и въ лесу каменной городъ такой, что не можно перелѣзть, ни птицѣ перелетѣть. И пошелъ у той городъ и въ томъ городе каменни полати и ево сестра на горнеци своему мужу хусточку шолкомъ шие, а прикованіе на воротѣхъ олень..... на головѣ то семь роговъ; и скачилъ на горнецу и поцеловался съ своею сестрою и спрашиваетъ: «Сестра моя родная! кто мужъ твой?» И говоритъ ему сестра: «Мой мужъ ветеръ; гдѣжъ минѣ тебя сховати? мой мужъ строгъ, онъ тебе забье, онъ тебе разнесе». Онъ и летить, и вдарился молодцомъ и вошелъ у хороми и говоритъ: «Что руска кость воня?» Жена: «Где ти бивалъ, где ти леталъ, тамъ ти русской кости набрався». Онъ ее въ щеку ударилъ и говоритъ: «Цыть! у тебе бахуры есть». Она ему и сказала: «Чтожь! мой братъ билъ, да твоего духу спужался, не знаю, где девался». Онъ сталъ искать, узялъ плакать и говорилъ, что «колибъ я его изнаишоль».... Жена ему говоритъ: «Чтожь якъ ти ево найдешъ, ти ево забьешъ и *втра* разнесешъ». И онъ говоритъ: «Не буду». И онъ сидѣлъ на комнатномъ порозѣ и идетъ и говоритъ: «Здоровъ, зятю!» — «Здоровъ, шурина!» И поздоровкались и стали пить и гулять и говорить: «Навчи мене, зятю, своего лицарства». И говоритъ: «Навчу». И вишли изъ хоромъ и перекинулись и поишли дуть раздувать, и многіе царства раздувать, и хати перевертатъ: учитель добре, а ученикъ лутче. И прилетѣли на дворъ и вдарились и стали молодцами, вошли у хату, и стали пить и гулять. И говоритъ шурина: «Прощай, зятю, и ты, сестра!» И они его не пуцають, и плачутся, и говорятъ: «живи у насъ». И онъ вишоль за дворъ, и уклонился, и пошелъ и думас: «Кудажъ теперь мене повернутся?» И говорила ему ево родная баба, что есть у ево братъ Иванъ Бѣлой, подъ беломъ наместомъ живеть, и говоритъ чеботѣмъ: «Несѣте мене до брата». И они говорятъ, что «я ходилъ во всѣхъ царствахъ и во всѣхъ государствахъ, а того не знаю». И онъ ихъ, чеботи, бросилъ подъ лѣсомъ, и вошелъ въ такіе пушъ и нетрѣ и въ тѣхъ натряхъ городъ каменной. И онъ пришоль подъ ворота и стукнулъ палечкою, изъ того города вишоль старенкой дѣдъ. Онъ и говоритъ: «Здоровъ, дѣду!» И онъ говоритъ: «Здоровъ,

сынку! чего ти сюди заишолъ?» И онъ и спрашиваетъ: «Чи не знаешь ли ти, дѣдусю, мого брата Бѣлого Ивана, подъ бѣлимъ наметомъ?» И онъ думалъ и говорить: «Не знаю! Сколки я городовъ и царствъ знаю, а того не знаю: хйба мои слуги чи не знаютъ?» И вѣшолъ за дворъ, и свиснулъ велми, и бежать гади всякія и говорить имъ: «Не знаете ли, слуги мои, Бѣлого Ивана, подъ бѣлимъ наметомъ живеть?» И онъ всѣ восклицаху: «Не знаемъ!» Говорить имъ: «Скажѣте, я вамъ голови поодтинаю». И говорить: «Не знаютъ, сынку: онибъ и сказали, а то не знаютъ; пойди, хйба, есть у мене старшой братъ, того спроси: той чи не знаетъ?» Онъ и пошелъ и шолъ лѣсомъ, йшелъ 3 неделѣ и войшелъ у пушѣ и въ нетрѣ и въ тихъ нетрихъ городъ каменной, и онъ подошовъ подъ городъ и стукнулъ палечкою у ворота и вишолъ старой человекъ. Онъ ево и спрашиваетъ: «Чего ти сюди заишолъ?» Царевичъ говорить: «Чи не знаешь, мой батку родной! есть у мене братъ родной Иванъ Бѣлой, подъ бѣлимъ наметомъ живеть.» И онъ думалъ ¹⁾ и сказалъ, что «не знаю, хйба мои слуги чи не знаютъ?» И онъ вишолъ за городъ и свиснулъ богатырскимъ гласомъ и сбѣглися всѣ звѣри, что есть на свѣтѣ, и говорить: «Чи не знаете, слуги мои, Ивана Бѣлого, подъ бѣлимъ наметомъ живеть?» И они ему отвѣщавши: «Не знаемъ». Онъ имъ говорить: «Скажите! я вамъ голови поотрубаю». И они ему отвѣщавши, говорятъ: «Не знаемъ» И тотъ старикъ царевичу: «Онибъ сказали, та не знаютъ; пойди, есть у мене старшой братъ: тотъ знаетъ». И онъ пошелъ лесомъ и шолъ 6 (недѣль?) и войшелъ въ пуши и въ нетры. И въ тихъ нетряхъ каменной городъ, и въ томъ городѣ подъ сребромъ палати. И стукнулъ у воротъ и вишолъ старикъ такой старой, что не можно сказать, и говорить царевичу: «Что ти мене испрашуешь?» И онъ ему говорить: «Знаешь лѣ ти моего брата, Ивана Бѣлаго, подъ бѣлимъ наметомъ живеть?» И онъ думалъ три дни и говорить: «Сколки я ходилъ по государствамъ и всякаго человекъ знаю, а того не знаю. Есть у мене слуги: чи не знаютъ?» И вишолъ за ворота и свиснулъ, и такъ свиснулъ, что земля издвинулась; и злетѣлись всѣ птицѣ, что есть на свѣтѣ и онъ ихъ и спрашиваетъ: «Знаете ви, мои слуги вѣрнии, того человекъ?» И они имъ говорятъ: «Якого?»—«Бѣлого Ивана, подъ бѣлимъ наметомъ живеть?» И они ему отвѣщавши: «Не знаемъ». И всѣ птицѣ злетѣлись, толки одной не маеть, толки той птицѣ перо и такое перо, что она хоть дѣ будетъ, а, якъ станетъ тое перо на догонъ палити, то тая пѣтица прилетитъ. И онъ сталъ палить тое перо, и она при-

¹⁾ Въ рукописи: *думъ*.

лѣтъла и говоритъ своему пану: «Что ти мене строго посмикаешъ?» И онъ барзе разсердился. Она ему говоритъ: «Чего ти сердишся?» — «Знаешъ ли ти того человѣка, от сого парубка братъ старшій, Иванъ Бѣлій, подъ бѣлимъ наметомъ живеть?»» Она ему говоритъ: «Якъ намъ не знати? Толки ми отъ него и . . . . .¹⁾ и жыи. И онъ имъ говоритъ: «Смотрѣтъ ви, (мой) слуги, поставте отъ сого человѣка с . . . . .»²⁾ и они ему говорятъ: «Наготовъ же 50 бочокъ (мя)са³⁾, набій дичини, и 50 бочокъ меду, то ми его и поставимо». Онъ и наготовилъ. Они его и понесли, а онъ той птицы и кидаетъ мясо и они ему говорятъ: «Чи видно землю?» Онъ имъ говоритъ: «Не видно». Они его понесли еще више и говорятъ: «Чи видно?» Онъ ему говоритъ: «Не видно». Они его подняли такъ, что на головѣ волосья погорело, и говорятъ ему: «Глянъ назадъ и напередъ: чи видно землю?» Онъ и глянулъ и говоритъ имъ: «И съ заду вода, и съ переду вода». И они что закричатъ, то онъ имъ и кидаетъ мясо и вкидалъ усе. И они кричатъ, онъ урезалъ своей ноги и бросилъ имъ. Они его и пустили и говорятъ: «Чего ти намъ кинулъ такого на останку солодкого?» Онъ боится, не каже. Они кажутъ: «Скажи! не бойся». Онъ и сказалъ: «А чтож я своего стегна урезалъ и вамъ⁴⁾ бросилъ». Они ему плюнули, а оно и загоилось, а онъ дивитця назадъ и напередъ: и стоитъ на островѣ, а в его билконѣ, и хортъ и соколъ. И онъ себѣ и здумалъ: Какъ мене зятѣ своего лицарства учили? Онъ перекинулся ветромъ и охватилъ своего коня, понесъ високо и впустилъ на березѣ, и вбилъ, и сталъ плакать и сталъ водою одливать и одлилъ, и с(ѣлъ), и поехалъ, и приехалъ до своего брата Ивана. И онъ спитъ, а его багатирской конь жаръ ѣстъ, а хортъ зайца, а соколъ утку. Онъ отогнавши его коня, и приставилъ сво(его), отогналъ хорта и приставилъ своего, отогналъ сокола и приставилъ своего, и легъ у своего брата за плечима спатъ. И ево братъ прокинулся, Иванъ Бѣлой, и думаетъ себе: «Что се? чей это конь, и соколъ, и хортъ? Мой конь на сторонѣ, а той жаръ ѣстъ; мой хортъ на сторонѣ, а той зайца ѣстъ; мой соколъ на сторонѣ, а той утку ѣстъ?» Глянулъ на свою постель: и лежитъ человѣкъ и онъ из жалю и схватилъ свой мечъ самосѣч и хотѣлъ ему голову отрубати и раздумалъ себѣ: «Не такъ; каби онъ худъ человѣкъ, такъ онъ би мнѣ голову отрубалъ; а го, знать, добръ человѣкъ». И возбу-

1) Въ этомъ мѣстѣ рукопись истѣбла.

2) Истѣбло.

3) Въ скобки поставлено внесенное по догадкѣ на испорченныхъ мѣстахъ.

4) Въ рукописи ошибочно: *иванъ*.

диль: «Устанъ, человекѣ! чего ти ко мнѣ зайшолъ?» Онъ и всталъ и говоритъ: «Я твой братъ меншой тебе, ти мой братъ старшой, Бѣлой Иванъ». Онъ говоритъ: «Я Иванъ Бѣлой». И поздоровкались и стали пить и гулять.

И пришло до Бѣлого Ивана письмо: «Скрипчивѣи ворота, похилая шапка! ступай на баталь». И онъ говоритъ: «Заразъ». И онъ пошелъ подъ мостъ и сталъ гострить свой мечъ самосѣчь, и просить его братъ, Ивана Бѣлого: «Дай я, брате, пойду за тебе на баталь». — «Брате! есть тутъ и съ трома головами змѣй: онъ те(бе) изрубаетъ». И онъ говоритъ: «Ужежъ пойду». (Го)воритъ ему: «Всѣхъ рубай, толки т(и) не рубай, что съ трома головами». И по(шелъ), и сталъ рубать, и порубалъ все вѣско; одинъ zostался, думаетъ себѣ, «что сколько я тысящ погубилъ?» и полягъ на своего богатырскаго коня и той не втече, а той не нажене: раступилась гора, онъ у гору ушелъ, той и вернулса и прѣхалъ до своего брата Ивана. И той питается: «А что, брате, порубалъ?» — «Порубалъ». Черезъ 3 дни пришло письмо: «Скрипчивѣи ворота, похилая шапка! ступай на баталь». И онъ говоритъ: «Тотчасъ». И пошелъ гострить свой мечъ самосѣчь, и просить его братъ, Ивана Бѣлого: «Дай я, брате, пойду за тебе на баталь». «Брате! есть тута и съ трома¹⁾ головами змѣй: онъ тебе изрубаетъ». И онъ говоритъ: «Уже же пойду». И говоритъ ему: «Всѣхъ рубай, толки того не рубай, что и съ шестяма головами». И пошелъ, и сталъ рубать и порубалъ все войско, одинъ zostался; и думаетъ себѣ, что «сколько я тысящ порубалъ?» И полягъ на своего богатырскаго коня, и той не втече, а той не дожене: разступилась гора и онъ у гору ушелъ. Той и вернулса и прѣхалъ до своего брата Ивана. И той питается: «А что, брате, порубалъ?» — «Порубалъ». Черезъ три дня пришло письмо до Бѣлого Ивана: «Скрипчивѣи ворота, похилая шапка! ступай на баталь». И онъ говоритъ: «Заразъ». И взялъ свой мечъ самосѣчь и пошелъ подъ мостъ гострить и гостриль трое сутокъ. И говоритъ: «Дай, брате, я за тебе пойду на баталь». — «Брате! есть тута и съ 12 головами змѣй: онъ тебе изрубаетъ» И онъ говоритъ: «Ужежъ пойду». И пошелъ и виныалъ свой мечъ самосѣчь и махнулъ на обѣ стороны и такъ рубаетъ тое войско и съ переду, якъ пѣсокъ, а и съ заду, якъ покоси. И вирубалъ, и zostался тотъ змѣй, что съ 12 головами и онъ себѣ подумалъ: «Что, Боже мой милостивой! сколько я тысящ всего порубалъ, а то вже менѣ сего не зрубати?» И полягъ на своего богатырскаго коня и такъ за нимъ бѣжить, что подъ нимъ земля сту-

1) Ошибка, вместо: *съ шестяма*, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа.

гнеть. И той не втече, а той не дожене, и прибѣгли до такой гори болшой, и тая гора разступилась и той змѣй у гору ушелъ. И той царевичъ, своего богатырскаго ¹⁾ не вдержавъ, и вбѣгъ у тою гору, куди змѣй, и тая гора и сступилась.

Тѣи всѣ змѣи в . . . кричали: «А тутъ ти, прокляти с(ыну), что хотѣлъ насъ порубати!» И въ тѣхъ горахъ горница, и на той горницѣ тѣехъ трѣхъ змѣевъ родная сестра рубашки своимъ братьямъ шие. И тѣи змѣи говорятъ: «Теперь ти намъ полався, ми тебе убьемъ; лѣзь до нашей сестри, спочивай». Онъ и полѣзь, и тамъ они себѣ поздоровкались, и она ему говоритъ: «Зачимъ ти сюди заѣхалъ?» И онъ говоритъ: «Мене сюда конь мой занесъ». И она ему говоритъ: «Чи возмишь мене за себе, то мои брати тебе не вбьютъ; а якъ не возмишь, то вбьютъ». И онъ говоритъ: «Возьму и заприсягъ, что возьму». Тутъ и кричитъ змѣй: «Лѣзь сюда битси». Онъ и полѣзь. И онъ говоритъ, змѣй: «Дми тичокъ, будемъ молотити». И онъ говоритъ, онъ ему говоритъ: «Твой домъ—твоя воля; дми ти». И онъ говоритъ: «Дми, вражій сыну; я тебе убью». Царевичъ дмухнулъ посребривъ, а той дмухнулъ помѣдив и стали бится, и онъ змѣя убилъ. Другій говоритъ: «Озбавиж ти, уражій сыну, намъ брата; лѣзь и спочивай». Онъ и полѣзь и спочивае. И говорятъ: «Лѣзь бится». И полѣзь онъ. И говоритъ: «Дми тичокъ, будемъ молотити». И онъ говоритъ: «Дми ти». — «Дми, вражій сыну, я тебе убью». — «Твой домъ—твоя воля, дми ти, змѣю!» — «Дми, царевичу! я тебе убью». Царевичъ дмухнувъ помѣдивъ, а змѣй дмухнувъ посребривъ и стали бится. И тотъ змѣй якъ (дмухнулъ) у зеленой мѣды, такъ его неякими мѣрами не можетъ убыти. Такъ ево сестра дала царевичевѣ два ножа булатнихъ и онъ змѣя ударилъ тѣми ножами подъ руки и убилъ. И полѣзь на горницу спочивати и говоритъ змѣивна: «А что убилъ?» И онъ говоритъ, что убилъ. Онъ и пошелъ по всѣхъ коморахъ; и она ему говоритъ: «Усюди ходи, толки не иди (въ тую), что золотою печаткою запечатана». Онъ таки не утерпилъ и думаетъ, что, «Боже мой милостивой, какъ мѣнѣ . . . .» И тамъ виситъ еі батко родной за ребро желѣзнимъ крюкомъ и подъ нимъ горитъ огонь великой, а на томъ огнѣ казанъ смоли кипить. И онъ говоритъ: «Прими отъ тую смолу». Царевичъ говоритъ: «Не будешь бытси?» Онъ говоритъ: «Не буду». Царевичъ и принявъ. Онъ ухватилъ и говоритъ: «(На) що ти моихъ сыновъ побивъ? теперь я тебе у смалу в тую укину». Царевичъ говоритъ: «Ходимъ». И пойдли. Змѣивна ему говоритъ: «А що я тебѣ говорила, что не

1) Пропущено: коня.

иди». Царевичъ говоритъ: «Якъ мнѣ его убить?» Она говоритъ: «Его не можно никому убить, онъ увесь каменной». Она ему тако-го песку дала, что, аби одно зерно упало въ око, то вискочить увесь видъ. Старой змѣй кричитъ: «Иди биться». Онъ и пошелъ и стали биться. Царевичъ ему песку у вѣчи кинулъ, онъ и умеръ.

И пошелъ до своего брата Бѣлого Ивана, подь бѣлимъ наметомъ живеть, и говоритъ: «Ей здоровъ, брате старшій!» И онъ говоритъ: «Здоровъ, брате!» И стали пити и гуляти. «Нумо ми брате . . . . женитися» и онъ говоритъ: «Нумо». И онъ меншій братъ поехалъ и оженився и привезъ до старшаго брата свою жинку и пьютъ и гуляють. И меншой братъ говоритъ: «На тобѣ, брате старшій, отсю жинку». Онъ говоритъ: «А тобѣ?» Онъ говоритъ: «Я себѣ найду Семикрасу». Тотъ старшой братъ узялъ за себя. А тотъ меншой братъ поѣхалъ и взялъ себѣ тую змѣвну Семикрасу и приехалъ и стали пити и гуляти, отца и матеръ поминати и говорятъ: «Богу нашему слава во вѣки вѣковъ, аминь».

СТИХЪ ОБЪ АНТИХРИСТЪ ¹⁾.

Кто бы, кто бы мнѣ построилъ
 Во темныхъ лѣсахъ келію?
 Кто бы мнѣ поставилъ
 Не на жительномъ бы мѣстѣ,
 Гдѣ бы люди не ходили,
 Гдѣ бы птицы не летали,
 Гдѣ тебѣ, Христу, угодно, —
 Гдѣ душамъ нашимъ на пользу?
 Какъ во римской будетъ власти
 Злый антихристъ народится,
 Народится и воцарится.
 Онъ пуститъ свою прелестъ
 По всей области вселеннѣй,

¹⁾ Напечатанъ по рукописи новаго письма. Сравни у Кирѣевского, № 42.

Росоставить онъ свои сѣти
По всему міру крещеному,
Онъ исходитъ и прельщаетъ,
Въ свои сѣти уловляетъ.
Самъ Господь Богъ проглаголетъ
Евангельскимъ своимъ гласомъ:
«Вы рабы мои рабыни,
Православніи христіане!
Вы не весело ходите;
Не забыхъ Бога, живите;
И отъ одного прелестника
Не будетъ вамъ уходу
Ни въ градѣхъ и не въ заводѣхъ,
Ни въ селѣхъ и не въ деревнѣхъ,
Ни во темныхъ во лѣсахъ,
Ни во дальныхъ пустыняхъ.
Уходите вы, мои свѣты,
Вы во горы, во вертепы,
Вы во пропасти земныя;
Засыпайтесь вы, мои свѣты,
Вы пеплами и песками,
Еще мелкими хрящами;
Вы постоите, мои свѣты,
За крестъ и за молитву
И за вѣру христіанскую.
Не уморю я васъ, свѣты,
Голодною смертію;
Накормлю я васъ, мои свѣты,
Единой крошечкой христовой;
Напою я васъ, мои свѣты,
Единой капелькой дождевой;
Подарю я вамъ, мои свѣты,
Подарочки драгіе —
На главы вѣнцы золотые,
И вселю я васъ, мои свѣты,
Во прекрасный рай со святыми;
Огражу я васъ, мои свѣты,
Своей рученькой христовой».

СЛОВО ІЕРОМОНАХА ЕВѢИМІЯ *).

Глѣ е҃в҃листвѣ: кѣакѣ вѣносѣсѣ смири҃сѣ, а смири҃сѣ вѣнесетсѣ.

Всѣтъ во во члѣцѣ тѣвори҃сѣ і҃стинѣ глѣвою, у҃стнѣми же ѿ грѣцѣ сущимѣ вѣчимѣ, а не очимѣ; смиренномѣ чело҃ вѣтъ і҃ кланѣсѣ до земли, дабы каменне совра і҃ на глѣву тѣвою метѣ і҃ нѣкогда сказу҃етѣ вино҃кѣ, вѣнж: а забѣми наго҃товѣ на тѣба сѣмѣ лопатѣ. Смиренне сѣе вѣче, а не очѣе. Вѣдати подобѣ, како сѣ вѣкѣ смирѣ, когда о҃цу у҃лоблѣ і҃ли конѣ хѣл҃чатѣтъ... не точно главою чело҃мѣ вѣнж к земли прѣ о҃цею, но и на чрѣвѣ по҃зѣ і҃ хрѣстомѣ ласкатѣнѣ тѣворитѣ і҃ очима блискѣетѣ бесѣло, ако свѣщамн: о҃ца ра҃гуждаѣтъ, ако то у҃ вѣкѣ і҃ на грѣцѣ, что і҃ на хрѣстѣ.

*) Предлагаемое слово напечатано по рукописи Синодальной Библиотеки, XVII вѣка № 557. Передъ нимъ, подъ изображеніемъ кнѣваря креста, читается въ видѣ заглавія слѣдующее «Изрази сѣ слово в цр҃тѣвующѣ градѣ Москѣ монахомѣ Евѣиміемѣ у҃стнѣми овнтели а҃нхстрѣтнѣ мѣххлѣ у҃додѣ и҃рнцѣдемаго і҃ у҃гоннѣ вѣнж вѣлнѣаго а҃нхрѣа Алексѣа мѣрополнѣа москѣвскѣаго і҃ всѣа росѣн прѣлѣгоу҃ествнѣо цр҃ѣ і҃ вѣлнѣо кнѣзе а҃лѣхѣнѣ мѣххлѣовнѣе кѣсѣа вѣмнѣа і҃ мѣлѣа і҃ вѣлѣа росѣн самѣдежѣтъ». Указатель Московской Синодальной Библиотеки (стр. 232) ошибочно говоритъ, что въ этой рукописи находятся слова Евѣимія: другихъ словъ того же іеромонаха, кромѣ этого, въ рукописи нѣтъ. Притчи, приводимыя въ словѣ Евѣимія, могли быть извѣстны ему изъ книжныхъ источниковъ. Въ сборникѣ басенъ, переведенномъ на русскій языкъ въ XVII в. съ нѣмецкаго: «Зрѣлицѣ житія чело҃вѣчѣа, въ немъ же изъяснены сѣтъ дивныѣ бесѣды животныхъ со истинными къ тому приличными повѣстьми вѣ наученіе всякаго чина и сана чело҃вѣкомѣ» одна басня рассказываетъ о львѣ и конѣ тоже самое, что Евѣимій перелаѣетъ о волкѣ и ослѣ. Басня сопровождается въ «Зрѣлицѣ» слѣдующимъ нравоученіемъ: Снѣце былѣетѣ у҃лѣкѣ хотѣщемѣ і҃скреннѣаго своѣго лѣкѣвѣстѣо по҃гѣвѣннѣа, ѿ ѣмѣ же а҃ще ктѣо ровѣ і҃скопѣетѣ, самѣ прѣжде к не҃го впаде҃тъ.

Ред.

нѣ, вѣднаѣ овечка! пайю на его чело витѣ, ѹтѣка ѿ него, вѣжи: їво
стома^т боковъ и черево, ако пещъ хадѣискаѣ на тебѣ распалѣса, зго-
ришь вѣ огнѣ: поцола ошнкомъ ласкатѣстѣуетъ, покола зүбѣ не рѣна, а
егда ѡборѣ, тогда тебѣ испѣ борѣ.... Тако нѣцы члѣцы словами ласка-
тельными глѣтъ ї прѣ собою зраще хвалитъ ї ако с любовнѣ бесѣдуютъ,
тѣши же уничижаютъ ї оклеветаютъ. Слѣшатѣ пррка глѣща: ѹмѣнуша сло-
веса ѣ паче еса и та гѣтъ стрѣлы.... ѹстнами оклаблѣютса, а
баргѣ¹⁾ вѣрити никакѣ возможно, ако гдѣ рече: ѹстнами чтѣ ма,
сѣцѣ ихъ далече ѡтѣ ѿ мене: тако ї братню свою ѹстнами чтѣ, сѣцѣ же
далече ѡтѣ: почнѣ хвалити, какъ премѣдрѣ! ка чтѣнь! ка ѹчень! голо-
щнкѣ, читатѣль, сказатѣ нскѣсны! ѹко таковымъ²⁾ вѣрити никакѣ же
возможи. Слѣшайтѣ пррка їсаи глѣща: людие мои блажаще вы лѣгатъ: ра-
зѣмѣте же, колюблѣнїи что ѡ: дарованне ли³⁾ вѣни в тебѣ пѣба-
лѣ; никакѣ то прѣда, но оманѣтъ, прѣцаетъ: поцола тебѣ хвалитъ,
покола не оманѣтъ, а ка обманѣ⁴⁾, аби тебѣ аки бѣкъ порѣвѣ.

Ѹ окланѣ кочнѣ вракѣ! ї что же ї что твое смиренне, члѣба снаденне, поглощенне;
кал ти ѡсподѣ приѣвѣ; кал годѣтъ, да наешъ с кимъ гадаешъ; нѣтъ ли
чѣ еси: таковы гдѣ годымъ противнѣса, смиреннѣмже дѣ блѣгодѣ; но и со-
ломѣ глѣ: сна помыслиша ї солѣннша: ослѣпи во ихъ злоба ѣ ї не вѣ-
дѣша тлѣ вѣжнѣ. Хрѣте, свѣте истннѣ! ѡми ѡ на сню злобѣ ѣ слѣпотѣ
ї даждѣ на свѣтѣ правды ї истннѣ, блѣгостыннѣ ї смиренномѣрнѣ. Покѣмъ
камъ, колюблѣннѣ, причю ѡ коцѣ ї ѡ ослѣ на смиренѣ лукавѣ, їрѣнѣе же
на тѣ, которнѣ людѣмъ зло дѣлати ѹмышлѣю, по малѣ нѣкогда ѣ са-
ми к ню впадаю, по пррку: їскопаша амѣ ї впадоша в ню, ѡ коцѣ ако
ѹже естѣ слышали ѡ его коваствѣ ї хирѣстнѣ, которнѣ⁵⁾ прѣде нѣко-
го ко ослѣ, на поли пагѣщѣмѣ, ї глѣ дрѣжски: здра ли еси; что здѣ дѣла-
ши; ѡкѣцаетъ ослѣ: чѣло вѣю накомъ дѣрѣ вопрошеннѣ, но не вѣми здо-

1) Вмѣсто этого слова позднѣйшею рукою написано сверху: **нмъ же.**

2) Это слово приписано сверху позднѣйшею рукою. 3) Тою же рукою.

4) Позднѣйшею же рукою 5) Это слово приписано позднѣе.

ро̄, волочу ногу за ногу, не могу же и стравы вкушити. ꙗ̄ वोку то и на рѣку, прилижаѣса वो̄къ ꙗ̄ махкими словесы глѣ к нему: друже, како ти ѿма, оге же ако дѣре, обаче ꙗ̄ в дурне нѣкогда шрѣтаетса ¹⁾ свои разумъ, рече वोку: вратецъ волкъ, того тебе, прости ма, не умѣю сказати: забвѣ бо, уже дано ѿ оца ѿ матери свои различихса ²⁾, токо единаче памѣтую, что ѿма мое они написали на копыте зѣние ноги: аще хоцеша зна, прочти: подыму ти ю горѣ. Воже, люкомѣрствѣюща хотѣ зна ѿма слово, присмѣрѣетса блѣ стѣ на копыте писанаѣ ³⁾. Оселъ же, имѣѣа белкѣ силу ѣ ногѣ, видѣѣ волка смѣраща писмени на копыте, ѿ беде копыто и блнкѣ скорш и сланш пѣсти ꙗ̄ ѣлѣчи волка по гѣбе и сотвори его паста акн бѣдушна, самъ же ѿиде. Оѣм видѣвшн, лиснца ѿ стороны стоащи ако хитраѣ, все знаѣ и блга гаданна шгаданна ꙗ̄ ꙗ̄ бѣ толку разѣмѣ ꙗ̄, пришеши к वोку, глѣ: здравствуй ѿкъша... а остѣки огла побереги к забтреню. Она приѣа смѣшнаѣ обаче тымъ не блни потѣшнаѣ, которые коварствы свои ми люде сѣти претинаю, нѣкогда же сами себе ѿми ѣлобляю, по прѣку: ѣ сѣти свои ѣказе грѣшникъ, тому же прилично во вѣдѣре гѣба д. о аманѣ ꙗ̄ о мардохи. О паве повѣдаютъ, ако взираѣ на перѣ оуиѣа (ошнѣа) своего красное нанѣ надыматисъ ꙗ̄ годо ходити: егда воритъ на ноги свои чернымъ лѣне ѣмниѣо вопиетъ и перѣ опѣщаетъ, акн бы понѣ свою собѣствъ, видѣ, что не согладетса красное перѣ с ногами черными. Такожде ꙗ̄ многие члѣцы, видѣще себе чѣстно акн пеемъ петрымъ украшенны, начинаютъ напыщатиса, ѿныѣ охѣждающе, акн бы во ѣмъ были совершени. егда же нѣкогда приходѣще ѣ чѣство ѿ себе понѣю ꙗ̄ свое оскѣдѣние ꙗ̄ злобѣ сразу-мѣю, ѿкидаю марсийское воношение ꙗ̄ приемлю мытѣрево смирение, глѣюще: вѣже! милостнѣ буди мнѣ грѣшному! ꙗ̄ со дѣло: не ходи ѣ велики ни бднны паче мене, аще не смиреномѣрствѣова, и инде: блго мнѣ, ако смири ма еси. ѿминь.

1) Приписано позднѣе. 2) Написано позднѣе вмѣсто зачеркнутого: пондо̄.

3) Слѣдующія за этимъ слова до: лиснца приписаны ввизу другою рукою.

ПОВѢСТИ О ВАВИЛОНСКОМЪ ЦАРСТВѢ ¹⁾.

I.

Во времена́ сицево казѣется. прѣтчѣ о вавилонѣ́ градѣ́.

Бысть в вавилонско́мъ царствѣ́. царь а́херъхъ, славою и величество́ пре-
быше мно́гихъ велики́хъ царей. мно́го лѣтъ ко царствѣ́ющѣмъ градѣ́ ва-
вилонско́мъ царствовавъ. но́вкъ же имѣвъ ко срѣ́цѣ свое́мъ тако́въ бѣ-
ше. аще оу́ которо́го кня́зѣ. или оу́ вола́рина, или оу́ велмо́жи. или ѿ
просты́хъ люде́и, оубѣдитъ на лѣвѣ́ краснѣ́ с копѣнкѣ́. и царь а́херъхъ,
вели́ тѣхъ люде́и бысылати изъ града́ на лѣвѣ́ за двѣдесѣ́ поприщѣ́ ѿ
града́. да по́сть тѣло́ живѣ́тъ. а́ хоти́ и по́мрѣтъ. и царь а́херъхъ тѣ́-
ко вавилонъ градъ ѿ мѣ́рѣ соблюлъ тѣ́ оубо е́тъ призна́ка морово́и по-
сугрѣ́лъ. минѣ́ши же то́и призна́нои лѣ́тъ мно́гое вре́мя. родите́и же
тѣ́хъ люде́и быношахѣ́ к ни́ изъ града́ ѿйти. и по́кладаше на пна́хъ. а́
с родите́лами свои́ми не со́ждаше́. То́иже царь а́херъхъ ѿ царствѣ́а свое́-
го прѣста́вися оу́мре. тѣ́же люде́и мно́зи на лѣ́вѣ́ живѣ́ти, не ви́дали ника-
ко́вои пти́цы, ни звѣ́ра. слы́шаше же тѣ́хъ люде́и, что́ к вавилонѣ́ царѣ́
не ста́ло и нача́ша собира́тисѣ, хотѣ́хъ бо градъ и́тти. и о́брѣ́гоша на
оси́нѣ́ совѣ́. да тѣ́тоже по́ со́ною младе́нецъ. да оу́ то́иже со́сны ко́зѣ́

¹⁾ Въ дополненіе къ напечатанной во 2-й книжкѣ «Лѣтописей» *Повѣсти, какъ приходилъ греческій царь Василій подѣ Вавилонъ градъ*, предлагаемъ новыя редакціи повѣстей о Вавилонскомъ царствѣ. Первая заимствована изъ синодальнаго сборника хVII вѣка № 850, писаннаго полууставной скорописью, въ 4-ку. Вторая представляетъ только познѣйшій видъ предъидущей и дополняетъ ее *сказаніемъ о царѣ Алевупи и о царицѣ Александрѣ*, къ сожалѣнію не дописаннымъ. Эта редакція напечатана по довольно неисправному списку новаго письма, принадлежащему А. В. Горскому. Третья редакція находится въ одномъ раскольническомъ сборникѣ, также новаго письма. *Ред.*

днѣю. и тѣ люди не знающе какъ младенцѹ имѧ даѹти. и нарекоша совѣѣ имѧ носорѣ, а козѣ имѧ аѹа. а младенцѹ имѧ навхусодѣ. и даша младенцѹ изъ воeba ко трою. навхуносорѣ. и взяша младенца, и начаша питати его. и пондоша вси людѣ бесчислено много бо гра бавилонѣ. и бнидоша вси люди во гра с лѣсѹ, и бысть радость велика ко градѣ вавилонѣ. что бѣи родичи снидошася. а инѣи мнози на лѣсѹ помроша. князи же и болярѣ и вельможи. и вси вавилоняне живаху немногое время. донележе царѧ не бысть. В некторымъ днѣ, князи и болярѣ и вельможи и бѣи вавилонстѣи вѣтази, снидошася к лобномѹ лѣсѣ. и совѣтъ сотвориша, како вы имѧ себѣ к вавилонѣ царѧ оберѣсти, чтобы еднѣ на нѣмъ царѣ былъ бошон. и рекоша бѣи князи и болярѣ и вельможи и бѣи вавилоняне. немочно на царѧ выврати изъ князей и изъ болярѣ. и изъ вельможъ. но сътъ много велики и великородны. и придоша вси, и приговорѣша бѣи вавилоняне. что поставити рогъ со измирно ко братѣмъ глны. и побелѣша всемъ княземъ и болярѣ, и вельможѣ, и всемъ вавилоняномъ итчи и ехати изъ града вонъ, и ко гра бѣхати. и на кѣмъ рогъ воскиптѣ, тотѣ и царѣ бѣди на нами в вавилонѣ. и сотвориша тако поставиша рогъ со измирно ко братѣмъ глны. тоиже ча по едному бѣи князи и болярѣ и вельможи и бѣи вавилоняне ѣздаше конные и пѣшиѣ хождаху изъ града, и бо гра многожды. и ни на кѣмъ рогъ не воскиптѣ. какъ поехалъ наденон младенецъ навхуносорѣ изъ града и во гра. тои часъ рогъ воскиптѣ со измирно. князи же и болярѣ и вельможи и бѣи вавилоняне бидѣша такоу великое чудо, и снидоша с коней свои. и бысть с пѣшими крѣпѣ. и поклонѣшася крѣпѣ бѣи навхуносорѣ, и рекоша вси, радѣши, навхуногоре царю вавилонстѣи. царствѣ бѣди на престолѣ сидѣ в скипетродержателно великоу преславуше гдртѣвѣ. и бѣди нами, и всемъ вавилонскому гдртѣвѣ, поборниву и застѣпниву. свой белоумны смысло, и велики храбры храбрствѣ, ѿ нахождениемъ великихъ царей. и вѣдоша его к цркой домъ. и возложиша на него царское одѣяне, и вѣнцѣ царскѣи возложиша на главоу емѣ. и скипетръ

црѣкѣ в рѣкѣ ѣмѣ вѣдѣша и погладѣша его на црѣкѣ престолѣ, и покло-
нишася вси, князи и боляре, и белможи и вси бавилонскѣи витязи,
и рекоша. радѣиша великѣи гилныи и хурьбыи велеоумныи. навхоносорз.
црѣю бавилонскѣи. царствѣша в скипетродержателно бавилонско гдѣрствѣ,
тѣиже навхоносорз царь бавилонскѣи бысть мѣла сѣло нѣ велеоум-
ною мѣдростію и хурьбостію старз. нача царствовати, и бысть мѣра сѣло.

В нѣкоторыи дѣнь навхоносорз царь повелѣ к себѣ быти всемъ
князѣмъ, и болярѣмъ, и белможамъ, и всемъ бавилонанѣмъ, тѣотъ ча. и вси съ-
халиса. навхоносорз царь нача говорити. князи и боляре и белможи, и
вси бавилонскѣи витязи, сотвориште мнѣ новыи градъ бавилонъ. о се-
мѣи стѣнахъ, на семѣи верстахъ а вьездъ, и выездъ единыи врата. а око-
ло града сотвориште змии великы. во главѣхъ бы змиевъ вьездъ ко гра-
ду. ониже вси князи и боляре и белможи и вси бавилонскѣи витязи,
и вси бавилонанѣ царя не ослабѣлиса, сотвориша новыи градъ бавилонъ
белми чюдѣ полюбиша новыи градъ бавилонъ навхоносорз царю. и кни-
де навхоносорз царь в новыи царскѣи домъ. и вси князи и боляре,
и белможи в новыи дома свои. и повелѣ навхоносорз царь бо
все бавилонѣ градѣ зная оучинити на платъе и на оръжитѣ, и на
конѣхъ. и на оудѣхъ и на скдѣхъ и на хоромѣхъ на вѣжкомъ врев-
нѣхъ. и на дверѣхъ. и на окошкѣхъ. и на сѣдѣхъ на стѣвцѣхъ, и на
влюдахъ, и на лошкѣхъ. и на вѣжкѣхъ сѣдѣхъ. и на вѣжкѣхъ скотѣхъ. зна-
ма все змии. полюбиша царю тѣ зная. и повелѣ себѣ здѣлати мѣчь
самосѣкѣхъ аспидъ змии. и вѣзъ за себѣ царицѣхъ ш великого родѣ царьского. и
прижилъ с нею сѣна царевича ниланѣ василѣа. В нѣкоторыи дѣнь великѣи навхоносорз
царь, повелѣ ко вратахъ градныхъ, во главѣхъ змиевъ по обѣхъ сторонахъ решотки мѣд-
ныи подѣлати. и за тѣхъ решотки повелѣ оуголѣа наковзити. и какъ бо время
посольскаго приходѣ. егда послы приндѣхъ ш великѣи царей. или ш великѣи крален.
и тогда навхоносорз царь бавилонскѣи, повелѣитъ грозныи свои воєвода за
градѣмъ на полѣ, на двѣцати верстахъ до града полки великѣи оурадити, и
по ползкамъ знамена львоки. и во вѣсѣхъ полцѣхъ набѣты и накры и

многогласнымъ трубамъ. Тогдаже послы поидоу въскроузь великіе полки. тогда же во вѣхъ полки оудариши повелѣтъ во воеводы во вѣхъ набаты и накры. и во многогласные трубы и тогда послы вѣселовѣше идѣчи. а какъ близъ вратъ градныя приидѣтъ и тогда трюста кознецовъ начнѣтъ к мѣхи дѣти ражогши оуголье. и тогда дымъ и искры. а ккъ видѣтъ послы во врата во главѣхъ змнѣвъ. и тогда огонь и полома сполѣтъ по локъ. и тогда послы оужасти великіа напѣлашася. и пришедъ к великому царю навхуоносоръ поклѣнашася. и трепѣташе сердцами своими, и егда посольство справѣ.

Въ нѣкоторыи дѣнь, совершаша мнози цари с великими силами и поидоша на великіи градъ вавилонъ. и егда многѣмъ царемъ с великими силами видѣша в вавилонскіе предѣлы, и начаша плѣнѣти мнози грады вавилонского державительства поплѣнѣша, и оустремѣшася на вавилонъ градъ. тогда же часъ возвѣстиша вѣстницы великому царю навхуоносоръ вавилонскіи о прихужденіи многѣхъ великіхъ царей с великими силами

Великіи же царь навхуоносоръ вавилонскіи слышавъ о вѣстникобъ. простри и гнѣвъ напѣнашася, тогда повелѣ грозныи воевода на полѣ полки великіа оудариши. яко бысть, жт тысящен. да вѣлѣи воевода во вѣхъ полкѣ по оуставѣ, на златѣи колесницѣхъ во вѣхъ хуаврости смѣло бо сердца мѣжетвено на вои направитися повелѣ. грозныиже воевода тебризъ вавилонскіи мористровичъ, любимъ баше навхуоносоръ царю. скон полкѣ, яко бысть, жм тысящен. к полкѣ оу него хуавры вавилонскіи вѣтѣзевъ, толико хуавро и мѣжетвено оударишася на полки многѣхъ великіхъ царей, вѣсчисленно много повн. двѣхъ царей жибы вѣа к великому царю навхуоносоръ ко градъ отослашъ. жп , повнѣ. тогдаже часъ мнози цари соборъ пишася полками своими великими, з двѣхъ сторонъ оударишася на полкы тебризовъ. и егда егѣ с мѣста тронѣша. тогдаже часъ грозныи воевода атланъ вавилонскіи, свой полкомъ жѣ припѣ к тебризъ. елико хуавро и мѣжетвено оударишася. вѣ милости сѣчахъ. яко бысть, жр повнѣша. донѣлѣже припѣша к нимъ, еѣ царей тракинскіи, с великими силами. яко бысть жс . тако

поженѣша грѣзныѣ воєводѣ. тѣиже чл҃вцѣ царевичѣ бѣсѣи на вѣхоносорочичѣ
 шрости и гнѣвѣ наполниша. дѣткови властеличника волгаристра на вон
 посла. дѣтѣ емѣ ш полкѣ своего царского двора, ꙗко хрѣвры вавилонз-
 ски вѣтѣзѣн. повелѣ емѣ совокѣпитиша з грѣзными воєводами. с тѣврѣ-
 зо, да с атланѣ. и повелѣ имъ оударитиша на многи царѣ мѣжествен-
 но. шниже волгаристрѣ властеличникѣ и тѣврѣ воєвода, и атланѣ во-
 вода, хрѣвротѣ восприѣша великою шростію мѣжественно оударишага, толн-
 ко вѣ мѣлостн сѣча хрѣ на пѣть поприцѣ гнѣша. дѣлѣть царѣн тракѣннѣ-
 ски живыхѣ възѣша. ꙗко повѣнша. и тѣвхѣ царѣн отослаша, в великѣи полкѣ к
 царевичю бѣсѣи на вѣхоносорочичю. царевичѣ же бѣсѣи штосла ихѣ бо
 градѣ ко отцѣ своему к великомѣ царю, и грѣзномѣ на вѣхоносорѣ вѣви-
 лонскомѣ. великѣи же царѣ на вѣхоносорѣ, повелѣ тѣи чл҃вцѣ за градомѣ на
 дрѣвѣ распѣти и, тѣиже чл҃вцѣ приспѣша, ѣ. царѣн доламатицкихѣ с вели-
 кими силами, с ними, ꙗко. елико вкѣпѣ замѣнша, вавилонѣстѣи вѣтѣзѣн
 и царѣ доламатицкѣи вѣ мѣлостн сѣча хрѣсѣ изѣ оутра, и до вечера. и
 повѣнша промежѣ совою безчислено много. еѣ царѣн доламатицкѣихѣ живыхѣ
 възѣша. и отослаша в великѣи полкѣ, кѣ царевичю бѣсѣи на вѣхоносороч-
 ичю. великѣи же царѣ на вѣхоносорѣ повелѣ и за градѣ на дрѣвѣ распѣти. а
 силы ихѣ повѣнто, ꙗко. а вавилонѣскихѣ вѣтѣзѣн повѣнто, ꙗко тѣиже чл҃вцѣ
 к нимѣ, о царѣн нечестивыхѣ с великими силами, и налегѣша бѣстѣдно на
 грѣзныѣ воєводѣ вавилонѣскихѣ. грѣзныиже воєвода нача вѣтити тѣврѣзѣ ско-
 имѣ полкомѣ точма, а грѣзнымѣ воєвода атланѣ свой полкомѣ с правѣи рѣки,
 мѣжественно настѣпѣи. а дѣтковичѣ властеличникѣ своимѣ полкомѣ велии хрѣ-
 вро и свѣодно настѣпѣи шростію и гнѣвѣ одержимѣ бѣше. аки несѣдѣвѣ
 мѣнѣи. грѣзно бѣше вѣдѣти и слышати такоуѣ кровѣпролитіѣ. сѣпогѣтнѣхѣ
 враговѣ многиѣхѣ великиѣхѣ царѣн безѣ мѣлостн сѣча хрѣсѣ изѣ оутра и до вечера.
 егда настѣи оцнѣи сѣнь. тогда разыдѣшага по своимѣ станомѣ. и на
 томѣ вою ѣ. царѣн нечестивѣ живѣ възѣша. ꙗко. повѣнша. а вавилонѣнѣ
 повѣнто. ꙗко. слышавѣ же на вѣхоносорѣ царѣ вавилонѣскѣи. что повѣнто-
 вавилонѣнѣ. на оутрѣи же днѣ на вѣхоносорѣ царѣ. оубрѣвѣа ко златковѣнѣ.

ные царскіе всиньскіе врсни и ополца по ведрѣ свои мечь свой само-
сѣкхъ аспидхъ зми и повелѣ севѣ великѣи кснь орѣдлати, и всѣде на вели-
кѣи кснь. и вѣа с совѣю двора своего цркого хрѣбры вѣтгази, и ѿ и
пойде за градхъ кз свои на помощь. егда всинко с всинко гразнѣша,
начаша вѣтга. навходносорз царь велии корзо приспѣ кз сконмѣ. и
вмѣнѣша во все боинко. тогда мечь самосѣкхъ аспидхъ зми ѿ царя и
ноженъ выпорхнулъ, и нача везз милости сѣчь. тотъ часъ всѣхъ царен
погѣче с великими силами. токмо единъ царь тракинзскѣи со стоми
конникз оутече. грозни же боевды кабилонскѣи и хрѣбри вѣтгази, син-
доша с коней вси вкѣпѣ, поклонѣшася великому царю навходносорз
кабилон-
скому, и рекоша вси единогласно. рдѣнѣша и всеелѣша великѣи царю сил-
ныи и грозныи и велеоумныи и хрѣбрыи, навходносорѣ кабилонскѣи. всѣ
сопостаты свои повѣдѣвъ. вавилонское гдрѣство загтупѣвъ ѿ нахуженѣи
нечестивыхъ царен. и всѣдоша вси на великѣе кони и вниде навходносорз
царь со всеми силами своими во градъ. и нача пѣти и дѣти и всеелѣти-
ся, и много всеелѣша навходносорз царь к вавилонѣ много лѣтъ царство-
валъ. и оузна свою смерть. и повелѣ во градню стѣнѣ мечь свой само-
сѣкхъ аспидхъ зми заморвати. и закла не повелѣ вымѣти до скончѣи
вѣкѣ. и оумре великѣи и силныи, грозныи и хрѣбрыи и велеоумныи навход-
носорз царь вавилонскѣи ѿ царствѣа своего. и на его мѣсто погѣаи ко
царю в вавилонѣ на царствко сына его, царевича касилѣа. и царь каси-
лен навходносорови, нѣного лѣтъ царствова в вавилонѣ. только ѡднѣ
седмь лѣтъ.

В нѣкоторыхъ дни, слышавъ многіе царі что в вавилонѣ навходно-
гора царя не стало. а царствѣе к вавилонѣ сынъ его царь касилен. и совоку-
пишася многіе царі с великими силами, и пондоша к вавилонѣ. и ег-
да внидоша к вавилонскѣе предѣлы. тогда возвѣстѣиша царю касилѣю
навходносоровичю о пришестѣи многихъ великихъ царен, с великими си-
лами. тотъ же часъ царь касилен навходносоровичь, повелѣ грозныи своимз
боевода, полки великѣе оудадити. цко выстѣ, и ѿ. и повелѣ имъ вѣтга.
*

ѡниже грознїи воєводы вавилоньскїи начїша вїтиса. нѡ не кѣлѣ ѡни
 вѣше. вспѣть ко граду понуждаєми грознїиже воєводы князиже,
 и волаєре и велможн, пристѣпїша к великомѹ царю василїю, и ре-
 коша кнї белегласно. великїи царю василїи навходносоробичь. не к силѹ
 ѡмѣ вїтиса, со многими великими царї. выни гдѣрь цѣрь из гра-
 ныа стѣбны. ѡца своего мѣчь самосѣкз, аспндз змїн на нынѣшнее конь-
 ское время, да застѣпнї насз, и вавилоньское гдѣртво ѡ нахождением мно-
 гих царей иноплемenni. цѣрь же василїи рече к нї, заклѣтъ мѣчь оу
 ѡца моего до скончанїа вѣка, не побелѣвз ѣго вынимати. ѡниже всї вави-
 лонане белегласно рекѡша. были гдѣрь на нынѣше время. а какз минетса
 коньское время. и ты царю ѡпѣть сохрани ѣго. ѡниже великїи царь зжѣ-
 ливса ѡ вавилонянѣхз. побелѣ ѡмѣ вїтиса. а самз великїи царь васи-
 лен вынѣвз мѣчь ѡца своего самосѣкз и повелѣ себѣ великїи конь ѡсѣ-
 длѣти. и оубравса ко златокобанныа царьскїе коньскїе вронн. и ѡпожса
 мѣчь самосѣкз по бедрѣ свои. и сѣдѣ на великїи конь. и взѣ с со-
 бою хрѣбрых вїтѣзен вавилонанз, и поїде из града кз свои на по-
 мощз. егда же царь василїи навходносоробичь вѣбнїса вз свои полки
 хотѣ вїтиса. тобтз же часз мѣчь самосѣкз аспндз змїн, ѡ царѣ из-
 ноженз выпорунѣвз, и ѡсѣчѣ царю василїю глѣвѣ. и царей великнхз по-
 сѣчѣ с великими силами. а оу вавилоньских вїтѣзен, коньско вѣ, что
 оу нїхз было знѣма на плѣтїи, и на ѡрѣжїи, на конѣхз, и на оузда
 и на сѣдлах, и всѣкої коньскої зверѣ змїн. тѣбѣ сѣ змїн живы стѣ-
 ли, вавилоньское коньско вѣ поєли. а бо гдѣрь что было знѣма змїн.
 женз и дѣтѣи поєли, и всѣкої скѡ. а что былз великїи змїн ѡколо
 града каменз. и тобтз живз стѣлз свистѣл и рыкал. ѡ тѣхуже мѣстз
 и до ннѣ царьствѣющїи вавилонь градз новыи пѣстз стѣлз. и семоу
 дѣлз то и конѣцз.

II.

Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и о царѣ Аскерксь, какъ онъ людей своихъ отъ моря соблюде.

Бысть въ Вавилонѣ градъ царь Аскерксь, славенъ величествомъ превыше многихъ великихъ царей; а идравъ во сердцѣ своемъ имѣлъ таковъ: аще у котораго князя, или у боярина, или у вельможъ, или у простыхъ людей увидитъ мало пѣчто пожитковъ или одѣяніе на нихъ красно, и тѣхъ людей велитъ на лѣсъ высылать, да пусть тамо живутъ, хотя и помрутъ. Та убо придта (sic!) моровой пострѣль. Родители же ихъ приношаху имъ ясти и на пняхъ полагаху: съ родителями своими не схождаху(с?) много лѣтъ; иные померли, а иные мнози народилися, и поженилися. И не видали, живучи на лѣсу, ни птицы, ни звѣря велики (sic!). Царь Аскерксь преставися, и нача ¹⁾ собиратися на край лѣсу: хотятъ ити съ лѣсу въ Вавилонъ. И обрѣтоша на соснѣ сову, а подъ сосною младенца, да тутъ же стоитъ дикая коза. Они же недоумѣвахуса, какъ совѣ, и младенцу и козѣ имя дати; и даша имя совѣ осоръ, а младенцу находно, а козѣ осоръ. И взяша младенца въ трою Новходносоръ и видѣша его, яко левъ бѣше, и взяша его начатъ питати, идеша (sic!) съ лѣсу въ Вавилонъ. Вавилонсти же князи, и боляре, и вельможи, и вси вавилонсти храбры витязи и вси вавилонсти людіе срѣтоша сродичевъ ихъ съ великою радостію: безчисленное великое войско яко бысть болѣ двою сотъ тысящъ. И бысть въ Вавилонѣ радость великая, что вси сродичи съѣхалися, иныхъ не знающе, понеже въ лѣсу померли, а болѣ того породилися и поженилися—и, во градъ вшедь, вѣчались.

И бысть вкупѣ три лѣта безъ царя. И въ нѣкоторый день вавилонстїи князи, и боляре, и вельможи, и храбры витязи и вси вавилонсти люди съѣхалися къ лобному мѣсту и начаша совѣтывать: «Царя у насъ нѣтъ надъ нами, всякъ у насъ большой; а нынѣ мнози цари совокупаются съ великими силами на градъ нашъ Вавилонъ, хотятъ насъ разорить до основанія; изъ князей, изъ бояръ, изъ вельможъ выбрать намъ царя, ино много большихъ, и никто ни подѣ кѣмъ быть не похощеть». И совѣтовавши, и поставили рогъ со змиромъ на вратѣхъ градныхъ и повелѣ ѣздить коннымъ и ходить пѣшимъ изъ града и во градъ: и надъ кѣмъ рогъ воскипитъ, тотъ надъ нами въ вавилонскомъ царствѣ и царь будетъ. И поставиша рогъ со змиромъ и начаша ѣздить и ходить изъ града и во градъ отъ мала и до велика:—ни надъ кѣмъ рогъ не воскипѣлъ. И какъ поѣхалъ изъ града и во градъ найденной младенецъ, что на лѣсу нашли

¹⁾ Здѣсь пропущено *народъ* или что нибудь подобное.

подъ сосною, въ той часъ рогъ воспкпѣлъ со змирномъ. Видѣвши же велицы князи, бояре и вельможи такое великое чудо и мнози радовашеся и глаголаху. И снидоша съ коней и бысть съ пѣщими вкупѣ и поклонишася вси, радующеся, и веселяхуся и рече: «Радуйся, Новходоносоръ царь во скипетродержавномъ въ вавилонскомъ царствѣ! Буди надъ нами царь во вѣки». И ведоша его въ царскій домъ и воздѣша на него діадиму царскую и даша ему въ руку скипетръ царской, и посадиша его на царскій престолъ, и поклонишася ему князи, и бояре, и вельможи, ихъ храбрые витязи и вси вавилонсти людіе и рѣша ему вси: «Радуйся и веселися, великій и сильный, и храбрый и велеумный Новходоносоръ, царь вавилонскій (въ)скипетродержавномъ государствѣ надъ нами вовѣки! И оборони насъ изаступи храбростію своею и велеумно смысломъ своимъ отъ находящихъ на насъ людей и великихъ царей». Бысть въ Вавилонѣ радость великая. Новходоносоръ царь нача царствовати въ Вавилонѣ и бысть мудръ и храбръ и велеумень. Бысть же Новходоносоръ царь трицети лѣтъ, а сѣлъ на царство шти лѣтъ. Нѣвкоторой день Новходоносоръ царь въ Вавилонѣ бысть (sic!) всѣмъ своимъ княземъ, и боярамъ и вельможемъ, и храбымъ витязямъ и всѣмъ вавилонскимъ людемъ къ лобному мѣсту. Тотъ часъ вси съѣхались и великій царь Новходоносоръ нача говорити: «Сотворите мнѣ новой градъ Вавилонъ, на семи стѣнахъ, на семи верстахъ, а врата бы единъ въѣздъ и выѣздъ, а около града змій великій, глава бы змиева во вратѣхъ градныхъ и хоботомъ свилась». Они же князи, и бояре, и вельможи, ихъ храбрые витязи и вси вавилонсти людіе царева повелѣнія послушались, новый градъ Вавилонъ сотвориша. И повелѣ царицѣ домъ учинити и всѣмъ дома своя устроити, и (по)цареву велѣнію вся устроиша и полюбися царю новый градъ Вавилонъ: вниде въ него со всѣми силами своими и повелѣ царь во всемъ градѣ, и въ хоромѣхъ, и на платѣхъ, и на оружьѣ, и на сосудѣхъ, и на стѣнѣхъ и на сѣдлахъ все змѣи учинить. И полюбися царю знамя то, повелѣ царь во вратѣхъ градныхъ, во главѣ змиевъ по обѣ стороны рѣшетки желѣзныя и мѣдныя подѣлати. Въ нѣкоторый же день съ рубежа вавилонскихъ предѣлъ прѣѣхаша вѣстницы и повѣдоша царю Новходоносору, что пришли съ великимъ войскомъ въ вавилонскіе предѣлы. Великій же царь Новходоносоръ великія ярости наполнися и повелѣ въ тотъ часъ царицѣ великія радости наполнитися (?). Великій царь Новходоносоръ вавилонскій узналъ свою смерть, мечь свой самосѣкъ аспидъ змій въ градную стѣну повелѣ замуравить до скончанія вѣка, и заповѣдахъ его не вынати, и заклахъ баше и умре и по смерти его нача владѣти и вавилонское царство держати сынъ его царевичъ Василей Новходоносоровичъ.

Сказаніе о царѣ Василей, сынѣ Новходоносора, царя вавилонскаго.

Бысть царь Василей въ Вавилонѣ на царствѣ токмо седмь лѣтъ. Слышавше же великіе многіе цари, что въ Вавилонѣ Новходоносора царя не стало и совокупишася многіе цари съ великими силами и поидоша къ Вавилону граду на разореніе и прѣѣхаша съ рубѣжа къ царю Василю вѣстницы, возвѣстиша о пришествіи великихъ многихъ царей съ великими силами, что плѣнять вавилонскіе предѣлы. Великійъ же царь Василей, слышавъ, повелѣ въ той часъ полки великіе урядить. Егдаже многіе цари съ великими силами къ Вавилону граду приближася, тогда великій царь и повелѣ воеводамъ битися. И бѣшася изъ утра до вечера, и никто никого не одолѣеть. Тогда вавилонсти воеводы повѣдаша великому государю Василю, что не могоша пришедшихъ съ великими силами отъ града отбить и прошая у царя, дабы онъ вынялъ изъ градныя стѣны мечь отца своего самосѣка аспидъ змѣй и дабы заступилъ храбростію своею и отца помощію. Царь же Василей отвѣща имъ, рече: «Заклятъ у отца мечь до скончанія вѣка: не повелѣ никому вынимать». Они же моляху его, дабы то сотворилъ. Онъ же сжался и повелѣ воеводамъ битися, а самъ великій Василей Новходоносоровичъ вынялъ у отца своего мечь самосѣкъ изъ градныя стѣны и повелѣ у себя великаго коня осѣдлатъ и, убрався возлатокованныя царскія воинскія брони, и опояса ко бедрѣ своей мечь свой самосѣкъ и сяде на конь и поѣдѣ къ своимъ на помощь. Егда вѣѣнися въ свое войско, тогда мечь самосѣкъ аспидъ змѣй у царя изъ ноженъ выпорхнулъ и отсѣкъ царю своему главу и многихъ великихъ царей съ великими силами.....¹⁾. А что у вавилонскаго воинства было знамя змѣи, около града змѣй великій каменной и тотъ сталъ живъ, свистая и рыкая. И съ тѣхъ мѣсть градъ великій пусть сталъ и донныѣ въ него невходимо, зміемъ обладанъ великій....

Сказаніе о царѣ Алевуй и о царицѣ Александрѣ и о посланіи въ Вавилонъ градъ.

Бысть во Царѣградѣ царь Алевуй, а царица у него Александра. Много во Царѣградѣ царствовалъ, своею честію и величествомъ прѣвыше многихъ царей. Въ нѣкоторый день царь Алевуй повелѣ къ себѣ быть всѣмъ княземъ и боярамъ и вельможамъ и всѣмъ царемъ²⁾ градскимъ мужемъ. Въ той часъ вси съѣхались п великій же царь Але-

¹⁾ Одно слово пропущено.

²⁾ Такъ въ рукописи.

вуй говорить: «Князи и бояре и вельможи и вси цареградскіе мужи сотворите волю мою, изберите мнѣ трехъ мужей—воиновъ добрыхъ и велеумныхъ ¹⁾... языкомъ, третіе обѣжески языкомъ. Они же тѣ три написанныя разтолковали вкупѣ сице: «аше которые благовѣрные челоувѣцы приидутъ съ Руси и изъ Цареграда, и они бы по лѣстницѣ взошли на градную стѣну безъ страху и безъ боязни». Они же, призвавъ Бога на помощь, Василей Русенинъ со крестомъ поиде на градную стѣну, Лавръ Греченинъ, Іяковъ Обѣженинъ по немъ поидоша и обрѣтоша стезицу ²⁾ малу. Они же тою стезею доидоша до часовни. И внидоша въ часовню и видѣша спасовъ образъ и пречистыя Богородицы и свѣчи горятъ негасимыя. Видѣша на гробахъ кубокъ златъ со змиромъ; они же, чающе вино и чары златая, они же ивиша изъ кубка по три чары и по просвиру съѣли, и быша сыти и пьяни и уснуша долго часъ. Бысть же имъ гласъ во снѣ отъ гробовъ святыхъ страстотерпцевъ: «Полно вамъ спать! вѣдь вы не домой пришли спать!» Они же очутишася и возсташа отъ сна и видѣша на гробахъ кубокъ съ водою и полотенца. Они же умыша лица своя и полотенцомъ утrophася и поидоша въ царскій домъ. И внидоша въ царскую палату и видѣша на стѣнѣ спасовъ образъ; они же помолишася спасову образу и видѣша на грядяхъ царское платье уложено, видѣша тѣло, а все нетлѣно. Много дивятся и внидоша въ другую палату и обрѣтоша на одрѣ коробыцу и на коробыцѣ обрѣтоша три написанныя слова. Они же тѣ три слова растолковаша вкупѣ сице: «Аше которые благовѣрные челоувѣцы ³⁾ приидутъ съ Руси, изъ Царяграда, отъ царя Алевуя и они бы коробыцу отомкнули и распечатали и выняхъ порфиру царску и вѣнецъ царской.» Они же вельми ради быша и внидоша въ третію палату и обрѣтоша сундукъ великъ окованъ желѣзомъ, замкнутъ и запечатанъ, а на немъ написанныя три слова: одно руское, другое греческое ⁴⁾. Тѣ три написанныя слова растолковали вкупѣ: «Аше которые благовѣрные челоувѣцы приидутъ съ Руси изъ Царяграда отъ царя Алевуя и они бы сундукъ отомкнули, и распечатали, и выняли отъ царскаго дивнаго узорочія». Они же сундукъ отомкнуша и распечаташа и вываша много царскаго ⁵⁾ дивнаго узорочья, елико могоша вестъ и великія радости наполнишася ⁶⁾ и внидоша въ четвертую палату и видѣша спасовъ образъ и пречистыя Богородицы и обрѣтоша—на столѣ ека-

¹⁾ Здѣсь очевидный пропускъ.

²⁾ Въ рукописи ошибочно: *стѣну*.

³⁾ Въ рукописи: *црвицы*.

⁴⁾ Здѣсь опять легко восполнимый пропускъ.

⁵⁾ Въ рукописи: *царское*.

⁶⁾ Въ рукописи: *наполнися*.

терть покрыта, на златомъ блюдѣ хлѣбець малъ бѣлъ и на столѣ скляница съ виномъ. Они же хлѣбець разрѣзали, вино по три чары выпили: и быша сыти и пьяни и уснуша долго часъ. И бысть гласъ: «Полно вамъ спать; вѣдь.....¹⁾ царское знамя и зайдите ко гробомъ..... смиру и еиміянъ и ладонъ и пойте(те)..... ранѣ, до коихъ мѣстъ змій не возбудился». Они же скоро очутишася отъ сна своего, умудися, спасову образу (помолилися?), и испиша вина по три чары, и взяша бремена своя изъ царскаго дому, и придоша ко гробомъ страстотерпцовымъ и помолишася спасову образу и пречистой его матери и образамъ святымъ; простишася и взяша смиру, и еиміянъ и ладонъ и поидоша изъ града. Василиій Русенинъ со крестомъ по лѣстницѣ сниде, Лавръ Греченинъ по немъ сниде, Лавръ Бѣженинъ двухъ ступень не достигъ, загнулся за змій ногою и паде на землю и возсталъ. Змій же великій возбудися отъ сна своего, и нача надыматися чешуя на немъ, возста аки великія волны морскія, равно будетъ со градною стѣною и разинувъ ротъ и челюсти, и свиснувъ трижды, аки громъ великій. Они же три мужи падоша на землю, аки мертви; а въ ту пору въ полкахъ у царя Алевуя за двадцать поприщъ тридесять тысящъ войска отъ свистанія змиева померли. Въ той же часъ царь Алевуй²⁾.....

III.

Книга патерикъ иеросалимскій, сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о тріехъ отроцехъ Ананіе, Азаріе и Мисаилъ.

Пославъ³⁾ убо царь, нареченный во святомъ крещеніи Василиій Иоанновичъ, въ Вавилонъ градъ испытати, како святіи тріе отроцы лежатъ, и повелѣ взять у нихъ знаменіе. И посла первіе три человекъ; они же ему рѣша: «Нельзя намъ, царю, итти единовѣрнымъ въ Вавилонъ градъ: послѣ, царю, изъ Грекъ Гречѣнина, и изъ Руси Русинна, и отъ Бежа (sic!) Бежанина.» Царь же сотвори тако, и они же поѣхаша въ Вавилонъ градъ. И ѣхаша до Вавилона три недѣли изъ Еросалима, а до Вавилона тысяща миль. И когда пріѣхаша близъ Вавилона и видѣша стезицу малую, единого звѣря хожденіе; а градъ бѣше обросъ быліемъ, едва видѣша. Градъ стоитъ надъ моремъ близъ поля сѣнаарскаго; во градъ же Вавилонъ нѣсть живущаго человекъ, токмо едини змій и гади. И бысть той день воскресеніе заутра. И видѣша змій велика, облажащаго около града кругомъ, вхожденіе же во градъ — змій во уста. Змій же той

¹⁾ Точками означены тѣ мѣста, которыя въ рукописи прорваны.

²⁾ На этомъ рукопись прерывается.

³⁾ Въ рукописи: *Посланъ.*

содѣланъ хитростію: тогда же зміемъ молишася, и потомъ вселися во оныя діаволъ и начатъ челоувѣки пожирати. Они же, посланники, пріѣхаша ко вратамъ града того и привязаша кони и видѣша змія лежаща, а входъ во градъ во уста зміины. Они же устрашишася вельми. Зміи же устнама своимъ недвижимъ лежитъ, яко мертвъ; и прекрестиша лица своя и помолишася Богу и святымъ тріемъ отрокамъ и поидоша къ церкви святыхъ тріехъ отроковъ и вѣздоша въ ню и поклонилася гробомъ святыхъ тріехъ отроковъ Ананіи, Азаріи и Мисаилу и отпѣвше утреню. И стоитъ у святыхъ, у гроба, во главахъ кубокъ, полонъ муръ и ливана. Они же испиша и весели быша и рекоша между собою: «Возьмемъ кубокъ сей.» И возьмъ, о Василіе царю. И бысть имъ гласъ изъ гроба; услышавше гласъ; и ужасошася. Гласъ же бысть сей: «Поидите въ домъ царевъ; и есть въ дому цареву таковъ же кубокъ, и возьмите его; и да есть тамо два вѣнца Новходоносора царя и его царицы; а тѣ вѣнцы издавна сотворены были отъ драгаго макакула и отъ самфира; тѣ вѣнцы да будутъ положены на благовѣрномъ царѣ Василіѣ и на его царицѣ Александрѣ.» И поидоша жъ дому цареву и пріидоша къ лѣствицѣ; лѣствица же чрезъ зміевъ хвостъ къ полатамъ царевымъ, а ступеней осмьнадесятъ: на первой ступени написано: «русси аще пріидуть, приведетъ Богъ челоувѣка къ лѣствицѣ сей»; на второй ступени написано гречески¹⁾: «поиди безъ боязни»; на третьей ступени написано обѣжески: «поиди въ палаты»²⁾. И начаша имати порфиры и запоны царскія: и всѣ тѣ прахъ бысть. И обрѣтоша много сребра, и злата, и драгаго земчюгу и взяша царю 24 камени драгихъ и земчюгу довольно и злата и сребра довольноже, яко нести возможно, да взяша кубокъ и поидоша вспять. И како хотѣша³⁾ пойти по лѣствицѣ, и бысть при вечерѣ воскресеніе и запенся Іаковъ обожескій до земли за пятнадцать ступеней и паде на змія. И возста на зміи чешуя, аки волна морская; а иныхъ зміевъ и гадовъ много во градѣ безъ числа, но божіемъ повелѣніемъ въ воскресеніе отъ восхода солнечнаго зміи лежать яко мертвы до захожденія солнцу, къ понедѣльнику же и оживуть. Все зміи ожиша и быша живы всю недѣлю до воскресенія. Они же пріѣхаша во градъ въ Вавилонъ въ день въ воскресеніе христово и подняша друга своего и видѣша бывшая, и нападе на нихъ страхъ и ужасъ; и отъ страха омертвѣша и поидоша въ церковь святыхъ тріехъ отроковъ, и пѣвше вечерню, и поклонилася гробомъ ихъ и взяша кубокъ и второе испиша и весели быша. И бысть има гласъ изъ гроба: «Се уже вечеръ; поидите вы вонъ изъ

¹⁾ Въ рукописи: *обжески*.

²⁾ Здѣсь, кажется, пропущено нѣсколько словъ.

³⁾ Въ рукописи: *хотѣши*.

града путемъ своимъ вспять, а ни мало медлите, Богомъ хранимы, къ царю Василию.» Они же поидоша вонъ изъ града и быша у вратъ града и видѣша змія великаго жива. И бысть солнечное захожденіе и начаша зміи оживати и егда поидоша во градныя врата, во змиевы уста и хотѣша зміи пожрати ихъ; но еще не можаше. Они же изыдоша изъ града и борзо сѣдоша на коня своя, и начаша зміи вельми великимъ гласомъ свистати. Отъ змиева же свистанія падоша кони подъ ними; они же сами невредими быша, святыхъ тріехъ отрокъ молитвами.

Царь же Василій стоялъ отъ Вавилона за пятнадцать поприщъ ¹⁾. И услыша царь змиево свистаніе и убояся. Отъ змиева же свистанія многія стады конскія падоша и отдвинуся царь съ того мѣста за шесть поприщъ ²⁾, а самъ глагола: «Нѣсть моихъ дѣтей, да еще пожду». И назва ихъ царь себѣ дѣтьми. И минуша дней дванадцать и пріѣхаша отъ Вавилона послы царицы и видѣша ихъ царь и возрадовашася. Они же даша ему вѣнцы царицы Новходоносора царя, и кубокъ съ миромъ и съ ливаномъ, и камыкъ двадцать и четыре, и земчюгу довольно, и злата безъ числа и сребра довольно и много. Царь же возьмъ вѣнцы и кубокъ, и камыки, и земчюгу себѣ, а имъ злата много даде и сребра и отпусти ихъ царь въ дома своя и глаголя имъ: «Прославите Бога и Господа и святыхъ тріехъ отрокъ, Ананія, Азарія и Мисаила, и мене, царя Василія». И возьмъ царь полнъ кубокъ и злата и послалъ во Иеросалимъ къ патриарху и глаголя царь: «Да не буду азъ отлученъ отъ Иеросалима». И самъ царь поиде на страны полунощныя, на языки иновѣрные, и призывая себѣ вышняго Бога на помощь. Въ градъ же Вавилонъ, когда Вавилоняне моляшася (зміямъ?) и чтяху ихъ, яко Бога, обложиша около града змія древяна и сотвориша его хитра вельми, яко жива и на всѣхъ хоромѣхъ, и рекоша: «Се есть стражъ граду нашему». И начаша въ нихъ вѣровати вси Вавилоне и чтити ихъ, яко боги, и жертвы ему приносить. И виде вышній Господь Богъ прелесть людей и разгнѣвася на нихъ и вдасть врагомъ ихъ: и вселися во змія диволъ и нача пожирати челоуѣка, на всякъ день множество людей, и видѣша людіе погибель града своего и разыдошася вси по единому лицу всея земли, и занустъ градъ и домове ихъ падоша по многихъ лѣтѣхъ, и токмо едини зміи живутъ; людіе же нѣсть ни единого, живущаго въ Вавилонъ. Богу нашему слава всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

¹⁾ Надъ этимъ словомъ приписано: *дней*.

²⁾ Также.

ЗАМѢТКИ О СТАРИНѢ И НАРОДНОСТИ.

Книги, приобретённые которыхъ считалось нужнымъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ. Князь Репнинъ-Оболенскій, будучи посломъ въ Польшу въ 1653 году, по государеву указу купилъ тамъ слѣдующія книги: 1) Лексиконъ Словено-Русскій — дано 4½ золотыхъ польскихихъ; 2) Гранографъ Пясецкаго — дано десять золотыхъ; 3) Дикціонарь или Лексиконъ Гданскій на трехъ языкахъ: на Нѣмецкомъ, Латинскомъ и Польскомъ, дано 15 золотыхъ; 4) Гвагвинъ, дано 40 золотыхъ; 5) Библия на Польскомъ языкѣ, дано 50 золотыхъ; 6) Книга — Описаніе Польшы, дано 24 золотыхъ, да отъ переплету 6 золотыхъ; 7) Конституція нынѣшняго 161 года, дано левокъ; всего куплено книгъ на 25 золотыхъ.

С. Соловьёвъ.

Шемякинъ судъ. Въ 4-й книжкѣ «Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи» (отд. V, стр. 1—10) г. Пыпинъ напечаталъ известную сказку о Шемякиномъ судѣ по списку XVII вѣка, присоединивъ къ изданію своему нѣсколько объяснительныхъ замѣчаній. «Не имѣя теперь достаточно данныхъ для опредѣленія исторіи «Шемякина суда» (говоритъ г. Пыпинъ), остановимъ вниманіе изслѣдователей народной словесности на одномъ восточномъ произведеніи, которое было намъ указано г. Шифнеромъ. Въ тибетскомъ «Дзанглуна», заключающемъ въ себѣ религіозныя буддійскія преданія, во множествѣ разныхъ поэтическихъ сказаній находится одно весьма сходное съ темой нашего разсказа». Сравнивши сказаніе «Дзанглуна» съ нашей сказкой, г. Пыпинъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) «наша редація вставляетъ сатирическую мысль и приурочиваетъ разсказъ къ историческому лицу и 2) наша редація не имѣетъ сказочнаго окончанія тибетской повѣсти, гдѣ мнѣшеская основа удержалась свѣжѣе» (стр. 10).

Бенфей въ обширномъ введеніи къ своему переводу «Панчатаитры»¹⁾ первый указалъ на сходство русской повѣсти о Шемякинѣ судѣ съ тѣмъ сказаніемъ «Дзанглуна», которое переведено г. Пыпинымъ въ «Архивѣ». Стараясь объяснить исторію распространенія

¹⁾ *Pantschatantra: Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen, Aus dem Sanskrit übersetzt mit Einleitung und Anmerkungen von Theodor Benfey. Leipzig. 1839.*

этой буддѣйской легенды, Бенфей привелъ нѣсколько однородныхъ сказаній, которыя бросаютъ свѣтъ на происхожденіе и значеніе «Шемякина суда». Эти сказанія, являясь то въ формѣ отдѣльныхъ отрывочныхъ эпизодовъ, то въ совокупности, болѣе или менѣе близко подходящей къ нашей повѣсти, распространяются и въ восточныхъ и въ западныхъ литературахъ. Будда говоритъ, что если жрецъ нечаянно умертвить ребенка, съвши на него, то онъ лишается своего званія и долженъ сдѣлать матери новаго въ замѣнъ умершаго. Другая буддѣйская легенда рассказываетъ, что одинъ брахманъ бросился со скалы и упалъ на дровосѣка, котораго и расшилъ до смерти; а самъ остался живъ. Онъ спрашиваетъ у Будды: долженъ ли онъ за это потерять свое званіе, и Будда отвѣчаетъ: нѣтъ, потому что убійство произведено было ненамѣренно. Лѣтфѣллахъ, Индѣецъ-магометанинъ, сообщаетъ слѣдующую индѣйскую сказку: «Въ третьемъ вѣкѣ геджры жилъ въ Каирѣ судья Мансуръ-бенъ-Мусіа. Въ его-то время одинъ солдатъ занялъ у жиды деньги и въ случаѣ неустойки обязался дать у себя вырѣзать фунтъ мяса. Когда онъ не могъ заплатить долгъ, жидъ хочетъ тащить его въ судъ; но солдатъ спасается бѣгствомъ. Во время бѣгства столкнулся онъ съ беременной женщиной, сбиль ее съ ногъ и она выкинула; потомъ онъ сталкивается съ всадникомъ и нечаянно вышибаетъ у лошади глазъ; наконецъ спрыгиваетъ въ каменоломню и убиваетъ человѣка, на котораго упалъ». Жидъ, родственникъ женщины, всадникъ и сынъ убитаго приводятъ солдата въ судъ. Передъ домомъ судьи онъ видитъ пьянаго старика (что противно постановленіямъ Ислама) и человѣка, заживо похороненнаго. Судья рѣшаетъ искъ жиды точно также, какъ въ «Венеціанскомъ купцѣ» Шекспира; сыну убитаго и выкинутой женщины приносить онъ тѣ же приговоры, какіе находятся въ русской повѣсти и тибетскомъ «Дзанглунѣ». Всадникъ говоритъ, что за лошадь онъ заплатилъ 200 червонцевъ и требуетъ съ отвѣтника половину этой суммы. Судья приговариваетъ: распилить лошадь въ длину на двѣ равныя части; изъ нихъ половину съ здоровымъ глазомъ оставить у отвѣтника, а другую отдать истцу, который обязанъ за то заплатить 100 червонцевъ. Всѣ отказываются отъ взысканія и должны еще заплатить пеню. По окончаніи процесса отвѣтникъ проситъ у судьи объясненія тому, что видѣлъ онъ передъ его домомъ, и судья исполняетъ его желаніе.

И въ буддѣйскихъ легендахъ и въ приведенной сказкѣ нѣтъ и тѣни сатиры: напротивъ въ однихъ разсказъ имѣетъ религіозный смыслъ, въ другой судья является представителемъ мудрости, Соломономъ. Этотъ первобытный характеръ сказанія сохранился и въ пѣснѣ о

Правдѣ Короля Карла, которая была напечатана въ 1493 г.¹⁾ Связь преданія, составляющаго содержаніе этой пѣсни, съ «Шемакинѣмъ судомъ» была уже довольно давно указана²⁾. Средневѣковая поэзія нѣмецкая не разъ воспѣвала строгое правосудіе императора Карла Великаго. Содержаніе пѣсни *Kaiser Karl's Recht* слѣдующее: «Одинъ богатый купецъ оставилъ сыну все свое состояніе; но тотъ промоталъ его въ одинъ годъ. Онъ занимаетъ 1000 гульденовъ у жида, чтобы попытать счастья на чужбинѣ. Право вырѣзать у должника фунтъ мяса въ случаѣ неустойки—входитъ и здѣсь въ условіе. Съ богатою выручкою возвращается купецъ назадъ; но не находитъ жида на мѣстѣ и такимъ образомъ пропускаетъ срокъ платы. Жидъ объявляетъ, что контрактъ нарушенъ. Они рѣшаются отправиться на судъ къ королю Карлу. Во время пути купецъ заснулъ на лошади и задвигилъ до смерти ребенка, который бѣгалъ по дорогѣ. Отецъ мальчика обвиняетъ купца въ убійствѣ и идетъ вмѣстѣ съ нимъ и жидомъ во дворецъ короля. Купца сажаютъ подъ караулъ; но и здѣсь онъ падаетъ изъ окна и убиваетъ до смерти стараго судью, который сидѣлъ внизу на скамейкѣ. Сынъ этого купца идетъ также просить у Карла правосудія. Жалобу жида король рѣшаетъ извѣстнымъ образомъ; отцу задавленнаго ребенка онъ говоритъ:

«Leg ihn zu deinem Weibe,
Dass er ein ander Kind dir macht».—
«Nein», sprach der Mann: «das Kind lass ich eh fahren».

Сыну судьи король совѣтуетъ броситься изъ окна и задавить до смерти купца, который будетъ посаженъ внизу на скамейкѣ. Сынъ отказывается отъ такого права.

По мнѣнію г. Пыпина сказка о Шемакинѣ судѣ не могла къ намъ зайти изъ польскихъ книгъ, хотя Толстовскій списокъ XVII вѣка прямо говоритъ: «*выписано изъ польскихъ книгъ*». Мы думаемъ, что эта замѣтка рукописи заключаетъ *свою долю правды*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ своемъ настоящемъ видѣ наша сатирическая повѣсть о судѣ, уже обреченномъ именемъ Шемаки, прошла черезъ передѣлку русскаго человѣка и получила краски чисто народныя; но отдѣльные эпизоды ея могли быть заимствованы «изъ польскихъ книгъ». По крайней мѣрѣ можно найти доказательства тому, что нѣкоторые рассказы нашей повѣсти были извѣстны въ польской литературѣ. «Похожденіи новаго увеселительнаго шута и великаго въ

¹⁾ Docen въ *Altdeutsches Museum* II, 279—283. Къ сожалѣнію мы не имѣли подъ руками этого изданія и должны были пользоваться выписками изъ него, приведенными у Зимрока (*Shakspeare's Quellen* III, 198) и Бенфея.

²⁾ Hagen und Büsching, *Literarischer Grundriss zur Geschichte der deutschen Poesie*. Berlin, 1812, p. 172.

дѣлахъ любовныхъ плута Совѣст-драла (часть I, переведена съ Польскаго и дополнена съ другихъ языковъ)» заключаетъ въ себѣ между прочимъ слѣдующій разсказъ «*О печальномъ случаѣ*»: «Каменьщикъ, работая на высокой башнѣ, нечаянно съ оныя упалъ, и по счастью своему попалъ на человѣка, въ низу сядищаго, котораго въ тожь время убилъ до смерти. Сынъ убитаго, позвавъ на судъ каменьщика, доказывалъ, что онъ смертоубивство сдѣлалъ. Но каменьщикъ въ отвѣтъ ему сказалъ: другъ мой! еслии я погрѣшилъ, то не требую и покаянiя; взойди ты на то мѣсто, откуда я упалъ, а я сяду, гдѣ сидѣлъ твой отецъ, и такъ брося въ низъ, и убей меня до смерти»¹⁾.

Могутъ возразить, что этотъ народный анекдотъ могъ быть переведенъ и не съ польскаго, а «съ другихъ языковъ»; что онъ занесенъ и въ *Vera Utopiae descriptio* Бидерманна; но это будетъ говорить только о распространенiи этого эпизода нашей повѣсти въ народныхъ литературахъ Европы вообще — распространенiи, которое даетъ право думать, что анекдотъ былъ извѣстенъ и въ польскихъ народныхъ разсказахъ.

Rozrywki ucieszne y dowcipne z przydatkiem wielu nowych zabawnych historyiek powtornie przedrukowane w Warszawie 1768. p. 222 представляютъ также разсказъ, довольно близкій къ одному изъ процессовъ «Дзанглуна»: Pewny chłop pożyczył konia swemu sąsiadowi w drodze, z której sąsiad powróciwszy późno, a nie chcąc budzić już śpiącego owego chłopa, puścił tego konia na podwórze jego. Tym czasem wiley w nocy tam włazłszy zjadły owego konia. Złąd kłótnia między niemi. Jdą na sąd obadwa, każdy swą sprawę przekłada iak może. Ow chłop, którego koń był, upomina się zań zapłaty, tamten nie chce zań placić. Nakoniec sędzia spyta się owego chłopa czy dobry był ten koń jego? Na co chłop z zalem odpowie: Ach i iak dobry był! Złąd W. M. Pan poznay, że wiley i iednego kawałeczka z niego nie zostawili. Окончанiе не блеститъ особеннымъ остроумiемъ; но въ сборникѣ анекдотовъ изъ котораго выписанъ нами разсказъ, кое-что могло быть передѣлано и подновлено.

Сказанiе о судахъ, нѣкоторые факты изъ исторiи котораго мы изложили, получило у насъ сатирической смыслъ и примкнуло къ историческому имени Шемяки, который въ дѣлѣ правосудiя пользовался у насъ такою же популярностью, какъ Карлъ Великій у Нѣмцовъ, хотя и «съ другой стороны». Народная память видно не имѣла другаго героя правды и разсказъ принялъ форму сатиры. «*Чисто-*

¹⁾ См. Собранiе разныхъ исторiй, приложенное при 2 части «Совѣст-драла» стр. 56.

русское мотивированіе приговора—мнимый подкупъ, вѣроятно, вставлено позднѣе», справедливо замѣчаетъ Бенфей (стр. 401). Вотъ оно:

«Убогій же мысляше, какъ бы ему бѣдѣ избыти и умысла: взя камень и завертѣ въ платѣ и положи въ шапку и ста предѣ судью.... судяжъ, выслушавъ челобитную въ лошади и рече судія убогому: отвѣшай. Убогій же не вѣды, что отвѣцати и вынявъ изъ шапки въ платѣ заверченой камень и показа судѣ и поклонися. Судьяжъ надѣся, что ему отъ дѣла сулилъ.... Судія же высла челоуѣка своего ко отвѣтчику и велѣлъ у его взять показанные три узла; челоуѣкъ же судейской нача у него трехъ узловъ просити; онъ же, вынявъ изъ шапки заверченой камень въ платѣ, показа тому челоуѣку и челоуѣкъ нача его вопрошати: «что то за камень кажешь?» Онъ же рече: «я де того ради сей камень судѣ казалъ.... кабы онъ не помнѣ судилъ и я тѣмъ камениемъ хотѣлъ его ушибити.» (Архивъ, стр. 4—5). У извѣстнаго польскаго писателя второй половины XVI вѣка Николая Рея изъ Нагловицъ находимъ въ его стихотворныхъ переложеніяхъ народныхъ сказаній и анекдотовъ — Figliki — слѣдующій разсказъ о челоуѣкѣ,

CO SĘDZIEMU KAMIENI UKAZOWAŁ:

Przyszedł jeden do sądu, kamień w zanadrzu miał,

Więc sędziemu przez suknię palcem ukazawał.

Sędzia mniemał iż worek, więc wnet za nim

wskazał,

Osądziwszy szedł k' niemu, aby mu ukazał.

On mu kamień ukazał: «Mniemasz by darować

«Czekałem ia gdy będziesz dekreta ferować.

«Jeśli niesprawiedliwie, tym pamiętnym w czoło

«Miałem ci dać, azby się był obrócił w koło. ¹⁾

Не знаемъ, принадлежитъ ли этомъ анекдотъ къ циклу нашей сказки; но во всякомъ случаѣ «польскія книги» представляютъ нѣкоторыя аналогическіе съ нею эпизоды. Наша сатирическая повѣсть сложилась своеобразно подѣ условіями нашего быта и воззрѣніи, но матеріалы ея (основная сага) принадлежать въ такой же степени и восточнымъ и западно-европейскимъ литературамъ. Истиннымъ героемъ нашей сказки остается убогій, изворотливый умъ котораго торжествуетъ и надъ случайностями житейскими, и надъ матеріальной силой богача, истцовъ и самаго Шемяки судьи.

Н. Тихонравовъ.

¹⁾ Wojcicki, *Historia literatury polskiej w zarysach*, II. 154.

ЛЕКЦИИ ИЗЪ КУРСА ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
ЧИТАННАГО СТУДЕНТАМЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕР-
СИТЕТА ВЪ 186%, АКАДЕМ. ГОДУ.

I.

Въ XIV и XV столѣтїяхъ, когда изсякли мѣстныя преда-
нія кїевской Руси, на сѣверѣ и сѣверовостокѣ зачиналась
новая дѣятельность, подѣ темнымъ влїанїемъ татарщины. Воз-
растанїе новыхъ центровъ русской жизни во Владимїрѣ и
Москвѣ совершалось въ тѣни этого анти-національнаго пре-
обладанїя, которому новые города не могли противопоста-
вить своихъ нравственныхъ силъ, еще не успѣвшихъ со-
зрѣть. Поощряемая сомнительною связью князей и духовен-
ства съ Татарами въ Ростовѣ, Ярославлѣ и другихъ горо-
дахъ, Москва, чтобы подняться надъ старыми городами, безъ
зазрѣнїя совѣсти, пользовалась снисходительною дружбой и
покровительствомъ татарскихъ хановъ. Самыя раннїя преда-
нїя этого города проникнуты элементомъ татарскимъ. Прихо-
дилось сносить самыя тяжкія оскорбленїя азїятскихъ тира-
новъ, и употреблять ихъ въ свою пользу. Двуличный харак-
теръ этихъ сношенїй до позднѣйшихъ временъ отзывается въ
сказаньяхъ о зачинавшемся на сѣверовостокѣ нашего оте-
чества преобладанїи Москвы, придавая какой-то мрачный
и темный колоритъ даже, казалось бы, и самымъ лучшимъ

страницамъ исторіи Москвы. Какъ на примѣръ грустно и тяжело для національнаго чувства звучить слѣдующій разсказъ о митрополитѣ Алексіѣ (по печатному прологу подъ 12 числомъ февраля), по извѣстному случаю, когда ханъ Чанибекъ писалъ къ великому князю Ивану Ивановичу: «Мы слышали, что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго *попа* вашего: да испросить же онъ здравіе моей супругѣ.» Царица Тайдула «бѣше бо три лѣта слѣпа, къ сему и демонствуема. Онъ же (т. е. митрополитъ Алексій) аще за смиренномудріе и отрицашеся, обаче пѣвъ молебное пѣніе Господу Богу у гроба св. Петра чудотворца, идѣже свѣща о себѣ самой возжеса, юже разда по части народу на благословеніе, останокъ же съ собою взя. И емя пути съ клиромъ, немедленно дошедъ во Орду, приѣмлется честно отъ царя Чжанибека и сына его Бердебека и прочихъ его сыновъ, и уврачева молитвою своею недугующую царицу: и отъ всѣхъ удивленъ и почествованъ и одарованъ вельми, отпущенъ съ великою честію, приѣде на Москву.» Послѣ того въ Ордѣ было великое смущеніе. Злодѣй Бердебекъ, удавивъ своего отца и перебивъ всѣхъ братьевъ, завладѣлъ ханскою властью, и послалъ грозныхъ пословъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ, *покушаяся ити воевати російское христіанство*—какъ сказано въ прологѣ. «Слышавъ же сія великій князь Іоаннъ, и вѣдая бѣесть варвара того, молитъ святѣйшаго Алексія митрополита ити въ Орду, и утолити гнѣвъ злонравнаго онаго царя. Онъ же ни мало стужавъ иде въ Орду, и многую тамо злостужность отъ безбожныхъ Татаръ притерпѣ: обаче гнѣвъ царевъ укроти, и благополучно на престолъ свой возвратися, миръ земли російстѣй нося. *Къ сему даде ему царь ярлыкъ свой*, рекше грамоту свободительную, яковья и прежде сущимъ митрополитомъ—Михаилу второму, Іоанну, Петру и Θεогносту прежніи ординстии царіе даяху, и отъ всякихъ даней и поборовъ свободивъ, творяще церкви и монастыри, и земли ихъ, и воды, и ограды, и вся движная и недвижная даная церквемъ и монастыремъ, да *свободно* отъ всѣхъ плещей и попеченій клирицы и монахи живутъ, и *безмолвно* и *немятежно* Бога молятъ.» Могло-ли духовенство *безмятежно* и *спокойно* молиться Богу, когда другіе классы народа бѣдствовали подъ игомъ басурманъ?

Тѣмъ же мрачнымъ тономъ отличаются преданія объ основаніи нѣкоторыхъ московскихъ святынь. Такъ Чудовъ монастырь основанъ былъ Алексіемъ митрополитомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ татарскій конюшенный дворъ, подаренный этому святителю ханомъ Чанибекомъ за исцѣленіе его супруги отъ слѣпоты и бѣснованія ¹⁾.

Татарщина захватила своимъ темнымъ колоритомъ мѣстныя сказанья и нѣкоторыхъ другихъ городовъ сѣверовосточной Руси, но не такъ полно и всецѣло обняла всѣ элементы жизни, какъ въ Москвѣ.

И князь Феодоръ Ярославскій—какъ мы уже видѣли прежде—игралъ постыдную роль при дворѣ хана, будучи въ сомнительной милости у самой ханши, и потомъ, женившись на ея дочери, долженъ былъ съ бою брать свой удѣлъ при помощи татарскихъ войскъ; но Ярославль благородно отстаивалъ свою національность противъ князя, влачившаго раболопную жизнь въ услугѣ у Татарина и женившагося на басурманкѣ. Мы видѣли также, что и въ древнемъ, благочестивомъ Ростовѣ сильно разшаталась нравственныя понятія, потому что въ теченіе столѣтія духовенство, покровительствуемое Татарами, поддерживало авторитетъ татарской фамиліи, родъ царевича Петра, гордившійся тѣмъ, что идетъ отъ татарскаго племени и татарской кости; но въ пользу Ростова можно сказать еще то, что князья ростовскіе, хотя бы изъ корыстливыхъ цѣлей, въ теченіе столѣтія вели тяжбу за Ростовское озеро съ потомками царевича Петра, и протестовали противъ ихъ татарской спѣси, поддерживаемой татарскимъ войскомъ и усердными писателями, некстати присовокупившими къ житію св. Петра, царевича ординскаго, сказаніе объ этой тяжбѣ за Ростовское озеро, память о которой—какъ я позволяю себѣ думать—сохранилась въ народѣ до позднѣйшихъ временъ въ сатирической баснѣ о томъ, какъ Ершъ Ершовичъ сынъ Щетинниковъ не по праву завладѣлъ ростовскимъ озеромъ.

---

¹⁾ Памятники московской древности, Снегирева, о Чудовъ монастырь.

Ничего утѣшительнаго въ нравственномъ отношеніи не представляютъ намъ древнѣйшія преданія Москвы изъ ранней эпохи татарскаго господства. Если темная память соединяется въ нашихъ сказаніяхъ съ Москвою время великаго князя Ивана Ивановича и митрополита Алексія, то еще мрачнѣе отзываются въ сказаніяхъ предшествующія тому событія. Мученическая смерть князя Михаила тверскаго будила къ Москвѣ непримиримую ненависть въ тѣхъ городахъ, гдѣ старыя національныя преданія могли противопоставить татарскому насилию какіе либо нравственные принципы. Не только Тверь, но и Псковъ былъ возмущенъ татарскими правами Москвы, и, безъ сомнѣнія, не изъ этого города распространилась и доселѣ живетъ въ народѣ пѣсня, въ которой онъ горько протестуетъ противъ хана Узбека, тестя Георгію Даниловичу, и друга, союзника и покровителя московскихъ князей Ивана Калиты и Симеона:

А и дѣялось въ Ордѣ,
 Передѣялось въ Большой —
 На ступѣ золотѣ,
 На рытомъ бархатѣ,
 На червчати камкѣ,
 Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
 Азвякъ Тавруловичъ:
 Суды рассуживаетъ,
 И ряды разряживаетъ,
 Костылемъ размахиваетъ
 По бритымъ тѣмъ усамъ,
 По татарскимъ тѣмъ головамъ...
 Шурьевъ царь дарилъ,
 Азвяки Тавруловича
 Городами стольными:
 Василья на Плесу,
 Гордѣя къ Вологдѣ,
 Ахрамѣя къ Костромѣ, и т. д.

Какъ смотрѣли старые города на подвиги зачинавшейся Москвы, можно видѣть изъ участія, какое Псковъ принималъ въ семействѣ замученаго князя Михаила тверскаго.

Извѣстно, что почти весь родъ этого князя пострадалъ отъ жестокости Татаръ, при содѣйствіи Москвы. Въ княженіе Ивана Калиты, при св. Феогностѣ митрополитѣ, сыновья Михаила тверскаго должны были ѣхать на поклонъ къ Узбеку. Но Александръ Михайловичъ, находясь въ Псковѣ, не явился къ хану. Послы московскаго князя и новгородскіе съ архіепископомъ новгородскимъ, отправившись въ Псковъ, убѣждали Александра явиться къ хану на судъ. «Итакъ вмѣсто защиты, говорилъ тверской князь,—я нахожу въ васъ гонителей! Христіяне помогаютъ невѣрнымъ, служатъ имъ и предають свою братію.» Когда Псковичи, пренебрегая татарской грозой, благородно рѣшились не выдавать Александра, самъ Иванъ Калита съ Феогностомъ митрополитомъ и со многими князьями отправился въ Новгородъ и оттуда ко Пскову—и даже расположился станомъ, чтобы съ бою взять тверскаго князя. «Но—(здѣсь продолжаю болѣе умѣренными словами Карамзина) князь (Карамзинъ говоритъ объ Иванѣ Калитѣ) видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнувъ къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: склонилъ митрополита наложить проклятіе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покорятся. Сія духовная казнь, соединенная съ отлученіемъ отъ церкви, устрасила народъ. Однакожь (замѣтьте это обстоятельство!) граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михайлова». Но уже самъ Александръ оставилъ Псковъ. «Великій князь былъ доволенъ, — продолжаетъ Карамзинъ, — и митрополитъ разрѣшивъ Псковитянь, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ ханскаго гнѣва, но добрые Россіяне не хвалили его за то, что онъ, *въ угодность невѣрнымъ*, гналъ своего родственника и заставилъ Феогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ христіянь, коихъ вина состояла *въ великодушіи*». Въ этихъ умѣренныхъ выраженіяхъ Карамзина, отзывающихся нѣкоторою сантиментальностію, мы не должны видѣть обвиненія въ жестокихъ нравахъ, столь обычныхъ для того времени; но не можемъ не замѣтить различнаго отношенія къ татарщинѣ раболѣпной Москвы и самостоятельнаго Пскова, и конечно не вообще *добрые Россіяне*,—по нѣжному выраженію Карамзина,—пори-

пали московскаго князя и митрополита, а порицали ихъ только Псковичи. Москва, какъ новый станъ великокняжеской и царской силы, не была еще столько развита, чтобы практическими выгодами умѣла жертвовать въ пользу нравственныхъ убѣжденій, которыя въ то время имѣли единственную основу въ религіозныхъ идеяхъ и въ мѣстной привязанности къ родинѣ. Извѣстно, что Псковичи были правы въ своемъ протестѣ противъ московскаго князя и св. Θεогноста, потому что когда Александръ Михайловичъ съ своимъ юнымъ сыномъ Θεодоромъ явились къ хану Узбеку, ихъ тотчасъ схватили, мучили, и убивъ, розняли ихъ по составамъ.

Итакъ изъ самыхъ отношеній къ Татарамъ Москвы и другихъ городовъ уже явствуетъ, что нравственныя понятія, состоявшія тогда преимущественно въ противоположеніи русскаго и христіанскаго иноземному, татарскому и поганому, не одинаково были развиты въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Смоленскѣ, Твери, Псковѣ, Новгородѣ и въ Москвѣ. А такъ какъ нравственныя начала историческаго народа возникаютъ и совершенствуются на основѣ историческихъ родовыхъ преданій, разрабатываемыхъ въ теченіе вѣковъ изустно и письменно, то бѣглый взглядъ на русскіе города и области XIV вѣка даетъ уже намъ разумѣть о неодинаковой степени ихъ просвѣщенія, то-есть, грамотности, и слѣдовательно литературы.

Москва, не только въ XIV, но даже въ XV вѣкѣ, въ отношеніи литературномъ, несравненно ниже стояла Кіева или Новагорода XII столѣтія. Это значить не то, чтобы книжное просвѣщеніе на Руси коснуло, или что въ XIV вѣкѣ оно пошло назадъ; но то, что близорукій взглядъ историковъ Россіи, историковъ ея церкви и литературы, не умѣлъ отдѣлать мѣстнаго, то-есть, городскаго и областнаго развитія русской жизни и литературы отъ общей хронологической таблицы по вѣкамъ, въ которую бессмысленно помѣщались факты разныхъ мѣстностей и только производили путаницу въ вопросахъ объ историческомъ развитіи древней Руси.

Какъ погрѣшительна эта система въ разработкѣ русской литературы, можно видѣть изъ мѣста, какое историки русской

литературы даютъ митрополиту Кипріану, въ разсужденіи книжнаго просвѣщенія Россіи.

Митрополитъ Евгений въ своемъ «Историч. словарь о писателяхъ духовнаго чина», говоритъ о Кипріанѣ слѣдующее: «Сей пастырь былъ первымъ возстановителемъ по нашествіи Татаръ упавшаго въ Россіи просвѣщенія. Онъ привезъ къ намъ нѣсколько славянскихъ переводовъ разныхъ церковныхъ и отечественныхъ книгъ, сохранившихся у задунайскихъ славянскихъ поколѣній». Слѣдую Евгению, и архіепископъ Филаретъ въ своемъ «Обзоръ Русской духовной литературы» въ § 74 повторяетъ о Кипріанѣ: «Пастырь образованный, много заботившійся о возстановленіи упавшаго просвѣщенія въ Россіи.»

Невѣрность, или по крайней мѣрѣ односторонность этого мнѣнія открывається сама собою, если мы повѣримъ его системою мѣстнаго или областнаго развитія національныхъ и литературныхъ интересовъ древней Руси.

1) Что такое значить упавшее просвѣщеніе *въ Россіи*? Гдѣ была Россія въ XIV вѣкѣ, когда палъ Кіевъ? Ужь, конечно, не въ Москвѣ, которая, какъ мы видѣли уже и еще много разъ увидимъ, стремилась проводить анти-національнныя начала, и въ свою пользу налагала ихъ тамъ, гдѣ находила уступки своимъ чисто матеріальнымъ силамъ. Что же касается до Пскова, Новгорода и нѣкоторыхъ другихъ старыхъ городовъ, то *просвѣщеніе* (конечно принимаемое въ самомъ снисходительномъ смыслѣ) не только не пало въ нихъ въ XIV вѣкѣ, но быстро шло впередъ и даже распространялось въ массахъ, чему свидѣтельствомъ служитъ зарожденіе духа пыливости и критики, правда обнаружившагося въ ереси стригольниковъ, и слѣдовательно какъ бы въ уклоненіи отъ преданія, но все же говорящаго въ пользу развитія идей въ массахъ народа, хотя бы строгій пуристъ и порицалъ это развитіе съ своей слишкомъ исключительной точки зрѣнія. Исторія литературы заявляетъ только объ умственномъ и литературномъ развитіи, обнаружившемся въ стригольникахъ, не касаясь щекотливаго вопроса объ отношеніи ихъ къ исторіи русской церкви. Что же касается до Новагорода, то достаточно упомянуть о св. Василии, архіепископѣ новгородскомъ

(1331—1352 г.), который въ своемъ посланіи къ тверскому епископу Теодору о земномъ рабѣ, даетъ намъ самыя положительныя доказательства тому, что въ Новѣгородѣ въ половинѣ XIV вѣка, читались книги даже не церковнаго, но апокрифическаго содержанія и усваивались массою гражданъ, входя въ составъ мѣстныхъ сказаній. Итакъ услуги Москвѣ митрополита Кипріяна въ возстановленіи падшаго просвѣщенія не имѣли мѣста *въ Россіи*, то-есть, въ тѣхъ городахъ, гдѣ по преимуществу сохранялись русскія преданія, когда палъ Кіевъ, а Москва еще становилась только на ноги.

2) Не относятся ли заслуги Кипріяна преимущественно къ Москвѣ, такъ какъ онѣ неприложимы къ Новугороду или Пскову? И дѣйствительно, литературная дѣятельность его ограничивается по преимуществу Москвою, а въ этомъ городѣ не могло *просвѣщеніе настѣ*, потому что его тамъ еще вовсе не было, да и не могло быть: и, безъ сомнѣнія, презрѣніе старыхъ городовъ къ Москвѣ въ XIV и XV вѣкѣ, объясняется не одною только татарщиною въ политикѣ этого города, но и его безграмотностью.

Итакъ 3) въ чемъ же состояли заслуги Кипріяна? А онѣ дѣйствительно должны быть признаны. Желая водворить книжное ученіе въ дикомъ воинскомъ станѣ, называвшемся тогда Москвою, св. Кипріянь захватилъ съ собою много церковныхъ книгъ, необходимыхъ для практическаго употребленія въ населеніи, которое должно было обзавестись церквами, чтобы стать настоящимъ городомъ. Въ этомъ отношеніи заслуги Кипріяна для Москвы не подлежатъ сомнѣнію. Но и здѣсь, по печальной судьбѣ этого города, пугавшаго всѣхъ своими иноземными средствами оказался тотъ же, противный областнымъ національностямъ принципъ. Въ то время, когда въ новгородской области народный языкъ уже начиналъ брать рѣшительный перевѣсъ надъ книжною рѣчью, завезенною къ нимъ изъ Болгаріи, Кипріянь привезъ въ Москву кучу переводовъ древне-болгарскихъ, да еще переписанныхъ Сербами: и распространеніе этихъ болгаро-сербскихъ рукописей, способствуя въ Москвѣ церковному просвѣщенію, въ отношеніи собственно литературномъ имѣло свои великія невыгоды, наводнивъ русскія писанія варваризмами болгаро-

сербскаго характера, и удаливъ на нѣкоторое время нашу письменность отъ чисто русской рѣчи.

Таково было состояніе русскаго просвѣщенія и литературы въ XIV вѣкѣ. Чтобы разрѣшить множество недоумѣній, которыми полна исторія Россіи этихъ временъ, мы должны, отказавшись на время отъ хронологической системы, слѣдить за развитіемъ литературныхъ идей древней Руси по городамъ и областямъ.

—

II.

Архіепископъ Моисей, причисленный также какъ и Василій къ мѣстнымъ новгородскимъ святымъ, былъ современникомъ Василія, и дважды возсѣдалъ на архіерейскомъ престолѣ, сначала до Василія, именно съ 1325 г. по 1329 г., а потомъ по смерти Василія, т. е. съ 1352 года. Съ 1329 по 1352 г. онъ удалился на покой, безъ сомнѣнія, по нѣкоторымъ неудовольствіямъ между нимъ и Новгородцами. Эти неудовольствія можно, кажется, съ нѣкоторою вѣроятностію объяснить тѣмъ, что онъ былъ поставленъ въ архіепископы не по народному избранію жребіемъ, а уже отъ Петра митрополита московскаго (+1326). Вліяніе Москвы могло бросить тѣнь на Моисея, почему онъ и удалился на время; но какъ человѣкъ энергическій, онъ умѣлъ устранить всѣ недоразумѣнія и по смерти св. Василія вновь возведенъ былъ на архіепископскій престолъ.

Подобно архіепископу Іоанну, Моисей происходилъ отъ богатыхъ родителей, и старался пріобрѣсти популярность сооруженіемъ въ Новгородѣ многихъ церквей и монастырей, о чемъ упоминается въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Вообще лѣтописцы Новгорода относятся о Моисеѣ съ особенною похвалою, приписывая ему книжное образованіе и талантъ въ сочиненіи поученій. «Добръ пасяше свое стадо... многы писца изыскавъ и книги многы исписавъ... многы утвердивъ ученьемъ своимъ... и прихождаху къ нему, поучающеса отъ него день и ночь... скончася, многа писанія оставивъ» (Собр. Лѣт. III, 182). Впрочемъ, не смотря на свое книжное образованіе и сооруженіе храмовъ и монастырей, онъ вто-

рично долженъ былъ оставить архіепископскій столъ, и послѣдніе два года своей жизни провелъ въ построенномъ имъ монастырѣ Сковирийскомъ, во имя Михаила Архангела на Сковиридкѣ, гдѣ умеръ въ 1362 г.; онъ погребенъ въ храмѣ Михаила Архангела.

Вообще преданіе ставитъ архіепископа Моисея въ связи съ Москвою. Доселѣ сохраняются памятники этихъ связей. Такъ въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ показываютъ икону Всемиловитаго Спаса, сѣдящаго на престолѣ съ раскрытымъ Евангеліемъ въ рукахъ, которую будто бы московскій митрополитъ Петръ поднесъ св. Моисею при рукоположеніи. Тамъ же находятся и яшмовые сосуды, поднесенные св. Петру Московскому отъ Моисея новгородскаго, съ надписью 1328 г. ¹⁾.

Такимъ образомъ уже при первыхъ начаткахъ московскаго преобладанія обнаруживаются иныя отношенія архіепископа новгородскаго къ Новгороду, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторый протестъ новгородской національности противъ чуждаго преобладателя.

Впрочемъ съ именемъ Моисея Новгородцы связывали также память о своей родной старинѣ и въ сказаніи о немъ выразили свой протестъ противъ Москвы. Таковъ знаменательный эпизодъ въ житіи Моисея о Сергіи, который былъ избранъ въ архіепископы Новгороду при Іоаннѣ III, изъ монаховъ Троицко-Сергіева монастыря, прежде бывши Боровицкимъ протопопомъ.

Новгородскій Трифологіонтъ, принадлежащій мнѣ, рассказываетъ слѣдующее объ этомъ Сергіи.

«Сергіи архіепископъ, бывший прежде *отецъ духовный* великаго князя, новопоставленъ на архіепископство въ великій Новгородъ, и вниде въ обитель св. Архангела Михаила помолитися, помоливъ же ся и паки изъ церкви возвращашеся. Тогда повѣдаша ему гробъ создателя храма и обители великаго святителя Моисея. Онъ же, взглянувъ на бывшаго тутъ іерея, велѣлъ ему открыть гробъ, чтобъ видѣть мощи св. Моисея. Іерей же отвѣчалъ ему: «Я не смѣю, владыко! Это твоего архіерейства дѣло». Слышавъ то, Сергіи *вознесесея умомъ высоты ради сана своего, и яко отъ Москвы прииде. И рече*

¹⁾ Снегирева Памятники моск. древн. стр. 88, 91.

дерзновенно: «*Кого сего смердія сына и смотри!*» И такъ вышелъ изъ церкви и изъ монастыря.

«И отъ того же часа сталъ у него умъ отступать и *изумляватися* и страшиться, и до того дошолъ, что на конечное изступленіе впалъ. И выходилъ изъ кельи безлѣпно не во время, безъ одѣянія архіерейскаго и сѣдѣше при церкви преподобнаго Евѣимія, иже внутрь епископіи, а иногда же и у вратъ Св. Софіи; и такъ пребывъ мало время, яко девять мѣсяцевъ, возвращень былъ во свояси, въ томъ же болѣзно впавъ, *иже убо* божія угодника дѣявъ равнаго ему саномъ не почте, но паче укори. *Такова суть воздаянія горделивымъ здѣ видимо, въ будущемъ же вѣцѣ безконечно.*»

Изъ этого сказанія видно, съ какимъ презрѣніемъ относились Москвичи о мѣстныхъ преданіяхъ Новгорода. Но элементъ Новгорода восторжествовалъ, какъ здѣсь, такъ и во многихъ другихъ сказаніяхъ. Гордость и наянливость Москвы была наказана здѣсь на землѣ, а по убѣжденію благочестиваго писателя и еще больше того ожидаетъ ее въ будущей жизни.

Здѣсь же кстати приведу другой эпизодъ о томъ, какъ святыня новгородская отстаиваетъ права велик. Новгорода противъ враждебной власти Москвичей.

Это преданіе касается мощей Варлаама хутынскаго. Великій князь московскій Иванъ Васильевичъ III, въ 1462 г., передъ покореніемъ Новгорода, былъ въ хутынскомъ монастырѣ, и входилъ въ Преображенскую церковь, гдѣ покоились мощи Варлаама хутынскаго. Онъ хотѣлъ открыть мощи угодника и видѣть ихъ: тогда внезапно изъ гробницы хлынулъ пламень, и пожаръ было московскаго великаго князя, который, будучи пораженъ ужасомъ, бѣжалъ изъ храма. Отъ этого событія доселѣ остаются въ цѣлости обожженные пламенемъ деревянная дверь и трость великаго князя ¹⁾.

Приближалось время роковое для новгородской старины и пошрины. Всѣ чувствовали, что рано или поздно сбудется то страшное пророчество, которое преданія соединяли съ изображеніемъ Спасителя въ Софійскомъ храмѣ, держащаго въ своей десницѣ судьбы Новгорода. Приведу это общерас-

¹⁾ Макаріа, Археол. Опис. 1, 434.

пространенное, знаменитое сказаніе, для тѣхъ кому оно не извѣстно. Оно въ лѣтописяхъ помѣщается подь 1045 г. Заложилъ великій князь Владиміръ Ярославичъ, впукъ великому князю Владиміру кievскому, въ Новѣгородѣ церковь каменную Св. Софіи, при епископѣ Лукѣ, а дѣлали ее семь лѣтъ, и устроили прекрасную и огромную церковь. Потомъ привели изъ Царяграда иконописцевъ, которые стали подписывать ее въ главѣ. И написали они образъ І. Христа съ благословляющею рукой. На утро приходитъ епископъ Лука и видитъ образъ не съ благословляющею рукой, и велѣлъ передѣлать, и три утра иконописцы переписывали руку Спасителя, и всякій разъ она сама собою появлялась сжатою. И на третій день былъ иконописцамъ гласъ отъ того образа: «Писари, о писари! Не пишите меня съ благословляющею рукою, а пишите меня *съ рукою сжатою*; потому что въ этой рукѣ держу я великій Новгородъ: *а когда эта рука моя распрострется, тогда Новгороду будетъ скончаніе*».

Рука Спасителя, держащая Новгородъ, стала разжиматься, всѣ чувствовали, что скоро наступитъ скончаніе Новугороду. Кромѣ механической силы, Москва уже начала надѣяться и на вліяніе іерархическое, церковное, хотя и не могла бороться съ новгородскою грамотностію и съ религіозною православною стариною, столь прославившеюся во множествѣ преданій. Если съ одной стороны слышатся въ новгородскихъ сказаніяхъ жалобы на оскорбленія національному чувству Новгородца отъ Москвы, грозившія протестомъ противъ ихъ святотатства, какъ въ приведенномъ мною разсказѣ о гробѣ Варлаама хутынскаго, то съ другой стороны слышатся зловѣщія пророчества о паденіи Новагорода, о подчиненіи его московской силѣ. «Днесъ во градѣ Москвѣ радость», такъ провидѣлъ и предсказывалъ Михаилъ клопскій, юродивый Новагорода ¹⁾: «родибося у великаго князя сынъ Тимофей иже наречетъся Іоаннъ, *иже вслѣдъ страшенъ явится* и градъ сей (т. е. Новгородъ) въ область свою приметъ, и *сущая здѣ обычая измѣнитъ*»; и все это сбилось, говоритъ новгородскій писатель, черезъ 40 лѣтъ. Говорилъ также Михаилъ клопскій юродивый о па-

¹⁾ Въ житіи Михаила клоп.

шествиі Іоанна на Новгородъ: «Почто яко пьяніи мятетеса, аще его не утолите, многу бѣду подѣиметь, *понеже прежде рожденія* его възвѣщено Духомъ Святымъ о немъ: яко сей (т. е. Іоаннъ III) *обычан здѣ суцая измѣнитъ, и градъ въ свою облысть приметъ, и всю волю свою въ немъ сотворитъ.*»

Конечно, всѣ эти предвѣщанія и протесты Новгородцевъ составлены и записаны уже послѣ роковаго паденія Новгорода. Но уже въ первой половинѣ XV вѣка дѣйствительно чувствовалось въ Новгородѣ приближеніе грозы со стороны Москвы. Слѣдовало вооружиться не только воинскими и политическими средствами, но и еще болѣе—нравственными, которыми такъ высоко стоялъ Новгородъ надъ Москвой.

Надобно было привести къ окончательному результату все великое и славное, чѣмъ была богата православная, чисто народная старина новгородская. Надобно было Новгороду, передъ своимъ паденьемъ, обратиться назадъ и свести свои историческіе счеты, чтобы было всѣмъ и каждому очевидно, что онъ совершилъ великаго и славнаго для русской народности. Эта послѣдняя знаменитая эпоха въ исторіи Новгорода относится ко времени св. архіепископа новгородскаго Евѣимія.

III.

Новгородскій архіепископъ Евѣимій (1430—1458) и Іона (1458—1471), относятся къ той роковой эпохѣ, когда Новгородъ, болѣе и болѣе подчиняясь могуществу московскихъ князей, наконецъ долженъ былъ утратить свою національную самостоятельность. Оба эти замѣчательные челоуѣка, видя печальную судьбу своей родины въ настоящемъ и будущемъ, хотѣли возвысить въ умахъ современниковъ по крайней мѣрѣ прошедшую славу, знаменитую старину новгородскую. Что было блистательно сдѣлано по этому предмету Евѣиміемъ, то было продолжаемо и какъ бы доводимо до конца Іоною. Событія шли такъ быстро, что надобно было торопиться: и Іона почелъ нужнымъ вскорѣ по смерти Евѣимія имѣть уже житіе

его, которое и заказалъ составить Сербу Пахомію Логовету, вмѣстѣ съ житіями нѣкоторыхъ другихъ новгородскихъ угодниковъ.

Житіе архіепископа Евѣимія мы имѣемъ въ краткой, болѣе простой редакціи, и въ витиеватой, пространной, какимъ щеголялъ, какъ литературною новостью, прибывшій на Русь Сербъ Пахомій.

Архіепископъ Евѣимій, именемъ 2-й (о первомъ Евѣиміи будетъ сказано мною нѣсколько словъ въ житіи Михаила клопскаго юродиваго), особенно знаменитъ въ исторіи новгородской возстановленіемъ отживавшихъ уже свой вѣкъ старинныхъ и древнихъ мѣстныхъ преданій.

1) Съ именемъ его связывается послѣднее окончательное украшеніе и возвеличеніе монументальной старины Новгородской. Онъ строилъ многія церкви, а обветшавшія возобновлялъ, — «не едину или двѣ, говоритъ Пахомій Сербинъ, но многое множество. Аще ли хочещи видѣти нѣчто мало отъ великихъ, прійди къ великому храму Премудрости Божія, и возведи окрестъ очи своя, и тамо видиши пресвѣтлы храмы святыя, *яко звѣзды или горы стояща*, иже отъ него созданныя: не голосомъ, но самымъ веществомъ вопіютъ и своею красотою: «Сія архіепископъ Евѣимій дарова ми!» Сверхъ многихъ церквей возобновилъ онъ и украсилъ иконами храмъ св. Софіи: вмѣсто деревянной палаты построилъ каменную, воздвигъ *столпъ каменный, зло высокъ*, на высококомъ мѣстѣ, *имуще часы верху вельми предивны, иже весь градъ оглашаютъ*. Для многочисленныхъ построекъ имѣлъ онъ у себя помощника, *нѣкоего инока, казначея, хитра суца и художна къ умышленію*. Расписывали же храмы бывшіе при немъ самые искусные по тому времени изографы, т. е. живописцы.

Для исторіи древняго русскаго искусства любопытна слѣдующая подробность: архіепископъ Евѣимій особенно любилъ Николаевскій монастырь на *Вязищахъ* (въ 12-ти верстахъ отъ Новагорода), гдѣ онъ еще въ молодости былъ посвященъ въ монахи. Особенно украшалъ онъ разными постройками этотъ монастырь, и между прочимъ соорудилъ храмъ во имя Іоанна Богослова, когда уже былъ въ преклонной старости, и

чтобъ еще при жизни видѣть этотъ храмъ вготовѣ, украшеннымъ стѣнною живописью, онъ торопилъ иконниковъ, изготовлявшихъ фрески. Но иконники *возбраяху тому, глаголюще, яко еще льто или множае не мощно есть писати сырости дѣля, но требь есть ждати, дондеже изсохнетъ*. Итакъ новгородскіе мастера для прочности своихъ фресокъ, выдерживали для сухости новыя стѣны больше году, и потомъ уже ихъ подписывали.

2) Любопытная черта въ жизни Евѳимія—это гостепрѣимство и разныя милости, которыя онъ оказывалъ иностранцамъ. Видя со стороны Москвы одни только враждебные замыслы, архіепископъ Евѳимій съ особеннымъ вниманіемъ и любовью принималъ иностранцевъ, какъ бы надѣясь найти въ нихъ большее сочувствіе: «отъ странныхъ же или отъ чуждыхъ странъ приходящихъ,—говоритъ Пахомій, — всѣхъ любовію прѣимаше, всѣхъ упокоиваше, всѣхъ по достоинству миловаше, и не токмо же сія едина въ Новѣгородѣ бываху, но паче рука его бѣше простерта повсюду даяніемъ, не токмо до Константина града или Св. Горы, но и до самаго Іерусалима и далѣе.»

Но особенно замѣчательна дѣятельность Евѳимія въ отношеніи освященія своимъ авторитетомъ древнихъ священныхъ преданій о новгородской святынѣ. Времена были опасныя: московскіе враги, надменные своимъ внѣшнимъ превосходствомъ, не пощадилъ бы мѣстныхъ свято чтимыхъ преданій, и для уничтоженія Новагорода, готовы бы были святотатственно оглашать рабскими прозвищами свято чтимыя въ Новѣгородѣ имена, какъ тотъ Москвичъ архіепископъ Сергій, который св. Моисея осмѣлился назвать *смердымъ сыномъ*. Особенное вниманіе обратилъ архіепископъ Евѳимій на личности, наиболѣе популярныя въ мѣстныхъ преданіяхъ, т. е. на архіепископа Іоанна и Варлаама хутынскаго, объявивъ нетлѣнные останки того и другаго: «Сему же (т. е. Евѳимію) и пресловущій въ чудесехъ преже его бывый Іоаннъ архіепископъ мощи своя показа, явлься ему очи вѣсть». Тогда же определено было высокое значеніе этого архіепископа для исторіи Новагорода въ эпоху его борьбы съ Суздалемъ: потому что архіепископъ Іоаннъ *сподобился послужити чудеси св. Бого-*

родицы, честному ея знаменію. «Сему и преславный въ чудесехъ преподобный Варлаамъ хутынскій мощи своя верху земли видѣти дарова.» Но особенно было важно, для укрѣпленія всей новгородской старины, вообще возстановленіе въ память будущимъ поколѣніямъ всѣхъ мѣстныхъ преданій о новгородскихъ князьяхъ и святителяхъ, прославленныхъ въ народной памяти: «и о памятехъ создателей великія церкви св. Софїи и прочихъ князей русскихъ и архіепископовъ прежде его свято почившихъ творити вѣчно заповѣда». Но чтобы придать этому мѣстному чествованію вѣщій авторитетъ, архіепископъ Евѣимій, учреждая обрядъ поминовенія *новгородскихъ* князей и святителей, сослался на вѣщанія, бывшія ему о томъ въ чудесномъ видѣніи отъ самого св. архіепископа Іоанна, какъ это подробно читается въ житїи этого послѣдняго: «По глаголу святителя Божїа Іоанна устрои память велію преставльшимся княземъ русскимъ: великому князю Владиміру, иже созда великую церковь Святую Премудрость Божію, и матери его благовѣрной княгинѣ Аннѣ, и княгинѣ его (т. е. супругѣ), и прочимъ княземъ, лежащимъ въ святѣй Премудрости Божіей, и ихъ сродникамъ и архіепископамъ В. Новаграда, и всѣмъ православнымъ христіанамъ, въ лѣто 6948 (т. е. 1439 г., т. е. въ княженіе Василя Васильевича Темнаго, при митрополитѣ Исидорѣ).

Такое торжественное возстановленіе церковнымъ авторитетомъ священной старины и историческихъ преданій во всемъ объемѣ мѣстныхъ интересовъ было на Руси дѣломъ новымъ, дотолѣ небывалымъ. Послѣ Кіевскаго Патерика, имѣвшаго впрочемъ интересъ болѣе келейный, аскетическій, новгородскія памяти, освященные церковнымъ авторитетомъ по мысли архіепископа Евѣимія, давали обширный матеріаль для цѣлаго житейника новгородскаго, къ которому уже сами собою прилагались новыя данныя въ теченіи XVI вѣка. Патриотическій подвигъ архіепископа Евѣимія выступаетъ въ особенномъ свѣтѣ въ исторіи развитія литературныхъ идей, когда возьмемъ въ соображеніе ту эпоху, когда Новгороду въ борьбѣ съ Москвою не оставалось иныхъ средствъ, кромѣ авторитета литературнаго, имѣвшаго въ ту пору только смыслъ религіозный. Это духовное ополченіе, окруженное ореолами

святости,—какъ нельзя лучше во время,—было вызвано изъ старыхъ преданій, и какъ бы пущено на встрѣчу притязаньямъ Москвы, еще столь бѣдной въ то время своими мѣстными святынями: и что особенно заслуживаетъ вниманія, Москва, ревниво смотрѣвшая на древнюю славу Новагорода и волею неволею внесшая потомъ въ свои всероссійскія священныя преданія имена нѣкоторыхъ новгородскихъ епископовъ и монаховъ, все же не хотѣла признать общаго всероссійскаго авторитета за святостію новгородскихъ князей, доселѣ пользующихся только мѣстнымъ чествованьемъ. Даже самое имя св. Софіи, гдѣ покоятся останки новгородскихъ князей, осталось для Москвы какъ бы чуждымъ. Ведя свой родъ отъ Мономаховъ, черезъ владимірское княжество, московскіе князья усвоили себѣ мѣстную святыню въ храмѣ Успенія Богородицы, построеніе котораго соединилось съ варяжскими сказаніями о Симонѣ; но св. Софія, которую такъ высоко чтить Новгородъ, не вошла уже въ число кремлевскихъ святынь, не смотря на то, что это знаменитое имя было положено въ основу священныхъ памятниковъ церковнаго зодчества въ самой Византіи еще во времена Юстиніана.

Возстановленіе священной старины Новагорода архіепископомъ Евѣиміемъ должно было немедленно получить новую сильнѣйшую санкцію. Евѣимій въ свсемъ патріотическомъ подвигѣ ссылался на слова св. архіепископа Іоанна, представившагося ему въ видѣніи. Но надобно было немедленно привести въ общую извѣстность и жизнь самого Евѣимія, съ именемъ котораго теперь уже связывался вопросъ о законномъ авторитетѣ вызванной имъ священной старины Новагорода,—и вотъ черезъ какія нибудь 10 лѣтъ по смерти Евѣимія, архіепископъ Іона велитъ написать его житіе Пахомію Логовету Сербину.

Впрочемъ, прежде нежели обратимся къ литературной оцѣнкѣ сказанія объ Іонѣ и его заслугахъ въ русской литературѣ, намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ юродивомъ Михаилѣ клопскомъ, относящемся къ эпохѣ Евѣимія и Іоны (+1452). Житіе Михаила клопскаго, какъ и многія другія, дошло до насъ въ краткой, простой и въ болѣе подробной и витіеватой редакціи. Первая составлена, вѣроятно, еще въ XV

или въ началѣ XVI вѣка, а вторая, по порученію митрополита Макарія, въ 1537 г., бояриномъ Михаиломъ Тучковымъ, который въ малолѣтство Ивана Грознаго былъ посылаемъ въ Новгородъ, собирать войска противъ Татаръ, и въ то время по старымъ запискамъ описалъ житіе Михаила клопскаго.

Въ Клопскомъ монастырѣ, верстахъ въ 15 отъ Новагорода, однажды въ первой половинѣ XV вѣка, при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ случилось слѣдующее необычайное приключеніе: случилось одному монаху того монастыря, именемъ Макарію, на память св. Аграфены купальницы 23 іюня служить заутреню. Во время девятой пѣсни, покадивъ братію, пошелъ онъ покадить и въ свою келью, которая была близъ церкви. Подошедши къ кельи онъ удивился, найдя ее отпертою, между тѣмъ какъ, отправляясь въ церковь, онъ ее заперъ. Входитъ въ келью, и видитъ нѣкотораго человѣка въ иноческихъ одеждахъ: сидитъ и пишетъ дѣянія святыхъ. Макарій, пришедши въ ужасъ, удалился, а по окончаніи заутрени вмѣстѣ съ игуменомъ и съ братією отправился въ свою келью. Но она была уже заперта, и сколько они ни стучались, никто не отпиралъ. Тогда разломали дверь и вошли, и увидѣли того же незнакомца, занятаго писаніемъ. И спрашивали они его: «кто ты, человѣкъ или духъ?» И незнакомецъ, будто не понимая, что ему говорятъ, только повторялъ ихъ слова: «кто ты, человѣкъ или духъ?» Игумень сталъ молитвы творить, и незнакомый старецъ повторялъ тѣ же молитвы. Потомъ игумень сталъ его крестомъ ограждать и кадиломъ кадить, и незнакомецъ ограждалъ себя крестомъ, но отъ кадила уклонялся.

Но когда наступила въ тотъ день обѣдня, незнакомецъ явился въ храмъ, искусно пѣлъ молитвы и читалъ апостоль, и съ тѣхъ поръ всегда пѣвалъ онъ въ церкви, а во время трапезы читалъ по монастырскому обычаю; что же касается до образа жизни, то велъ себя какъ юродивый, и оставался неизвѣстенъ никому до тѣхъ поръ, пока не прибылъ однажды въ Клопскій монастырь братъ великаго князя Константинъ Дмитріевичъ, который, будучи изгнанъ изъ своей отчины, пришолъ въ Новгородъ. Князь Константинъ Дмитріевичъ въ незнакомцѣ узналъ нѣкоего Михаила, сына Максимова, и объявилъ, что онъ приходится ему и великому князю съ родни.

Такъ оно и было узнано, имя Михаила клопскаго юродиваго. Надобно полагать, что въ этомъ юродивомъ принималъ особенное участіе изгнанникъ изъ своей отчизны князь Константинъ Дмитріевичъ, искавшій пріюта въ Новѣгородѣ. Этотъ князь украшалъ Клопскій монастырь постройками, и тѣмъ снискалъ себѣ сочувствіе между новгородскимъ духовенствомъ. Хотя Михаилъ клопскій за свои эксцентрическія странности и признанъ былъ юродивымъ, но искусство въ пѣніи и чтеніи и постоянныя занятія въ списываніи книгъ обличаютъ въ немъ человѣка образованнаго, и даютъ разумѣть о томъ, что въ княжескихъ фамиліяхъ уже стало распространяться книжное просвѣщеніе, но не находя себѣ пищи въ дѣйствительности, оно возбуждало въ умахъ мечтательную экзальтацію и отчуждало отъ практической дѣятельности.

Имя Михаила клопскаго очень распространено въ преданіяхъ объ историческихъ событіяхъ XV вѣка. Евѡимій, Іона, князья московскіе и современныя междоусобія княженія Василя Темнаго ставятся въ связи съ сказаніями объ этомъ юродивомъ.

Было уже упомянуто, что передъ св. Евѡиміемъ II, былъ на архіепископскомъ престолѣ Евѡимій I. Онъ поступалъ слишкомъ круто съ монастырями, отнималъ у нихъ казну и имѣнія. Его обличалъ Михаилъ клопскій и даже предсказалъ скорую кончину за его неправды. Что же касается до св. Евѡимія, именно II-го, то Михаилъ клопскій, будто бы, предсказалъ ему, что онъ будетъ постановленъ на архіепископскій престолъ въ Смоленскѣ, отъ кіевскаго митрополита Герасима, а не въ Москвѣ отъ митрополита *владимірскаго и всея Руси*, какъ хотѣлъ, будто бы, Евѡимій. Извѣстно, что Евѡимій былъ посвященъ въ Смоленскѣ, что вполнѣ было согласно съ тогдашнимъ расположеніемъ умовъ въ Новѣгородѣ, чуждавшемся Москвы. Въ прошедшей лекціи я уже приводилъ пророчество Михаила клопскаго св. архіепископу Евѡимію о подпаденіи Навагорода подъ власть Іоанна III. Сверхъ того должно присовокупить, что сказанія говорятъ объ участіи, какое принималъ Михаилъ клопскій въ борьбѣ Василя Темнаго съ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ, который неодно-

кратно убѣгалъ въ Новгородъ. Сказаніе, составленное уже въ интересъ Москвы, заставляетъ Михаила клопскаго укорять князя Дмитрія Юрьевича; даже самыя предсказанія Михаила клопскаго о паденіи Новагорода отзываются торжественнымъ тономъ предреченій судьбы, покровительствующей московскому могуществу.

IV.

Сказаніе о св. архіепископѣ Іонѣ¹⁾, составленное въ Новѣгородѣ, отличается мѣстнымъ національнымъ колоритомъ, и по множеству подробностей столько же важно для исторіи гражданской и церковной, какъ и для исторіи литературы.

Іона (крещеное имя ему было Іоаннъ) родился въ Новѣгородѣ, и въ дѣтскихъ лѣтахъ осиротѣлъ. Его взяла къ себѣ одна вдова и отдала его дьякону учиться грамотѣ. Ко времени его ученія относится слѣдующій анекдотъ. Однажды шелъ по улицѣ Михаилъ клопскій юродивый. «Дѣти, товарищи Іоанну-Іонѣ по ученію, видя Михаила юродственнѣ грядуща», оставивъ свои игры, подбѣжали къ нему, какъ къ нѣкому чуду, стали надъ нимъ смѣяться и ругаться и бросать въ него навозомъ и грязью; Іоаннъ же (т. е. будущій Іона) смирно стоялъ въ то время, забившись въ уголъ. Михаилъ юродивый подошелъ къ нему, схватилъ его за волосы, и приподнявъ выше себя, воскликнулъ: «Іоанне, учи книги прилежно! Имаши бо великому Новуграду сему архіепископъ быти».

Эта подробность имѣетъ для насъ то значеніе, что личность Михаила клопскаго была въ мѣстныхъ преданіяхъ очень популярна, будучи поставляема въ связи со всею тогдашнею современностью.

Рано постриженъ былъ Іоаннъ въ монахи въ Отнемъ или въ Отенскомъ монастырѣ и нареченъ Іоною, и потомъ изъ этого монастыря былъ возведенъ на архіепископскій престолъ въ Новѣгородѣ. Этотъ монастырь всегда оставался предметомъ его попеченій. Какъ его предшественникъ архіепис-

¹⁾ Помѣщено въ Новгородскомъ Житейникѣ графа Уварова, № 429 (Царск. № 133).

копѣ Евѣимій покровительствовалъ церковному искусству и имѣлъ у себя отличныхъ мастеровъ, не только русскихъ, но и *нѣмецкихъ изъ-за моря* (по свидѣтел. Лѣтоп. Новг. III, подь 1433 г., о построении у него на дворѣ каменной палаты), такъ Иона, построивъ въ Отнѣ монастырѣ церковь трехъ святителей Василя Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоустаго, «многую лѣптою украсивъ тую, *хитрыхъ живописцевъ* священныя иконы поставивъ въ ней, ихъ же добрѣйшій не обрѣтесе инъ живописецъ въ то время и во дни наша. Такъ же вся стѣны церкви и столпы нарочитыми живописцы подписа и весь олтарь, и помрамореномъ плинѣомъ всюду помостивъ. Наипаче же священными книгами преисполнивъ тую, святая Евангелія со златыми письмены и серебромъ позлащенномъ хитро покова, съ камнями честными, и священные сосуды отъ камени изборна и отъ сребра чиста положи» и проч.

Но въ особенную заслугу въ исторіи образованія древней Руси слѣдуетъ вмѣнить архіепископу Ионѣ его ходатайство за угнетавшійся Москвою Новгородъ и просвѣщенное содѣйствіе Пахомію Сербину въ приведеніи въ литературную форму мѣстныхъ новгородскихъ сказаній. Какъ человекъ энергическій, онъ оказывалъ необыкновенную дѣятельность въ сношеніяхъ съ Москвою, и умно пользовался ими для Новгорода: «Московстии князи, — говоритъ сказаніе, — много любяхуть его и со (благо)говѣніемъ почитаху, и писанія множицею посылаху къ нему, и отъ него восписанія желанна приимаху: бѣше бо разумень и въ словесѣхъ благъ». Несогласія между Новгородомъ и Москвою, при его предшественникѣ св. Евѣиміи доходившія до кровопролитія, были улажены при св. Ионѣ: «Приде же московскій князь въ в. Новгородъ Василій Васильевичъ, и съ нимъ сыновѣ его, Георгій и Андрей — мирно; и архіепископъ посѣщая и *дани своя приемля*, преже бо двократы при блаженномъ Евѣиміи ратію приходивъ бѣшесе: тогда же миромъ приде и часто съ архіепископомъ бесѣдоваше». Сказаніе увѣряетъ, что великій князь исполнялъ всѣ прошенія св. Ионы и читилъ его, какъ отца.

Составленіе житій Пахоміемъ Сербиномъ сказаніе соединяетъ съ слѣдующимъ случаемъ въ Новгородѣ, будто бы во время пребыванія тамъ великаго князя Василя Васильевича.

Въ княжеской свитѣ былъ княжій постельникъ Григорій, изъ рязанскихъ бояръ. Во время пребыванія великаго князя въ Новѣгородѣ, надъ этимъ постельникомъ совершилось отъ св. Варлаама хутынскаго чудо, исцѣлило его отъ тяжелой болѣзни—и тому чуду *«самовидцы быша все множество градское и Москвичи всѣхъ бывшихъ тогда въ градѣ, и архіепископъ, и князь самъ, сынове его, и иже съ нимъ бояре и воеводы: и сіе умысли архіепископъ Іона въ вѣчныя памяти вписати на увѣденіе послѣднимъ родовомъ, еже и сотвори»*.

Тогда при митрополитѣ Іонѣ жилъ въ Новѣгородѣ Пахомій попъ, Сербинъ, искусный въ книжномъ сложеніи. Ему-то и велѣлъ архіепископъ *«восписати чудо сіе преподобнаго Варлаама, а также составить и все житіе этого угодника съ канономъ, сверхъ того житія княгини Ольги, какъ начальницы христіанству въ русской землѣ, Саввы Вишерскаго, новгородскаго угодника почти современника (+1461), а также предшественника своего архіепископа Евѳимія. Это литературное дѣло Іона считалъ столь важнымъ, что не щадилъ на него никакихъ издержекъ, одаривъ Пахомія золотомъ и серебромъ, фунами и соболями, и почтивъ его всякими почестями»*.

Великій князь Василій Васильевичъ пригласилъ архіепископа Іону побывать въ Москвѣ. Архіепископъ хотя былъ удрученъ старостью и не въ силахъ уже былъ предпринять такой долгой путь, но *«жалость людей своихъ (т. е. жалость по Новѣгородѣ), понуди его толикъ трудъ пути подъяти: видяше бо козъ на люди своя и на градъ (т. е. на Новгородъ) зависти око поощрямъ»*. Ища помощи Новугороду и людемъ, архіепископъ Іона долженъ былъ отправиться въ Москву, гдѣ онъ былъ принятъ съ великими почестями. За нѣсколько верстъ отъ Москвы былъ онъ встрѣченъ боярами и почетнымъ духовенствомъ. Въ самомъ городѣ встрѣтилъ его московскій митрополитъ Іона, съ которымъ онъ былъ связанъ пріязнью и взаимнымъ уваженіемъ. Когда новгородскій архіепископъ отправился къ великому князю, былъ онъ встрѣченъ на дворѣ боярами, а по лѣстницѣ вели его подъ руки сыновья великаго князя. Самъ великій князь взялъ его за руку и повелъ въ свои княжескія палаты, *и елики тяжести*

даровъ принесены быша архіепископомъ, радостно пріятъ князь. И такъ, для усмиренія московской грозы, архіепископъ Іона долженъ былъ привезти великому князю тяжеловѣсные новгородскіе дары: вотъ настоящая причина, почему великому князю хотѣлось видѣть въ Москвѣ архіепископа новгородскаго.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ, архіепископъ Іона неоднократно бывалъ у великаго князя, который часто ему жаловался на *гражданы его, яко не по лпнотъ отъ нихъ томъ.* О томъ же шла однажды у нихъ бесѣда, въ присутствіи Іоанна Васильевича (т. е. III), сына великаго князя и митрополита Іоны. Великій князь Василій Васильевичъ изложилъ передъ святителемъ свои жалобы на великій Новгородъ, *«аки презираемъ отъ него, а ему великаго княженія власть надъ князьми русскими предержашу: и сего ради искаше подъяти руцѣ на в. Новгородъ».* Архіепископъ Іона *отвѣщеваше за градъ* и говорилъ много утѣшительнаго. Но великій князь все жаловался и *ярость пріимаше по многу.* Тогда этотъ доблестный защитникъ своего отечества, *подвинувшись духомъ,* т. е. воодушевившись ревностью въ патріотическомъ дѣлѣ, рѣшился сказать великому князю, что если онъ, презрѣвши его моленія, не отвратитъ завистливаго ока отъ Новаграда, и *воздвигнетъ руку на послушныя ему люди, и ничьмъ же не обидѣвшія раздѣляти неправедно станеть,* да вонметъ себѣ—егда како и въ чадехъ его зависти око узрить кое, и раздѣленія послѣди близъ будутъ. Нынѣ же,—продолжалъ вдохновенный любовью народной старецъ,—*молитву мою услыши, неправды на праведныхъ не подвигни, тихими очами взгляни на своихъ повинныхъ и свободныхъ людей въ рабство принимать не начинай: тебѣ самому уже послѣдніе дни приближаются, и скоро уже сыну твоему Іоанну хоругви русской земли содержать: и о немъ буду я со всѣми своими Богу прилежныя молитвы возносить, наипаче же освобожу сына твоего отъ власти ордискиихъ царей, и прошу только за свободу града моего ежже отъ тебе.* Еще же молю Господа, да вознесетъ Господь десницу сына твоего надо всѣми, и да покоритъ ему всѣхъ сущестатовъ его, и прославится онъ властію больше прародителей своихъ, и княженіе его укрѣ-

пится въ рукахъ его, и простреть онъ силы свои на многихъ, и страны великія возьметъ, если только поживетъ благочестиво, и *тихима очима владомья смотрѣти будетъ*». Отъ этого пророчества святителя старца усладился великій князь и возвеселился, и радуясь объ освобожденіи отъ ордынскихъ царей и о благоденствіи своего сына, обѣщаль архіепископу милость къ людямъ его (т. е. къ Новгородцамъ), и всякій гнѣвъ отложивъ, миръ вел. Новгороду дароваль; а самъ просилъ обоихъ святителей, т. е. архіепископа Іону и митрополита Іону, о моленіи ихъ, *«еже пріяти свободу отъ мучительства ординскихъ царей и Татаръ и укрьпиться въ руку его русскимъ хоругвямъ»*. (Такъ еще тяжело было для Руси, и именно теперь въ XV вѣкѣ для Москвы татарское иго, что за надежду освободиться отъ него, московскій князь отказывается отъ порабощенія Новгорода!) Когда всѣ умолкли, прослезился старецъ архіепископъ Іона и горько плакалъ. Великій князь и митрополитъ въ удивленіи спрашивали о причинѣ его скорби. Архіепископъ отвѣчалъ имъ: «Кто обидитъ людей моихъ толикое множество, и кто смиритъ таковое величество града моего, если усобицы не смягутъ ихъ и раздоры не низложатъ ихъ, и лукавство зависти не развѣетъ ихъ? По крайней мѣрѣ во дни мои да дастъ Господь миръ и тишину людямъ моимъ». Такимъ образомъ провидѣвъ духомъ, что людямъ его невозможно до конца въ свободѣ удержать города своего, архіепископъ позаботился о любимомъ имъ монастырѣ Отнѣ (Отенскомъ), и просилъ обоихъ князей, т. е. Василія Васильевича и сына его Іоанна, чтобы былъ данъ этому монастырю *свой судъ*, да изъять онъ будетъ *отъ насилія мношхъ и отъ самихъ намѣстниковъ ихъ, и сами, и поселяне и работники да не судимы будутъ*. Князья съ радостію исполнили его прошеніе и дали ему на то грамоту, снабдивъ ее позолоченными печатями. Потомъ съ великою честію отпустили архіепископа изъ Москвы. Прибывъ въ Новгородъ, архіепископъ Іона выразилъ свою симпатію къ Москвѣ особымъ чествованіемъ, которое онъ воздалъ памяти Сергія Радонежскаго, построивъ ему первую въ Новгородѣ церковь въ 1463 г., ровно черезъ 40 лѣтъ послѣ того, какъ Сергій (въ 1423 г.), былъ признанъ новоявленнымъ угодни-

комъ. Эту церковь построилъ онъ при архіепископской палатѣ и именно при самомъ томъ столбѣ часовомъ или, — какъ онъ былъ названъ, — при *часозвонѣ*, который былъ сооруженъ Евеиміемъ. Тогда же приказалъ Иона Пахомію составить житіе Сергія, которое было имъ написано по памятямъ, сдѣланнымъ ученикомъ Сергія — Епифаніемъ. Вскорѣ умеръ митрополитъ Иона; архіепископъ въ знакъ уваженія и пріязни приказалъ Пахомію составить и житіе этого митрополита. Изъ этого мы видимъ, что архіепископъ Иона старался какъ можно скорѣе утверждать литературнымъ авторитетомъ память уважаемыхъ имъ лицъ, хотя бы и современниковъ, каковы были новгородскій архіепископъ Евеимій и московскій митрополитъ Иона. Онъ приказалъ было даже и житіе третьяго современника, Михаила клопскаго, которое, кажется, не успѣлъ написать Пахомій. Но главная дѣятельность сербскаго литератора была обращена на священныя преданія Новагорода. Кромѣ вышеупомянутыхъ сказаній, онъ написалъ два канона *иконъ Знаменія Пресвятой Богородицы*, понятно потому, что съ этимъ знаменіемъ или чудомъ Новгородцы соединяли память о самой блистательной эпохѣ въ своей исторіи изъ временъ архіепископа Иоанна.

Пахомій жилъ въ Новѣгородѣ до самой кончины своего покровителя архіепископа Ионы. Потомъ переѣхалъ въ Троицы Сергіевъ монастырь, становившійся центромъ книжнаго просвѣщенія въ усиливающейся Москвѣ. По примѣру Новагорода, и Москва уже стала думать о водвореніи въ благочестивыхъ умахъ памяти о своихъ мѣстныхъ свято—чтимыхъ угодникахъ. Когда открыты были мощи св. Петра митрополита Московскаго, Пахомію поручено было сочинить службу на обрѣтеніе мощей его, и онъ написалъ два канона. Еще описалъ онъ житіе другой знаменитой личности въ исторіи московской церкви, именно житіе св. Алексія митрополита. Такимъ образомъ даже самыя раннія священныя преданія свои Москва приводитъ въ литературную извѣстность по примѣру Новагорода и подъ вліяніемъ новгородскихъ идей, которымъ при архіепископѣ Ionѣ усердно служилъ Сербинъ Пахомій.

По смерти великаго князя Василя Васильевича сынъ его великій князь Иоаннъ III оказывалъ такую же милость и бла-

говоленіе архіепископу Іонѣ. И не только московскіе князья любили этого замѣчательнаго челоувѣка, но, какъ говорить его житіе,—«и Тверстѣи, и Литовстѣи, и Смоленстѣи, и Полотстѣи, и Нѣмстѣи, и вси округъ сѣдѣющія страны во вся лѣта епископства его твердо любовь имѣяху къ нему, и миръ великъ къ в. Новуграду имѣяху, такъ же и ко всѣмъ предѣломъ его, и глубокую тишину вся страна та пріять, и не бѣяше слышанія рати во вся дни его». Превознося благоденствіе Новагорода во времена этого архіепископа, списатель житія обличаетъ въ себѣ Новгородца въ слѣдующихъ словахъ: «Такова благоволенія обильна молитвами его Господь Богъ дарова граду нашему».

Таково замѣчательное сказаніе объ архіепископѣ Іонѣ, проникнутое самымъ искреннимъ патріотическимъ чувствомъ Новгородца, постоянно волнуемаго страхомъ и надеждою за судьбу своей родины. Не смотря на трогательныя просьбы, которыми умаливаетъ архіепископъ московскихъ князей хотя на время отворотить свой гнѣвъ отъ Новагорода, не смотря на его тревожныя предчувствія, заставляющія его уже заранѣе оплакивать судьбу любимой родины, житіе архіепископа Іоны оставляетъ по себѣ успокоительное впечатлѣніе описаніемъ тишины и благоденствія, которыми наслаждался Новгородъ во время архіепископства Іоны. Это была необычайная, напряженная тишина, предвѣщавшая послѣднюю грозу, разразившуюся надъ Новгородомъ. Уже въ самыхъ отношеніяхъ архіепископа Іоны къ московскимъ князьямъ нѣтъ той независимой самостоятельности, къ какой издавна привыкли Новгородцы: уже не гордымъ протестомъ, не грозою, а моленіемъ надобно было умоливать Москву, чтобъ она смотрѣла тихими очами на повинныхъ ей Новгородцевъ; уже надобно было новгородскому архіепископу войти въ дружеское сношеніе съ московскимъ митрополитомъ, и даже ввести въ кругъ новгородскихъ святыхъ новое священное имя Сергія Радонежскаго, принесенное въ Новгородъ самимъ архіепископомъ изъ Москвы.

комъ. Эту церковь построилъ онъ при архіепископской палатѣ и именно при самомъ томъ столбѣ часовомъ или, — какъ онъ былъ названъ, — при *часозвонѣ*, который былъ сооруженъ Евѡиміемъ. Тогда же приказалъ Иона Пахомію составить житіе Сергія, которое было имъ написано по памятямъ, сдѣланнымъ ученикомъ Сергія — Епифаніемъ. Вскорѣ умеръ митрополитъ Иона; архіепископъ въ знакъ уваженія и пріязни приказалъ Пахомію составить и житіе этого митрополита. Изъ этого мы видимъ, что архіепископъ Иона старался какъ можно скорѣе утверждать литературнымъ авторитетомъ память уважаемыхъ имъ лицъ, хотя бы и современниковъ, каковы были новгородскій архіепископъ Евѡимій и московскій митрополитъ Иона. Онъ приказалъ было даже и житіе третьяго современника, Михаила клопскаго, которое, кажется, не успѣлъ написать Пахомій. Но главная дѣятельность сербскаго литератора была обращена на священныя преданія Новагорода. Кромъ вышеупомянутыхъ сказаній, онъ написалъ два канона *иконъ Знаменія Пресвятой Богородицы*, понятно потому, что съ этимъ знаменіемъ или чудомъ Новгородцы соединяли память о самой блистательной эпохѣ въ своей исторіи изъ временъ архіепископа Іоанна.

Пахомій жилъ въ Новѣгородѣ до самой кончины своего покровителя архіепископа Іоны. Потомъ переѣхалъ въ Троицы Сергіевъ монастырь, становившійся центромъ книжнаго просвѣщенія въ усиливающейся Москвѣ. По примѣру Новагорода, и Москва уже стала думать о водвореніи въ благочестивыхъ умахъ памяти о своихъ мѣстныхъ свято—чтимыхъ угодникахъ. Когда открыты были мощи св. Петра митрополита Московскаго, Пахомію поручено было сочинить службу на обрѣтеніе мощей его, и онъ написалъ два канона. Еще описалъ онъ житіе другой знаменитой личности въ исторіи московской церкви, именно житіе св. Алексія митрополита. Такимъ образомъ даже самыя раннія священныя преданія свои Москва приводитъ въ литературную извѣстность по примѣру Новагорода и подъ вліяніемъ новгородскихъ идей, которымъ при архіепископѣ Іонѣ усердно служилъ Сербинъ Пахомій.

По смерти великаго князя Василія Васильевича сынъ его великій князь Іоаннъ III оказывалъ такую же милость и бла-

говоленіе архіепископу Іонѣ. И не только московскіе князья любили этого замѣчательнаго человѣка, но, какъ говоритъ его житіе, — «и Тверстѣи, и Литовстѣи, и Смоленстѣи, и Полотстѣи, и Нѣметстѣи, и вси округъ сѣдящія страны во вся лѣта епископства его твердо любовь имѣяху къ нему, и миръ великъ къ в. Новуграду имѣяху, такъ же и ко всѣмъ предѣломъ его, и глубокую тишину вся страна та пріять, и не бѣяше слышанія рати во вся дни его». Превознося благоденствіе Новагорода во времена этого архіепископа, списатель житія обличаетъ въ себѣ Новгородца въ слѣдующихъ словахъ: «Такова благоволенія обильна молитвами его Господь Богъ дарова граду нашему».

Таково замѣчательное сказаніе объ архіепископѣ Іонѣ, проникнутое самымъ искреннимъ патріотическимъ чувствомъ Новгородца, постоянно волнуемаго страхомъ и надеждою за судьбу своей родины. Не смотря на трогательныя просьбы, которыми умаливаетъ архіепископъ московскихъ князей хотя на время отвратить свой гнѣвъ отъ Новагорода, не смотря на его тревожныя предчувствія, заставляющія его уже заранѣе оплакивать судьбу любимой родины, житіе архіепископа Іоны оставляетъ по себѣ успокоительное впечатлѣніе описаніемъ тишины и благоденствія, которыми наслаждался Новгородъ во время архіепископства Іоны. Это была необычайная, напряженная тишина, предвѣщавшая послѣднюю грозу, разразившуюся надъ Новгородомъ. Уже въ самыхъ отношеніяхъ архіепископа Іоны къ московскимъ князьямъ нѣтъ той независимой самостоятельности, къ какой издавна привыкли Новгородцы: уже не гордымъ протестомъ, не грозою, а моленіемъ надобно было умилостивлять Москву, чтобъ она смотрѣла тихими очами на повинныхъ ей Новгородцевъ; уже надобно было новгородскому архіепископу войти въ дружеское сношеніе съ московскимъ митрополитомъ, и даже ввести въ кругъ новгородскихъ святыхъ новое священное имя Сергія Радонежскаго, принесенное въ Новгородъ самимъ архіепископомъ изъ Москвы.

ЗАПИСКИ ВАЖНЫЯ И МЕЛОЧНЫЯ К. Θ. КАЛАЙДОВИЧА. ¹⁾

Января 14-го дня былъ я съ 9-го часу по 12-й у графа Сергѣя Петровича Румянцова и вручилъ ему письмо отъ А. Θ. Малиновскаго, въ которомъ Его Превосходительство писалъ: «Не распространяясь о достоинствахъ г-на Калайдовича, довольно привести сказанное преосвященнымъ Евгеніемъ, что, ежели онъ въ такія лѣта столько знаетъ, что-же будетъ въ наши?» Графъ Сергѣй Петровичъ принялъ меня съ отличнымъ расположеніемъ, чего я не ожидалъ отъ столь знатнаго барина; но я не столько удивлялся сему, сколько особеннымъ его свѣденіямъ въ исторіи русской. Онъ показывалъ мнѣ Кенигсбергскаго Нестора, изписаннаго собственными примѣчаніями, между которыми я замѣтилъ, что Сѣвѣряне и Древяне названы отъ рѣкъ Сѣвѣры (кажется) и Дравы, протекающихъ гдѣ-то въ Славоніи; что въ Швейцаріи есть одна деревня, ежели не ошибаюсь, прѣ рѣкъ Русъ, которой жители образомъ жизни и поступками отъ тамошнихъ обывателей отличны, и кои вѣроятно зашли туда во время норманскихъ набѣговъ на Европу. Къ сожалѣнію я не могу припомнить всего нашего разговора, изъ коего содержу въ памяти, что слово *куна*, вѣроятно, есть испорченное: «*rescipia*» подобно *ve-*

---

¹⁾ Подъ такимъ заглавіемъ сохранилась у наследниковъ К. Θ. Калайдовича тетрадь, въ 4-ю долю листа, написанная отъ начала до конца его рукою. Печатаемъ записки съ соблюденіемъ правописанія подлинника. *Ред.*

вьриць, взятой съ какого-то латинскаго слова, что *ой дидъ и ладо*, извѣстная припѣва, въ коей находятъ славянскихъ бо-бовъ,—есть ничто иное какъ древній греческій припѣвъ: *ой ти тид.мо*, подобный вошедшему при Татарахъ *ой люли, ой лю.ли*, извѣстному и теперь у нихъ и въ Турціи, и ничего не значать какъ и французское *тралла-ла*; что Финны и теперь, указывая на забалтійскій берегъ, при вопросѣ, кто живетъ тамъ, отвѣчаютъ *Русмалейнъ*. Не надо большихъ доказательствъ, чтобы сему вѣрить, кто знаетъ, что Шведы именемъ русскихъ называли не сами себя, но что сіе имя давали имъ другіе народы, такъ точно какъ имя нѣмцовъ, даваемое одними Рускими Германцамъ и Татаръ, извѣстное (всей) Европѣ. Графъ предложилъ мнѣ на разрѣшеніе два сомнѣнія находящіяся въ Кенигсбергскомъ спискѣ Нестора о высаженіи Судислава изъ поруба, и о томъ что, когда Ярославъ возвратился съ мнимой побѣды надъ Болеславомъ, было ему 28 лѣтъ. Румянцовъ не вѣритъ Пѣсни Игоревой, почитая ее подложною, основываясь на томъ, что въ ней встрѣчается имя Солтаново, появившееся не за долго предъ XII вѣкомъ, названіе народа Венедици и мѣстоимѣніе *который*, неприличное будто бы тому времени. О имени Солтана и Венедицъ должно справиться, а въ доказательство, что въ древнихъ сочиненіяхъ встрѣчаются слова совершенно похожія на новыя, приводилъ я Его Сіятельству слово *батоиъ*, находящееся у Нестора по древнѣйшему Лаврентьевскому списку. Онъ также не вѣритъ Нестору, почитая сіи лѣтописи монастырскими записками, а самого Нестора Петра Могилы фабрикою. Вообще графъ имѣетъ сильныя предразсудки въ опасеніи въ поддѣлкѣ древнихъ рукописей и нѣкоторымъ историческимъ случаямъ,—предразсудки, кои желательно, чтобы были чаще у нашихъ мнимыхъ историковъ. Въ заключеніе графъ говорилъ о будущей моей службѣ и разстался со мною до свиданія въ Синодальной ризницѣ 16 дня сего мѣсяца. Въ 12-мъ часу я отъ него вышелъ. Графъ Сергій Петровичъ средняго роста, лѣтъ 60-ти но очень бодръ, имѣетъ пріятную улыбку и я, находя въ немъ сходство съ покойнымъ безцѣннымъ для меня княземъ Борисомъ Владиміровичемъ Голлицынымъ, тѣмъ болѣе радовался сему знакомству.

Первымъ отдѣленіемъ издаваемыхъ мною Рускихъ Достопамятностей графъ былъ очень доволенъ, и долго говорилъ о нѣкоторыхъ пѣсахъ, въ ней помѣщенныхъ.

Января 16-го дня, отобравши 14-ть важнѣйшихъ книгъ, взятыхъ мною изъ Синодальной библіотеки, я поѣхалъ туда. Графъ пріѣхалъ въ 11-мъ часу и съ любопытствомъ разсматривалъ привезенныя мною книги, изъ коихъ особенно показались ему достойными вниманія: 1) Переводъ книги Іоанна Дамаскина о небесной іерархіи, сдѣланный по всѣмъ вѣроятіямъ въ X вѣкѣ и тогда-же писанный Іоанномъ, Ексархомъ Болгарскимъ. 2) Уставъ церковный, писанный, думать надобно, въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ. 3) Шестодневъ Василя Великаго, принадлежащій къ переводамъ X вѣка Іоанна Ексарха Болгарскаго. 4) Четыре слова на Аріаны Аванасія, Архіепископа Александрійскаго, переводъ, къ тому-же времени относящійся. 5) Евангеліе, писанное въ 1144 году. 6) Опись книгъ въ разныхъ монастыряхъ находящихся, для вѣденія при исправленіи оныхъ во время Никона. 7) Книга, писанная въ Болгаріи въ первой половинѣ XIV вѣка и содержащая статьи о письменахъ черноризца Храбра и исповѣданіе вѣры Кирилла, славянскаго учителя. 8) Библіографія, въ коей изчислены всѣ сочиненія, переведенныя на русской, рукописныя или печатныя, которыя дошли до свѣдѣнія сочинителя и 9) Подлинная на греческомъ языкѣ грамота объ избраніи Іова Московскимъ Партіархомъ.

Графъ между прочимъ замѣтилъ, что нашъ лѣтописатель, Несторъ помѣщенъ въ мѣсяцословѣ подъ тѣмъ-же самымъ числомъ, подъ коимъ находится греческій святой его имени, и очень желалъ, чтобы прежде нежели будущій русскій историкъ приступитъ къ гражданской исторіи, описалъ онъ естественное состояніе государства. Оно покажетъ различія народовъ отъ климатовъ и ослабитъ патріотическую мысль возносить государство при Рюрикѣ и Олегѣ на степень нынѣшняго благосостоянія и просвѣщенія. Нельзя не согласиться съ такимъ мнѣніемъ, произшедшимъ отъ глубокаго размышленія, и съ тѣмъ, что, ежели-бы государство имѣло гражданскую образованность, то Угры не смѣли-бы прямо, не предваривши, идти мимо Кіева и въ другой разъ жители сего города

не прозѣвали—бы внезапнаго нашествія Половцевъ. Исторію Швеціи Далнинъ, помнится, началъ съ физическаго состоянія. Графъ говорилъ, что онъ вчерашній день писалъ къ брату своему Николаю Петровичу въ Петербургъ о мнѣ съ отличною похвалою, изъявляя желаніе мое служить въ здѣшнемъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, или въ Петербургѣ при его собственной особѣ (канцлерѣ).

Графъ думаетъ, что реченіе: *срубилъ городъ*, должно понимать такъ, что въ тогдашнее время, срубая крѣпости, перевозили ихъ съ мѣста на мѣсто;—онъ сему находитъ даже письменное доказательство. И такъ Рюрикъ привезъ съ собою крѣпостцу, въ которой засѣвши, былъ безопасенъ отъ нападений. Города Смоленскъ, Новгородъ и другія существовали, какъ онъ увѣряетъ, ссылаясь на Бандурія—я не помню—въ древнихъ областяхъ Славянъ и что рускими Славянами построены по имени ихъ.

18-го января. Д. Н. Б. Каменскій показывалъ мнѣ письмо, писанное отъ государственнаго канцлера, изъ С.-Петерб. отъ 9 января и полученное 17, въ которомъ Его Сіятельство писалъ между прочимъ въ отвѣтъ Н. Н. Б. Каменскаго слѣдующее: «Давно уже желалъ я приобрѣсти г-на кандидата Калайдовича для служенія Архивы, сердечно благодарю Ваше Превосходительство за напоминаніе. Скажите ему, чтобы онъ прислалъ свою просьбу и аттестаты и предложилъ съ своей стороны условія».

20-го января вечеромъ былъ я у графа С. П. Румянцова; разговоръ былъ посторонній,—о нашемъ дѣлѣ ни слова. Къ нему пріѣхалъ графъ Бролио и двое незнакомыхъ мнѣ лицъ; я скоро простился съ графомъ, пожелавъ ему благополучнаго пути. Онъ поѣхалъ въ Малороссію, обѣщаясь быть черезъ мѣсяць опять въ Москву и на другой день, то есть января 21, послалъ второе рекомендательное письмо о мнѣ къ братцу своему гр. Н. П. Румянцову. Забывъ отъ него къ Н. Н. Б. Каменскому, часу въ 9-мъ (въ исходѣ), я засталъ его уснувшего сномъ вѣчнымъ. Онъ скончался до моего пріѣзда не болѣе 15 минутъ. Россія лишилась въ немъ одного изъ вѣрныхъ сыновъ своихъ; любезное семейство оплакиваетъ потерю чадолюбиваго отца, а подчиненные ревностнаго покровителя. «Память праведнаго съ похвалами».

23. Было отпѣваніе тѣла покойника. Воля его состояла въ томъ, чтобы при сей церемоніи никто не присутствовалъ, кромѣ протопопа и двухъ священниковъ, но преосв. Августинъ съ 6-ю архимандритами, узнавъ о потерѣ истиннаго сына церкви, почелъ святымъ долгомъ отдать ему послѣднее прощаніе. Послѣ литургіи протоп. Заикон. мон. Никаноръ произнесъ рѣчь, по сему случаю, и окончаніемъ оной исторгъ слезы у слушателей.

24 дня во второмъ часу ночи собравшись чиновники Архива въ церковь, понесли его тѣло въ три часа на рукахъ въ Донской монастырь. Я былъ при семъ случаѣ и несъ гробъ его отъ Каменнаго моста до Николы Голутвина. Горесть дѣтей, изъ коихъ сыновья тутъ были, — неописанна. Младшій несъ толь драгоцѣнное для него бремя отъ самой архивы до Донскаго монастыря, не перемѣняясь. На разсвѣтъ пришедши въ монастырь, отслушали тамъ обѣдню и опустили тѣло Николая Николаевича въ могилу, вырытую въ той самой церкви, въ коей погребенъ родной его дядя московскій страдалецъ Амвросій. Что скажемъ о заслугахъ твоихъ, церкви и отечеству оказанныхъ? о твоей ревности къ просвѣщенію? дѣла твои суть похвала твоя, старецъ именитый! Въ 8-мъ № Моск. Вѣд. напеч. мое о семъ объявленіе и въ 6-й книжкѣ Сына Отечества.

26. Никифоръ Никоновичъ (факторъ унив. типогр.) подарилъ мнѣ 10 листовъ Чеботарева изданія Нестора. Н. Н. Бантышъ-Каменскій, будучи въ жестокой болѣзни и чувствуя приближеніе кончины, писалъ слѣдующее письмо отъ 26 декабря 1813 года къ государственному канцлеру:

»Сіятеильнѣйшій Графъ
Милостивый Государь!

Продолжающаяся съ 4-го декабря простудная болѣзнь въ ухѣ и худые успѣхи отъ консиліума и ихъ лѣкарствъ, кажется приближаютъ меня къ концу жизни моей, и для того долгъ имѣю вашему сіятельству донести о находящемся въ моемъ начальствѣ Архивѣ, и такъ»:

- 1) Желаетъ, чтобы мѣсто его занялъ А. О. Малиновскій.
- 2) Чтобы сынъ его Димитрій оставленъ былъ помощникомъ канцеляріи.

3) Чтобы при изданіи грамотъ остались тѣ же самые чиновники: г-да Либенау, Нестеровичъ и Прихуцкій.

4) «Но какъ при печатаніи сихъ трактатовъ требуется человекъ знающій крѣпко литературу и російскую исторію, то рекомендую на сіе мѣсто находящагося въ Университетѣ и давно желающаго быть при Архивѣ г. кандидата Калайдовича. Онъ уже извѣстенъ по многимъ историческимъ и критическимъ отрывкамъ въ исторіи; — онъ нашелъ и въ 1-й нашей части вкрашіяся ошибки. Примѣчанія его на Киприанову степенную книгу напечатаны въ послѣдней сего мѣсяца книжкѣ Вѣстника Европы. Вы можете сію книгу взять у Вестмана и увидите изъ его начертаній оборотность ума его».

5-мъ параграфомъ, въ коемъ проситъ Н. Н. объ опредѣленіи меньшаго Цемша въ Архивъ, оканчивается письмо.— 5-й § равно и окончаніе написано своеручно, а все письмо надиктовано, съ поправкою собственной рукою.

Канцлеръ въ отвѣтъ на сіе письмо пишетъ отъ 9 января 1813. С.—Петерб. между прочимъ о мнѣ слѣдующее: «Давно уже желалъ я для службы пріобрѣсть г-на кандидата Калайдовича. За напомианіе объ немъ я Вамъ весьма благодаренъ и прошу васъ теперь доставить ко мнѣ токмо его прошеніе и дать мнѣ знать на какомъ основаніи онъ желаетъ вступить въ службу, дабы я потому могъ сдѣлать надлежащее распоряженіе». — Отвѣтъ сей полученъ 17 января, за три дня до смерти Николая Николаевича.

Я послалъ отъ 26 числа января на сіе слѣдующій мой отвѣтъ государственному канцлеру.

«Ваше Сіятельство
Милостивый Государь!

Имѣя особенное счастье слышать волю вашу, изъявленную чрезъ его прев. Н. Н. Б. К., о доставленіи аттестатовъ и просьбы моей для опредѣленія въ Московскій Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, честь имѣю отвѣтствовать, что я, желая посвятить всю жизнь свою русской исторіи и особенно древностямъ и дипломатикѣ, и чувствуя, что мѣсто теперешней службы моей, Московскій Университетъ, не столько можетъ доставить мнѣ способовъ усовершенствовать себя въ сей части, искалъ случая употребить слабыя мои познанія и силы на служеніе Архивы Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; но получивъ ваше лестнѣйшее на сіе согласіе, немедленно приступилъ къ отобранію аттестатовъ, по коимъ я долженъ имѣть уже общую отставку. Прослуживъ положенное время въ званіи кандидата

и годъ подпоручикомъ въ Московской Силѣ, желалъ бы вступить въ Архиву съ чиномъ титул. совѣт., квартирою и жалованьемъ, соразмѣрнымъ трудамъ моимъ и должности.— Мои обстоятельства, ученое знакомство и здѣшнія библіотеки древностей, хорошо мнѣ извѣстныя, посредствомъ коихъ я былъ-бы въ возможности быть нѣкогда полезнымъ, располагаютъ меня остаться къ продолженію службы въ Москвѣ; впрочемъ почитаю волю вашу въ томъ и другомъ случаѣ закономъ, и питаю сіе чувство въ душѣ моей, особеннымъ счастьемъ почту имяноваться.

Ваш. Сіят.
и проч.

(Письмо сіе писалъ я у Д. Н. Б. К. и слѣша забылъ поставить мѣсто годъ, мѣсяць и число).

Февр. 4. Былъ я у П. И. Г. Кутузова, нашего куратора. Онъ меня принялъ очень ласково, спрашивалъ о военной службѣ, о моихъ дѣлахъ въ Университетѣ, и въ заключеніе сказалъ: *все знаю—и здѣлаю. Кутузовъ не любитъ обѣщать.*

Получилъ письмо (въ конв. А. Θ. Малиновскаго) отъ Ивана Ивановича Нестеровича изъ С.-Петербур., написанное по волю государственнаго канцлера съ пріятнымъ для меня предложеніемъ.

Полковникъ лейбъ-гусарскаго полка Евграфъ Владиміровичъ Давыдовъ, проходившій чрезъ Оршу и тамъ у меня ночевашій, теперь генералъ-маіоромъ и шефомъ лубенскаго гусарскаго полка. Онъ обѣщалъ припомнить въ Москвѣ оршанскій вечеръ. Живетъ у Калуж. воротъ, на Средн. Донск.

8 число февр. стали поговаривать о взятіи Парижа иные 17 января, а другіе 20, или 21; второе вѣроятнѣе, ибо 16 числа главная квартира была въ Троя, за сто верстъ отъ столицы. Я вѣрю, что гласъ народа есть гласъ Божій.

9 февраля показывалъ мнѣ А. Θ. Малиновскій письмо отъ 2 февраля (получ. 9) государственнаго канцлера, въ которомъ его сіятельство изъявлялъ тоже желаніе имѣть меня въ службѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, какое и въ письмѣ къ покойному Н. Н. Б. Каменскому.

Отправилъ я слѣдующій отвѣтъ къ И. И. Нестеровичу чрезъ Д. Н. Б. Каменскаго въ конвертѣ къ оберъ-секретарю Коллегіи Вестману *):

10 февраля возвращена мнѣ монета подобная той, которую священникъ Успенія въ Печатникахъ Василій Іоанновъ безбожно выдавалъ за одинъ изъ тѣхъ сребренниковъ, за который проданъ Спаситель—въ слѣдствіе съ нимъ заключеннаго условія. Въ объясненіи, поданномъ имъ правленію н. м. Университета, онъ просилъ возвратитъ мнѣ копію, представляя при семъ, какъ онъ называлъ, свой подлинникъ, купленный имъ съ вѣнчикомъ по цѣнѣ серебра у торгующаго въ серебряномъ ряду купеческаго сына Гаврилы Иванова. Этотъ примѣръ неосторожности долженъ послужитъ въ мою пользу, ибо онъ мнѣ показалъ, до чего можетъ простереться месть ослабленнаго гнуснымъ корыстолюбіемъ служителя церкви (!) который изъ сей побудительной причины, хотя имъ скрываемой, но очень замѣтной, вымышлялъ средства самыя низкія и недостойныя того сана, который онъ на себѣ носитъ, чтобы только запутать и подвергнуть нареканію имя человѣка, котораго до сего произшествія онъ называлъ совершеннымъ своимъ другомъ.

11 февраля былъ у Н. М. Карамзина. Много переговорили; между прочимъ онъ сказалъ, что на вопросъ, предложенный гр. Н. П. Румянцовымъ: когда внесень въ Россію мѣс. праздникъ перенесенія мощей св. Николая (мая 9)? онъ отвѣчалъ, что праздника сего нѣтъ въ греческихъ Святцахъ, а въ русскія онъ внесень Ефремомъ, Епископомъ Переяславскимъ, тѣмъ самымъ, который теперь очень сдѣлался извѣстнымъ по жаркому спору о Баниомъ строеніи. Это отыскано въ каталогахъ Архіереевъ, находящихся при нѣкоторыхъ рукописныхъ лѣтописяхъ.—Я замѣтилъ съ своей стороны, что сего праздника нѣтъ въ Уставѣ Церковномъ, хранящемся въ Синод. библи. и писанномъ по всѣмъ вѣроятіямъ въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ, между-тѣмъ какъ онъ помѣщенъ въ Еван-

*) Для помѣщенія письма оставлено въ запискахъ мѣсто; но оно не было вписано.

гелии, тамъ же хранимъ—1144 года и писанномъ, кажется, близь Дуная. Н. М. замѣтилъ, что въ 1-й изданной части государственныхъ грамотъ и договоровъ находится одна грамота, данная В. К. Василиемъ Иоанновичемъ Смоленянамъ по взятіи сего города будто 1 дня, не припомню мѣсяца, по Смоленскъ сдана 7 числа. Ошибка вѣроятно произошла отъ того, что лѣвая черта буквы люди изгладившись была похожа на 1. Въ заключеніе Н. М. просилъ меня поискать въ Греческихъ и старыхъ русскихъ требникахъ молитвы при постриженіи волосъ.

12 февраля утромъ А. Ф. Малиновскій прислалъ ко мнѣ записку, въ которой просилъ доставить Архиву переписанный экземпляръ Договора смоленскаго князя Мст. Давыд. съ Ригю или самый подлинникъ, графомъ А. И. М. Пушкинымъ данный историческому обществу. Я отвѣчалъ, что въ рукописи сей я не воленъ; мнѣ только дано право ея изданія. Канцлеръ (кoему г-ну М—у угодить желалось), весьма-бы симъ огорчилъ меня, ибо я приготовилъ уже къ сему мои замѣчанія. А. Ф., видя, что такое предложеніе мнѣ не очень пріятно, прервалъ разговоръ.

13 феврал. Отъ Романа Федоровича Тимковскаго я возвращаюсь всегда съ новыми силами, съ новымъ стремленіемъ къ Русскимъ древностямъ. Томительный и принужденный тонъ Каченовскаго, очень мнѣ памятный, ибо я только третьяго дня съ нимъ видѣлся, совершенно забываю въ бесѣдѣ съ симъ угрюмымъ для другихъ, но для меня любезнымъ профессоромъ, который всегда изъявляетъ охоту помогать мнѣ въ трудахъ съ совершенною откровенностію.

Проф. Тимковскій показывалъ мнѣ слово *Паломникъ* въ 3 ч. продолж. Древ. Рос. Виол., издан. въ С.-Петербур. въ статьѣ: Уставъ Владиміра, въ числѣ церковныхъ людей. Въ изданіи сей піэсы, помѣщенной Новиковымъ въ Древ. Рос. Виол., вмѣсто паломникъ напечатано *пищій*. Р. Ф. производитъ сіе слово отъ *ломать* съ соединеніемъ предлога *по* (или *на*), какъ чело-пигающагося мірскимъ подаваніемъ. Онъ отыскалъ для меня мѣсто о смерти Симеона 1-го, Тверскаго Епископа, котораго я недавно отыскалъ отвѣтъ, данный Полоцкому князю Константину. Смерть сего епископа упоминается въ Никон. Лѣтоп.

подъ 1288 годомъ. (Въ русскомъ времен., при описаніи Ледскаго пораженія при Алекс. Ярослав. Невскомъ, упоминаются шкуны, бывшіе у Нѣмцовъ). Прощаясь, г-нъ профессоръ очень желалъ, чтобы я приготовилъ до отъѣзда, который свершится или нѣтъ, вторую часть издаваемыхъ мною русскихъ достопамятностей, и скорѣе отпечаталъ первую. Онъ по своей ко мнѣ дружбѣ беретъ на себя трудъ изданія второй книги. Изъ всѣхъ Унив. профессоровъ я въ немъ одномъ видѣлъ неліцемернаго мнѣ доброжелателя. Г-нъ Тимковскій просилъ меня написать къ гр. А. П. М. Пушкину, чѣмъ онъ руководствовался при объясненіи пѣсни Игорева и почему такъ, а не иначе переводилъ нѣкоторыя слова? вѣрно ли напечатана рукопись и не дѣлано-ли какихъ перемѣнъ, ибо замѣчено, что въ ней не соблюдено правописаніе? какъ поступали издатели при знакахъ препинанія? почему слово Олегъ поставлено въ скобкахъ и другія? еще нѣсколько вопросовъ, въ разсужденіи сего несравненнаго сочиненія, онъ обѣщаль мнѣ доставить письменно.

Н. М. Карамзинъ замѣтилъ въ подлинной пѣсни Игорева, что гдѣ напечатано: *вѣчи Трояни* (кажется въ двухъ мѣстахъ), тамъ читается въ рукописяхъ *слѣчи*. Онъ тоже находитъ и въ другихъ словахъ, въ коихъ сходныя въ той рукописи между собой буквы *в* и *с* были принимаемы противно.

14 февраля читалъ я рѣчь, говоренную г. Гоеномъ въ какомъ-то обществѣ 1761 года о бѣшенствѣ, называемомъ водобоязнію (*Hydrophobia*). Оно сдѣлало на меня большое впечатлѣніе. Я самъ имѣлъ несчастіе быть укушеннымъ бѣшеною собакою дорогою изъ Кіева въ Москву, куда пріѣхавши, хотя и былъ безопасенъ, но едва не подвергся смерти отъ неосторожнаго даванія мнѣ внутрь шпанск. мухъ (матушкою), прописанныхъ докторомъ Шумлянскимъ (батюшки моего тогда въ Москвѣ не было). Я спрашивалъ сегодня батюшку о врачеваніи отъ бѣшенства; онъ отвѣчалъ, что наружное употребленіе чистаго деревяннаго масла и приниманіе внутрь рюмокъ по 5 на день можетъ совершенно безъ помощи даже дрока и шпанск. мухъ излѣчить зараженнаго. Онъ разсказывалъ мнѣ о многихъ примѣрахъ и опытахъ, имъ самимъ дѣланныхъ надъ людьми, укушенными собаками, змѣями и за-

разившимися отъ ядовъ минеральныхъ, коихъ по большой части врачевалъ однимъ деревяннымъ масломъ съ совершеннымъ успѣхомъ.

16 февр. по желанію А. Θ. Малиновскаго я къ нему пріѣхалъ. Онъ показывалъ мнѣ письмо, писанное г-мъ Несгевичемъ по волѣ канцлера, въ которомъ его сіятельство изъявлялъ свое желаніе имѣть копію съ лѣтописи, хранящейся въ семинарской Троицкой библіотекѣ, о коей ему было извѣстно изъ 1-й части издаваемыхъ мною достопамятностей, гдѣ въ предисловіи къ Уставу Всеволода я упомянулъ о ней. Представивъ о томъ, что книга сія недостойна особаго вниманія, я обѣщалъ г-ну Малиновскому доставить по его желанію подробную о семъ записку. Несмѣя болѣе беспокоить его превосходительство, я просидѣлъ у него не болѣе 10 минутъ и, пожелавъ ему облегченія въ болѣзни, пошелъ отъ него. — А. Θ. сказывалъ мнѣ, что онъ подарилъ архиву книгу, называемую *поганою*, потому что въ ней записаны имена тѣхъ господскихъ людей, коимъ князь Юаннъ Васильевичъ по раззореніи Новгорода велѣлъ пережениться на дочеряхъ знатнѣйшихъ тамошнихъ дворянъ.

Сѣверная Почта или новая Санктпетербургская газета, № 11, суббота, февраля 7 дня, 1814 года. Въ извѣстіяхъ внутреннихъ напечатано слѣдующее:

Минувшаго декабря 27 дня 1813 года, отъ Главнокомандующаго арміями, Г. Генерала отъ Инфантеріи Графа Барклая-де-Толли отданъ по арміямъ ниже слѣдующій приказъ.

Государь Императоръ Высочайшимъ Указомъ, на имя мое сего декабря въ 22 день даннымъ, относительно установленныхъ въ память 1812 года медалей, повелѣтъ соизвоилъ: 1) Раздавать строевымъ чинамъ въ арміяхъ и ополченіяхъ всѣмъ безъ изыятія, дѣйствовавшимъ противъ непріятели въ продолженіи 1812 года. 2) Изъ нестроевыхъ священникамъ и медицинскимъ чинамъ тѣмъ только, кои дѣйствительно находились во время сраженій подъ непріятельскимъ огнемъ, представляя объ нихъ всякой разъ на утверженіе Его Императорскаго Величества именные списки. 3) Всѣ чины военные въ арміяхъ и ополченіяхъ, употребленные противъ непріятели съ 1 января текущаго года, равно и неучаствовавшіе въ дѣйствіяхъ въ 1812 году по случаю нахождения въ другихъ корпусахъ, или при особыхъ порученіяхъ, не имѣютъ права на приобрѣтеніе медалей. За исключе-

ніемъ поименованныхъ въ первыхъ двухъ пунктахъ Указа сего, рѣшительно никто не долженъ носить медалей: но Его Величество предоставляетъ себѣ давать, исключительно изъ общихъ правилъ, позволеніе на сіе въ приличныхъ случаяхъ. Во исполненіе сей Высочайшей воли предписываю, чтобы тѣ всѣ чиновники и чины, кои, не подходя подъ сіе правило, носили медали, тотчасъ оныя сняли и возвратили въ главное арміи дежурство; корпуснымъ же, отряднымъ начальникамъ, шефамъ полковъ и командирамъ ротъ и командъ въ обязанность поставляю, дабы никто, какъ изъ офицеровъ, такъ и строевыхъ нижнихъ чиновъ, неимѣющій права на ношеніе медалей, въ силу предъизображеннаго Высочайшаго повелѣнія, не осмѣливался носить оныхъ, подъ собственнымъ тѣмъ и другихъ отвѣтомъ, а потому доставить въ главное дежурство и къ управляющему Военнымъ Министерствомъ новые списки воинамъ, имѣющимъ право на полученіе медалей, въ соотвѣтствіе же Высочайшаго Указа 22 сего декабря; о чиновникахъ же медицинскихъ и священникахъ, кои дѣйствительно находились во время сраженій 1812 года подъ непріятельскимъ огнемъ и тѣмъ пріобрѣтшихъ право на медали, прислать ко мнѣ именныя списки съ означеніемъ, гдѣ, когда и въ какомъ случаѣ были подъ огнемъ непріятельскимъ».

Сей же приказъ напечатанъ въ Спб. Вѣдомостяхъ (лист.) февр. 10 дня 1814 года № 12 и въ 14 № Москов. Вѣдом. того же года и мѣсяца 18 дня, въ середи. Предварительный приказъ помѣщенъ въ 71 № Сѣверной Почты сентября 3 дня 1813 года. До напечатанія сего приказа обнародованъ былъ другой, который я читалъ въ Оршѣ, переведенный съ руск. въ журналъ *Le Conservateur Impartiale*, около февраля мѣсяца.

19 февр. обѣдалъ я у Н. М. Карамзина и съ большимъ удовольствіемъ, какъ и всегда, провелъ время въ сладостной съ нимъ бесѣдѣ. Я привозилъ ему два древнихъ требника, переведенные съ Греческаго,—извѣстный Теоностовъ и другой, хранящійся въ одной съ первымъ Синод. библ. въ 4 подъ № 552, въ коихъ помѣщена молитва на постриганіе волосъ, по крещеніи. Подобную и слово въ слово переведенную я отыскалъ въ Греческомъ требникѣ, котораго Венеціанское изданіе αηϰδ года я тогда же ему показывалъ. Молитва сія есть общая во всѣхъ теперешнихъ требникахъ нашихъ.—Странно для меня, почему преосвященный Августинъ ничего не могъ сказать г-ну исторіографу о семъ предметѣ? Н. М.

между прочимъ упоминалъ, что первая (извѣстная) къ французскому королю грамота была царя Василя Иоанновича, и что имена посланниковъ къ Ярославудя сватовства Генриха, короля франц. на дочери перваго Аннѣ, найдены на переплетѣ одной древней книги, какой не упомню.

Г-нъ Карамзинъ долго не соглашался со мною, чтобы письмо по листамъ требника, переведеннаго при Θεогностѣ, было подложное; онъ былъ увѣренъ, что почеркъ сей дѣйствительно принадлежитъ къ XIV вѣку и есть рука самого митр. Θεогноста. Я ему возражалъ, приводя причины, заставившія наше духовенство употребить сіе непозволенное средство противъ раскола, скорописное письмо, едва ли бывшее въ началѣ сего вѣка, свѣжесть чернилъ и самый образъ сочиненія сего извѣстія,—и Карамзинъ остался спокоенъ. Въ сей рукописи замѣчательно, что въ послѣсловіи ея поставленъ годъ отъ сотворенія міра и Рождества Христова и въ первой разъ, въ подлинникѣ, названъ кн. Иванъ Даниловичъ *Калитою*.

Г-нъ Карамзинъ увѣдомилъ меня, что вчера пріѣхалъ графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ. Прощаясь со мною, онъ возвратилъ двѣ книги, присланныя мнѣ г-мъ Волковымъ, одну пергаментовую, вѣроятно XIII или XIV вѣка, писанную на древнемъ Шведскомъ языкѣ и содержащую, какъ можно нѣсколько замѣтить, какіе-то законы и установленія, а другую, въ коей найденъ любопытный отвѣтъ Еп. Симеона, данный Полоцкому князю Константину въ концѣ XIII вѣка.—Я увѣдомилъ Н. М., что я исполнилъ общее наше желаніе и написалъ къ г-ну Волкову, чтобы онъ для чести своей и общей пользы внесъ 11 своихъ рукописей, ко мнѣ присланныя, въ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Я простился, обѣщая вечеромъ опять видѣться у графа Сергѣя Петровича, но не могъ сдержать слова.

20 февраля былъ я у графа Сергѣя Петровича и просидѣлъ отъ 11 часу до 3-хъ. Много переговорили. Его сіятельство показывалъ мнѣ свои выписки народныхъ обычаевъ, взятыя изъ житій святыхъ отцовъ, описанныхъ въ Патерикѣ Печерскомъ; очень любопытны потому, что на сей предметъ историкъ наши мало обращаютъ вниманія. Читая въ лѣто-

писяхъ описаніе нравовъ своего народа, они совсѣмъ не замѣчаютъ явнаго несходства съ нынѣшними.

Между прочимъ изъ одного мѣста, въ которомъ упоминается, что какой-то архіеерей, чтобы скорѣе поспѣть къ освященію церкви Печерской, *гна борзо на конь*, опъ открываетъ, что духовныя особы въ то время ѣзжали верхами. Въ жизни Θεодосія, игумена Печерскаго, упоминается, что сей преподобный однажды, ѣдучи отъ князя, самъ сѣлъ на конь, между тѣмъ какъ отрокъ, должный бы сидѣть на лошади, покоился въ тележкѣ; слѣдовательно, въ то время ѣзжали точно такъ, какъ нынѣ чухна, замѣчаетъ графъ Румянцовъ.

Профессоръ Тимковскій, съ которымъ я на другой день говорилъ о первомъ случаѣ, къ тому прибавилъ, что въ бытность его въ Кіевѣ, во время совершенія какой-то путевой процессіи, дьяконъ догонялъ верхомъ на конѣ владыку; слѣдовательно, въ Малороссіи, гдѣ надобно искать слѣдовъ многихъ обычаевъ древнимъ рускимъ извѣстныхъ, — обычай сей и въ теперешнее время кажется не очень страннымъ. — Графъ сказалъ мнѣ, что г-нъ Карамзинъ отозвался очень хорошо въ разсужденіи моего безпристрастія и не желанія поддерживать вымышленное, приводя въ примѣръ жаркой споръ, бывшій у меня съ нимъ о Требникѣ Θεогноста, на коемъ въ подлогѣ руки сего митрополита онъ призналъ доказательства мои несомнѣнными. — Серг. Петр. замѣтилъ изъ моего разговора, что я иногда употребляю слово предъидущій въ значеніи прошедшаго, а не будущаго, вмѣсто предшествовавшій. Этой ошибкѣ многіе подвержены. Графъ, прощаясь со мною, назначилъ мнѣ быть у него послѣ-завтра вечеромъ и, сказавши, что онъ по пріѣздѣ въ Петербургъ лично увѣрить своего брата, что онъ нашелъ такого человѣка, который удобно можетъ представить ему другую пѣснь Игореву. (!) Я поблагодарилъ за мнѣніе и не находилъ силъ обольстить и тѣню подобнаго сочиненія.

21 февраля былъ я утромъ у профессора Тимковскаго. Разговаривали о новомъ сочиненіи: Краткое разсужденіе объ изданіи полнаго собранія русскихъ Дѣписателей, помѣщенномъ въ 7 № Сына Отечества 1814 года. Отдавая всю честь г-дамъ Оленину и Ермолаеву, которые мнѣ извѣстны не по од-

ному имени (трудившимся въ начертаніи сего плана), я соглашался съ г-мъ профессоромъ, моимъ учителемъ въ Исторической критикѣ, что ихъ намѣреніе сохранить отъ гибели древнія рукописи, весьма похвально, но что люди, не учившись постепенно сему искусству, никогда не могутъ имѣть совершенныхъ понятій о семъ дѣлѣ, что они, желая общей пользы въ изданіи Нестора и другихъ историческихъ источниковъ, бросаются въ большія крайности, къ чему ведетъ сохраненіе точности въ препинаніяхъ, когда мы знаемъ, что оно въ рукописяхъ служило только произвольнымъ отдѣленіемъ словъ и рѣченій? къ чему послужатъ сокращенія, для коихъ совсѣмъ не предписаны правила въ древнихъ нашихъ рукописяхъ? они собьютъ только читателя и сдѣлаютъ пестроту, большую той, какая замѣчена г-ми Ленинымъ и Ермолаевскимъ въ Чеботаревскомъ Несторѣ; напротивъ искусная разстановка словъ будетъ вести точно къ тому труду, какой назначилъ для себя проф. Тимковскій въ теперешнемъ при обществѣ изданіи сего древнѣйшаго лѣтописателя. И такъ вмѣсто двухъ трудовъ, буквального Нестора съ сохраненіемъ препинаній и сокращеній подлинника и объясненнаго Нестора они въ слѣдъ за первымъ должны будутъ издать очищенный Несторовъ списокъ помощію вариантовъ и искусно поставленныхъ препинаній. Безъ сего труда къ чему послужить ихъ буквальный? онъ собьетъ съ пути и грамотныхъ и неграмотныхъ. Притомъ же они оба (мы), напечатавъ одну страничку Нестора по плану Шлецера, *убояшеся бездны премудрости, вснять возвратихомся*, а не *убояшася бездны премудрости вснять возвратились*, какъ сказано противъ грамматики на стр. 6 ихъ плана. Проф. Тимковскій, просмотрѣвъ рукопись Даниила путешественника XII вѣка, отъ меня ему доставленную, просилъ, чтобы я отписалъ къ преосвященному Евгенію, коему она принадлежитъ, чтобы онъ уступилъ ему сіе изданіе. Г-нъ Тимковскій обѣщаль обратитъ все свое вниманіе на сіе прекрасное сочиненіе, нѣкъмъ еще не замѣченное, представить въ объясненіи онаго свои знанія, какъ въ критикѣ русскихъ древностей, такъ и въ словесности Греческой.

Для чести нашей литературы я далъ ему слово отписать къ Евгенію и употребить всѣ силы, чтобы рукопись досталась

въ полное его распоряженіе и отыскать нѣсколько списковъ для сличенія, которые мнѣ извѣстны.

Г—да Ол. и Ерм. ежели хотять соблюсти всю точность (въ пространнѣйшемъ смыслѣ) въ рукописи, то они должны будутъ издать Нестора точно такъ, какъ Англичане по роскоши и прихотливости напечатали много древнихъ своихъ памятниконковъ, то есть выравнивать. Но такое изданіе не есть ученое.

Г—нъ Тимковскій замѣчалъ, что Щекатовъ въ Геогр. словарь подь статью Псковъ, внося обвиненія Новгородцевъ князю Ярославу Ярославичу, говоритъ между прочимъ: «*Ты княже Псковъ держиши много*» вмѣсто: *псковъ держиши много!!! (О!)*.

22 февраля обѣдалъ я у Василья Назарьевича Каразина. Въ пріятной съ нимъ бесѣдѣ и любезною супругою его Александрою Васильевною я всегда провожу очень хорошо время. Мы съ нимъ согласны въ словесности, а въ его предметы я рѣдко вступаюсь. В. Н. показывалъ мнѣ описаніе праздника *ралеца* (ралець) мужскаго и женскаго, бывшаго въ его деревнѣ. Сей праздникъ бывалъ и теперь бываетъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ дважды въ Рождество и Воскресеніе Христово. Они даютъ въ сіи дни своимъ крестьянамъ пирь, отблагодаривая тѣмъ за ихъ поздравленіе, а можетъ быть и за хорошее производство работы, ибо кажется, что ралець отъ рала имѣетъ свое знаменованіе. Праздники сіи обыкновенно окончивались пьянствомъ. Добрый помѣщикъ Каразинъ, желая прекратить сіе и поддержать древнее почтенное обыкновеніе, въ мужской ралець избираетъ старшинъ деревнѣ и дѣлаетъ подобныя учрежденія, а въ женской представляются помѣщицѣ издѣлія крестьянокъ, которая награждаетъ деньгами за трудъ достойнѣйшую. И такъ отъ попечительности помѣщика ралець превращается въ благопристойную пирушку. Г—нъ Каразинъ имѣетъ прекрасныя понятія о челоуѣчествѣ. Онъ всегда твердитъ, когда-то истребится это зло, чтобы помѣщики не мечтали, что имъ крестьяне даны для того, чтобы собирать съ нихъ оброки, забывая священныя отношенія къ челоуѣчеству, что они суть только надзирателями надъ частію ввѣреннаго имъ Богомъ и Государемъ народа, и что доходы

ихъ суть не что иное, какъ плата за ихъ труды и попечительность.

24 *февр.* Дм. Н. Б. Каменскій показывалъ мнѣ записную книжку своего отца, которую А. О. М. ¹⁾ хотѣлъ причислить къ Архивской библиотекѣ... Въ ней я замѣтилъ, что въ Архив. столбцахъ часто встрѣчается такая подпись $\frac{3}{II} \frac{A}{B}$, значущая: За приписью Дьяка Прокофья Возницыпа.

25. Былъ я утромъ на короткое время у графа С. П. Румянцева. Говорили о I части трудовъ Историческаго Общества, доставленной ему мною. — Къ числу прежнихъ сомнѣній подлога пѣсни Игореваго графъ привелъ, что образъ Богоматери, привезенный Пирогошею, въ 1160 году перенесенъ былъ изъ Кіева во Владиміръ (какъ сказано въ примѣчаніи издателей), то какъ Игорь Святославичъ, возвратившійся въ 1185 году изъ плѣна половецкаго, могъ идти молиться въ Кіевъ Богородицѣ Пирогошей? Самое рожденіе его въ 1151 году еще болѣе сіе запутываетъ. Я, не могши ничего припомнить, согласился было съ симъ, но г-нъ Карамзинъ, съ коимъ я на другой день видѣлся, сказалъ мнѣ, что все сомнѣніе графа произошло отъ смѣшенія двухъ различныхъ иконъ, Пирогощиной и писанной Евангелистомъ Лукою, коей перенесеніе изъ Кіева должно дѣйствительно полагать въ 1160 году, что не противно будетъ неподверженному сомнѣнію мѣсту сему въ пѣсни Игореваго. Это должно изслѣдовать. Графъ замѣтилъ, что икона, выдаваемая въ Моск. Успенскомъ Соборѣ за письмо Евангелиста Луки, писана масляными красками, между тѣмъ какъ искусство сіе появилось гораздо позже въ Италіи. Графъ простился со мною, снова давши слово сдѣлать все, что отъ него зависитъ въ Петербургѣ, въ мою пользу.

Сегодня же получилъ я двусмысленный отвѣтъ изъ Петербурга отъ Н. Н. Нестеровича, писанный отъ 19 дня сего мѣсяца. Не знаю, но не тѣмъ ли кончатся мои условія съ графомъ Н. Петровичемъ.

26 *Фев.* Былъ у Н. М. Карамзина. Онъ былъ нездоровъ, и повредилъ себѣ ногу, упавши съ лошади. Г-нъ Карамзинъ

¹⁾ Малиновскій.

утвердительно сказалъ мнѣ, что счисленіе съ мѣсяца сентяб-
ря началось у насъ съ В. Кн. Василя Дмитріевича и имянно
Духовная тогдашняго митрополита Кипріяна положена съ
сентября равно, какъ и въ лѣтоп. смерть предшествовавшаго
Князя.

28 Февр. доставилъ А. Θ. Малиновскому при письмѣ и
обстоятельномъ реестрѣ 11 древнихъ рукописей, внесенныя
по моему совѣту въ бібліотеку Архивскую Подпоручикомъ
Александромъ Абрамовичемъ Волковымъ. Письмо и каталогъ
подписаны мною 27 числа сего мѣсяца. На второмъ по ли-
стамъ скрѣпилъ: Имп. Моск. Университ. Канд. Конст. Калай-
довичъ. Г-нъ Малиновскій очень былъ доволенъ симъ при-
ношеніемъ и, благодаря меня отъ имени Архива, общался
немедленно представить Коллегіи и давши знать Графу Румян-
цову, который хотя и слагаетъ съ себя званіе Государствен-
наго Канцлера, но все долженъ быть доволенъ симъ подар-
комъ. Вотъ письмо мое къ Его Превосходительству:

«Ваше Прев.

Милост. Государь!

Съ удовольствіемъ спѣшу извѣстить Васъ, что одинъ изъ друзей
моихъ, Александръ Абрамовичъ Волковъ, извѣстный нѣкоторыми ли-
тературными произведеніями, по его ко мнѣ пріязни, отдавши въ
полное распоряженіе присланныя мнѣ изъ бібліотеки покойнаго ро-
дителя его одиннадцать древнихъ рукописей, изъ коихъ нѣкоторыя
достойны особеннаго вниманія, согласился, по совѣту моему, при-
соединить оныя къ бібліотекѣ Московской Государственной Коллегіи
Иностранныхъ Дѣлъ Архива. Препровождая при семъ самыя руко-
писи и обстоятельный онымъ каталогъ, покорнѣйше прошу Ваше
Превосходительство, къ чести подарившаго, довести о семъ пожерт-
вованіи до свѣденія Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Пользуясь пріятнымъ случаемъ, снова осмѣливаюсь увѣрить Васъ
въ томъ глубочайшемъ почтеніи и преданности, коими навсегда пре-
исполненъ:]

Ваше Прев.

Милост. Госуд.

покорнѣйшій слуга

Константинъ Калайдовичъ.

Москва,
1814 года,
Февраля 27 дня.

Того же ¹⁾ дня я вручил Г-ну Малиновскому подробный отвѣтъ мой на желаніе Графа Н. П. Румянцева имѣть списокъ съ рукописи, описанной мною въ предисловіи къ Грамотѣ Всеволода. Онъ остался доволенъ и обѣщаль послать въ подлинникъ къ Графу письмо мое.

Тутъ я познакомился (26 дня) съ Профессоромъ Казанскаго Университета Г-мъ Цяплиномъ, котораго Графъ Н. П. Румянцевъ называль въ письмахъ (рекомендательныхъ) къ Г-ну Карамзину, Малиновскому, и Рихтеру отличнымъ Дипломатикомъ въ Иностраной Словесности. Къ сожалѣнію я немогъ, не умѣвъ объясняться ни по нѣм. ни по французски, створить съ Г-мъ Профессоромъ. Онъ сказываль мнѣ, что геогр. о Россіи сочиненія Г-на Лерберга переводятся Г-мъ Языковымъ, что въ оныхъ статья о народѣ Ъми или Ями отлично отдѣлана и проч. Г-нъ Профессоръ изъявляль желаніе (Ив. Федор. Либенау) познакомился со мною покороче и замолвить въ мою пользу Графу Н. П. Румянцову. Не знаю, могу-ли я еще съ нимъ видѣтся, ибо онъ чрезъ два дни ѣдетъ къ своему мѣсту.

Быль по приглашенію у Вильгельма Михайловича Рихтера. Этотъ человекъ своею ласкою все изъ меня дѣлаеть. Давши слово никогда не сообщать ему ничего касательно его медицинской въ Россіи исторіи (ибо онъ былъ весьма неблагодаренъ), я обѣщаль ему прислать все для поправки и дополненія. Г-нъ Рихтеръ далъ мнѣ первую половину 1-го тома своей Исторіи и просиль сдѣлать самыя строгія замѣчанія.

Я у него видѣль сочиненіе біографич. Каве, въ коемъ помѣщенъ нашъ выдуманный Смера Половчанинъ. Генераль Рихтеръ обѣщаль мнѣ прислать сію книгу, взятую имъ изъ Университет. библіотеки. Дни черезъ два обѣщанная книга мнѣ прислана.

1 *Марта* дѣти покойнаго Николая Николаевича Б. Каменскаго пригласили меня въ Донской монастырь для поминовенія своего родителя.—28 февраля былъ уже воздвигнутъ прекрасный памятникъ надъ гробомъ его; въ немъ съ одной стороны вдѣланъ весьма похожій на мѣди портретъ, съ другой

¹⁾ Въ рукописи: *тогдаже*.

гербъ, на правой рукѣ находится надпись кто положень, а на лѣвой мѣсто изъ Апокалипсиса: *блажени мертви и проч.* См. Вѣстн. Евр № 6 сего года.

3 Марта получено (при запискѣ А. Б. Малиновскаго) слѣдующее письмо писанное къ Г-ну Малиновскому отъ Оберъ-Секретаря Коллегіи Ильи Карповича Вестмана:

Милостивый Государь мой
Алексѣй Феодоровичь!

Его Сіятельство Графъ Николай Петровичъ, по представленію еще покойнаго Николая Николаевича, согласиться изволилъ на опредѣленіе къ Архиву Кандидата Калайдовича, для употребленія его по части печатанія трактатовъ, коль скоро узнаеть о кондиціяхъ, на которыхъ онъ вступить желаетъ. Въ слѣдствіе чего получилъ Его Сіятельство отъ него самаго письмо, которымъ онъ, называя себя подпоручикомъ Московской Военной Силы, проситъ объ опредѣленіи его съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника съ квартирою и жалованьемъ, соразмѣрнымъ трудамъ его. Какъ на таковое опредѣленіе съ чиномъ и жалованьемъ потребно имянное повелѣніе, то Его Сіятельство поручить мнѣ изволилъ просить Ваше Превосходительство объ отобраніи отъ Г-на Калайдовича формальнаго о томъ прошенія, съ увѣдомленіемъ согласенъ ли онъ будетъ на опредѣленіе ему жалованья по чину, то есть по 600 р. на годъ; въ разсужденіи же квартиры Графъ желаетъ узнать отъ Васъ, можно ли его въ томъ удовлетворить; при прошеніи же нужно, чтобы онъ приложилъ Университетскій Аттестатъ, по формѣ написанный. По полученіи сихъ бумагъ и свѣдѣній Графъ, при удобномъ случаѣ, хотя теперь за болѣзнію и не занимается Коллежскими дѣлами, сдѣлаетъ однакожъ надлежащее распоряженіе, объ испрошеніи на сіе опредѣленіе Высочайшаго повелѣнія; но какъ Его Императорское Величество изволилъ находится въ арміи за границею, то можетъ быть и пройдетъ нѣсколько времени, пока получится на таковое представленіе Высочайшее разрѣшеніе.

Исполнивъ волю Его Сіятельства, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

Милостивый Государь мой
Ваше Превосходительство
покорнѣйшимъ слугою

Въ С.-П.-бургѣ,
24 Февраля,
1814.

Илья Вестманъ.

9 Марта послалъ я просьбу и аттестатъ при слѣдующемъ письмѣ къ князю Лобанову Ростовскому, на имя Управляющаго Военнымъ Министерствомъ:

«Еще не успѣлъ я принести тебѣ чувствительнѣйшую мою благодарность, Князь Иванъ Александровичъ, за дружеское одолженіе твое, мнѣ и Г-жѣ Гинкуль тобою оказанное, какъ уже съ новою, покорнѣйшею моею къ тебѣ обращаюсь просьбою; она состоитъ въ слѣдующемъ: яви мнѣ пожалуйста новый опытъ древней дружбы (которую мы въ ребячествѣ на дѣлѣ т. е. кулаками другъ другу оказывали),—однако не прими словъ поставленныхъ въ скобкахъ въ буквальномъ смыслѣ,—доставленіемъ прилагаемаго у сего конверта Его Сіятельству Господину Управляющему Военнымъ Министерствомъ. Въ семь пакетѣ содержится просьба пріятеля моего Г-на Кандидата Университета Московскаго *Константина Федоровича Калайдовича*, служившаго въ Московскомъ ополченіи Подпоручикомъ, о присылкѣ ему отъ Его Сіятельства медали, а въ удостовѣреніе его участія въ дѣлахъ военныхъ тутъ-же приложена отставка, данная ему отъ Главнокомандовавшаго Московскою Военною силою. Приемля въ немъ по моей къ нему дружбѣ живѣйшее участіе—я увѣренъ, что ты не замедлишь исходатайствовать у его Сіятельства общую Г-ну Калайдовичу награду, на которую онъ имѣетъ полное право. Зная любовь твою ко мнѣ онъ рѣшился свою просьбу вѣрить тебѣ подать и за него росписать. Доверши свое одолженіе препровожденіемъ упомятой медали при бумагѣ Его Сіятельства. Когда же не нужна будетъ отставка Г-на Калайдовича, то ты потрудишься непременно переслать оную застрахованною казенной печатью, дабы она не затерялась на почтѣ.

О постигшемъ насъ несчастіи, думаю, ты давно извѣстенъ и навѣрное принялъ участіе въ нашей горести, по привязанности къ покойному родителю нашему. Думаль-ли я, что болѣзнь его, о коей я въ то время тебя извѣщалъ, была предвѣстницею его кончины.

Продолжай меня любить по прежнему, и вѣрь, что душевная моя къ тебѣ привязанность кончится только съ жизнію преданнаго тебѣ Дмитрія Б. Каменскаго.

Москва,

Марта 9-го дня

1814 года.

:/: При семъ посылаю также тебѣ отъ сестры Анны Николаевны письмо отъ Г-жи Степановской.

О Г-нѣ Калайдовичѣ увѣдомь меня пожалуста по первой почтѣ.

На конвертъ сего письма надписано отъ Д. Н. Б. К.: Его Сіятельству Милостивому Госуд. моему Князю Ивану Александровичу Лобанову-Ростовскому, Двора Его Имп. Велич. Г-ну Камеръ-Юнкеру, служащему при Управляющемъ Военнымъ Министерствомъ Его Сіят. Кн. А. И. Горчаковъ 1-мъ въ Санктпетербургѣ.

Просьба на 2 руб. бум.:

Его Сіятельству

Управляющему Военнымъ Министерствомъ Г-ну Генераль-Лейтенанту и разныхъ орденовъ Кавалеру Князю Алексѣю Ивановичу Горчакову I-му служившаго въ Московской Военной силѣ Подпоручика Калайдовича

Покорнѣйшее прошеніе

Основываясь на Высочайшемъ Его Императорскаго Величества Указѣ о награжденіи воиновъ дѣйствовавшихъ въ 1812 году противъ непріятеля, серебряною на голубой лентѣ медалью, прилагаю при семъ, въ удостовѣреніе моего участія въ помянутомъ году въ сраженіяхъ, отставку данную мнѣ Г-мъ Главнокомандовавшимъ Московскою Военною силою Графомъ Иракліемъ Ивановичемъ Морковымъ, и покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство не лишитъ меня сей милости и столь отличной чести. 1814 года марта 9 дня къ сему прошенію служившій въ Московской Военной силѣ подпоручикомъ, а нынѣ находящійся при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Кандидатъ Константинъ Федоровъ сынъ Калайдовичъ руку приложилъ. Сіе прошеніе вѣрю подать и гдѣ слѣдуетъ за меня росписатся Двора Его Императорскаго Величества Г-ну Камеръ-Юнкеру Князю Ивану Князь Александрову сыну Лобанову-Ростовскому.

Просьба съ аттестатомъ Московской Военной силы подъ № 1089 вложена въ особомъ конвертъ, на коемъ написано: Его Сіятельству Управляющему Военнымъ Министерствомъ Г-ну Генераль-Лейтенанту и разныхъ орденовъ кавалеру князю Алексѣю Ивановичу Горчакову I-му, служившаго въ Москов. Военн. силѣ Подпор. Калайд. покорнѣйше прошеніе съ приложеніемъ аттестата даннаго ему подъ № 1089 отъ Главнокомандовавшаго М. Военною силою Гр. Маркова въ Санктпетербургѣ.

Письмо къ князю Лобанову съ конвертомъ на имя управляющаго Воен. Министер. вложены въ особой пакетъ, на коемъ написано:

Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Ивану Александровичу Лабанову-Ростовскому, Двора Его Императорскаго Величества Г-ну Камеръ-Юнкеру, служащему при Его Сіятельствѣ Управляющемъ Военнымъ Министерствомъ Господинъ Генераль-Лейтенантъ и разныхъ орденовъ Кавалеръ Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ I-мъ со влаженіемъ, въ особомъ конвертѣ просьбы на имя Его Сіятельства Управляющаго Военнымъ Министерствомъ служившаго въ Московской Военной силѣ Подпоручика Калайдовича, аттестата даннаго отъ оной подъ № 1089, въ Санктпетербургѣ.

Сей конвертъ посланъ застрахованнымъ казенной печатью;— за 5 лотовъ 2 руб.

9 Марта доставилъ къ А. Θ. Маминскому слѣдующій отвѣтъ на письмо къ нему обо мнѣ Г-на Оберъ-Секретаря Коллегіи Вестмана:

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь!

Читалъ я въ письмѣ къ вамъ Его Превосходительства Г-на Оберъ-Секретаря Коллегіи Ильи Карловича Вестмана волю Его Сіятельства Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича Румянцева объ опредѣленіи меня къ Архиву тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что она совершенно согласна съ моимъ желаніемъ вступить въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ для изданія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ; но какъ мои обстоятельства въ Университетѣ и окончаніе дѣлъ по обществу Истории и древностей Россійскихъ могутъ на нѣсколько времени отсрочить формальную отставку, то я увѣренъ что Ваше Превосходительство, приѣмля во мнѣ живѣйшее участіе, возьметъ на себя трудъ—исходатайствовать у Его Сіятельства нѣсколько времени и на отсрочку моего опредѣленія къ Архиву, для успѣшнаго укончанія дѣлъ въ Университетѣ. Новый опытъ вашего лестнаго ко мнѣ расположенія еще болѣе утвердитъ меня въ томъ, глубочайшемъ почтеніи коимъ навсегда къ вамъ исполненъ.

Вашего Превосходительства
Милостиваго Государя
покорнѣйшій слуга

Марта 9

Константинъ Калайдовичъ.

1814 года.

А. Θ. сказалъ мнѣ, что письмо сіе въ подлинникѣ онъ препроводитъ къ Г-ну Оберъ-Секретарю.

6 *Марта* былъ я у Профессора Тимковскаго. Долго говорили о дѣлахъ моихъ—опредѣленіи въ Коллегію и онъ совершенно вразумилъ меня открывши чистосердечно справедливыя мысли о начальникѣ Архива. Тимковскій совѣтовалъ мнѣ прибѣгнуть къ Павлу Ивановичу (Г. Кутузову) и употребить всѣ силы выиграть что нибудь въ награду за службу свою по Университету. Я остался доволенъ нелестнымъ наставленіемъ моего почтеннаго Профессора. Скорое открытіе Историческаго Общества давало мнѣ надежду опять поправить дѣла мои въ Университетѣ, прибѣгнувъ къ отличному по чувствамъ Предсѣдателю нашего Общества. Разговоръ перешелъ къ любимой материн. Г-нъ Тимковскій повторилъ свою просьбу о Даниилѣ; я отвѣчалъ что уже давно писалъ о семъ къ Евгенію. Онъ между прочимъ сказалъ мнѣ новое, что въ какой-то лѣтописи имъ найдено извѣстіе о поученіи Владиміра Мономаха дѣтямъ своимъ. Р. Θ. находитъ описаніе портрета Святослава очень невѣрно переведеннымъ, а объясненнымъ еще хуже. Съ послѣднимъ я совершенно согласенъ, но не будучи силенъ въ Греческомъ, вѣрю Профессору какъ отличному знатоку языка сего (за нѣсколько дней передъ симъ А. А. Волковъ замѣтилъ въ письмѣ ко мнѣ двѣ или три справедливыя погрѣшности въ объясненіи портрета Святослава). Я просидѣлъ у Профессора отъ 5-го часа полдня до 11-го онъ угостилъ меня . . . по профессорски.

7 *Марта* былъ я у Попечителя. Принялъ меня, какъ обыкновенно, очень ласково и обѣщалъ употребить всѣ средства въ мою пользу. Прощаясь, онъ просилъ меня достать штатъ Университета при Елисаветѣ Петровнѣ и двухъ Академическихкихъ Гимназій.

Обѣдалъ съ Дм. Н. Б. Каменскимъ у князя... Трубецкаго добраго и прямодушнаго человѣка, котораго любезныя дѣти служатъ при Архивѣ. Въ бесѣдѣ съ княгинею не видишь, какъ проходитъ время. Она любитъ Исторію—особенно русскую и хорошо о ней судить.

Сегодня въ обѣдни случилось въ бывшемъ Варсонофьевскомъ монастырѣ несчастное произшествіе. Священникъ сей церкви, совершивъ дары, готовился приобщиться, какъ вдругъ палъ мертвъ на землю. Обѣдня была неокончена. . . . Сей

поразительный примѣръ далъ поводъ ко многимъ толкамъ. Причастники въ сей день бывшіе (это было въ субботу) общались съ Христомъ, говорятъ, въ другой церквѣ.

8 *Марта* обѣдалъ у В. Назарьевича Каразина. Говоря между прочимъ объ ученой кражѣ (по поводу Фабера въ 8 № Сынъ Отечества объявленія о книгѣ, Духъ Наполеона собранной Николаемъ Васильевичемъ Гольтековымъ), онъ упоминалъ что съ нимъ нѣкто съ Спб. журналѣ сшутилъ подобнымъ образомъ съ его Исторіею Медицины въ Россіи поданную давно имъ въ Коллегію, напечатавъ ее подъ своимъ именемъ.

13 *Марта*. Читалъ мнѣніе Лектора Черепанова отъ 9 февр. о книгѣ, представленной мною чрезъ купца Ширяева (кормоу она была продана), содержащей въ себѣ подлинные французскія бумаги, захваченныя при разбитіи непріятеля подъ Тарутинымъ и его преслѣдованіи. Проф. Черепановъ отозвался, что книга сія не иначе будетъ пропущена, когда издатель представитъ удостовѣреніе подлинности сихъ бумагъ и дозволеніе Правительства на напечатаніе оныхъ. Купецъ Ширяевъ какъ и большая часть всѣхъ купцовъ поступилъ при семъ случаѣ незаконно. У меня съ нимъ было условіе, по коему онъ былъ обязанъ дать мнѣ въ началѣ труда 50 р., по принесеніи оригинала 50 р. и по выходѣ книги изъ цензуры остальные 100 р. Въ случаѣ не пропуска цензуры у насъ ничего не сказано, а потому я по всѣмъ правамъ долженъ былъ оставить взятые у Ширяева, 100 р. и рублей на 30 книгъ положенные въ условіи. Ширяевъ выпросилъ у меня I часть собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ (по 25 р. продающуюся), удержалъ у себя... Этотъ примѣръ записалъ я себѣ на память и впредь въ оста- рожность.

На сихъ дняхъ былъ я у сосѣда нашего Майора Егора Константиновича Константинова почтениѣйшаго изъ всѣхъ стариковъ, какихъ я только знаю. Онъ родился въ Греціи, учился въ Парижѣ, Флоренціи и другихъ мѣстахъ, странствовалъ по всему свѣту, жилъ долго въ Англіи и остался недоволенъ Англичанами, нѣсколько времени провель въ торгахъ съ Китаемъ и отдаетъ отличную честь прворству и плутов-

ству ихъ въ купеческихъ оборотахъ; обозрѣвалъ пространную и богатую Сибирь. Къ симъ то всесвѣтнымъ странствованіямъ присоединивъ опыты частной жизни, составилъ онъ изъ себя челоуѣка съ характеромъ твердымъ и правдивымъ—глубокомысленнаго, но нехвастливаго и свѣдущаго во многомъ, который вправѣ глядѣть на новыя открытія холодно и пожимать плечами.—Онъ недавно говорилъ мнѣ о мореходцѣ Шелеховѣ рассказывалъ о его хитростяхъ и жестокости; открытія имъ острововъ приписывалъ Лебедеву—Ласточкину, прикащику извѣстнаго Голикова и о ссорѣ съ послѣднимъ Шелехова. Еще въ прошедшую войну Россіянъ съ Французами онъ написалъ записку объ Англичанахъ—новую по мыслямъ необыкновеннымъ съ мнѣніемъ народа о сихъ островитянахъ.

17 Марта. Владиміръ Ник. Чумаковъ рассказывалъ мнѣ, что на дняхъ запрещена книга: *«Дружескій совѣтъ вѣтъ тѣмъ, до кого сіе касается»* перев. съ нѣмецкаго Руничемъ, служащимъ въ почтамтѣ. Въ ней найдено подозрительнымъ для Правительства одно мѣсто, въ коемъ сочинитель говоритъ, что ежели крещеніе не соединено съ внутреннимъ, то оно есть ничто иное, какъ наружный только обрядъ. . . . Всѣ экземпляры забраны у Ширяева и запечатаны. Никита Васильевичъ Гольтековъ сказалъ мнѣ, что переписанная имъ книга надѣлала много ему хлопотъ. Нѣкто Ушаковъ, въ Петербургѣ живущій, подалъ просьбу Министру Народнаго Просвѣщенія—Министръ сообщилъ Военному Слб. Губернатору—тотъ Московскому, и дѣло велѣно розыскать. Бѣдный издатель, почерпнувшій свой товаръ изъ одного источника—Тайной Истории Француз. двора и другихъ сочиненій — не знаетъ, чѣмъ оно кончится.

Алексѣй Федоровичъ Малиновскій имянинникъ. Я пріѣхалъ къ нему вечеромъ;—тамъ засталъ В. Л. Пушкина и еще нѣсколько гостей. Черезъ полчаса пріѣхалъ Н. М. Карамзинъ, разговоръ сдѣлался живѣе; разумѣется у меня съ нимъ. Николай Михайловичъ сказывалъ что у него былъ Капнистъ; разговаривая о старинѣ Капнистъ между причимъ замѣтилъ, сказывалъ Карамзинъ, что у Грековъ «Славяне» отъ того назывались *Σκλαβηνοι* что оно оно не могли выговаривать слога: Сла. Часу въ 11 я отъ него поѣхалъ.

Въ № Вѣстника Европы напечатаны мои записки о жизни Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго. 10 экземпляровъ для меня были тиснуты и розданы А. Н. Б. Каменской, К. Н. Б. Каменскому, Д. Н. Б. Каменскому, Княгинѣ Трубецкой, Н. И. Матрунину, П. И. Г. Кутузову, В. Н. Каразину.

Въ Петербургъ посланы Владиміру Николаевичу Бантышъ-Каменскому и Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину.

25 *Марта* въ среду въ день Благовѣщенія я исповѣдывался у священника церкви Климента Папы Римскаго на Пятницкой, Пвана Васильевича Некрасова.

26 *Марта* въ той-же церкви приобщился св. Таинъ.

28 *Марта* встрѣтилъ я воина Московскаго Ополченія, накануне пришедшаго въ Москву изъ Плоцка. Онъ мнѣ говорилъ, что многіе изъ его сослуживцевъ плетутся домой изъ за границы. А манифестъ о роспускѣ подписанъ уже съ годъ. Получилъ изъ Архива пакетъ для доставленія Г-ну Волкову.

Отправленъ 4-го апрѣля.

7-го *Апрѣля* доставилъ В. М. Рихтеру нѣсколько замѣчаній на его исторію медицины въ Россіи; онъ остался ими очень доволенъ.

5 *Апрѣля* вскрылась Москва рѣка.

8 и 9 *Апрѣля* вода покрыла деревянную набережную и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вылилась на каменную.

9 *Апрѣля* А. А. Антонскій въ новооткрывшемся У. Б. Пансіонѣ поручилъ мнѣ классъ всеобщей Географіи (по средамъ и субботамъ въ 10 часовъ). Первый урокъ былъ 15 *Апрѣля*.

17 *Апрѣля* въ пятницу громъ пушекъ возвѣстилъ Москвѣ прибытіе въ 9 часовъ по полуночи курьера Полковника Графа Васильева, отправленнаго къ Главнокомандующему въ Москвѣ съ извѣстіемъ о занятіи *Парижа*. Вскорѣ показалась реляція, за симъ воззваніе къ войскамъ, подписанное Талейраномъ съ другими чиновниками, и прокламація общаго совѣта въ Парижѣ. — Боже чудный и сильный, избавившій насъ и прославившій! помози кроткому Давиду.

Отъ 6 *Мая* писалъ Кн. Лобановъ-Ростовскій къ Д. Н. Б. Каменскому, что Управляющій военнымъ Министерствомъ Кн. Горчаковъ официальную пришлетъ бумагу о ношеніи медали.

9 *Юля* послано письмо въ Петербургъ къ Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

3 *Августа* послано къ нему вторично одинакого содержания.

6 *Октября* видѣлъ цѣлую роту воиновъ Московскаго Ополченія, возвратившихся изъ Парижа.

17 *Сентября* переѣхалъ я въ Университетскій Благородный Пансіонъ. Вскорѣ мнѣ дана была комната и сверхъ перваго класса Всеобщей и русской Географіи порученъ былъ другой Священной Исторіи и Катехизиса, также по середамъ и субботамъ—на первыхъ часахъ.

11 *Октября* былъ я у Р. Θ. Тимковскаго. Въ разговорѣ о «рѣкахъ» онъ замѣтилъ, что во многихъ изъ нихъ видно Славянское названіе, напр. «Днѣпръ» означаетъ прющее дно (что и справедливо), «Двина» имѣетъ началомъ своимъ глаголь «*двинутъ*», «Десна» сокращенно вмѣсто «*десная*», лежащая вправо отъ Кіева и проч.

Г. Профессоръ, занимаясь уже нѣсколько времени разборомъ филологическимъ пѣсни Игоревои, сдѣлалъ весьма важное открытіе, нашедши другое подобное сочиненіе.—Это есть пѣснь о побѣдѣ Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ, найденная имъ въ одной книгѣ, содержащей много пѣсней историческихъ—на площади. Начинается она воззваніемъ къ неизвѣстному лицу, можетъ быть сочинителю пѣсни Игоревои такимъ образомъ: *Повѣдай Уранъ, оканчивается: а Владимиръ есть глава естъмъ градомъ русскимъ.* Пѣснь сія подобно Игоревои исполнена сильными выраженіями и красотой слога и во многихъ мѣстахъ столь сходна съ первою, что нѣтъ сомнѣнія, что сочинитель оной имѣлъ пѣснь Игореви образцомъ своимъ. Въ сей также вмѣсто Курчанъ описываются, помнится, Суздальцы, вмѣсто Ярославны представлена жена князя Дмитрія, сидящая въ своемъ златоверхомъ теремѣ надъ Москвою-рѣкою, пригорюнившись и сѣтующая о разлукѣ съ любезнымъ ей Димитріемъ. Походъ Донскаго, гдѣ встрѣчаются выраженія: *и трубы трубятъ звонко съ поволокою*, и описаніе послѣдней ночи предъ сраженіемъ живописны. Многія слова: харалужный стязи, галицы, лисицы, въ ней такъ, какъ и въ пѣсни Игоревои встрѣчаются. Въ сей же книгѣ помѣщена съ Арабскаго пе-

реведенная сказка Синагриппъ Царь Адоровъ Иналивскія (sic!) страны (какъ и въ пѣсни Игоревой), и весьма любопытное предположеніе Кн. Ивану Васильевичу правнука извѣстнаго героя Пересвѣта о дѣланіи Македонскихъ щитовъ въ русскомъ воинствѣ.—Рукопись сія принадлежитъ времени Царя Михаила Федоровича.

19 Октября былъ я у графа С. П. Румянцева утромъ и просидѣлъ часа три. Говорилъ ему о новомъ открытіи, онъ не вѣрилъ. Онъ говорилъ мнѣ, что походъ Игоря на Половцевъ описанъ пѣтически и у Татищева. Говоря объ исправленіи въ нашихъ церковныхъ книгахъ, онъ замѣтилъ, что вмѣсто Понтійскаго Пилата въ Символѣ вѣры должно поставить:—*Pilatus Pontius*. Находя въ Дѣянїяхъ Апостолъ въ одномъ Иерусалимскомъ Соборѣ недостатокъ цѣлаго стиха противъ иностранныхъ изданій Библии, онъ справлялся съ рукописями Синодальной библіотеки, и нашелъ, что въ одномъ древнемъ пергаментовомъ Апостолѣ совсѣмъ недостаетъ сего Собора; изъ чего Графъ заключаетъ, что Священное Писаніе переведено у насъ не вдругъ а мѣстами, и что сего переведеннаго Собора долго не было на Славянскомъ.—Пораженіе княземъ Димитріемъ Мамаю онъ называетъ стычкою и Пересвѣта и Ослябя относить къ бабьимъ сказкамъ. Странно! Объ Славянахъ рассказываетъ что они всегда были данниками другимъ народамъ и какъ рабы таскались въ слѣдъ за Ерманарикомъ, сопутствовали какъ рабы бичу Атиллѣ, повиновались Аварамъ, снесли поражение Варягъ, были подъ игомъ Татарскимъ, а далѣе были жертвою Польскихъ нападений. Хотя все это и справедливо, но не должно писать такимъ образомъ Исторію Отечества. Славяне, говоритъ онъ, не имѣли у себя извѣстныхъ вождей между тѣмъ, какъ ихъ имя слышно на всей трети Европы.—Графъ меня встрѣтилъ сими словами, что братецъ мой не столько можетъ быть вамъ теперь полезнымъ и простился, изъявля желаніе видѣтся еще со мною нѣсколько разъ до зимняго отъѣзда его въ Петербургъ.

19 Октября обѣдалъ у Н. М. Карамзина. Говорилъ ему о новомъ открытіи: оно ему нѣсколько извѣстно, но видно изъ другаго неполнаго списка. Г. Карамзинъ сказывалъ мнѣ, что онъ нашелъ у Графа Толстаго весьма важный Псковскій

лѣтописецъ, простирающійся далѣ всѣхъ ему извѣстныхъ, и писанный въ XVI вѣкѣ. Николай Михайловичъ подарилъ мнѣ экземпляръ своего стихотворенія „Освобожденіе, — Европы; слабое произведеніе недостойное имени Карамзина, въ коемъ одно только предисловіе сносно. Н. М. много словъ находящихся въ пѣсни Игореваго встрѣчаетъ въ найденной имъ Волинской лѣтописи.

23 Октября былъ у Р. Ѳ. Тимковскаго. Въ книгѣ, содержащей походъ Димитрія Донскаго на Мамаю, онъ показывалъ мнѣ пѣсню о убогомъ Лазарѣ, пѣваемую, кажется, въ Малороссіи, любопытную по слогу и мыслямъ. Правнукъ Пересвѣта въ предложеніи Князю Ив. Васильевичу говоритъ, что онъ служилъ у Королей Польскаго, Венгерскаго, и Чешскаго, но нигдѣ не терпѣлъ такой обиды, какъ въ Россіи, гдѣ онъ потерялъ почти все имѣніе, пріобрѣтенное имъ въ помянутыхъ королевствахъ. Кромѣ сего статья сія наполнена многими дерзкими мыслями, гдѣ сочинитель сѣтуетъ на то, что онъ нѣсколько уже разъ писалъ на имя княжеское бумаги, но они по зависти придворныхъ никогда не были доводимы до свѣденія царскаго.

Г. Профессоръ просилъ меня приложить всѣ старанія о сысканіи другаго списка Пѣсни о побѣдѣ Димитрія и объ изясненіи семи словъ для него непонятныхъ въ пѣсни Игореваго 1. Зегзица 2. Ортъма. 3. Папорози. 4. Стрикусы. 5. Тлековица. 6. Харалужный и 7. Шерешеры. Также онъ желалъ бы имѣть вѣрное извѣстіе о Пльнскѣ (Пльсньскѣ), — стр. 23 врани възграяху у Пльсньска о дебри Кисани, — и Дудуткахъ, бывшихъ гдѣ то близъ Новгорода: Всеславъ съ Дудутокъ пустился, какъ волкъ до Немиги. Въ пѣсни объ убогомъ Лазарѣ написано, что когда пророкъ Давыдъ прикасался своими перстами къ живымъ струнамъ, то они сами славили величіе Божіе.

25 Октября былъ я въ Архангельскомъ Соборѣ съ Штабсъ-Капитаномъ Николаемъ Муравьевымъ и инженернымъ офицеромъ Г. Фрейгельтомъ. Протопопъ открывалъ ручку Димитрія убіеннаго изсохшую и почернѣвшую. Тутъ же показывалъ онъ его платокъ съ узорами, на коемъ серебромъ вышиты коньки и проч., и кошелекъ, Царевичу принадлежавшій съ

деньгами Царя Иоанна Васильевича. Онъ показывалъ, — чего я не зналъ прежде — что гробы царей и тѣла ихъ находятся не въ землѣ, а съ наружи. Гробы вложены въ дикой камень который накрывается большою плитою. Въ семь же соборѣ находится на одной доскѣ портретъ Ц. Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, на другой Ѳеодора Алексѣевича, въ боковой съ праваго угла придѣлкѣ портретъ Ѳеодора Ивановича, а въ ризницѣ боярина Скопина.

Былъ я въ Синодальной ризницѣ съ инженернымъ капитаномъ Карломъ Ивановичемъ Фрейгельтомъ. Между прочими вещами отецъ ризничій показывалъ собственноручное письмо къ Патріархамъ Царей Ѳеодора Алексѣевича и Петра Алексѣевича, Библию, написанную въ Новгородѣ въ 7006 году въ листъ при Князь Иоаннѣ Васильевичѣ, которую указомъ Св. Синода не велѣно почему-то никому не давать. Тутъ же въ придѣлѣ съ правой руки къ алтарю хранятся многія раскольническія сочиненія и запрещенныя книги; между образами одинъ находится представляющій Спасителя о 4-хъ глазахъ съ тремя лицами.

Въ ризницѣ хранятся часы Патріархсвъ Филарета и Иосифа, — очки, гребень и проч.

Между пушками на Арсенальномъ дворѣ находятся нѣкоторые съ нѣмецкою и латинскою надписями, временъ Царя Иоанна Васильевича, Ѳеодора Алексѣевича, Петра Алексѣевича и большая гаубица Лже-Димитрія.

26 Октября написалъ къ Сопикову, Ксензу Мореловскому и прежде еще къ Преосв. Евгению о 7 непонятныхъ словахъ въ пѣсни Игоревои.

27 Октября. Былъ у Р. Ѳ. Тимковскаго. Онъ между прочимъ говорилъ мнѣ, что въ книгѣ имъ найденной, въ коей содержится пѣснь о побѣдѣ Кн. Димитрія надъ Мамаемъ, находятся два любопытные сочиненія правнука Пересвѣтова, о коихъ онъ упоминаетъ въ своемъ предложеніи о дѣланіи Македонскихъ щитовъ. Въ одномъ описано взятіе Турками Царяграда, а въ другомъ причины паденія Византіи. Оба весьма любопытныя и рѣдкія сочиненія, которыя Авторъ поднесъ Князю гдѣ-то въ церквѣ, и кои, какъ кажется, ему не полю-

бились. Г-нъ Профессоръ общалъ мнѣ описать Греческія книги, въ Синодальной библіотекѣ хранящіяся и принадлежащія къ древней русской словесности.

Въ заключеніе Романъ Федоровичъ общалъ меня увѣдомить объ магистерскомъ экзаменѣ и сдѣлать возможное въ мою пользу.

Былъ у Христ. Авг. Шлецера. Онъ мнѣ сказывалъ, что Графъ Румянцевъ не согласился дать ему требуемыхъ въ годъ 3000 рублей, за изданіе иностранныхъ трактатовъ, хранящихся въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Графъ, не понимая истинной цѣны такихъ трудовъ, предлагалъ ему самую незначущую награду.

16 Октября подалъ А. А. Антонскому, по его желанію, написанное мною: Начертаніе Россійской Исторіи, изданное воспитанниками Университетскаго Благороднаго Пансіона.

Съ мѣсяцъ назадъ присылалъ за мною г-нъ Попечитель. Я къ нему явился. Угрозы и брань за медленность въ изданіи на меня посыпались. Я будучи не самъ отъ себя виноватъ, — ибо почти всю весну протрадалъ жестокимъ иппохондрическимъ припадкомъ, происшедшимъ отъ многихъ неудачъ, которой я старался скрыть въ собственномъ сердцѣ, — отвѣтствовалъ Его Превосходительству, что въ семь дѣлъ виною не я, а обстоятельства; но ничто не дѣйствовало. Кураторъ причиталъ всѣ шалости свойственныя молодому человѣку и упрекалъ меня ими. Въ заключеніе приказалъ, какъ можно скорѣе, кончить изданіе книгъ, порученныхъ мнѣ Обществомъ Историческимъ. Вотъ такъ всегда труды и усердіе вмѣсто награды терпятъ укоризны.

Еще недавно Профессоръ Снегиревъ пріѣхалъ въ Пансіонъ, входитъ въ свой классъ и застаеть въ ономъ меня, въ которомъ я, по долгу дежурнаго, былъ по приказанію Ант. Ант. Снегиревъ мой вспылилъ подъ жестокою обидою, какъ осмѣлился кандидатъ войти въ класъ къ профессору, и ушелъ оттуда, причтя къ тому еще, что будто-бы его протолкалъ солдатъ, который только ему сказалъ что *двери*, коими онъ сперва хаживалъ, *заколочены*; и все это онъ причелъ къ умыслу. Инспекторъ на силу могъ унять неугомоннаго педанта.

29 Октября былъ я у М. Т. Каченовскаго. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что Черемиссы, можетъ быть, ни что иное, какъ Меря (что и вѣроятно), ибо они называютъ себя Черемисъ Мари. Г. Каченовскій говорилъ мнѣ, что Тунманнъ и другіе иностранные писатели, говоря о Славянскихъ храмахъ, называютъ ихъ по латински... ¹⁾, что Тунманнъ производитъ отъ Малороссійскаго слова: ²⁾; но это совсѣмъ несправедливо, потому что точно такое же слово встрѣчается у Виргилія.

Былъ у Н. М. Карамзина. Онъ на радостяхъ; у него родился сынъ Андрей. Николай Михайловичъ показывалъ мнѣ рукописную лѣтопись Синодальной библіотеки, въ коей помѣщено описаніе сраженія Кн. Димитрія съ Мамаемъ, сходное съ найденнымъ Профессоромъ Тимковскимъ. Только въ немъ пропущены первыя слова: *Повѣдай Уранъ*, и послѣднія о Владимирѣ, и не находятся лучшія пѣстическія картины.

Ноября 2 дня проходилъ 3-й конной Башкирскій полкъ, возвращающійся изъ Парижа. Всѣ Башкирцы украшены серебряными на голубыхъ лентахъ медалями.

Ноября 3 былъ у Н. М. Карамзина. Говорили о Барсовѣ. Отдавая ему полную честь, какъ грамматiku, замѣтилъ, что онъ никогда съ такимъ обиліемъ мыслиемъ не возвращался отъ Х. А. Чеботарева, какъ отъ Барсова. Барсовъ свою русскую граматiku по просьбѣ княгини Дашковой послалъ въ Россійскую Академію, гдѣ она была предсѣдателемъ. По смерти профессора ею воспользовались въ Академической Россійской Граматикѣ. Н. М. показывалъ мнѣ каталоги Софійской Новгородской и Кирилова монастыря библіотеки, присланные ему отъ Евгенія: Епископа Калужскаго. Первый сдѣланъ весьма нерадиво, а второй нѣсколько лучше. Въ послѣднемъ я замѣтилъ въ числѣ важнѣйшихъ книгъ *Патерикъ Печерскій на пергаментѣ*. Г. Карамзинъ говорилъ мнѣ о законахъ Князя Іоанна Васильевича, весьма для него драгоценныхъ, которыхъ нигдѣ не можетъ онъ найти полного списка. Ихъ составлялъ въ княженіе сего Государя нѣкто Гусевъ.

Разговоръ нашъ прервался приходомъ Графа Ф. В. Ростопчина и Г. Селивановскаго. Въ піэсъ: «Великій мужъ русской

¹⁾ Пустое мѣсто въ подлинникѣ.

²⁾ Также.

грамматики» Карамзинъ описалъ Барсова, только, разумѣется, въ смѣшномъ видѣ. Я сказалъ ему о желаніи издать Каталогъ Синодальной Библіотеки и просилъ доставить мнѣ просмотрѣть 20 № у него находящійся, онъ общалъ и похвалилъ намѣреніе.

Н. М. говорилъ мнѣ, что Татищевъ пользовался весьма важною Кіевскою Лѣтописью, въ окончаніи которой, говоритъ Татищевъ, находятся нѣкоторыя безтолковыя слова, кои суть ничто иное, какъ начало Лѣтописи Волинской, начинающаеся похвалою Кн. Роману Галицкому, который сравнивается съ птицами.

Получилъ Ноября 5 отъ Преосв. Евгенія письмо. Онъ не можетъ объяснить положенія Плѣсньска, Дебри Кисановой и Дудутокъ, равно какъ и словъ: зегзица, стрикусы и проч.

12 Ноября отдалъ, а 13 вырѣзали мнѣ въ Духовной Типографіи слѣдующія шесть буквъ и знаковъ: и и и и о и

Процензуровано письмо мое къ Н. Н. Б. Каменскому объ изданіи Государственныхъ Росс. Грамотъ и Договоровъ Н. Е. Черепановымъ и возвращено мнѣ въ тотъ же день, въ который подано Ноября 6 1814 года.

Ноября 15 просидѣлъ вечеръ у И. И. Дмитріева. Онъ принялъ меня по министерски, лежа на диванѣ. Говорили о Глинкиномъ журналѣ и Исторіи Медицины въ Россіи Рихтера. Г. Дмитріевъ очень хвалилъ трудъ сей. Поговоря кой о чемъ словесномъ, я ушелъ отъ него.

Лавриновскій, служащій Титуляр. Совѣт. у Министра Финансовъ и Студ. Москов. Университета, который беретъ у меня уроки по просьбѣ моей писалъ въ Петербургъ о присылкѣ мнѣ медали и возвращеніи отставки. Въ отвѣтъ отъ Александра Кленовскаго получилъ Ноября 15 слѣдующее:

«Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ представленіе (о Г. Калайд.) вмѣстѣ съ таковыми же о медаляхъ Офицерамъ Московскаго Ополченія препроводилъ 19 минувшаго Октября къ бывшему начальникомъ онаго Г. Генералу Маркову съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ къ Князю общій списокъ офицерамъ, имѣющимъ право на сія медали, и по полученіи онаго медали будутъ доставлены для раздачи каждому.»

Ноября дня былъ у Графа С. П. Румянцева. Между прочимъ онъ говорилъ мнѣ, что въ одной грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича къ Французскому королю, (находящейся въ Архивѣ) въ причинахъ объявленія войны, Царь пишетъ, что онъ въ своемъ Государствѣ выдаетъ бранныя сочиненія на него самого, на его дѣда и отца Филарета Никитича. Они суть слѣдующія:

1. Gestorum Wladislai. Auctore Wassenbergio. Gedani 1641.
2. О Черкасской войнѣ, на Польскомъ языкѣ (1649).
3. Житіе и славныя побѣды Владислава, сочиненіе Твардовскаго, печатано въ домѣ Лещинскаго 1649. — Я общалъ Его Сіятельству справится о сихъ книгахъ въ Духовной Типографской библіотекѣ.

Сегодня же вечеромъ былъ у Н. М. Карамзина. Онъ между прочимъ замѣтилъ, что въ гражданскихъ бумагахъ рѣченіе: *Бояре приговорили* стало извѣстно только съ Царя Василія Ивановича, сына князя Іоанна Васильевича. Карамзинъ приписываетъ подробныя извѣстія о сраженіяхъ и дѣлахъ гражданскихъ, находящіяся въ лѣтописяхъ, не иному чему, какъ что извѣстія сіи были вѣроятно обнародываемы въ церквахъ.

Ноября 19-го дня былъ у Графа С. П. Румянцева. Онъ просилъ меня познакомить его съ Мерзляковымъ и Тимковскимъ.

4-го Декабря отпечатано для Университетскаго Благороднаго Пансіона мое краткое начертаніе Россійской Исторіи.

9 Декабря И. Θ. Либенау увѣдомилъ меня, что Анна Николаевна Бантышъ-Каменская готова попросить князя Лобанова о медали и все сдѣлать въ мою пользу.

11 Декабря былъ у Попечителя и представилъ ему 8 листовъ перепечатанных мною и исправленныхъ Трудовъ Общества, 1-ю половину. — Его Превосходительство благодарилъ меня и благосклонно принялъ.

Въ тотъ же день былъ я у Преосвященнаго Августина и вручилъ ему экземпляръ Краткаго Начертанія Россійской Исторіи. Его Преосвященство общалъ ввести ее въ Семинаріяхъ въ употребленіе.

Декабря дня былъ у Графа Ираклія Ивановича Маркова, доставилъ ему экземпляръ Извѣстія о Древностяхъ Сла-

вяно-Русскихъ 1811 года и краткаго Начерт. Росс. Ист. съ слѣдующимъ письмомъ:

Ваше Сіятельство

Милостивый Государь!

Имѣя особенно счастье служить подъ командою Вашею и почитаа лестнымъ для себя отличіемъ участвовать въ дѣлахъ, прославившихъ Васъ въ прошедшую компанію, прибѣгаю съ покорнѣйшею просьбою къ Вашему Сіятельству о доставленіи мнѣ серебряной на голубой лентѣ медали и позволенія на ношеніе оной. Въ удостовѣреніе же моего участія въ 1812 году въ сраженіяхъ противъ непріятеля служить Аттестатъ, данный мнѣ Вашимъ Сіятельствомъ отъ Московской Военной Силы подъ № 1089-мъ и у Васъ теперь находящійся, который покорнѣйше прошу возвратить мнѣ. Чувство моего глубочайшаго почтенія, питая въ душѣ моей, особеннымъ удовольствіемъ поставлю всегда именоваться

Вашего Сіятельства

Милостиваго Государя

покорнѣйшимъ слугою

Служившій въ Московской Военной Силѣ Подпоручикомъ, а теперь находящійся при Императорскомъ

Московскомъ Университетѣ Кандидатомъ Константинъ Калайдовичъ.

14 Декабря получалъ отъ Графа Маркова слѣдующее позволеніе на ношеніе медали:

Московской Военной Силы Подпоручику Калайдовичу

Высочайшимъ Его Императорскаго Величества указомъ, даннымъ въ 22-й день Декабря 1813 года на основанія перваго пункта ^{№ 98-й} Всемилоствѣйше установленную медаль, въ ознаменованіи подвиговъ храбрымъ Россійскимъ воинствомъ въ 1812 году оказанныхъ, Вамъ участвовавшему, подъ моимъ Начальствомъ въ той достопамятной компаніи, при семъ препровождаю для ношенія по установленію. Декабря 14-го дня 1814 года.

Его Императорскаго Величества Всемилоствѣйшаго Государя моего Главкомандующій Московской Военной Силою и орденовъ Святаго Александра Невскаго и Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія 2-го класса Большаго креста Кавалеръ: Графъ Марковъ.

14 Декабря А. А. П. Антонскій очень на меня былъ сердитъ и намѣренъ былъ отказать мнѣ въ квартирѣ по наущенію многихъ клеветниковъ и въ томъ числѣ, кажется, живущаго со мною А. М. Гаврилова.

АВТОБІОГРАФІЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА.

Аввакумъ протопопъ понужденъ бысть житіе свое написати инокомъ Епифаніемъ (понеже отецъ ему духовный инокъ), да не забвенію предано будетъ дѣло божіе, и сего ради понужденъ бысть отцемъ духовнымъ, на славу Христу Богу нашему. Аминь.

Всесвятая Троице! Боже и Содѣтелю всего міра! поспѣши и направи сердце мое начати съ разумомъ и кончити дѣлы благими, яже нынѣ хочу глаголати азъ недостойный; разумѣя же свое невѣжество, припадая, молю Ти ся и еже отъ Тебя помощи прося: управи умъ мой и утверди сердце мое приготовитися на твореніе добрыхъ дѣлъ, да, добрыми дѣлы просвѣщенъ, на судищи десныя Ти страны причастникъ буду со всеми избранными твоими. И нынѣ, Владыко, благослови, да, воздохнувъ отъ сердца, и языкомъ возглаголю Діонисія Ареопажита о божественныхъ именѣхъ, что есть Богу присносущныя имена, истинныя, еже есть близостныя—и что виновныя, сирѣчь похвальныя. Сія суть сущія: *Сый, Свѣтъ, Истина, Животъ*, только четыре свойственныхъ; а виновныхъ много, сія суть: *Господь, Вседержитель, Непостижимъ, Неприступенъ, Трисіаненъ, Трїипостасенъ, Царь славы, Непостояненъ, Огнь, Духъ, Богъ* и проч. По тому разумѣвай того же Діонисія о истинѣ: «себѣ бо отверженіе истины испаденіе есть, истина бо сущее есть». Аще бо истина сущее есть, истины испаденіе сущаго отверженіе есть (отъ сущаго же Богъ испасти не можетъ и еже не быти нѣсть). Мы же речемъ:

«Потеряли новолюбцы существо Божіе испаденіемъ отъ истиннаго Господа, святато и животворящаго Духа». По Діонисію: коли ужъ истины испали, тутъ и сущаго отверглися. Богъ же отъ существа своего испасти не можетъ и еже не быти,—нѣсть того въ немъ: Присносущенъ истинный Богъ нашъ. Лучше бы имъ въ символѣ вѣры не глаголати *Господа*, винословнаго имени, нежели «*истиннаго*» отсѣкати, въ немъ же существо божіе содержится. Мы же, правовѣрнии, обоя имена исповѣдуемъ и въ Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго, свѣта нашего, вѣруемъ съ Отцемъ и Сыномъ покланяемаго, за Него же страждемъ и умираемъ помощію Его владычней. Тѣшитъ насъ Діонисій Ареопагитъ; въ книгѣ его сице пишетъ. Сей убо есть во истинну истинный христіанинъ, зане истиннаго разумѣвъ Христа и тѣмъ благоразумія стяжавъ, изступивъ убо себѣ, не сый въ мірскомъ ихъ нравѣ и прелести; себя же вѣсть трезвяща и измѣнена всякаго прелестнаго невѣрія, не токмо даже до смерти бѣдствующе истины ради, но и вѣденіемъ скончавающесе всегда; разумно же живуще и христіане суть свидѣтельствуемы. Сей Діонисій наученъ вѣрѣ христовѣ отъ Павла Апостола, живый во Аѳинѣхъ, прежде даже не пріити въ вѣру христову, хитрость имый исчитати бѣги небесныя; егда же вѣрова Христови, вся сія вмѣнихъ быти, яко уметы. Къ Тимофѣю пишетъ въ книгѣ своей, сице глаголя: «дѣтя! али не разумѣешь, яко вся сія внѣшняя блядь ничтоже суть, но токмо прелесть и тьма и пагуба? Азъ проидохъ дѣломъ и ничто же обрѣтохъ, но токмо тщету». Чтый да разумѣть: исчитати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любве истинныя не пріяша, во еже спастися имъ, и сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лести, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи о неправдѣ. Чти Апостоль, зачало 275. Сей Діонисій еще не пріидохъ въ вѣру христову съ ученикомъ своимъ; во время распятія Господня, бывъ въ Солнечномъ Градѣ, и видѣвъ: солнце во тьму преложися и луна въ кровь, звѣзды въ полудне на небеси явились чернымъ видомъ. Онъ же ко ученику глагола: «или кончина вѣку пріиде, или Богъ Слово плотію страждетъ;» понеже не по обычаю тварь видѣ измѣненну и сего ради бысть въ недоумѣніи.

Той же Діонисій пишесть о солнечномъ знаменіи, когда затмится: «есть на небеси пять звѣздъ заблудныхъ, еже именуются луны. Сіи луны Богъ положилъ не въ предѣлѣхъ, яко же и прочіи звѣзды, но обтекають по всему небу, знаменія творя, или во гнѣвъ, или въ милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звѣзда, еже есть луна, подтечетъ подъ солнце отъ запада и закроетъ свѣтъ солнечный, то солнечное затменіе за гнѣвъ божій къ людямъ бываетъ; егда же бываетъ—отъ востока луна подтекаетъ, то по обычаю шествіе творяще закрываетъ солнце.» А въ нашей Россіи бысть знаменіе: солнце затмилось во 162 году предъ моромъ за мѣсяць или меньше. Плывъ Волгою рѣкою архіепископъ Сумеонъ сибирскій, и въ полудне тьма бысть предъ Петровымъ днемъ недѣли за двѣ: часа съ три, плачучи, у берега стояли; солнце померче, отъ запада луна подтекала; по Діонисію, являше Богъ гнѣвъ свой къ людямъ. Въ то время Никонъ отступникъ вѣру казилъ и законы церковные, и сего ради Богъ изліялъ фіалъ гнѣва ярости своей на русскую землю. Зѣло моръ великъ былъ; нѣколи еще забыть, вси помнимъ. Потомъ, минувъ годовъ съ 14-ть, въ другой рядъ затменіе солнцу было. Въ Петровъ постъ въ пятокъ въ часъ 6-й тьма бысть, солнце померче, луна подтекала отъ запада, гнѣвъ Божій явля: и протопопа Аввакума, бѣднаго горемыку, въ то время съ прочими остригли въ соборной церкви власти и на утрени ¹⁾ въ темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный разумѣваетъ, что дѣлается въ землѣ нашей за нестроеніе церковное. Говоритъ о томъ полно: въ день вѣка познано будетъ всѣми; потерпимъ до тѣхъ мѣстъ.

Той же Діонисій пишесть о знаменіи солнца, како бысть при Ісусѣ Навинѣ во Израили. «Егда Ісусъ съкій иноплеменники, и бысть солнце противу Гаваона, еже есть на полдень. Ста Ісусъ крестообразно, сирѣчь распротрѣ руцѣ свои; и ста солнечное теченіе, дондеже враги погуби; возвратилося солнце къ востоку, сирѣчь на западъ отбѣжало и паки потече; и бысть во дни томъ и въ нощи 34 часа, понеже въ 10 часъ отбѣжало, такъ въ суткахъ 10 часовъ прибыло. И при Езе-

¹⁾ По другому списку: на Уршшу.

кїи царѣ бысть знаменїе: отече солнце вспять во второй на-
десять часъ дня и бысть во дни и въ нощи 36 часовъ.» Чти
книгу Дїонисїеву, тамъ пространно уразумѣшь.

Онъ же Дїонисїй пишетъ о небесныхъ силахъ; росписуетъ,
возвѣщая, како хвалу приносятъ Богу, раздѣляясь 9-ть чи-
новъ на три Троицы.—Престоли, Херувими и Серафими освя-
щенїе отъ Бога прїемлютъ и сице восклицаютъ: «Благословен-
на слава отъ мѣста Господня!» и чрезъ сихъ преходить освя-
щенїе на 2-ю Троицу, еже есть Господства, Начала, Вла-
сти. Сїя Троица, славословя Бога, восклицаетъ: «аллилуїа, ал-
лилуїа, аллилуїа!» по алфавиту: *аль* Отцу, *аль* сыну, *аль* Духу
святому. Григорій Нисскїй толкуетъ: аллилуїа — хвала Богу;
а Василій Великїй пишетъ: «аллилуїа — ангельская рѣчь, че-
ловѣчески рещи: Слава Тебѣ, Боже!» До Василїя пояху въ
церкви ангельскїя рѣчи: аллилуїа, аллилуїа, аллилуїа! Егда
же бысть Василїй, и повелѣ пѣти двѣ ангельскїя рѣчи, а тре-
тью человѣческую сице: аллилуїа, аллилуїа, слава Тебѣ, Боже!
У святыхъ согласно, у Дїонисїа и у Василїа трижды воспѣ-
ваютьъ, со ангелы славимъ Бога, а не четырежды по римской
блуди. Мерзко Богу четверичное воспѣванїе сицевое: аллилуїа,
аллилуїа, аллилуїа, слава Тебѣ, Боже! Да будетъ проклятъ сице
поюще. Паки на первое возвратимся. Третья Троица :Силы, Ар-
хангелы, Ангелы, чрезъ среднюю Троицу освященїе прїемля, по-
ютъ: Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѣъ, исполнь небо и зем-
ля славы Его! Три тричисленно и сіе воспѣванїе. Пространно
Пречистая Богородица протолковала о аллилуїи: явилася уче-
нику Евфросина псковскаго, именемъ Василїю. Велика во ал-
лилуїи хвала Богу, а отъ зломудрствующихъ досада велика.—
По Римски святую Троицу въ четверицу глаголють, Духу и
отъ Сына исхожденїе являютъ, еже и проклято се мудрова-
нїе Богомъ и святыми; правовѣрныхъ избави Боже сего на-
чинанїя злаго о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же сла-
ва, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Аванасїй Великїй рече: «иже аще кто хочетъ спастися,
прежде всѣхъ подобаетъ ему держати каѳолическая вѣра,
еяже аще кто цѣлы и непорочны не соблюдетъ, кромѣ
всякаго недоумѣнїя, во вѣки погибнетъ. Вѣраже каѳоли-
ческая сїя есть: да будетъ, Бога въ Троицѣ и Троицу въ еди-

ницѣ почитаемъ, ниже сливающе составы, ниже раздѣляюще существо. Инъ бо есть составъ Отець, инъ Сыновень, инъ Святаго Духа; но отчее и сыновнее и Святаго Духа едино божество, равна сила, соприсносущно величество: яковъ Отець таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святой; вѣченъ Отець, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святой; несозданъ Отець, несозданъ Сынъ, несозданъ и Духъ Святой. Не три Бози, но единъ Богъ; не три созданіи, но единъ несозданный, единъ вѣчный. Подобне: вседержитель Отець, вседержитель Сынъ, вседержитель и Духъ Святой; равно непостижимъ Отець, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ Святой: обаче не три вседержители, но единъ Вседержитель; не три непостижиміи, но единъ непостижимый, единъ присносущный. И въ сей святой Троицѣ ничтоже первое или послѣднее; ничтоже болѣе или менѣе, но цѣлы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны. Особно бо есть Отцу нерожденіе, Сыну же рожденіе, а Духу святому исхожденіе; обще же есть божество и царство. (Нужно бо есть побесѣдовати о вочеловѣченіи Бога Слова къ вашему спасенію). Заблагодать щедротъ излія себе отъ отеческихъ нѣдръ Сынъ,—Слово Божіе, въ дѣву чисту Богоотроковицу, егда время наставало и, воплотився отъ Духа Свята и Маріи дѣвы вочеловѣчлься, насъ ради пострадалъ, воскресе въ третій день, и на небо вознесся, и сѣде одесную величества на высокихъ, и хоцетъ паки прійти судити и воздати комуждо по дѣломъ его, Егоже царствію нѣсть конца. И сіе смотрѣніе въ Бозѣ бысть прежде, даже не создатися Адаму; прежде даже не вообразитися (совѣтъ Отець), рече Отець Сынови: «Сотворимъ чловѣка по образу нашему и подобію.» И отвѣща другій: «Сотворимъ, Отче!» И приступи убо и паки рече: «О едиnorodный Мой! о святе Мой! о Сыне и Слове! о сіяніе славы моя! аще промышляеши созданиемъ своимъ, подобаеть Ти облещися въ тлимаго чловѣка, подобаеть Ти по землѣ ходити, плоть воспріяти, пострадати и вся совершити.» И отвѣща другій: «Буди, Отче, воля Твоя.» И по семъ создася Адамъ». Аще хоцещи пространно разумѣти, чти Маргарить, слово о вочеловѣченіи: тамъ обрящеши. Азъ кратко помянуль, смотрѣніе показуя. Сиче всякъ вѣруай не постыдится; а невѣруай осужденъ будетъ и во вѣки погибнетъ, по

вышереченному Аѳанасію. Сиде азъ, протопопъ Аввакумъ, въ-
рую, сиде исповѣдую, съ симъ живу и умираю.

Рожденіе же мое въ нижегородскихъ предѣлѣхъ, за Куд-
мою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ ми бысть священникъ
Петръ, мати Марія, инока Марѳа. Отецъ же мой прилежа-
ше питія хмѣльнаго; мати же моя постница и молитвенница
бысть, всегда учаше мя страху божію. Азъ же нѣкогда ви-
дѣхъ у сосѣда скотину умершу и, той нощи возставши, предъ
образомъ плакався довольно о душѣ своей, поминая смерть,
яко и мнѣ умереть; и съ тѣхъ мѣстъ обыкохъ по вся нощи
молитися. Потомъ мати моя овдовѣла, и я осиротѣлъ молодъ,
и отъ своихъ соплеменниковъ во изгнаніи быхомъ. Изволила
же мати моя меня женить. Азъ же пресвятѣй Богородицѣ мо-
лихся, да дастъ ми жену помощницу ко спасенію. И въ томъ
же селѣ дѣвица, сиротина жъ, безпрестанно обыкла ходити въ
церковь, имя ей Анастасія. Отецъ ея былъ купецъ Марко,
богатъ гораздо и, егда умре, послѣ его все истощилось. Она
же въ скудости живяше и моляшеся Богу, даже сочетається
за меня совокупленіемъ брачнымъ; и бысть по волѣ Божіей
такъ. По семъ мати моя отшедъ къ Богу въ подвижъ велицѣ.
Азъ же отъ изгнанія преселихся во ино мѣсто, рукоположенъ
во діаконы 20 лѣтъ съ годомъ, и по дву лѣтѣхъ въ попы по-
ставленъ. Живыи въ попѣхъ 8 лѣтъ, и потомъ совершенъ
въ протопопы православными епископы, тому 20 лѣтъ мину-
ло; а всего 30 лѣтъ, какъ имѣю священство.

А егда въ попѣхъ былъ, тогда имѣлъ у себя дѣтей духов-
ныхъ много: по се время сотъ съ пять или съ шесть будетъ.
Не почивая, азъ, грѣшныи, прилежа въ церквахъ и въ домѣхъ,
и на распутіяхъ, по градомъ и селомъ, еще же и въ царст-
вующемъ градѣ, и во странѣ сибирской, проповѣдуя и уча
слову божію, годовъ будетъ тому съ полтредятцать. Егда
еще былъ въ попѣхъ, прииде ко мнѣ исповѣдатися дѣвица,
многими грѣхами обремененна, блудному дѣлу (и малакіи вся-
кой) повинна, нача мнѣ, плакавшися, подробну возвѣщати въ
въ церкви, предъ евангелиемъ стоя. Азъ же трекоаянный и
врачъ самъ разболѣлся, внутри жгомъ огнемъ блуднымъ, и
горько бысть мнѣ въ той часъ: зажегъ три свѣщи и прилѣ-
пилъ къ налою, и возложилъ руку правую на пламя и дер-

жалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разженіе и, отпустя дѣвицу, сложа ризы, помоляся, пошелъ въ домъ свой зѣло скорбенъ. Время же яко полнощи, и пришедъ въ свою избу, плакався предъ образомъ господнимъ, яко и очи опухли; и моляся прилежно, да отлучитъ мя Богъ отъ дѣтей духовныхъ, понеже бремя тяжело, неудобъ носимо. И падохъ на землю на лицѣ своемъ, рыдаше горьцѣ; и забыхся лежа, не вѣмъ, какъ плачу. А очи сердечніи при рѣкѣ Волгѣ; вижу: плывутъ стройно два корабля златы и веслы на нихъ златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на нихъ сидѣльцевъ; и я спросилъ: «чіе корабли?» а они отвѣщали: «Лукинъ и Лаврентьевъ». Сіи быша ми духовніи дѣти, меня и домъ мой наставили на путь спасенія и скончались богоугодно. А се потомъ вижу: третій корабль, не златомъ украшенъ, но разными пестротами, красно и бѣло, и сине, и черно и пепелно, его же умъ человекъ не вмѣсти красоты его и доброты. Юноша свѣтель, на кормѣ сидя, прави, и я вскричалъ: «чей корабль?» и сидя на немъ отвѣщаль: «твой корабль; доплывай на немъ съ женою и дѣтьми, коли докучаешь». И я, вострепетавъ и, съдше, разсуждаю: что се видимое и что будетъ плаваніе?

А се по малѣ времени,—по писанному,—объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обыдоша мя, скорбь и болѣзнь обрѣтохъ. У вдовы начальникъ отнялъ дочь, и азъ молихъ его, даже сиротину возвратитъ къ матери; и онъ, презрѣвъ моленіе наше, и воздвигъ на мя бури: у церкви пришедъ сонмъ, до смерти меня задавили. И азъ, лежа мертвъ полчаса и больше, и пакн оживе божіимъ мановеніемъ, и онъ утрашися, отступился мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его діаволь: пришедъ въ церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, и я молитву въ то время говорю. Таже инъ начальникъ во ино время на мя разсвиrepѣлъ. Прибѣжавъ ко мнѣ въ домъ, билъ меня и у руки отгрызъ персты, яко песь, зубами; и егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустилъ изъ зубовъ своихъ и, покиня меня, пошелъ въ домъ свой. Азъ же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошелъ къ вечерни; и, егда шелъ путемъ, наскочилъ на меня онъ же пакн съ двѣма малыми пищалями и,

близь меня бывъ, запалилъ изъ пистола и божіею волею на полкъ порохъ пыхнулъ, а пищаль не стрѣлила. Онъ же бросился на землю, и изъ другія паки запалилъ также, и божія воля учинила также: и та пищаль не стрѣлила. Азъ, прилежно идучи, молюсь Богу, единою рукою осѣнилъ его и поклонился ему; онъ меня лаетъ, а я ему рекъ: «благодать во устнѣхъ твоихъ, Иванъ Родіоновичъ, да будетъ!» По семь дворъ у меня отнялъ и меня выбилъ, все ограбя, и на дорогу хлѣба не далъ. Въ то же время родился сынъ мой Прокопій, который сидитъ съ матерію въ землѣ закопанъ. Азъ же, взявъ клюшку, а мати некрещенаго младенца, побрели, а може Богъ наставитъ, и на пути крестили якоже Филипъ каженника древле. Егда же азъ прибрелъ къ Москвѣ, къ духовнику протопопу Стефану и къ Неронову протопопу Юанну, они же обо мнѣ царю возвѣстиша, и государь меня почаль съ тѣхъ поръ знати. Отцы же грамотою паки послали меня на старое мѣсто, и я притащился: ано и стѣны раззорены моихъ храмннъ и я паки завелся, и діаволь паки воздвигъ на меня бурю.

Пріидоша въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ,—одного ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле. И за сіе меня *Василій Петровичъ Шереметьевъ*, плывучи Волгою въ Казань на воеводство, взявъ на судно и браня много и велѣвъ благословить сына своего Матвея, *брадобридца*. Азъ же не благословилъ, а отъ писанія его порицалъ, видя *блудоносный* образъ. Бояринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу и, много томя, протолкали, а опослѣ учинились добры до меня: у царя на снѣхъ прощались, а брату моему меньшому боярыня Васильева и дочь духовная была. Такъ то Богъ строитъ своя люди.

На первое возвратимся. Таже инъ начальникъ на мя разсвирепѣлъ: пріѣхалъ съ людьми ко двору моему, стрѣлялъ изъ луковъ и изъ пищалей съ приступомъ; и азъ въ то время молился съ воплемъ ко Владыкѣ: «Господи! укроти его и примири, имиже вѣси, судьбами». И побѣжалъ отъ двора,

гонимъ Святимъ Духомъ. Таже въ ночь ту прибѣжали отъ него и зовуть меня со многими слезами: «Батюшко! Евфимій Степановичъ при кончинѣ и кричитъ неудобно, бьетъ себя и охаеть, а самъ говоритъ: «дайте мнѣ батьки Аввакума, за него Богъ меня наказуетъ». И я чаялъ, меня обманываютъ: ужасея духъ мой во мнѣ и се помолилъ Бога сице: «Ты, Господи, извѣдый мя изъ чрева матери моея и отъ небытія въ бытіе устроилъ: аще меня задушатъ и ты причти мя съ Филиппомъ, митрополитомъ московскимъ; аще зарѣжутъ, и Ты причти мя съ Захарією пророкомъ; аще въ воду посадятъ, и Ты яко, Стефана Пермскаго, паки освободиши мя!» И моляся поѣхалъ въ домъ къ нему, Евфимію. Егда же привезоша мя на дворъ, выбѣжала жена его Неонила и ухватила меня подъ руку и сама говоритъ: «Подитко, государь нашъ батюшко! Подитко, свѣтъ нашъ кормилецъ!» И я сопротивъ того: «Чудно! давеча былъ блядинъ сынъ, а тепереча батюшко; больше у Христа того остра шелапуга та; скоро повинился мужъ твой.» Ввела меня въ горницу, вкочилъ съ перины Евфимій, палъ предъ ногами моими, вопить неизреченно: «прости государь! согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою»;—а самъ дрожить весь и я ему сопротиво: «Хощеши ли впредъ цѣль быти?» Онъ же лежа отвѣща: «ей! честный отче!» и я рекъ: «Востани, Богъ проститъ тя». Онъ же наказанъ гораздо, не могъ самъ востати и я поднялъ и положилъ его на постель, и исповѣдалъ и масломъ священнымъ помазалъ, и бысть здравъ. Такъ Христосъ изволилъ. И на утро отпустилъ меня честно въ домъ мой и съ женою быша ми дѣти духовные, изрядны, рабы христовы. Такъ то Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

По малѣ паки иніи изгнаша мя отъ мѣста того въ другой рядъ. Азъ же сволокся къ Москвѣ и божією волею государь меня велѣлъ въ протопопы поставить въ Юрьевцѣ повольскомъ. И тутъ пожилъ не много, только 8 недѣль. Діаволь научилъ поповъ, и мужиковъ и бабъ: пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и вытаща меня изъ приказа (собраніемъ человекъ съ тысячу и полторы ихъ было) среди улицы, били батожемъ и топтали, и бабы были съ рычагами; грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ

избной уголь. Воевода съ пушкарями прибѣжали и, ухватя меня, на лошади умчали въ мой дворишко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ и по граду молва велика, наипаче же попы и бабы, которыхъ уни- малъ отъ блудни, вопягъ: убить вора блядина сына да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ». — Азъ же отдохня въ 3-й день ночью, покиня жену и дѣти по Волгѣ самъ третій ушелъ къ Москвѣ; на Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопоба же Данила изгнали. Охъ горе! нигдѣ отъ діавола житья нѣтъ! Прибрелъ къ Москвѣ; духовнику Стефану показался; и онъ на меня учинился печаленъ: на что де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе. Царь пришелъ къ духовнику благословитися ночью, меня увидѣлъ тутъ; — опять кручина: На что де городъ покинулъ? И жена и дѣти и домочадцы чело- вѣкъ съ двадцать въ Юрьевцѣ остались, невѣдомо живы, невѣдомо прибиты, — тутъ паки горе!

По семъ *Никонъ другъ нашъ* привезъ изъ Соловковъ Филиппа митрополита, и прежде его пріѣзду духовникъ Стефанъ, моля Бога и постясь седмицу съ братією и я съ ними тутъ же о патріархѣ, даже дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ и съ митрополитомъ казанскимъ, написавъ челобитную за руками подали царю и царицѣ о духовникѣ Стефанѣ, что- бы ему быть въ патріархахъ. Онъ же, не восхотѣвъ самъ, и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ и пишетъ къ нему посланіе на встрѣчу: «Преосвященному митрополиту Никону Новгородскому и Великолуцкому и всея Россіи радоватися и прочая». Егда же пріѣхалъ, съ нами яко лись, челомъ да здорово: вѣдаетъ что быть ему въ патріархахъ и чтобъ отъкуля помѣшка какова не учинилось, много о тѣхъ козняхъ говоритъ. Егда поставили патріархомъ, такъ друзей не сталъ и въ крестовую пускать и сей ядъ отрыгнулъ.

Въ постъ великій прислалъ память къ казанской къ Неронову Іоанну. (А мнѣ отецъ духовный былъ, я у него все и жилъ въ церкви; егда куда отлучится, азъ вѣдаю церковь; и къ мѣсту говорили на дворецъ къ Спасу, на Силино покойника мѣсто, да Богъ не изволилъ, а се и у меня радѣніе худо было: любо мнѣ у Казанскія, то и держался: чель народу книги, много людей приходило). Въ памяти Никонъ пишетъ

годъ, число «по преданію святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще же и тремя персты бы крестились». Мы же задумались, сошедшия между собою: видимъ, яко зима хочетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ приказалъ мнѣ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился, и тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: «время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати». Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ, таже коломенскому епископу Павлу, его же Никонъ напоследокъ огнемъ жжегъ въ новгородскихъ предѣлѣхъ, потомъ Даниилу, костромскому протопопу; таже сказалъ и всей братіи. Мы съ Данииломъ написахомъ изъ книгъ выписки о сложеніи персть и о поклонѣхъ и подали Государю. Много писано было. Онъ же, не вѣмъ гдѣ, скрылъ ихъ; мнитъ ми ся, Никону отдалъ. Послѣ того вскорѣ схвативъ Никонъ Даниила въ монастырѣ за тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и содравъ однорядку, ругая, отвелъ въ Чудовъ въ хлѣбню и, муча много, сослалъ въ Астрахань; вѣнецъ терновъ на главу тамъ ему возложили, въ земляной тюрьмѣ уморили. Послѣ Даниилова стриженья взяли другаго Темниковскаго Даниила же протопопа и посадили въ монастырѣ у Спаса на Новомъ. Таже съ протопопа Неронова Ивана въ церкви скуфью снялъ и посадилъ въ Симоновъ монастырѣ, а послѣ сослалъ на Вологду въ Спасовъ Каменный монастырѣ, потомъ въ Кольскій острогъ и напоследокъ по многомъ страданіи, изнемогъ бѣдный: принялъ три перста да такъ и умеръ. Охъ горе! Всякъ мняйся стояти да блюдется, да ся не падеть: люто время, по реченному Господемъ, аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя. Зѣло надобно крѣпко молитися Богу, да спасетъ и помилуетъ насъ, яко благъ и человекълюбецъ. Таже меня взяли отъ всеобщаго Борисъ Нелединскій со стрельцами, человекъ со мною до шестьдесятъ взяли, ихъ въ тюрьму отвели, а меня на патріарховъ дворѣ на цѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря и тутъ на цѣпи кинули въ темную палатку, ушла въ землю, и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ

во тѣмѣ, сидя кланяся на цѣпи, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я въ третій день прилченъ, сирѣчь бысть захотѣлъ, и послѣ вечерни ста предо мною не вѣмъ ангель, не вѣмъ челоуѣкъ,—и по се время не знаю,—токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ цѣпю къ лавкѣ привелъ, и посадилъ и ложку въ руки даль, хлѣбца немножко и щецъ даль похлебать, зѣло превкусны хороши, и рекъ мнѣ: «полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію», Да и не стало его, двери не отворились и его не стало, дивно только челоуѣкъ, а что же ангель, ино нечему дивиться: вездѣ ему не загорожено. Наутро архимандритъ съ братією пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Сняли большую цѣпь да малую наложили, отдали чернцу подъ началъ: велѣли волочить въ церковь. У церкви за волосы дерутъ и подъ бока толкаютъ, и за чепъ торгають, и въ глаза плюютъ. Богъ ихъ проститъ въ сей вѣкъ и въ будущій! не ихъ то дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я 4 недѣли.

Въ то время послѣ меня взяли Логина, протопopa Муромскаго. Въ соборной церкви при царѣ остригъ въ обѣдню; во время переноса снялъ патріархъ со главы у архидіакона дискось и поставилъ на престолъ съ тѣломъ христовымъ и съ чашею. Архимандритъ чудовской Терапонтъ внѣ олтаря при дверяхъ царскихъ стоялъ. Увы разсѣченія тѣла христова пуще жидовскаго дѣйства! Остригши, содрали съ него однорядку и кафтанъ. Логинъ же ражжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и чрезъ порогъ въ олтарь въ глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя съ себя рубашку, въ олтарь въ глаза Никону бросилъ; и чудно: растопоряся рубашка, и покрыла на престолѣ дискось, будто воздухъ. И въ то время и царица въ церкви была. На Логина возложили цѣпь и, таща изъ церкви, били метлами и шелепами до Божоявленскаго монастыря, и кинули въ палатку почью и стрѣльцовъ на караулъ поставили накрѣпко стоять. Ему же Богъ въ ту ночь шубу новую да шапку даль; а наутро Никону сказали и онъ, разсѣваясь, говоритъ, «Знаю суя пустосвятость тѣхъ»; — и шапку у него отнялъ, а шубу у него оставилъ.

По семь паки меня изъ монастыря водили пѣшаго на патріарховъ дворъ; также, руки растеня, и стязався много со мною, паки также отвели. Тоже въ Никитинъ день ходъ со кресты, а меня паки на телегъ везли противъ крестовъ. И привезли къ соборной церкви стричь, и держали въ обѣдню на порогѣ долго. Государь съ мѣста сошелъ и, приступя къ патріарху, упросилъ не стричь: и отвели въ сибирской приказъ, и отдали діаку Третьяку Башмакову, что нынѣ страждетъ же по Христу—старецъ Савватій, сидитъ на Новомъ, въ земляной же тюрьмѣ: спаси его, Господи! и тогда дѣлалъ мнѣ добро. Таже послали меня въ Сибирь съ женою и дѣтьми, и колико дорогою нужды бысть, того всего много говорить, развѣ малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, больную въ телегѣ и повезли до Тобольска; 3000 верстѣ недѣль съ тринадцать волокли телѣгами и водою, и саньми половину пути.

Архіепископъ въ Тобольскѣ къ мѣсту устроилъ меня. Тутъ у церкви великія бѣды постигоша меня: въ полтора года пять словъ государевыхъ сказывали на меня, и единъ нѣкто архіепископля двора дьякъ Иванъ Струна, тотъ и душею моею потрясъ. Съѣхалъ архіепископъ къ Москвѣ, а онъ безъ него дьявольскимъ наученемъ напалъ на меня: церкви моя дьяка Антона мучить напрасно захотѣлъ. Онъ же Антонъ утече у него и прибѣжалъ въ церковь ко мнѣ. Той же Струна Иванъ, собрався съ людьми, во инъ день прииде ко мнѣ въ церковь,—а я вечерню пою,—и вскочилъ въ церковь, ухватилъ Антона на клиросѣ за бороду. А я въ то время двери церковныя затворилъ и никого не пустилъ; одинъ онъ Струна вертится, что бѣсъ; и я, покиня вечерню, съ Антономъ посадилъ его среди церкви на полу и, за церковный мятежъ, постегалъ его ремнемъ нарочито таки; а прочіи чловѣкъ съ двадцать вси побѣгоша, гоними Духомъ Святымъ. И покаяніе отъ Струны принявъ, паки отпустилъ его къ себѣ. Сродницы же Струнины, попы и чернецы весь возмутили градъ, да како меня погубятъ. И въ полунощи привезли сани ко двору моему, ломились въ избу, хотя меня взять и въ воду свезти: и божимъ страхомъ отгнаны быша и побѣгоша вспять. Мучился я съ мѣсяцъ отъ нихъ, бѣгаючи втай; иное въ церкви

ночью, иное къ воеводѣ уйду, иное въ тюрьму просился,—ино не пустятъ. Провожалъ меня много Матвѣй Ломковъ, иже и Митрофанъ именуемъ въ чернцахъ, а послѣ на Москвѣ у Павла митрополита ризничимъ былъ; въ соборной церкви съ діакonomъ Аѳанасіемъ меня стригъ: тогда добръ былъ, а нынѣ диаволь поглотилъ его. Потомъ пріѣхалъ архіепископъ съ Москвы и правильною виною его Струну на цѣпь посадилъ за сіе. Нѣкій человекъ съ дочерью кровосмѣшеніе сотворилъ и онъ, Струна, полтину взявъ и не наказавъ мужика, отпустилъ. И Владыка его сковать приказалъ и мое дѣло тутъ же помянулъ. Онъ же Струна ушелъ къ воеводамъ въ приказъ и сказалъ слово и дѣло государево на меня. Воеводы отдали его сыну боярскому лучшему, Петру Бекетову за приставъ. Увы! погибель пришла на дворъ Петру, аще и души моей горе тутъ есть. Подумавъ Архіепископъ со мною, по правиламъ за вину кровосмѣшенія сталъ Струну проклинать въ недѣлю православія въ церкви большой. Той же Бекетовъ Петръ, пришедъ въ церковь, браня Архіепископа и меня, и въ той часъ изъ церкви пошедъ, и сбѣсился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертію злѣ. И мы со владыкою приказали тѣло его среди улицы собакамъ бросить, даже граждане оплачутъ его согрѣшеніе; и сами три дня прилежнѣе стужили Божеству, даже въ день вѣка отпустится ему. Жалѣя Струны, такову пагубу себѣ пріялъ, а по тріехъ днехъ владыка и мы сами честнѣ тѣло его погребли. Полно того плачевнаго дѣла говорить!

По семъ указъ пришелъ: велѣно меня изъ Тобольска на Лену везти за сіе, что браню отъ писанія и укоряю ересь Никоннову. Въ тоже время пришла съ Москвы граматка: два брата жили у царицы вверху и оба умерли въ моръ и съ женами и съ дѣтьми, и многіе друзья и сродницы померли; изліялъ Богъ на царство вѣялъ гнѣва своего. Да не узнались горюны, однако церковію мятуть. Говорилъ тогда и сказывалъ Нероновъ царю: «Три пагубы за церковный раздоръ: моръ, мечъ, раздѣленіе». То и сбылось во дни наша нынѣ; но милостивъ Господь: наказавъ покаянія ради, и помилуетъ насъ; прогнавъ болѣзни душъ нашихъ и тѣлесъ, и тишину подастъ. Уповаю и надѣюся на Христа, ожидаю милосердія его и чаю воскресенія мертвыхъ.

Таже сълъ опять въ корабль свой, еже показанъ ми,—что выше сего рекохъ,—поѣхалъ на Лену. А какъ пріѣхалъ въ Енисейскъ, другой указъ пришелъ: вельно въ Даурію везти, — двадцать тысячъ и больше будетъ отъ Москвы, — и отдать меня Аванасью Пашкову въ полкъ. Людей съ нимъ было 600 человѣкъ и, грѣхъ ради моихъ, суровъ человѣкъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучитъ, и бьетъ; и я его много уговаривалъ да и самъ въ руки попалъ; а съ Москвы отъ Никона приказано было мучить меня. Егда поѣхали изъ Енисейска, какъ буде въ большой Тунгускѣ рѣкѣ, въ воду загрузило бурей дощеникъ мой: совсѣмъ налилса среди рѣки полонъ воды и парусъ изорвало, одни палубы надъ водою, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубы изъ воды ребячь кое какъ вытаскала, простоволоса ходя, а я, на небо глядя, кричу: «Господи! спаси! Господи! помози!» И божіею волею прибило насъ къ берегу; много о томъ говорить. На другомъ дощеникѣ двухъ человѣкъ сорвало и утонули въ водѣ. По семъ, оправяся на берегу, и опять поѣхали впредь. Егда пріѣхали на Шаманской порогъ, на встрѣчу приплыли люди иные къ намъ, а съ ними двѣ вдовы: одна лѣтъ во 60, а другая и больше, пловать пострищисъ въ монастырь. А онъ Пашковъ сталъ ихъ ворочать и хочеть за мужъ отдать; а я ему сталъ говорить: «по правиламъ не подобаетъ таковыхъ за мужъ давать». И чѣмъ бы ему, послушавъ меня, и вдовъ отпустить; а онъ вздумалъ мучить меня, осердясь. На другомъ Долгомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать: «для-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де по горамъ, а съ казаками неходи». О горе стало! Горы высоки, дебри непроходимыя, утесъ каменной яко стѣна стоитъ,—и поглядѣть, заломя голову; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются змѣи великія; въ нихъ же витають гуси и утицы—періе красное, вороны черныя и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы, и соколы, и кречеты и курята индійскія, и бабы, и лебеди и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляють звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрьми и птицами витати, и азъ ему малое писаньице написалъ, сице начало:

«Человѣче! убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающаго въ бездны, Егоже трепещуть небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь и неудобство показуешь» и прочая... Тамъ многонько писано и послалъ къ нему. А и бѣгутъ человѣкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему, версты съ три; стоялъ я, казакамъ каши наварилъ да кормлю ихъ; а они бѣдные и ѣдятъ, и дрожать, аиные, глядя, плачутъ на меня; желѣютъ по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ шпагою стоитъ идрожить; началъ мнѣ говорить: «Попъ или распопъ?» И азъ отвѣщаль: «Азъ есмь Аввакумъ, протопопъ; говори: что тебѣ дѣло до мене?» Онъ же рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекъ, таже по другой и паки въ голову и сбиль меня съ ногъ и, чепь ухвата, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ 72 удару кнудомъ. И я говорю: «Господи Ісусе Христе, Сыне Божій! помогай мнѣ!» Да тоже безпрестанно говорю; такъ горько ему, что не говорю: «пощади». Ко всякому удару молитву говорилъ, да среди побой вскричалъ я къ нему: «полно бить то»; такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: «За что ты меня бьешь: знаешь ли?» И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ; и опустили: я задрожалъ да и упалъ; и онъ паки велѣлъ меня въ казенный дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шель всю ночь, подъ капелью лежалъ; какъ били, такъ небожно было съ молитвою то; а, лежа, на умъ взбрело: «За что ты, Сыне Божій, попустилъ меня таково больно убить меня? я вѣдь за вдовы Твоя сталъ; кто дастъ судію между мною и Тобою? когда вѣровалъ, и ты меня такъ не оскорблялъ; а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ». Будто добрый человѣкъ, другой фарисей съ навозною рожей, со владыкой судиться захотѣлъ! аще Іовъ и говорилъ такъ, да онъ праведенъ, непороченъ; а се и писанія не разумѣлъ, внѣ закона въ странѣ варварстѣй, отъ твари Бога позналъ. А я первое грѣшникъ, второе на законѣ почиваю и писаніемъ отвсюду подкрѣпляемъ: «яко многими скорбями подобаеть намъ внити въ царство небесное»; а на такое безуміе пришелъ. Увы мнѣ! какъ дощеникъ—отъ въ воду не погрязъ со

мною? Стало у меня въ тѣ поры кости тѣ щемить, и жилы тѣ тянуть, и сердце задрожалось, да и умирать сталъ; воды мнѣ въ ротъ плеснули, такъ вздохнулъ да покаялся предъ Владыкою, и Господь свѣтъ милостивъ, не поминаетъ нашихъ беззаконій первыхъ, покаянія ради: и опять не стало ничто болѣть.

На утро кинули меня въ лодку и на предъ повезли. Егда прѣехали къ порогу самому большому Падуну, рѣка въ томъ мѣстѣ шириною съ версту, три заливка чрезъ всю рѣку зѣло круты, не воротами что поплыветь, ино въ щепы изломаеть. Меня привезли подъ порогъ: сверху дождь и снѣгъ, а на мнѣ на плеча накинуть кафтанишко просто; льетъ вода по брюху и по спинѣ,—нуждно было гораздо. Изъ лодки вытаща, по каменію скованна около порога тащили; грустно гораздо, да душѣ добро: не пеняю уже на Бога. Въ другой рядъ на умъ пришли рѣчи, Пророкомъ и Апостоломъ рѣченныя: «сыне! не пренемай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, отъ него обличаемъ: Его же любить Богъ, того наказуетъ; біеть же всякаго сына, егоже пріемлетъ; аще наказанія терпите, тогда яко сынѡмъ обрѣтается вамъ Богъ; аще ли безъ наказанія пріобщаетесь Ему, то выблядки, а не сынове есте». И сими рѣчьми тѣшилъ себя. По семъ привезли въ Братской острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филиппова поста въ студеной башнѣ; тамъ зима въ тѣ поры живеть да Богъ грѣлъ и безъ платья: что собачка на соломкѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ; мышей много было, я ихъ скуфьею билъ,—и батожка не дадутъ дурачки; все на брюхѣ лежалъ, спина гнила, блохъ да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: «прости»; но воля божія возбранила, велѣно терпѣть. Перевелъ мена въ теплую избу, и я тутъ съ аманатами и съ собаками жилъ скованъ зиму всю; а жена съ дѣтьми верстъ съ 20 была сослана отъ меня. Баба ее Ксенія мучила зиму ту всю: лаяла да укоряла. Сынъ Иванъ не великъ былъ, прибрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова рождества: и Пашковъ велѣлъ кипуть въ студеноую тюрьму, гдѣ я сидѣлъ: ночевалъ милой и замерзъ было тутъ, а на утро опять велѣлъ къ матери протолкать; я его и не видалъ;—приволокся къ матери, руки и ноги отзнобилъ.

На весну паки поѣхали впередъ. Запасу небольшое мѣсто осталось, а первой разграбленъ весь: и книги, и одежда и иная рухлядь отнята была; а иное осталось. На Байкаловѣ морѣ паки тонулъ; по Шилкѣ рѣкѣ заставилъ меня лямку тянуть: зѣло нуженъ ходъ ею былъ. И поѣсть было неколи нежели спать; лѣто цѣлое мучился отъ водяныя тяготы; люди изгибали, и у меня ноги и животъ сини были. Два лѣта бродили въ водахъ, а зимами чрезъ волоки волочились. На той же Шилкѣ въ третій тонулъ: барку отъ берегу оторвало водою; людскія стоятъ, а мою ухватило да и понесло; жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ другъ съ кормщикомъ помчало. Вода быстрая переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ, а я на ней ползаю, а самъ кричу: «Владычице! помози! Упованіе! не утопи!» Иное ноги въ водѣ, а иное выползу наверхъ; гнало съ версту и больше, да люди переняли; все размыло до крохи. Да что вѣдь дѣлать, коли Христосъ и Пречистая Богородица изволили такъ? Я, вышедъ изъ воды, смѣюсь, а люди тѣ охаютъ, платье мое по кустамъ развѣшивая, шубы атласныя и тафтяныя и кое какія бездѣлицы: тое много было еще въ чемоданахъ, да въ суммахъ, все съ тѣхъ мѣстъ перегнило. А Пашковъ опять меня же хочетъ бить: «Тыде надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ». И я паки свѣту Богородицѣ докучать: «Владычице! уйми дурака того!» Такъ она надежда уняла: сталъ по мнѣ тужить. Потомъ доѣхали до Иргея озера: волокъ тутъ, стали зимою волочиться; моихъ работниковъ отнялъ, а инымъ у меня наняться не велить, а дѣти маленьки были; ѣдаковъ много, а работать некому; одинъ бѣдный горемыка протопопъ нарту сдѣлалъ и зиму волочился за волокъ. Весною на плотяхъ по Ингодѣ рѣкѣ поплыли на низъ, четвертое лѣто отъ Тобольска плаванію моему. Лѣсъ гнали хоромной и городской, стало нечего ѣсть, люди учили съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни; рѣка мелкая, плоты тяжелыя, приставы немилостивыя, палки большіе, батоги суковатыя, кнуты острые, пытки жестокия,—огонь да встряска,—люди голодные: лишь стануть мучить, ано и умереть. Ахъ времени тому! не знаю, какъ умъ отъ него отступился. У протопопицы моей однорядка московская была не изгнила: по русскому рубли съ

полтретьядцать и больше, по тамошнему даль намъ 4 мѣшка ржи за нея и мы годъ другой тянулись, на Нерчѣ рѣкѣ живучи, съ травою перебиваючися: всѣ люди съ голоду переморилъ, никуда не отпускалъ промыслять, осталось небольшое мѣсто, по степямъ скитающеса, и по полямъ траву и кореніе копали; и мы съ ними же. А зимою сосну, а иное кобылятины Богъ дастъ, и кости находили отъ волковъ пораженныхъ звѣрей и, что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ; а иные и самихъ озяблыхъ ѣли волковъ и лисицъ и, что получаютъ, всякую скверну. Кобыла жеребенка родить, а голодные втай и жеребенка и мѣсто скверное кобылье съѣдать. А Пашковъ свѣдалъ, и кнудомъ до смерти забьетъ: и кобыла умерла, все изводъ взялъ, понеже не почину жеребенка того вытащили изъ нея: лишь голову появишь, а они и выдернули да почали черовъ скверную ѣсть. Охъ времени тому! и у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ, и съ прочими скитающеса по горамъ и острому каменію, наги и босы, травою и кореньемъ перебивающеса, кое какъ мучилися. И самъ я грѣшный волею и неволею причастникъ кобылымъ и мертвечымъ сквернымъ и птичьимъ мясамъ. Увы грѣшной душѣ! кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слезъ, даже оплачу бѣдную душу свою, юже азъ погубихъ житейскими сладьми? Но помогала намъ по Христу боляриня, воеводская сноха Евдокія Кириловна, да жена его Аванасьева Ѳекла Семеновна; онѣ намъ отъ смерти голодной тайно давали отраду: безъ вѣдома его иногда приилютъ кусокъ мясца, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, сколько сойдется, четверть пуда и гривенку другую, а иногда и полпудика накопить и передать, а иногда у куровъ корму изъ корыта нагребетъ. Дочь моя бѣдная горемыка Аграфена бродила втай къ ней подъ окно. И горе и смѣхъ! Иногда ребенка погонять отъ окна безъ вѣдома боярынина, а иногда и многонокко притащить; тогда не велика была, а нынѣ ужъ ей 27 годовъ; дѣвицею, бѣдная моя, на Мезени съ меньшими сетрами перебиваяся кое какъ, плачучи живутъ; а мать и братья въ землѣ закопаны сидятъ. Да что жъ дѣлать? пускай горше мучатся всѣ ради Христа! быть тому за божію помощію, на томъ положено и помучиться

ради вѣры христовы. Любилъ протопопъ со славными знаться, люби же и терпѣть горемыка до конца; писано: «начный блаженъ, но скончавый». Полно того: на первое возвратимся.

Было въ Даурской землѣ нужды великія годовъ 6 и 7, а во иные годы отрадило, а онъ, Аѳанасій, навѣтуя мнѣ, безпрестанно смерти мнѣ искалъ. Въ той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ отъ себя двѣ вдовы, — сѣбныя его были, — Марья да Софья, одержимы духомъ нечистымъ: ворожа и колдуя много надъ ними, и видитъ, яко ничто же успѣваетъ; но паче молва бываетъ, зѣло жестоко бѣсъ ихъ мучить: бьются и кричатъ. Призвалъ меня и поклонился мнѣ, говорить: «Пожалуй, возьми ихъ ты и попекися о нихъ, Бога моля; послушаетъ тебя Богъ». И я ему отвѣщаль: «Господине! выше мѣры прошеніе; но за молитвы святыхъ отецъ нашихъ вся возможна суть Богу». Взялъ ихъ бѣдныхъ, простите. Во искусь то на Руси бывало; человѣка три четыре бѣшенныхъ приведенныхъ бывало въ дому моемъ, а за молитвы святыхъ отецъ отхождаху отъ нихъ бѣси дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго и Господа нашего Ісуса Христа, сына Божія, свѣта: слезами и водою покроплю и масломъ помажу, молебная пѣвше во имя христово, и сила божія изгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху, — не по достоинству моему, никакъ же, но по вѣрѣ входящихъ. Древле благодать дѣйствовала осломъ при Валаамѣ, и при Іуліанѣ мученикѣ рысицею, при Сисиніи оленемъ: говорили человѣческимъ голосомъ. Богъ идѣже хочетъ, побѣждается естества чинъ. Чти житіе Θεодора Эдесскаго; тамо обращаши: и блудница мертваго воскресила; въ Кормчей писано: «не всѣхъ Духъ Святой рукополагаетъ, но всѣми кромѣ еретика дѣйствуетъ». Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшенныхъ; я по обычаю самъ постился и имъ не давалъ ѣсть, молебствовалъ и масломъ мазалъ и, какъ знаю, дѣйствовалъ: и бабы цѣлоумны и здравы стали; я ихъ исповѣдалъ и причастилъ; живутъ у меня и молятся Богу, любятъ меня и домой нейдутъ. Свѣдалъ онъ, что мнѣ учинились дочери духовныя; осердился на меня опять пуще старого; хотѣлъ меня въ огнѣ сжечь: «ты-де вывѣдываешь мои тайны». А какъ причастить, не исповѣдавъ? а не причастить

бѣшеннаго, ано бѣса совершенно не отгонишь: бѣсъ—отъ вѣдъ не мужикъ—батага не боится, боится онъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжитъ отъ тѣла Христова; я кромѣ сихъ тайнъ врачевать не умѣю; въ нашей православной вѣрѣ безъ исповѣди не причащаю, въ римской вѣрѣ творять такъ, не брегуть о исповѣди; а намъ, православіе блюдушимъ, такъ не подобаеть, но на всяко время покаяніе искати. Аще священника ради нужды не получишь, и ты своему брату искусному возвѣсти согрѣшеніе свое, и Богъ проститъ тя, покаяніе твое видѣвъ; и тогда съ правильцемъ причащайся святыхъ тайнъ, держи при себѣ запасный Агнецъ. Аще въ пути или на промыслу, или всяко прилучится кромѣ церкви, вздохни предъ Владыкою, и по вышерѣченному ко брату исповѣдався, съ чистою совѣстію причастися святыни, такъ хорошо будетъ: по постѣ и по правилѣ на коробочку постели платчикъ и свѣчку зажги, и въ сосудцѣ водицы маленько, да на ложичку почерпни и часть тѣла Христова съ молитвою въ воду на ложку положи, кадиломъ вся покади; поплакавъ, глаголи молитву всю: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго» (писано въ чинѣ причащенія); потомъ, падше на землю предъ образомъ, прощеніе проговори и, возставъ, образы поцѣлуй; и прекрестясь, съ молитвою причастися, и водицею запей и паки Богу помолись:—«ну слава Христу!» хотя и умрешь послѣ того, ино хорошо: полно про то говорить, и сами знаете, что доброе добро.

Стану про бабъ говорить опять. Взялъ Пашковъ бѣдныхъ вдовъ отъ меня, бранить меня вмѣсто благодаренія. Онъ чаялъ: Христосъ просто положить, ино стали пуще и стараго бѣситься; заперъ ихъ въ пустую избу, ино никому приступу нѣтъ къ нимъ; призвалъ къ нимъ чернаго попа, а онѣ его дровами бросаютъ,—и поволокся прочь. Я дома плачу, а дѣлать не вѣдаю что; приступитъ ко двору не смѣю: больно сердитъ на меня; тайно послалъ къ нимъ воды святыя, велѣлъ ихъ умыть и напоить и имъ бѣднымъ легче стало: прибрели сами ко мнѣ тайно, и я помазалъ ихъ во имя Христова масломъ, такъ опять далъ Богъ стали здоровы и опять домой пошли, да по ночамъ ко мнѣ прибѣгали тайно молитъ-

ся Богу. Изрядныя дѣтки стали, играть перестали и правильца держаться стали; на Москвѣ съ боярынею въ Вознесенскомъ монастырѣ вселились. Слава о нихъ Богу!

Таже съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратились къ Русь; пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робяты и подъ рухлядишко далъ двѣ клячки, а самъ и протопица брѣли пѣшии, убивающися о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирныя; отстать отъ людей не смѣемъ и за лошадыми итти не поспѣемъ; голодные и томные люди; протопица бѣдная бредеть бредеть да и повалится, скользко гораздо; въ иную пору бредучи, повалилась, а иной томной же человекъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричить: «матушко государыня! прости!» а протопица: «что ты, батько, меня задавилъ?» Я пришелъ. На меня бѣдная пѣняетъ, говоря: «долголи муки сея, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна! до самая смерти». Она же, вздохня, отвѣчала: «Добро, Петровичъ; ино еще побредемъ».

Курочка у насъ черненька была, по два яичка на день приносила робяти на пищу божіимъ повелѣніемъ, нуждѣ нашей помогаая; Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, въ то время удавили по грѣхомъ, и нынѣча жаль мнѣ курочки той, какъ на разумъ придетъ. Ни курочка, ни то чудо было: во весь годъ по два яичка давала, сто рублей при ней плюново дѣло! жалю! И та курочка, одушевленное божіе твореніе, насъ кормила, и сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или, и рыбки прилучится, и рыбку клевала и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава Богу, вся сотворившему благая! И не просто она намъ и досталася. У боярыни куры всѣ переслѣпли и мереть стали, такъ она, собравше въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала; чтобъ-де батько пожаловалъ, помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея, надобны ей куры; молебень пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ ней все отослалъ. Курки божіимъ мановеніемъ изцѣлѣли и исправилися по вѣрѣ ея. Отъ того то племени и наша курочка была, да полно того говорить:

у Христа не сего дня такъ повелось. Еще Косма и Даміанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали и цѣлили о Христѣ. Богу вся надобна: и скотинка и птичка во славу его пречистаго Владыки, еще и человѣка ради.

Таже поволоклись паки на Иргень озеро. Боярыня пожаловала, прислала сковородку пшеницы, и мы куты наѣлись. Кормилица моя была Евдокія Кириловна, а и съ нею діаволь ссорилъ сице: сынъ у нея былъ Свмеонъ, тамъ родился; я молитву давалъ и крестилъ, на всякъ день присылали ко мнѣ по благословеніе и я, крестомъ благослова и водою покропя, поцѣловавъ его, паки его отпускаю: дитя наше здорово и хо-рошо. Не прилучилось меня дома, занемогъ младенецъ. Смалодушничавъ она и осердясь на меня, послала ребенка къ шептуну мужику. Я, свѣдавъ, осердился же на нее и межъ нами прѣ велика стала быть; младенецъ пуще занемогъ; рука правая и нога засохли, что батожки. Въ зазоръ пришла; не вѣдаетъ, что дѣлать, а Богъ пуще угнетаетъ. Ребеночекъ на кончину пришелъ; пѣстуны, ко мнѣ приходя, плачутъ, а я говорю: «коли баба лиха, живи же себѣ одна.» И ожидаю покаенія ея. Вижу, яко ожесточилъ діаволь сердце ея; припаль ко Владыкѣ, чтобъ образумилъ ее. Господь же премилостивый Богъ умягчилъ ниву сердца ея; прислала на утро сына средняго ко мнѣ Ивана: со слезами просить прощенія матери своей, ходя и кланяясь около печи моей; а я лежу подъ берестомъ нагъ на печи, а протопопица въ печи, а дѣти кое гдѣ; въ дождь прилучилось: одежды не стало; а зимовье каплетъ: всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «вели матери прощенія просить у Арееы колдуна.» Потомъ и больного принесли; велѣла больного предъ меня положить: и всѣ плачутъ и кланяются. Я су всталъ, добылъ въ грязи патрахль и масло священное нашель; помоля Бога и покадя младенца, помазалъ масломъ и крестомъ благословилъ. Ребенокъ, Богъ далъ, и опять здоровъ сталъ съ рукою и съ ногою. Водою святою его напоилъ и къ матери послалъ. Виждь, слышателю: покаеніе матери колику силу сотвори: душу свою извращевала и сына исцѣлила. Чему быть? не сего дни кающихся есть Богъ! На утро прислала намъ рыбы да пироговъ; а намъ то голоднымъ надобѣ, и съ тѣхъ мѣсть помирились.

Выѣхавъ изъ Дауръ, умерла маленькая на Москвѣ, я и погребаль въ Вознесенскомъ монастырѣ. Свѣдалъ то и самъ Пашковъ про младенца, она ему сказала. Потомъ я къ нему пришелъ и онъ, поклоняся низенько мнѣ, а самъ говорилъ: «Спаси Богъ! отечески творишь, не помнишь нашего зла.» И въ то время пищи довольно прислалъ, а опослѣ того вскорѣ хотѣлъ меня пытатъ, слушаешъ за что. Пускалъ онъ сына своего Еремѣя въ мунгальское царство воеватъ, козаковъ съ нимъ 72 человекъ да иноземцевъ 20 человекъ; и заставилъ иноземца шаманить, сирѣчь гадать: удастли ся имъ и съ побѣдою ли будутъ домой. Волхвъ же той мужикъ, близъ моего зимовья, привелъ барана живаго въ вечеръ и учалъ надъ нимъ волхвовать, вертя его много и голову прочь отвертѣлъ и прочь отбросилъ. И началъ скакатъ, и плясать, и бѣсовъ призыватъ и, много кричавъ, о землю ударилсѣ, и пѣна изъ рта пошла; бѣсы давили его, а онъ спрашивалъ ихъ: «удастся ли походъ?» И бѣсы сказали: «съ побѣдою великою и съ богатствомъ большимъ будетъ назадъ.» И воеводы рады; и всѣ люди, радуясѣ, говорятъ: «богаты прїѣдемъ!» Охъ! души моей тогда горько и нынѣ не сладко. Пастыръ худой погубилъ своя овцы, отъ горести забылъ реченное во Евангелїи, егда Зеведѣевичи на поселянъ жестокихъ совѣтовали: «Господи! хочещи ли речевъ, да огонь снидетъ съ небесе и потрѣбитъ ихъ, якоже Илїя сотвори? обращаешъ же Исусъ рече имъ: не вѣсте, коего духа есте вы: сынъ бо человѣческїй не прїиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти; и идоша во ину весь.» А я окаянный сдѣлалъ не такъ. Въ хлѣвинѣ своей кричалъ съ воплемъ ко Господу: «Послушаешъ мене, Боже! послушаешъ мене, Царю Небесный! свѣтъ! послушаешъ мене! да не возвратитсѣ вспять ни единъ отъ нихъ и гробъ имъ тамъ устроиши всѣмъ! приложи имъ зла, Господи! приложи имъ и погибель имъ наведи, да не сбудетсѣ пророчество діавольское!» И много того было говорено, и втайнѣ о томъ же Бога молилъ. Сказали ему, что я такъ молюсь, и онъ лишь излаялъ меня. Потомъ отпустилъ съ войскомъ сына своего; ночью поѣхали по звѣздамъ. Въ то время жалъ мнѣ ихъ: видитъ душа моя, что имъ побитымъ быть, и самъ таки на нихъ погибели молю; иные, приходя, прощауютсѣ ко мнѣ, а я имъ

говорю: «погибнете тамъ.» Какъ поѣхали, лошади подъ ними заржали вдругъ, и коровы тутъ взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли. Ужасъ на всѣхъ напалъ. Еремѣй вѣсть со слезами ко мнѣ прислалъ: «чтобы батюшка государь помолился за меня;» и мнѣ его стало жаль, а и другъ мой тайный былъ и страдалъ за меня. (Какъ меня кнутомъ отецъ его билъ, и сталъ разговаривать отцу, такъ онъ со шпагою погнался за нимъ. А какъ пріѣхали послѣ меня на другой порогъ на Падунъ, 40 дощениковъ всѣ прошли въ ворота и его Аванасіевъ дощеникъ, — снасть добрая была, и казаки всѣ 600 промышляли о немъ и не могли взвести: взяла силу вода, паче же реки, Богъ наказалъ: стащило въ воду всѣхъ людей, а дощеникъ на камень бросило; вода чрезъ его льется, а въ него нейдетъ: чудо, какъ Богъ безумныхъ учитъ! Онъ самъ на берегу, боярыня въ дощеникъ, и Еремѣй сталъ говорить: «батюшко! за грѣхъ наказуетъ Богъ, напрасно протопопа того кнутомъ тѣмъ избилъ; пора покаяться, государь!» Онъ же рыкнулъ на него, яко звѣрь, и Еремѣй, къ соснѣ отклонясь, прижавъ руки, а самъ *Господи помилуй* говоритъ. Пашковъ же, ухватя у малаго калещатую пищаль, никогда не лжетъ, приложася на сына, курокъ спустилъ, и божіею волею осѣклася пищаль. Онъ же и въ третіе также сотворилъ, пищаль и въ третій осѣклася же; онъ ее на землю и бросилъ. Малой, поднявъ, на сторону спустилъ, такъ и выстрѣлила. А дощеникъ иначе на камени подъ водою лежитъ. Сълъ Пашковъ на стулъ, шпагою подперся, задумався и плакать сталъ, а самъ говорить: «согрѣшилъ, окаянный; пролилъ кровь неповинну, напрасно протопопа билъ, за то меня наказуетъ Богъ.» Чудно, чудно по писанію, яко *косенъ Богъ во гнѣвъ, и скоръ на послушаніе*. Дощеникъ самъ, покаенія ради, сплылъ съ камени и сталъ носомъ противъ воды; потянули, и онъ взбѣжалъ на низкое мѣсто тотчасъ. Тогда Пашковъ, призвалъ сына къ себѣ, промолвилъ ему: «прости Еремѣй: правду ты говоришь!» Онъ, прискоча, поклонився отцу, и рече: «Богъ тебя, государь, проститъ; я предъ Богомъ и предъ тобою виновать.» И, взявъ отца подъ руку, и повелъ; гораздо Еремѣй разуменъ и добръ человекъ; ужъ у него и своя сѣда борода,

а гораздо почитаетъ отца, и боится его. Да по писанію и надобѣ такъ: Богъ любить тѣхъ дѣтей, которые почитаютъ отца. Виждь, слышателю: не страдалъ ли насъ ради Еремѣй, паче же ради креста и правды его? а мнѣ сказывалъ кормщикъ его Аѳанасьева дощеника, тутъ былъ, Григорій Шальной. На первое возвратимся). — Отъ меня отошли, поѣхали на войну; жаль стало Еремѣя мнѣ; сталъ Владыкѣ докучать, чтобъ его пощадилъ. Ждали ихъ съ войны, не бывали на срокъ; а въ тѣ поры Пашковъ меня и къ себѣ не пускалъ. Во единъ отъ дней учредилъ застѣнокъ и огонь расклатъ, хочеть меня пытать; я ко исходу душевному и молитвы проговорилъ; вѣдаю его стряпанье: послѣ огня того мало у него живутъ; и самъ жду по себя и, сидя, женѣ плачущей и дѣтямъ говорю: «Воля Господня да будетъ! аще живемъ, Господеви живемъ; аще умираемъ, Господеви умираемъ.» А се и бѣгутъ по меня два палача. Чудно дѣло Господне и неизреченны судьбы Владычни! Еремѣй раненъ самъ другъ дорожкой мимо избы и двора моего ѣдетъ и палачей вскрикалъ и съ собою воротилъ; онъ, Пашковъ, оставя застѣнокъ, къ сыну своему пришелъ, яко пьяной съ кручины. И Еремѣй, поклоняся съ отцемъ, вся ему подробну возвѣщаетъ: какъ войско у него побии все безъ остатку, и какъ его увелъ иноземець отъ мунгольскихъ людей по пустымъ мѣстамъ, и какъ по каменнымъ горамъ въ лѣсу, не ядше, блудился 7 дней, одну съѣлъ бѣлку; и какъ моимъ образомъ человекъ ему во снѣ явился и на путь выбрелъ. Егда онъ отцу рассказываетъ, а я пришелъ въ то время поклониться имъ. Пашковъ же, возведъ очи свои на меня, — слово въ слово медвѣдь морской бѣлой, жива бы меня проглотилъ, да Господь не выдастъ, — вздохня, говоритъ: «такъ то ты дѣлаешь? людей тѣхъ погубилъ столько?» А Еремѣй мнѣ говорилъ: «батюшко! поди, государь, домой молча, для Христа;» я и пошелъ.

Десять лѣтъ онъ меня мучилъ или я его, не знаю; Богъ разбереть въ день вѣка. Переменная ему пришла, а мнѣ грамота: велѣно ѣхать на Русь. Онъ поѣхалъ, а меня не взялъ умышлялъ въ умъ своемъ: «хотя де и одинъ поѣдетъ, и его де убьютъ иноземцы.» Онъ въ дощеникахъ со оружіемъ и людьми уплылъ, а слышалъ я, ѣдучи, отъ иноземцевъ: дро-

жали и боялись; а я мѣсяць спустя послѣ сего, набравъ старыхъ и больныхъ и раненыхъ, кои тамъ негодны, чловѣкъ съ десятокъ, да я съ женою и дѣтьми, 17 насъ чловѣкъ, въ лодку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поѣхали, аможе Богъ наставитъ, ничего небаяся. Книгу Кормчую далъ прикащику, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ да друга моего Василя выкупилъ, который тамъ при Пашковѣ на людей ябедничалъ и крови проливалъ, и моя голова искалъ: въ иную пору, бивши меня, на колъ было посадилъ, да еще Богъ сохранилъ; а послѣ Пашкова хотѣли его казаки до смерти убить, и я выпросилъ у нихъ Христа ради, а прикащику выкупъ далъ, на Русь его вывезъ отъ смерти къ животу; пускай его бѣднаго либо покаются о грѣсѣхъ своихъ. Да и другаго такова же увезъ замотая; сего не хотѣли мнѣ выдать, и онъ ушелъ въ лѣсъ отъ смерти и, дождався меня на пути, плачучи кинулся мнѣ въ корбасъ; ано за нимъ погоня, дѣтъ стало негдѣ; я су, простите, своровалъ: яко Раавъ блудница во Іерихонѣ Ісуса Навина людей, спряталъ его, положи на дно въ суднѣ и постелю накинулъ и велѣлъ протопопцѣ и дочери лечь на него; вездѣ искали, а жены моей съ мѣста не тронули, лишь говорятъ: «матушка! опочивайте; итакъ ты государыня горя натерпѣлася.» А я, простите, Бога ради,—лгалъ въ тѣ поры и сказывалъ: «нѣту его у меня,» — не хотя его на смерть выдать. Поискавъ, пошли ни съ чѣмъ, и я его на Русь вывезъ. Старецъ да и рабъ Христовъ! простите же меня, что я лгалъ тогда. Каково вамъ кажется не велико ли мое согрѣшеніе? При Раавъ блудницѣ она, кажется, также сдѣлала; да писаніе ее похваляетъ за то, и вы, Бога ради, поразсудите: буде грѣхотворно я учинилъ, и вы меня простите; а буде церковному преданію не противно, ино и такъ ладно. Вотъ вамъ и мѣсто оставилъ, припишите своею рукою мнѣ, и женѣ моей, и дочери или прощеніе или епитимію, понеже мы за одно воровали, — отъ смерти чловѣка ухоронили, ища его покаянія къ Господу. Судите же такъ, чтобы насъ Христось не сталъ судить на страшномъ судѣ сего дѣла; припишите же чтонибудь. (Старецъ: «Богъ да проститъ тя и благословитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, и подружію твою Анастасію и дщерь ва-

шу и весь домъ вашъ: добро сотворили есте и праведно, Аминь). Добро, старецъ: спаси Богъ на милостынѣ; полно того.

Прикащикъ же мучки гривенокъ съ 30 далъ, да коровку, да овечекъ съ 5, 6, мяско, засуша; и тѣмъ лѣто питалися, пло-вучи. Доброй прикащикъ человекъ, дочь у меня Ксенію крестилъ, еще при Пашковѣ родилась, да Пашковъ не далъ мнѣ мѣра и масла, такъ некрещена долго была; послѣ его крестилъ, я самъ женѣ своей и молитву говорилъ и дѣтей крестилъ съ кумомъ съ прикащикомъ, да дочь моя большая кума, а я у нихъ попъ. Тѣмъ же образомъ и Аванасья сына крестилъ и, обѣдню на Мезени служа, причастилъ и дѣтей своихъ, исповѣдывалъ и причащалъ самъ же, кромѣ жены своей. Есть о томъ въ правилахъ: вѣлно такъ дѣлать; а что запрещеніе, то отступническое, и то я о Христѣ подъ ноги кладу, и клятвою тою, дурно молвить, гузно тру; меня благословляютъ московскіе святители Петръ, и Алексѣй, и Іона, и Филиппъ; я по ихъ книгамъ вѣрую Богу моему чистою совѣстію и служу, а отступниковъ отвращаюся и кляню: враги они божи, не боюсь я ихъ, со Христомъ живучи; хотя на меня каменіе наладутъ, я со отеческимъ преданіемъ и подъ каменіемъ лежу, не только подъ шпыньскою воровскою, никоніанскою клятвою. Охъ! и что много говорить? плюнуть на дѣйство то и службу то ихъ, да и на книги тѣ ихъ новоизданныя, такъ и ладно будетъ! Станемъ говорить, какъ уго-дить Христу и пречистой Богородицѣ, а про воровство ихъ полно говорить. Простите, Никоніаны, что избранилъ васъ; живите, какъ хотите; стану опять первое горе говорить, какъ вы меня жалуете, подбиваете.

20 лѣтъ ужъ прошло, еще бы хотя столько же Богъ пособилъ мучиться отъ васъ, ино бы и было съ меня о Господѣ Богѣ и Спасѣ нашемъ Іусѣ, а за тѣмъ сколько Христось дастъ только и жить. Полно того и такъ далеко забрелъ; на первое возвратимся.

Поѣхалъ изъ Дауръ, стало пищи скудаты и съ братією Бога помолили и Христось далъ намъ и зубра, большого звѣря, тѣмъ и до Байкалова доплыли. У моря русскихъ людей наѣхало, станица соболиная рыбу промышляетъ; рады миленькіе

намъ и, съ корбасомъ насъ съ моря ухватя, далеко на гору несли. Терентьюшко съ товарищи плачуть миленькіе, глядя на насъ, а мы на нихъ; надавали пищи, сколько намъ надобно, — осетровъ съ 40 свѣжихъ передъ меня привезли, а сами говорятъ: «Вотъ, батюшко, на твою часть Богъ въ запорѣ намъ далъ; возьми себѣ всю». Я, поклонясь имъ, рыбу благословя, опять имъ велѣлъ взять: «на что мнѣ столько?» Погостя у нихъ, изъ нужды запасцу взялъ; лодку починя и парусъ скропавъ, черезъ море пошли. Погода окинула на морѣ, и мы гребли перегреблись. Не больно въ томъ мѣстѣ широко, или со 180 верстъ. Егда къ берегу пристали, возсталъ буря вѣтренная, и на берегу на силу и мѣсто обрѣли отъ волнъ; около его горы высокія: 20,000 верстъ и больше волочился, а не видалъ такихъ нигдѣ; на верху ихъ палатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменна и двory, все богодѣлано. Лукъ на немъ растетъ и чеснокъ, больше романовскаго луковицы, и сладокъ зѣло; тамъ же растутъ и конопли богорасленные, а во дворахъ травы красныя и цвѣты, и благовоны гораздо, птицъ зѣло много—гусей, лебедей, по морю яко снѣгъ плавають; рыба въ немъ: осетры и таймени, стерляди и омули, и сиги и прочихъ родовъ много; вода прѣсная, и нерпы и заиды великія въ немъ, въ океанѣ морѣ большомъ. Живучи на Мезени, такихъ не видалъ; а рыбы зѣло густо въ немъ, осетры и таймени жирны гораздо, нельзя жарить на сковородѣ: жиръ все будетъ. И все то у Христа того свѣта надѣлано для человѣкъ, чтобъ, упокояся, хвалу Богу воздавалъ; а человѣкъ, суетъ который уподобится, дніе его яко снѣгъ преходятъ; скачетъ, яко козель; раздувается, яко пузырь; гнѣвается, яко рысь; съѣсть хочетъ, яко змія; ржетъ, зря на чужую красоту, яко жребя; лукавствуетъ, яко бѣсъ; насыщаяся довольно, безъ правила спитъ, Бога не молитъ; отлагаетъ покаяніе на старость и потомъ исчезаетъ; не вѣмъ, камо отходитъ,—или во свѣтъ, или во тьму: день судный ко-еждо явить. Простите мя; азъ согрѣшихъ паче всѣхъ человѣкъ.

Тоже въ русскіе грады приплылъ и уразумѣлъ о церкви, яко ничтоже успѣваетъ; но паче молва бываетъ. Опечалаясь, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповѣдую ли слово божіе,

или скрьюся гдѣ? Жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопопица моя приступи ко мнѣ со опрятствомъ и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Азъ же подробну извѣстихъ: «Жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ; говорить ли мнѣ или молчать? связали вы меня!» Она же мнѣ говоритъ: «Господи помилуй! Что ты Петровичъ говоришь? Слыхала я, ты же читалъ апостольскую рѣчь: *«привязался ли женѣ не ищи разрѣшенія; егда ошрѣшишися, тогда не ищи жены;»* азъ ты и съ дѣтьми благословляю, дерзай проповѣдати слово божіе по прежнему, а о насъ не тужи, дондеже Богъ изволить; тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай; силенъ Христосъ и насъ не покинуть. Поди, поди въ церковь, Петровичъ! обличай блудную еретическую!» Я су ей за то челомъ и, отряси отъ себе печальную слѣпоту, началъ по прежнему слово божіе проповѣдати и учити по градомъ и вездѣ, еще же и ересь никоновскую со дерзновеніемъ обличалъ.

Въ Енисейскѣ зимовалъ и паки, лѣто плывши, въ Тобольскѣ зимовалъ и, до Москвы ѣдучи, по всѣмъ городамъ и по селамъ, въ церквахъ и на торгахъ, кричалъ, проповѣдуя слово божіе, и уча и обличая безбожную лесь. Та же пріѣхалъ къ Москвѣ. Три годы ѣхали изъ Дауръ, а туда волокся пять лѣтъ противъ воды; на востокъ все везли, промежду иноземскихъ ордъ и жилищъ; много про то говорить.—Бывалъ и въ иноземскихъ рукахъ: на Оби, великой рѣкѣ, предо мною 20 человекъ погубили христіанъ; а, надо мною думавъ, да и отпустили совсѣмъ. Паки на Иртышѣ рѣкѣ собраніе ихъ стоитъ: ждуть березовскихъ нашихъ съ дощеникомъ и побить; а я, не вѣдаючи, и пріѣхалъ къ нимъ; и, пріѣхавъ, къ берегу присталъ. Они съ луками и обскочили насъ, и я су, вышедъ, обниматься съ ними, что съ чернцами, а самъ говорю: «Христосъ со мною и съ вами той же!» И они до меня добры стали и жены своя къ моей женѣ привели; жена моя такъ же съ ними лицемѣрится, какъ въ мірѣ лесь совершается; и бабы удобрились, и мы то уже знаемъ: какъ бабы бываютъ добры, такъ и все о Христѣ бываетъ добро. Спрятали мужики луки и стрѣлы своя; медвѣдей я у нихъ накупилъ да и отпустили меня. Пріѣхалъ въ Тобольскъ, сказываю: ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь Башкир-

цы съ Татарами воевали тогда. И я, уповаю на Христа, ѣхалъ посредѣ ихъ. Пріѣхавъ въ Верхотурье, Иванъ Богдановичъ Камынинъ, другъ мой, дивится же мнѣ: «какъ ты, протопопъ, проѣхалъ?» И я говорю: «Христосъ меня пронесъ и Пречистая Богородица провела; я не боюсь никого, только Христа боюсь».

Таже къ Москвѣ пріѣхалъ и, яко ангела божія пріиша мя, Государь и бояра всѣ мнѣ рады. Къ Θεодору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учалъ говорить много: три дни и три ноци домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставитъ велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: «здорово ли де, протопопъ, живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ». И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «Живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что повелитъ Богъ». Онъ же миленькой вздохнулъ да и пошелъ, куда надобъ ему; и иное кое что было, да что много говорить? прошло уже то. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: «благослови де меня и помолися о мнѣ»; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тоже и вси бояра послѣ его челомъ да челомъ: «Протопопъ! благослови и молися о насъ». Какъ су мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль! о су видишь, каковы были добры, давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ, и въ духовники звали, чтобъ я съ ними соединился въ вѣрѣ. Азъ же вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа пріобрѣщу, и смерть поминая, яко вся сія мимоидеть. А се мнѣ въ Тобольскѣ въ тонцѣ снѣ возвѣщено: «блюдиися отъ мене, да не полма разтесанъ будеши». Я вскочилъ и палъ предъ иконою въ ужасѣ велицѣ, а самъ говорю: «Господи! не стану ходить, гдѣ по новому покоуть, Боже мой!» Былъ я у заутрени въ соборной церкви на царевнины именины, шаловалъ съ ними въ церкви той при воеводахъ да съ пріѣзду смотрилъ у нихъ просфиромисанія дважды или трижды, въ алтарь у жертвенника стоя; а самъ имъ ругался, а какъ при-

выкъ ходить, такъ и ругаться не сталъ, что жаломъ, духомъ антихристовымъ и ужалило было. Такъ меня Христось свѣтъ попужалъ и рече ми: «По толикомъ страданіи погибнуть хо-щещи? блюдися, да не полма разсѣку ты». Я ко обѣдни не пошелъ, и обѣдать ко князю пришелъ и вся подробну имъ возвѣстилъ. Бояринъ, миленькой князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ плакать сталъ. И мнѣ, окаянному, много столько божія благодаренія забыть? Егда въ Даурахъ я былъ на рыбномъ промыслѣ, къ дѣтямъ пойду зимою, по озеру бѣжалъ на базлукахъ (тамъ снѣгу не живетъ, морозы велики живутъ и льды толсты намерзають, близко человѣка толщины); — пить мнѣ захотѣлось, и гораздо отъ жажды томимъ, идти не могу, среди озера сгало, воды добыть нельзя: озеро верстъ восемь; сталъ, на небо взирая, говорить: «Господи, источивый изъ камня воду въ пустыни людемъ, жаждущему Израилю, тогда и днесъ Ты еси! напои мене, имиже вѣси судьбами, Владыко Боже мой!» Охъ горе! не знаю, какъ молвить; простите, Господа ради: кто есмь азъ, умерый песь? Затрещаль ледъ предо мною и разступился чрезъ все озеро сюду и сюду, и паки снидесе гора велика льду стала и, дондеже ураженіе бысть, азъ сталъ на обычномъ мѣстѣ и, на востокъ зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя господне краткими глаголы изъ глубины сердца. Оставилъ мнѣ Богъ прорубку маленьку и я, падше, насытился; и плачу и радуюся, благодаря Бога; потомъ и пролубка содвинулася, и я, возставъ, поклоняся Господеви, паки побѣжалъ по льду, куда мнѣ надобѣ къ дѣтямъ. Да и въ прочіи времена въ волокидѣ моей такъ часто у меня бывало. Идучи или нарту волоку, или рыбѣ промышляю, или въ лѣсу дрова сѣку, или ино что творю, и самъ правило въ тѣ поры говорю, вечерню и заутреню или часы, — что прилучится; — а буде въ людехъ бываетъ неизворотно и станемъ на стану, а не по мнѣ товарищи, правила моего не любятъ, и, идучи, мнѣ нельзя было исполнить: и я, отступя людей, подъ гору или въ лѣсъ, коротенько сдѣлаю: побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да такъ и обѣдаю. А буде же по мнѣ люди, и я на сошкѣ складеньки поставлю, правильца поговорю, иные со мною молятся, а иные кашку варятъ; и въ саняхъ ѣдучи, въ воскресные дни, на подворь-

яхъ всю церковную службу пою; и въ рядовые дни, въ санихъ ѣдучи, пою; а бывало и въ воскресные дни, ѣдучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя немножко а таки поворчу; якоже тѣло алчуще жаелаетъ ясти и жаждуще жаелаетъ пити: тако и душа, отче мой Елифаніе, брашна духовнаго жаелаетъ, не гладь хлѣба, ни жажда воды погубяетъ человека, но гладь велій человеку, еже, Богу не моляся, жити.

Бывало, отче, въ Даурской землѣ,—аще не соскучите послушать съ рабомъ тѣмъ христовымъ, азъ грѣшный и то възвѣщу вамъ,—отъ немощи и отъ глада великаго изнемогъ въ правилѣ своемъ; всего мало стало, токмо павечерные псалмы да полунощницу, да часъ первый, а больше того ничего стало; такъ, что скотинка, волочусь; оправилъ томъ тужу, а принять его не могу, а се уже и ослабѣлъ. И нѣкогда ходилъ въ лѣсъ по дрова, и безъ меня жена моя и дѣти, сидя на землѣ у огня, дочь съ матерію обѣ плачуть; Аграфена, бѣдная моя горемыка, была еще не велика тогда. Я пришелъ изъ лѣсу; зѣло ребенокъ рыдаетъ; связавшуся языку его, ничего не промолвить, мычить къ матери, сидя; мать, на нее глядя, плачетъ; и я отдохнуль и съ молитвою приступивъ къ робяти, рекль: «О имени господни повелѣваю ти,—говори со мною, о чемъ плачешь!» Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: «Не знаю кто, батюшко государь, во мнѣ сидя, свѣтленекъ, за языкъ—отъ держалъ меня и съ матушкою не далъ говорить; я того для плакала, а мнѣ онъ говорить: «скажи отцу, чтобы онъ правило по прежнему правилъ, такъ на Русь всѣ опять выѣдете; и буде правила не станеть править, о немъ же онъ и самъ промышляетъ, то здѣсь всѣ умрете и онъ съ вами же умреть.»» Да иное кое что въ тѣ поры ей сказано было, какъ указъ по насъ будетъ, и сколько друзей первыхъ на Руси наѣдемъ: все такъ и сбилось. Мнѣ Пашкову... говорить, чтобъ и онъ вечерни и заутрени пѣлъ, такъ Богъ ведро дастъ и хлѣбъ родится, а то были дожди безпрестанно, ячменцу было сѣяно небольшое мѣсто за день или за два до Петрова дня, тотъ часъ выросъ, да и сгнилъ было отъ дождей. Я ему про вечерни и заутрени сказаль, онъ и сталъ такъ дѣлать; Богъ ведро далъ и хлѣбъ тотъ часъ поспѣлъ. Чудо таки! Сѣянь поздно,

а поспѣлъ рано! Да и паки бѣднѣй коварничать сталь о бо-
жѣемъ дѣлѣ: на другой годъ поспѣялъ было много, да дождь
необыченъ изліяся и вода изъ рѣки выступила и потопила
ниву да и все размыла, и жилища наша размыла; а до того
николи вода тутъ не бывала, а иноземцы дивятся. Видь:
какъ поругалъ дѣло божіе и пошелъ странною, такъ и Богъ къ
нему страннымъ гнѣвомъ, сталь смѣяться первому тому извѣ-
щенію. На послѣдокъ ребенокъ—де ѣсть захотѣлъ и такъ пла-
калъ, и я су съ тѣхъ мѣсть за правило схватился да и по ся
мѣсть тянусь по маленьку. Полно о томъ бесѣдовать, на
первое возвратимся. Намъ надо бы вся сія помнить и не за-
бывать: всякое дѣло божіе не класть въ небреженіе и про-
сто, и не мѣнять на прелесть сего суетнаго вѣка.

Паки реку московское дѣло. Видяты они, что я не соеди-
няюся съ ними; приказалъ Государь уговаривать мене Родіо-
ну Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: Царь
то есть отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаеяль ли-
бо по маленьку и справится, а се посудили мнѣ Симеонова
дни сѣсть на печатномъ дворѣ, книги править и я радъ силь-
но: мнѣ то надобно лучше и духовничества. Пожаловалъ, ко
мнѣ прислалъ 10 рублевъ денегъ, царица 10 рублевъ денегъ, Лу-
ка, духовникъ, 10 рублевъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ
же, а дружище наше старое Ѳеодоръ Ртищевъ тотъ и 60 руб-
левъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть, а про
иныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащитъ да несетъ всячи-
ною. У свѣта моей и Ѳеодосія Прокофьевны Морозовы не вы-
ходя жилъ во дворѣ, понеже дочь мнѣ духовная; и сестра
ея, княгиня Евдокія Прокофьевна дочь же моя. Свѣты мои,
мученицы христовы! И у Анны Петровны Милославскія по-
койницы всегда же въ дому былъ; и къ Ѳеодору Ртищеву
браниться съ отступниками ходилъ, да такъ то съ полгода
жилъ. Да вижу, яко церковное ничтоже успѣваетъ, но па-
че молва бываетъ,—паки заворчалъ, написалъ царю мно-
гошько паки, чтобъ онъ старое благочестье взыскалъ и мати
нашу общую, святую церковь, отъ ереси оборонилъ и на
престоль бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ
вмѣсто волка и отступника, Никона, злодѣя и еретика. И
егда письмо изготавилъ, занемоглось мнѣ гораздо; и я вы-

слалъ царю на переѣздѣ съ сыномъ своимъ духовнымъ, съ Ѣеодоромъ Юродивымъ, — что послѣ отступники удавили его Ѣеодора на Мезени, повѣся его на висѣлицу.—Онъ же съ письмомъ приступилъ къ царевѣ каретѣ со дерзновѣніемъ, и царь велѣлъ его посадить и съ письмомъ подѣ красное крыльцо: не вѣдалъ, что мое. А опосля, взявши у него письмо, велѣлъ его отпустить; и онъ покойникъ, побывавъ у меня, паки, въ церковь предѣ царя пришедъ, учалъ юродствомъ шаловать. Царь же, осердясь, велѣлъ въ Чудовъ монастырь отслать. Тамъ Павелъ архимандритъ и желѣза на него положилъ, и божіею волею желѣза распалися на ногахъ предѣ людьми; онъ же, покойникъ свѣтъ, въ хлѣбнѣ той послѣ хлѣбовъ въ жаркую печь влѣзъ и голымъ гузномъ сѣлъ на подѣ и, крошки въ печи собираючи, ястъ: такъ чернцы ужаснулись и архимандриту сказали, что нынѣ Павелъ митрополитъ. Онъ же и царю возвѣстилъ, и царь, пришедъ въ монастырь, честно велѣлъ его отпустить. Онъ же паки ко мнѣ пришелъ, и съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиновать сталъ: не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. И власти яко козлы пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже ради Христа многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: «власти—де на тебя жалуются, церкви—де ты запустилъ: поѣдь—де въ ссылку опять»—сказывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повезли на Мезень; надавали было кое что во имя христово люди добрые много, да и все осталось тутъ; токмо съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы повезли. По городамъ паки людей божіихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень. Полтора года державъ, паки одного къ Москвѣ взяли да два сына ео мною Иванъ да Проконій, съѣхали же, а протопопца и прочіи на Мезени остались всѣ. А привезши къ Москвѣ, отвезли подѣ началъ въ Пафнутевъ монастырь; и туда присылка была, тоже да тоже говорить: «долго ли тебѣ мучить насъ? соединишь съ нами, Аввакумушко!» Я отрицался, что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою

написалъ и послалъ съ діакономъ ярославскимъ съ Косьмою и съ подьячимъ двора патріарша. Козма той,—не знаю, коего духа человекъ,—въ явѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сице говоря: «Протопопъ! не отступай ты стараго того благочестія; великъ ты будешь у Христа человекъ, какъ до конца претерпишь; не глади на насъ, что погибаемъ мы». И я ему говорилъ супротивъ, чтобъ онъ паки приступилъ ко Христу; и онъ говорилъ: «нельзя! Никонъ опуталъ меня»;—просто молвить, отрекся предъ Никономъ Христа, такъ уже обѣдной не можетъ встать. Я заплакалъ, благословилъ его горюна, больше того мнѣ нечего съ нимъ дѣлать; вѣдаетъ то Богъ, что будетъ ему.

Таже, проживъ 10 недѣль въ Пафнутьевѣ на печи, взяли меня паки на Москву и въ крестовой стяжашася власти со мною: ввели меня въ соборный храмъ и стригли по переносѣ меня и діакона Θεодора, потомъ опроклинали, а я ихъ проклиналъ супротивъ: зѣло было ми тяжело въ обѣдню ту. И, подержавъ на патріарховѣ дворѣ, повезли насъ ночью на Угрѣшу, къ Николѣ въ монастырь. И бороду враги божіи отрѣзали у меня; чему быть? волки то есть: не жалѣютъ овецъ, оборвали, что собаки, одинъ хохоль оставили, что у Поляка на лбу. Везли не дорогою въ монастырь, болотами да грязью, чтобъ люди не вѣдали: сами видятъ, что дуруютъ, а отстать отъ дурна не хотятъ; омрачилъ діаволь: что на нихъ и пѣнять? Не имъ было, а быть же было инымъ; писанное время пришло по Евангелію: *Нужда соблазномъ пріити*, а другой глаголетъ Евангелистъ: *Невозможно соблазномъ не пріити; но горе тому, имъ же приходитъ соблазнъ*. Видь, слышатель: необходимая наша бѣда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попускаетъ Богъ, даже избранніи будутъ, даже разжегутся, даже убѣлятся, даже искусніи явлени будутъ въ васъ. Выпросилъ у Бога свѣтлую Россію сатана, да очервенить ю кровію мученическою. Добро ты, діаволь, выдумалъ, и намъ то любо Христа ради, нашего свѣта, пострадать.

Держали меня у Николы въ студеной палаткѣ 17 недѣль. Тутъ мнѣ божіе присѣщеніе бысть; чти въ царевѣ посланіи, тамо обрящещи. И царь приходилъ въ монастырь, около темницы моя походилъ и, постанавъ, опять пошелъ изъ монас-

тыря; кажется по тому, и жаль ему меня, да что воля божія такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время великое нестроение вверху у нихъ бысть съ царицею съ покойницею: она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня; о томъ много говорить: Богъ ихъ простить! Я своего мученія на нихъ не спрашиваю ни въ будущей вѣкъ, молился мнѣ подобаеть о нихъ о живыхъ и о преставльшихся; диаволь между нами разсѣченіе положилъ, а они всегда добры до меня. Полно того.

И Воротынской бѣдной князь Иванъ тутъ же безъ царя молиться пріѣзжалъ и ко мнѣ просился въ темницу; ино не пустили горюна; я лишь, въ окно глядя, поплакалъ на него; миленькой мой боится Бога, сиротинка христова: не покинетъ его Христось. Всегда таки онъ христовъ да нашъ человекъ и всѣ бояра те до насъ добры, одинъ диаволь лихъ, что вѣтъ сдѣлаешь, коли Христось попустилъ? Князя Ивана миленькаго Хованскаго и батожьемъ били, какъ Исаяю сожгли, а боярню ту Федосью Морозову и совсѣмъ разорили, и сына у нея уморили и ее мучать, и сестру ея Евдокію, бивше батогами, и отъ дѣтей отлучили и съ мужемъ развели; и его князя Петра Урусова на другой-де женили, да что вѣтъ дѣлать? Пускай ихъ миленькихъ мучать; небеснаго жениха достигнутъ; всяко то Богъ перепроводитъ вѣкъ сей суетный и присвоить къ себѣ женихъ въ небесный чертогъ свой, праведное солнце, свѣтъ, упованіе наше! Паки на первое возвратимся.

По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна, держали годъ безъ мала. Тутъ келарь Никодимъ сперва добръ до меня былъ, а бѣдной больше тогоже табаку испилъ, что у Газскаго митрополита выняли напоследокъ 60 пудовъ да домру, да инья тайныя монастырскія вещи, что пограбивше творять; согрѣшилъ, простите, не мое то дѣло, то вѣдаетъ онъ, своему владыкѣ стоитъ или падаетъ. Къ слову молвилось то. У нихъ были любимые законоучители; у сего келаря Никодима попросился я на великъ день для праздника отдохнуть, чтобъ велѣлъ, дверей отворя, на порогъ посидѣть; и онъ меня наругалъ и отказалъ жестоко, какъ ему захотѣлось. И потомъ въ келію пришелъ, разболѣлся, масломъ соборовали и

причащали и тогда сегда вздохнетъ. То было въ понедѣльникъ свѣтлой и противъ въ нощи вторника приде къ нему мужъ во образѣ моемъ, съ кадиломъ въ ризахъ свѣтлыхъ и, показивъ его и за руку взявъ, воздвигнулъ и бысть здоровъ. И притече ко мнѣ съ келейникомъ ночью въ темницу. Идучи, говоритъ: «Блаженна обитель: таковыя имѣетъ темницы! блаженна темница: таковыхъ имѣетъ страдальцевъ! блаженны и узы!» И палъ предо мною, ухватился за чепъ и говоритъ: «прости, Господа ради; прости, согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою: оскорбилъ тебя и за сіе наказа мя Богъ.» И я говорю: «Какъ наказаль? повѣждь ми.» И онъ паки: «И ты де самъ, приходя и покадя меня, пожаловаль и подняль, что де забираешься.» А келейникъ, тутъ же стоя, говоритъ: «Я, батюшко государь, тебя подъ руку вывелъ изъ кельи да и поклонился тебѣ; ты и пошелъ сюда.» А я ему заказаль, чтобъ людямъ не сказываль о тайнѣ сей. Онъ же со мною спрашивался, какъ ему жить впредь по Христъ: или де мнѣ велишь въ пустыню идти? Азъ же его, понаказавъ, и не велѣль ему келарства покидать, токмо бы хотя втай держаль старое преданіе отеческое. Онъ же, поклонясь, отъиде къ себѣ и на утро за трапезою всей братіи сказаль. Людіе же безпрестанно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословенія и молитвы отъ меня; а я ихъ учу отъ писанія и пользую словомъ божіимъ; въ тѣ времена и врази кои были, и тѣ примирились тутъ. Увы! коли оставлю суетный сей вѣкъ? Писано: *«Горе ему же рекуть добре вси челоувѣцы;»* воистину не знаю, какъ до краю доживать, добрыхъ дѣлъ нѣтъ, а прославилъ Богъ; то вѣдаетъ Онъ, воля Его.

Тутъ же пріѣзжалъ ко мнѣ втай съ дѣтьми своими Теодоръ покойникъ, удушенной мой и спрашивался со мною: «какъ де прикажешь мнѣ ходить, въ рубашкѣ ли по старому или въ платьѣ облещися? Еретики де ищутъ, погубить меня хотять. Быль-де я на Рязани подъ началомъ у архіепископа на дворѣ и зѣло де онъ Иларіонъ, мучилъ меня: рѣдкой день коль плетми не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держаль, принуждая къ новому антихристову таинству; и я де уже изнемогъ, въ нощи моляся, плачу, говорю: «Господи! аще не избавишь мя, осквернятъ меня и погибну; что тогда мнѣ сотворишь!»

и много плачучи говорилъ; а и де вдругъ, батюшко, желѣза всѣ грянули съ меня и дверь и отперлась и отворилась сама. Я де, Богу поклонясь, да и пошелъ; къ воротамъ пришелъ, и ворота отворены; я де по большой дорогѣ къ Москвѣ напрямикъ; егда де разсвѣтало, ино погоня на лошадяхъ, трое человекъ мимо меня пробѣжали, не увидѣли меня; я де надѣюсь на Христа, бреду таки впередъ; по малѣ-де они ѣдутъ на встрѣчу ко мнѣ, лають меня: «ушелъ-де блядинъ сынъ, гдѣ его возьмешь?» Да и опять-де пробѣжали, не видали меня. И я де нынѣ къ тебѣ спроситься прибрелъ, туда ль мнѣ опять мучиться пойти или, платье вздѣвъ, жить на Москвѣ?» И я ему, грѣшной, велѣлъ вздѣть платье и однако не ухоронилъ отъ еретическихъ рукъ, — удавили на Мезени, повѣся на висѣлицу. Вѣчная ему память и съ Лукою Лаврентьевичемъ! Дѣтушки миленькіе мои! пострадали за Христа: слава Богу о нихъ! Зѣло у Феодора того крѣпокъ подвигъ былъ; въ день юродствуетъ, а ночь всю на молитвѣ со слезами; много добрыхъ людей знаю, а не видалъ подвижника. Пожилъ у меня съ полгода на Москвѣ, а мнѣ еще не моглося, — въ задней комнатѣ двое насъ съ нимъ: и много часъ другой полежить да и встанетъ, тысячу поклоновъ отбросаетъ да сядетъ на полу, а иное стоя, часа съ три плачетъ, а я таки лежу, иное сплю, а иное не можется; егда ужъ наплачется гораздо, тогда ко мнѣ приступить: «долго ли тебѣ, протопопъ, лежать того? образумься, вѣдь ты попъ: какъ сорома нѣтъ?» И мнѣ не можется, такъ меня подымаетъ, говоря: «встань, миленькой батюшко!» Ну таки вытащить какъ нибудь меня; сидя, мнѣ молитвы велитъ говорить, а онъ за меня поклоны кладетъ: то-то другъ мой сердечной былъ! Скорбенъ миленькой былъ съ перетуги великія: черевъ изъ него вышло въ одну пору три аршина, а въ другую пору пять аршинъ, а кишки перемѣряетъ: и смѣхъ съ нимъ и горе! На Устюгѣ 5 лѣтъ безпрестанно мерзъ на морозѣ босъ, въ одной рубашкѣ, — я самъ сему самовидецъ. Тутъ мнѣ учинился сынъ духовной: какъ я изъ Сибири ѣхалъ, у церкви въ палатку прибѣгалъ, молитвы ради, сказывалъ: «какъ де отъ мороза въ теплѣ томъ станешь, батюшко, отходить, зѣло-де въ тѣ поры тяжело бываетъ; по кирпичю тому ногами тѣми стучаетъ, что кагань-

емъ; а на утро опять не болятъ.» Псалтырь у него тогда была новыхъ печатей въ кельѣ, маленько еще зналъ о новизнахъ. И я ему подробно рассказалъ про новыя книги; онъ же, схвативъ книгу, тотъ часъ въ печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну: зѣло у него во Христа вѣра горяча была; да что много говорить? какъ началъ, такъ и кончалъ; не на басняхъ проходилъ подвигъ, не какъ я окаянный, того ради и скончался боголѣпнѣ.

Хорошъ былъ и Аванасьюшко, сынъ же мнѣ духовный, во иноцѣхъ Авраамій, что отступники на Москвѣ въ огнѣ испекли, и яко хлѣбъ сладокъ принесеса святѣй Троицѣ. До иночества бродилъ босикомъ же въ одной рубашкѣ и зиму и лѣто, только сей Θεодора посмирнѣе и въ подвигѣ маленько покороче. Плакать зѣло же былъ охотникъ: и ходить и плачетъ, и съ кѣмъ молвить, у него слово тихо и сладко, яко плачетъ. Θεодоръ же ревнивъ гораздо былъ и зѣло о дѣлѣ божіи болѣзненъ: всяко тщится разорити и обличити неправду; да пускай ихъ! Какъ жили, такъ скончались, о Христвъ Ісусъ Господъ нашемъ. Еще вамъ побесѣдую о своей волокитнѣ. Какъ привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ и поставили на подворьѣ, и волоча многажды въ Чудовъ поставили предъ вселенскихъ патріарховъ и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли; отъ писанія съ патріархами говорилъ много, Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и посрамилъ ихъ Христось. Послѣднее слово ко мнѣ рекли: «что де ты упрямя; вся де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ де тремя персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣмъ персты; такъ не подобаетъ.» И я имъ о Христвъ отвѣщаль сице: «Вселенстїи учителїе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе пестро; отъ насилїя Турскаго Магмета, немощни есте стали; и впредъ прїѣзжайте къ намъ учиться; у насъ божїею благодатїю самодержство, до Никона отступника въ нашей Россїи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь не мятежна. Никонъ волкъ съ діаволомъ предали тремя персты креститься, а первые наши пастыри, яко же сами двѣма персты крестились и

благословляли по преданію святыхъ отецъ нашихъ Мелетія Антиохійскаго, Θεодорита, блаженнаго епископа Кипрскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека; еще же и московскій помѣстный бывшій соборъ при царѣ Иванѣ, такъ же слагая персты, креститися и благословляти повелѣваетъ, яко же прежній святіи отцы Мелетій и прочіи научиша. Тогда при царѣ Иванѣ быша знаменосцы Гуріе и Варсонофіе, казанскіе чудотворцы, и Филиппъ, соловецкій игумень, отъ святыхъ русскихъ.»

—И патріархи задумалися и наши, что волченки, завыли, облевать стали на отцевъ своихъ, говоря: «глупы де были и не смыслили наши русскіе святые; неученые де люди были: чему имъ вѣрить? они де грамотѣ неумѣли!» О Боже святой! како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія? Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечего стало: побранилъ ихъ, сколько могъ и послѣднее слово рекъ: «Чистъ есмь азъ и прахъ, прилѣпшій, отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: *лучше единъ творяй волю Божію, нежели тьмы беззаконныхъ.*»

Такъ на меня и пуще закричали: «возьми, возьми его: всѣхъ насъ обезчестилъ;» да толкать и бить меня стали. И патріархи сами на меня бросились, человекъ съ 40 ихъ, чаю, было,—велико антихристово войско собралось. Ухватилъ меня Иванъ Уваровъ, да потащилъ, и я закричалъ: «Постойте, не бейте!» Такъ они всѣ отскочили и я толмачу архимандриту говорить сталъ: «Говори патріархомъ: Апостолъ Павелъ пишетъ: *такоже намъ подобаше архіерей преподобенъ, незлобивъ и проч...*, а вы, убивши человека, какъ литоргисать станете?» Такъ они сѣли; я отшелъ ко дверямъ да на бокъ повалился: «посидите вы, а я полежу»: говорю имъ. Такъ они смѣются: «дуракъ де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ;» а я говорю: «мы уроди Христа ради; вы славни, мы же безчестни; вы сильны, мы же немощны.» Потомъ паки пришли ко мнѣ власти и про аллилуіа стали говорить со мною, и мнѣ Христостъ подалъ, посрамилъ въ нихъ римскую ту блядь Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего въ началѣ речено. И Евфимей, чудовской келарь, молвилъ: «Правъ де ты, нечего де намъ больше того говорить съ тобою;» да и повели меня на чепъ; потомъ полуголову царь прислалъ со стрѣльцами и повели меня на Воробьевы горы.

Тутъ же священникъ Лазарь и инокъ Епифаній старецъ острижены и обруганы что мужички деревенскіе, миленькіе! умному человѣку поглядѣть, да лишь заплакать, на нихъ глядя; да пускай они терпятъ! что о нихъ тужить? Христось и лучше ихъ былъ да тоже ему свѣту нашему было отъ прадѣковъ ихъ, отъ Анны и Каіафы; а нынѣшнихъ и дивить нечего: съ образца дѣлають; потужить надобно о нихъ бѣдныхъ! Увы бѣдные Никоніане! погибнете отъ своего злаго и непокориваго нрава!

Потомъ съ Воробьевыхъ горъ перевели насъ на Андреевское подворье, таже въ Савину слободку; что за разбойниками стрѣльцовъ войско за нами ходитъ и срать провожаютъ; и смѣхъ и горе, какъ то омрачилъ діаволь!

Таже къ Николѣ на Угрѣшу; тутъ государь присылалъ ко мнѣ голову Юрья Лутохина, благословенія ради, и кое о чемъ много говорили. Таже опять везли насъ въ Москву, на Никольское подворье и взяли у насъ о правовѣрїи еще сказки; потомъ ко мнѣ комнатные люди многожды присыланы были, Артемонъ и Дементій,—и говорили мнѣ царевымъ глаголомъ: «Протопопъ! вѣдаю де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе; прошу де твоего благословенія и съ царицею и съ чады: помолися о насъ»:—кляняючися, посланникъ говоритъ, и по немъ всегда плачу; жаль мнѣ сильно его, и паки онъ же: «пожалуй де, послушай меня; соединишь со вселенскими тѣми, хотя не большимъ чѣмъ.» И я говорю: «аще и умрети ми Богъ изволить, со отступниками не соединюся. Ты,—реку,—мой царь, а имъ до тебя какое дѣло? своего,—реку,—царя потеряли, и тебя проглотить сюды приволоклися. Я,—реку,—не сведу съ высоты небесныя рукъ, дондеже Богъ тебя отдасть мнѣ.» И много тѣхъ присылокъ было кое о чемъ говорено; послѣднее слово рекъ: «гдѣ де ты не будешь, не забывай насъ въ молитвахъ своихъ.» Я и нынѣ, грѣшный, елико могу, Бога молю о немъ. Таже, братію казня, а меня не казня, сослали въ Пустозерье. И я изъ Пустозерья послалъ къ Царю два посланія, первое невелико, а другое больше; кое о чемъ говорилъ, сказалъ ему въ посланіи и богознаменія нѣкая, показанная мнѣ въ темницахъ; тамо чтый да разумѣеть. Еще отъ меня и отъ братіи діаконово списаніе послано

въ Москву, правовѣрнымъ гостинца: книга *ответъ православному* и обличеніе на отступническую блудню; писана въ ней правда о догматѣхъ церковныхъ. Еще же и отъ Лазаря священника посланы два посланія царю и патриарху, и за вся сія присланы къ намъ гостинцы.

Повѣсили на Мезени въ дому моемъ двухъ челоуѣкъ, дѣтей моихъ духовныхъ, прежде реченнаго Θεодора Юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабовъ христовыхъ. Лука то московскій жилецъ, у матери вдовы сынъ былъ одиночаденъ, усмарь чиномъ, юноша лѣтъ въ полтретьядцать: пріѣхаль на Мезень по смерть съ дѣтьми моими. И егда бысть въ дому моемъ всегубительство, спросилъ его пилать: «Какъ ты мужикъ крестишься?» Онъ же отвѣща смиренномудро: «Я такъ вѣрую и крещуся, слагая персты, какъ отецъ мой духовный, протопопъ Аввакумъ!» Пилать же повелѣ его въ темницу затворити, потомъ положи петлю на шею, на релѣхъ повѣсилъ. Онъ же отъ земныхъ на небесная вниде; больше того что ему могутъ сдѣлать? Аще и младъ, да по старому сдѣлалъ, пошелъ самъ ко Владыцѣ. Хотя бы и старой такъ догадался!

Въ тѣ же поры и сыновъ моихъ родныхъ двоихъ, Ивана и Прокопія, велѣно же повѣсить; да они бѣдные оплошали и не догагались вѣнцевъ побѣдныхъ ухватити; испугався смерти, повинились, такъ ихъ и съ матерію троихъ въ землю живыхъ закопали. Вотъ вамъ и безъ смерти смерть! Кайтесь, сидя, дондеже діаволь иное что умыслить! Страшна смерть, недивно! Нѣкогда и другъ ближній Петръ отрекся и, ишедъ вонъ, плакася горько, и слезъ ради прощенъ бысть; а на робять и дивить нечего; моего ради согрѣшенія попущено имъ изнеможеніе; да уже добро! быть тому такъ! Силенъ Христосъ всѣхъ насъ спасти и помиловати!

По семъ той же полуголова Иванъ Елагинъ былъ и у насъ въ Пустозерѣ; пріѣхавъ съ Мезени, и взялъ у насъ сказку; сиче речено: *годъ и мѣсяцъ* и паки: «мы святыхъ отецъ преданіе держимъ неизмѣнно, а палестинскаго патриарха съ товарищи еретическое соборище проклинаемъ», и иное тамъ говорено многоныко и Никону, заводчику ересемъ, досталось небольшое мѣсто. По семъ привели насъ къ плахѣ, и, прочетъ, назадъ меня отвели, не казня въ темницу. Чли въ наказѣ:

«Аввакума посадить въ землю въ срубъ и давать ему воды и хлѣба». И я супротивъ того плюнулъ и умереть хотѣлъ, не ядше, и не ялъ дней съ осмь и больше, да братія паки ясть велѣли.

По семъ Лазаря священника взяли и языкъ весь вырѣзали изъ горла; мало пошло крови да и перестала. Онъ же и паки говорить безъ языка; таже, положи правую руку на плаху, по запястье отсѣкли и рука отсѣченная, на земли лежа, сложила сама персты по преданію и долго лежала такъ предъ народы, исповѣдала бѣдная и по смерти знаменіе спасителево неизмѣнно. Мнѣ су и самому сіе чудно! бездушная одушевленныхъ обличаетъ. Я на третій день у него во ртѣ рукою моею щупалъ и гладилъ: гладко все; безъ языка, а не болитъ. Далъ Богъ по временнѣ часъ исцѣлело; на Москвѣ у него рѣзали, тогда осталось языка, а нынѣ весь безъ остатку рѣзанъ. А говорилъ два года чисто, яко и съ языкомъ; егда исполнился два года, иное чудо: въ три дня у него языкъ выросъ совершенной, лишь маленько тупенекъ и паки говорить безпрестанно, хваля Бога и отступниковъ поприца.

По семъ взяли священника пустытника, инока схимника, Епифанія старца и языкъ вырѣзали весь же; у руки отсѣкли четыре перста. И сперва говорилъ гугниво, по семъ молилъ пречистую Богоматерь и показаны ему оба языка московскій и здѣшній на воздухѣ: онъ же, одинъ взявъ, положилъ въ ротъ свой и съ тѣхъ мѣстъ сталъ говорить чисто и ясно, а языкъ совершенъ обретеса во ртѣ. Дивна дѣла господня и неизрѣченны судьбы Владыки! И казнить попускаетъ и паки цѣлить и милуетъ! Да что много говорить? Богъ старый чудотворецъ, отъ небытія въ бытіе приводитъ, все вѣтъ въ день послѣдній всю плоть чловѣчу въ мгновеніи ока воскресить, да кто о томъ разсудити можетъ, Богъ бо то есть: новое творить и старое поновляетъ. Слава ему о всемъ!

По семъ взяли діакона Θεодора: языкъ вырѣзали весь же, оставили кусочикъ небольшой во ртѣ, въ горлѣ накомъ рѣзанъ; тогда на той мѣрѣ и зажилъ, а опослѣ и опять со старой выросъ, изъ-за губы выходитъ, притупъ маленько. У него же отсѣкли руку поперекъ ладони и все, далъ Богъ, стало

здорово, и говорить ясно и чисто противъ прежняго. Также осыпали насъ землю, струбъ въ землѣ и паки около земли другой струбъ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырьмя замками; стражіе же предъ дверьми стражаху темницы. Мы же здѣсь и вездѣ, сидящій въ темницахъ, поемъ предъ Владыкою Христомъ, Сыномъ божіимъ пѣснями, ихъ же Соломонъ воспѣ, зря на мать Вирсавію: *«Се еси добра прекрасная моя; се еси добра любимая моя; очи твоя горятъ, яко пламень огня; зубы твои бѣлы, паче млека; зракъ лица твоего паче солнечныхъ лучъ и вся въ красоту сіяешь, яко день въ силъ своей.»* Таже поѣхалъ пилать отъ насъ; на Мезени достроя, возвратился въ Москву, и прочихъ нашихъ въ Москвѣ жарили да пекли: Исаію сожгли и послѣ Авраамія сожгли и иныхъ поборниковъ церковныхъ многое множество погублено, ихъ же число Богъ изочтетъ. Чудо! какъ то въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ, да кнутомъ да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостолы научили такъ? не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ да кнутомъ да висѣлицею въ вѣру приводить. Но Господемъ реченное ко Апостоламъ сице: *Шедше въ міръ весь проповѣдите Евангеліе всей твари; иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ.* Смотри, слышатель: волею зоветь Христосъ, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жечь и на висѣлицѣ вѣшать. Татарской Богъ Магметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: *«Непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити».* А нашъ Христосъ своимъ ученикамъ никогда такъ не повелѣвалъ, а тѣ учителя явны яко и сами антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предають: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковыже. Писано во Евангеліи: *не можетъ древо добро плодъ золъ творити, ниже древо зло плодъ добръ творити; отъ плода бо всяко древо познано бываетъ.* Да что много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны были вѣнцы; кому охота вѣнчатся, не почто ходить въ Персиду, а то дома Вавилонъ. Нутко, правовѣрне! нарцы имя христово, стань среди Москвы, прекрестися знаменіемъ Спасителя нашего Христа двѣма персты, якоже пріяхомъ отъ

святыхъ отецъ! Вотъ тебѣ царство небесное дома родилось: Богъ благословить, мучая за сложеніе персть; не разсуждай много, а я съ тобою за еже о Христѣ умрети готовъ. Аще я и несмыслень гораздо неученый человекъ, да то знаю, что вся церкви отъ святыхъ отецъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, якоже пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ; не блюди еретикъ не токмо надъ жертвою христовою и надъ крестомъ, но и пелены не вѣшали(?) А то удумали со діаволомъ книги перепечатать, вся перемѣнить, крестъ на церкви и на просфорахъ перемѣнить; внутрь алтаря, молитвы іерейскія откинули; ектеніи перемѣнили, въ крещеніи духу лукавому молиться велятъ. Я бы имъ и съ нимъ въ глаза наплевалъ! И около купели противъ солнца лукавый то ихъ водить, также и церкви святятъ противъ солнца же и бракъ, вѣнчавъ, противъ солнца же водятъ: явно противно творятъ. А въ крещеніи не отрицаются сатаны; чему быть? дѣти его, коли отца своего отрицатися не хотятъ. Да что много говорить? охъ правовѣрной души! вся горная долу быша! Какъ говорилъ Никонъ, адовъ пѣсъ, такъ и сдѣлалъ: «печатай, Арсенъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по старому». Такъ су и сдѣлалъ да больше того нечѣмъ перемѣнить, умереть за сіе всякому подобаеть. Будьте они прокляты окаянные, со всѣмъ лукавымъ замысломъ своимъ и страждущимъ отъ нихъ вѣчная память трижды! По семъ у всякаго правовѣрнаго прощенія прошу: ино было кажется про житіе то мнѣ не надобно и говорить, да прочтохъ дѣянія апостольская и посланія Павлова. Апостоли о себѣ возвѣщали же, егда что Богъ содѣлаеть въ нихъ *не намъ, Богу нашему слава*; а я ничтоже есмь. Рекохъ и паки рекохъ: азъ есмь человекъ грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мытаремъ и грѣшникамъ, и всякому человеку лицемѣръ окаянный; простите же и молитесь о мнѣ, а я о васъ долженъ о чтущихъ и слушающихъ, больше того; жить не умѣю, и что сдѣлаю я, то людямъ и сказываю; пускай Богу о мнѣ молятся, въ день вѣка вси же тамъ познають содѣланная мною или благая или злая. Но аще и не ученъ словомъ, но неразумомъ; неученъ діалектикъ, реторикъ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ,

якоже и Апостоль глаголетъ: *аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ.*

Простите, еще вамъ про невѣжество свое побесѣдую. Ей, сглупилъ, отца своего заповѣдь преступилъ и сего ради домъ мой наказанъ бысть, все Бога ради бысть. Егда еще я попомъ бысть, духовникъ царевъ протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ благословилъ меня образомъ Филиппа, митрополита, да книгою святаго Ефрема Сирина, себя пользоваться прочитая и люди. Азъ же окаянный, презрѣвъ отеческое благословеніе, и приказалъ ту книгу брату двоюродному, по докучаю его на лошадь промѣнялъ. У меня же въ дому былъ братъ мой родной, именемъ Евфимій: зѣло грамотѣ гораздъ и о церкви велико прилежаніе имѣлъ, на послѣдокъ взять былъ къ большой царевнѣ въ верхъ во псаломщика, а въ моръ и съ женою скончался. Сей Евфимій лошадь сію поилъ и кормилъ и гораздо объ ней прилежалъ, презирая правило многажды. И видѣ Богъ неправду въ насъ съ братомъ, — яко неправо по истинѣ ходимъ; я книгу промѣнялъ, отцеву заповѣдь преступилъ; а братъ, правило презирая, о скотинѣ прилежалъ, — изволилъ насъ Владыко сице наказать: и лошадь ту по ночамъ и въ день стали бѣси мучить, всегда мокра и забжжена и еле жива стала. Азъ же недоумѣюся, коея ради вины бѣсъ такъ озлобляетъ насъ. И въ день недѣльный послѣ ужина въ келейномъ правилѣ на полунощницѣ братъ мой Евфимій говорилъ кафизму непорочную и завопи великимъ гласомъ: «призри на мя и помилуй мя!» и испустя книгу изъ рукъ, ударился о землю; отъ бѣсовъ пораженъ бысть, начать кричать и вопить гласы неудобными: понеже бѣси жестоко начаша его мучити. Въ дому же моемъ, иные родные два брата, Косма и Герасимъ, больше его, и не могли удержать его, Евфимія, и всѣхъ домашнихъ челоуѣкъ съ 30, держа его, и рыдаютъ и плачутъ, вопіюще ко Владыкѣ: «Господи помилуй! согрѣшили предъ Тобою прогнѣвали Твою благостыню! прости насъ грѣшныхъ! помилуй юношу сего за молитвы святыхъ отецъ нашихъ!» Азъ же въ то время помощію божіею не смутихся отъ голки тоя бѣсовскія; скончавше правило, паки началъ молиться Христу и Богородицѣ со слезами, глаголя: «Владычице моя, Пресвятая Богородицѣ! покажи, за которое мое согрѣшеніе таковое ми бысть

наказаніе, да, уразумѣвъ, каися предъ сыномъ твоимъ и предъ тобою, впредъ того не стану дѣлать.» И плачучи послалъ въ церковь по требникъ и святую воду сына своего духовнаго Сумеона, — юноша таковъ же, что и Евфимій: лѣтъ 14 дружно межъ себя живуще Сумеонъ со Евфиміемъ, книгами и правиломъ другъ друга подкрѣпляюще и веселящися, живуще оба въ подвигъ крѣпко въ постѣ и молитвѣ. Той же Сумеонъ плакавъ по другѣ своемъ, сходилъ въ церковь и принесъ книгу и святую воду. Азъ же начахъ дѣйствовать надъ обу-реваемымъ молитвы Великаго Василия съ Сумеономъ; онъ мнѣ строилъ кадило и свѣщу, и воду святую подносилъ, а прочіи держали бѣснующагося. И егда въ молитвѣ рѣчь дошла: *азъ ти о имени Господни повелѣваю, душе нлмый и глухій, изыди отъ созданія сего и къ тому не вниди въ него, но иди на пустое мѣсто, идѣже челоуѣкъ не живетъ; но токмо Богъ прозираетъ,* — бѣсъ же не слушаетъ, не идетъ изъ брата. И я паки ту же рѣчь въ другой рядъ, и бѣсъ еще не слушаетъ, пуще мучить брата. Охъ! горе мнѣ! какъ молвить соромъ? и не смѣю и по старцеву Епифаніеву повелѣнію говорю; сиче было: взялъ кадило и покадилъ образы и бѣснаго и потомъ ударился о лавку, рыдавъ на многъ часъ; возставъ же, ту же Василиеву рѣчь закричалъ къ бѣсу: изыди отъ созданія сего! бѣсъ же скорчилъ въ кольцо брата и, прижався изыде, и сѣлъ на окно. Братъ же, бывъ яко мертвъ, азъ же покропилъ его водою святою; онъ же, очняся, перстомъ мнѣ на бѣса, сидящаго на окнѣ, показываетъ, а самъ не говоритъ, связавшуся языку его; азъ же покропилъ водою окно и бѣсъ сошелъ въ жерновный уголь. Братъ же и тамъ его показываетъ; азъ же и тамъ покропилъ водою, бѣсъ же оттолѣ пошелъ на печь. Братъ же и тамъ указываетъ, азъ же и тамъ тою же водою, братъ же указалъ подъ печь и самъ перекрестился, и азъ не пошолъ за бѣсомъ, но напоихъ святою водою брата во имя господне. Онъ же, вздохня изъ глубины сердца, сиче ко мнѣ проглагола: «спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и двухъ князей бѣсовскихъ! будетъ тебѣ бить челоуѣкъ братъ мой Аввакумъ за твою доброту да и мальчику тому, спаси Богъ, который въ церковь по книгу и по воду ходилъ, пособлялъ тебѣ биться

съ ними, подобіемъ онъ, что и Симеонъ же другъ мой, подѣ рѣки Сундовика меня водили и били и сами говорятъ: намъ-де ты отданъ за то, что братъ твой Аввакумъ на лошадь промѣнялъ книгу и де ее любить, такъ де мнѣ надобѣ брату поговорить, чтобъ книгу ту назадъ взялъ и за нее бы далъ деньги двоюродному брату». И я ему говорю: «я реку свѣтъ, братъ твой Аввакумъ». И онъ мнѣ отвѣщаль: «какой ты мнѣ братъ, ты мнѣ батько; отнялъ ты меня у царевича и у князей, а братъ мой на Лопатищахъ живетъ, будетъ тебѣ бить челомъ.» Азъ же паки далъ ему святыя воды, онъ же и судно у меня отнимаетъ и я пополоскалъ и давать сталъ; онъ и не сталъ пить, ночь всю зимнюю простряпалъ. Маленько я съ нимъ полежалъ и пошелъ въ церковь заутреню пѣть; а безъ меня бѣси паки на него напали, но легче прежняго. Азъ же, пришедъ отъ церкви, масломъ его посвятилъ и паки бѣси отъидоша, и умъ цѣлъ сталъ; но дряхлъ бысть, отъ бѣсовъ изломанъ: на печь поглядываетъ и оттолѣ боится, егда куда отлучуся, и бѣсы навѣтовать ему стануть. Бился я съ бѣсами, что съ собаками, недѣли съ три за грѣхъ мой, дондеже взялъ книгу и деньги за нея отдалъ и сходилъ къ другу своему, Иларіону игумену; онъ просвиру вынулъ за брата, тогда добро жжлъ, что нынѣ архіепископъ рязанской, мучитель сталъ христіанской; инымъ духовнымъ я билъ челомъ о братѣ и умолили Бога о насъ грѣшныхъ и освобожденъ бысть отъ бѣсовъ братъ мой. Таково-то зло преступленіе заповѣди отеческой! Что же будетъ за преступленіе заповѣди господня? Охъ! да только огонь да муки; не знаю, дни коротать какъ. Слабоуміемъ объятъ и лицемѣріемъ и лжею покрытъ есмь; братоненавидѣніемъ и самолюбіемъ одѣянъ; во осужденіи всѣхъ чловѣкъ погибаю и, мняся нѣчто быти я, калъ и гной есмь окаянный, прямое говно, отвсюду воняю душою и тѣломъ; хорошо мнѣ жить съ собаками да со свиньями въ конурахъ: также и онѣ воняють, что и моя душа злосмрадною вонею, да свиньи и пси по естеству, а я отъ грѣховъ воняю, яко песь мертвый поверженъ на улицѣ града. Спаси Богъ властей тѣхъ, что землю меня закрыли: себѣ ужъ хотя воняю, злая дѣла творяще, да иныхъ не соблажняю. Ей добро такъ! да и въ темницу то ко мнѣ бѣшеной зашелъ, Кирилушко, московской стрѣ-

лець караульщикъ мой, остригъ его азъ и вымылъ и платье перемѣнилъ, зѣло вшей было много; замкнуты мы съ нимъ двое жили и третій съ нами Христось и Пречистая Богордица. Онъ миленькой бывало сереть и ссытъ подь себя, а я его очищаю; ѣсть и пить просить: а безъ благословенія взять не смѣтъ, у правила стоять не захочеть: діаволь сонъ ему наводитъ, и я постегая четками, такъ и молитву творить станеть и кланяется, за мною стоя. И егда правило скончаю, онъ и паки бѣсноватися станеть, при мнѣ бѣснуется и шалуетъ а, егда ко старцу пойду, посмотрѣтъ въ его темницу и его положу на лавку, не велю ему вставать и благословлю его и, покамѣсть у старца сижу, лежитъ, не встаетъ, Богомъ привязанъ: лежа бѣснуется. А въ головахъ у него образы, и книги, и хлѣбъ, и квасъ и прочая, а ничего безъ меня не тронеть; какъ прійду, встанеть и діаволь мнѣ досаждаеть и блудить заставляеть; я закричу, такъ и сядеть. Егда стряпаю, въ то время ясть просить и украсть тщится до времени обѣда, а егда предъ обѣдомъ *отче нашъ* проговорю и благословлю, такъ того брашна и не ясть, просить неблагословеннаго; и я ему силою въ ротъ напихаю, а онъ и плачетъ, и глотаеть. И какъ рыбою покормлю, тогда бѣсъ въ немъ вздивѣячится и самъ изъ него говоритъ: «ты же де меня ослабилъ»; и я, плакався предъ Владыкою, опять постомъ стягну и окричу его Христомъ, таже масломъ его освятилъ. И отрадило ему отъ бѣса, жилъ со мною съ мѣсяцъ и больше, предъ смертью образумился; я исповѣдалъ его и причастилъ. Онъ же представился миленькой скоро, и я, гробъ купя и саванъ, велѣлъ погребсти у церкви, попомъ сорокоусть далъ, лежалъ у меня мертвый сутки и я, ночью вставъ, помоля Бога, благословя его мертваго и съ нимъ поцѣловався, опять подлѣ его спать лягу: товарищъ мой миленькой былъ. Слава Богу о семъ! Нынѣ онъ, а завтра я также умру!

Да у меня же былъ на Москвѣ бѣшеной, Филиппомъ звали; какъ я изъ Сибири пріѣхалъ, въ избѣ въ углу прикованъ былъ къ стѣнѣ; понеже въ немъ бѣсъ былъ суровъ и жестокъ, гораздо бился и дрался и не могли съ нимъ домочадцы ладить. Егда же азъ грѣшный со крестомъ и съ водою прійду, повинень бываетъ и яко мертвъ падаетъ предъ крес-

томъ христовымъ и ничего не смѣетъ надо мною дѣлать, и молитвами святыхъ отецъ сила божія отгнала отъ него бѣса, но токмо умъ несовершенъ былъ. Феодоръ былъ надъ нимъ юродивой приставленъ, что на Мезени вѣры ради христовы отступники удавили; псалтырь надъ Филиппомъ говорилъ и училъ его Исусовой молитвѣ; а я самъ во дни отлучашеся отъ дому, токмо въ нощи дѣйствовалъ надъ Филиппомъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Феодора Ртищева зѣло печаленъ, понеже въ дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣрѣ и о законѣ; а въ моемъ дому въ то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фотинією между собою побранились, діаволь ссорилъ ихъ ни за что. И я, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ горздо, опечали, согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ ними. Таже бѣсъ вздвѣялъ въ Филиппѣ и началъ чепь ломать, бѣсясь, и кричать неудобно: на всѣхъ домашнихъ нападе ужась и зѣло голка бысть велика. Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотѣлъ его укротити; но не бысть попрежнему: ухватилъ меня и учалъ бить и драть и всяко меня яко паучину терзаеть, а самъ говоритъ: «попалъ ты мнѣ въ руки». Я токмо молитву говорю да безъ дѣлъ не пользуется и молитва; домашніе не могутъ отнять, а я и самъ ему отдался, вижу, что согрѣшилъ: пускай меня бьетъ! Но чуденъ Господь: бьетъ и ничто не болитъ! Потомъ бросилъ меня отъ себя, а самъ говоритъ: «не боюсь я тебя»; мнѣ въ тѣ поры горько стало: «бѣсъ, — реку, — надъ мною волю взялъ». Полежалъ маленько, съ совѣстію собрался; возставъ же, жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощаться со слезами, а самъ ей въ землю кланяся, говорю: «согрѣшилъ, Настасья Марковна! прости мя грѣшнаго!» она мнѣ также кланяется. По семь и съ Фетиньею тѣмъ же образомъ простился; таже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ; человѣкъ было 20: и жена, и дѣти и всѣ, плачучи, стегали; а я говорю: «аще кто бить меня не станетъ да не имать со мною части въ царствіи небеснѣмъ». И они нехотя бьютъ и плачутъ, а я ко всякому удару по молитвѣ. Егда же всѣ отбили и я, возставши, сотворилъ предъ ними прощеніе. Бѣсъ же, видѣвъ

неминучую бѣду, опять вышелъ вонъ изъ Филиппа, и я крестомъ его благословилъ, и онъ по старому хорошъ сталъ и потомъ исцѣлялъ божіею благодатию о Христъ Иисусъ Господь нашъ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

А егда я былъ въ Сибири, туда еще ѣхалъ и жилъ въ Тобольскѣ, привели ко мнѣ бѣшенаго, Θεодоромъ звали; жестокъ же былъ бѣсъ въ немъ: «соблудилъ въ великъ день съ женою своею, наруша праздникъ, — жена его сказывала, — да и взбѣсилъ». И я въ дому своемъ держа мѣсяца съ два, стужалъ объ немъ Божеству: въ церковь водилъ, и масломъ освятилъ и помиловалъ Богъ, здравъ бысть и умъ исцѣлъ. И сталъ со мною на крыло съ пѣть литургію, во время переноса и досадилъ мнѣ; азъ въ то время побилъ его на крыло и въ притворѣ велѣлъ пономарю приковать къ стѣнѣ и онъ, вышатавъ пробои, пуще перваго взбѣсился, въ обѣдню ушелъ на дворъ къ большому воеводѣ и, сундуки разломавъ, платье княгинино на себя вздѣвъ, а ихъ разгонялъ. Князь же, осердясь, многими людьми въ тюрьму оттащили; онъ же въ тюрьмѣ юзниковъ бѣдныхъ всѣхъ перебилъ и печь разломалъ; князь же велѣлъ его въ деревню къ женѣ и дѣтямъ сослать. Онъ же, бродя въ деревняхъ, велики пакости творилъ; всякъ бѣгаетъ отъ него, а мнѣ не дадутъ воеводы осердясь. Я по немъ предъ Владыкою плакалъ всегда. По семъ пришла грамота съ Москвы: велѣно меня сослать съ Тобольска на Лену, великую рѣку. И егда въ петровъ день собрался, въ дощеникъ пришелъ ко мнѣ Θεодоръ цѣлоумень; на дощеникѣ при народѣ покланяется на ноги мои и самъ говорить: «спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что помиловалъ меня! по пустынь-де бѣжалъ третьяго дня, а ты де мнѣ явился и благословилъ меня крестомъ и бѣси-де прочь отбѣжали отъ меня и я пришелъ къ тебѣ поклониться и паки прошу благословенія отъ тебя». Азъ же, на него глядя, поплакалъ и возрадовался о величїи божїи, понеже о всѣхъ насъ печется и промышляетъ. Господь его исцѣлилъ, а меня возвеселилъ. И поуча его, благословя, отпустилъ къ женѣ его и дѣтямъ въ домъ; а самъ поплылъ въ ссылку, моля о немъ Христа, Сына Божїя свѣта, да сохранить его и впредь отъ неприязни. А назадъ я ѣдучи, спрашивалъ про него, и мнѣ сказа-

ли: «преставился—де послѣ тебя, года съ три живучи христіански съ женою и съ дѣтьми»; ино и добро, слава Богу о семъ! Простите меня, старецъ съ рабомъ тѣмъ христовымъ; вы мя понудисте сіе говорить, а однако ужь развякался; еще повѣсть вамъ скажу, какъ въ попахъ еще былъ, тамъ же, гдѣ брата бѣси мучили.

Была у меня въ дому моемъ вдова молодая, давно ужь и имя ей забылъ, помнится Афимьею звали: ходитъ и стряпаетъ и все хорошо дѣлаетъ; какъ станемъ въ вечеръ правило начинать, такъ ее бѣсъ ударить о землю, омертвѣетъ вся, яко камень станетъ и не дышитъ, кажется: растянетъ ея среди горницы и руки и ноги, лежитъ яко мертва. И я о *всеплутую* проговоря, кадиломъ покажу, потомъ крестъ положу ей на голову и молитвы Василиевы въ это время говорю; такъ голова подъ крестомъ и свободна станетъ, баба и заговоритъ, а руки, и ноги и тѣло еще мертво и каменно. И я по рукъ поглажу крестомъ, такъ и рука свободна станетъ; я и по другой, и другая также освободится; и по животу, такъ баба и сядетъ; ноги еще каменны, не смѣю туда крестомъ гладить. Думаю, думаю: и ноги поглажу, баба и вся свободна станетъ. Вставше, Богу помолясь да и мнѣ челомъ, покуда таки ни бѣсъ ни что былъ въ ней много времени такъ въ ней игралъ; масломъ ее святилъ, такъ вовсе отогналъ прочь, исцѣленіе Богъ далъ. А иное два Василия у меня бывали прикованы бѣшеные, странно и говорить про нихъ: калъ свой яли.

А еще сказать ли тебѣ, старецъ, повѣсть? блазновато кажется да было такъ. Въ Тобольскѣ была у меня дѣвица, Анною звали: дочь ми духовная, гораздо о правилѣ прилежала и церковномъ и келейномъ, и всею міра сего красоту вознебрегла. Позавидѣ діаволъ добродѣтели ея, наведе ей печаль о первомъ хозяинѣ своемъ Елизарѣ, у него же возрасла; привезена изъ полону изъ кумыковъ, чистотою дѣвство соблюла и, егда исполнилася плодовъ благихъ, діаволъ окралъ: захотѣла отъ меня отъйти и за перваго хозяина за мужъ пойти и плакать стала всегда. Господь пустилъ на ее бѣса, смиряя ее, понеже и меня не стала слушать ни въ чемъ и о поклонахъ не стала радѣть: егда станемъ правило гово-

рить, она на мѣстѣ станеть, прижавъ руки, да такъ и про-
стоитъ. Видѣ Богъ противленіе ея, послалъ бѣса на нее: въ
правилѣ стоящу ей, да и взбѣсится, и мнѣ бѣдному жаль: крес-
томъ благословлю и водою покроплю, такъ и отступитъ отъ
нея бѣсъ. И многажды такъ бысть. Она же единаче въ бе-
зуміи своемъ и непокорствѣ пребываетъ. Благохитрый же
бѣсъ инако ее наказалъ: задремала въ правилѣ да и пова-
лилась на лавку спать и три дни и три ноши спала, не про-
будаяся; я лишь ее по временамъ кажу спящую, тогда и сегда
вздохнетъ, чаю умереть; въ 4 день очнулась, съла да пла-
четъ; ясть ей дають, не ясть. Егда я правило келейное
скончавъ и домочадцевъ, благословя, распустилъ, паки начахъ
во тѣмѣ безъ огня поклоны класть; она же съ молитвою втай
приступила ко мнѣ и пала на ноги мои. И я, отъ нея отшедъ,
сълъ за столъ; и она, приступя паки къ столу и плачучи,
говорить: «послушай государь! вельно тебѣ сказать». Я сталъ
слушать у нея: «Егда де я въ правилѣ задремала и повали-
лась, приступили ко мнѣ два ангела и взяли меня, и вели
меня тѣснымъ путемъ, и на лѣвой сторонѣ плачь и рыданіе
и гласы умиленны; потомъ—де меня привели во свѣтлое мѣсто
зѣло гораздо красно и показали—де многія красныя жилища и
палаты; а всѣхъ—де краше палата неизреченною красотою
сіяетъ паче всѣхъ и велика гораздо; ввели—де меня въ нее:
ино—де стоятъ столы, и на нихъ послано было, и блюда съ
брашнами стоятъ; по конецъ—де стояло древо кудряво, повѣ-
ваетъ и красотами разными украшено; въ древѣ—де томъ
птичьи гласы слышала я, а топерва—де не могу про нихъ
сказать, — каковы умилны и хороши; а подержавъ же меня,
паки изъ палаты повели и сами говорятъ: «знаешь ли чья
палата сія?» и азъ отвѣщала: «не знаю, пустите меня въ
нее»; они же отвѣщали: «отца твоего, протопопа Аввакума
палата сія: слушай его и живи такъ, какъ онъ тебѣ пока-
зываетъ персты слагать и креститься и кланяться, Богу мо-
лясь, и во всемъ не противься ему, такъ и ты будешь съ
нимъ здѣсь; а буде не станешь слушать, такъ будешь въ
давишнемъ мѣстѣ, гдѣ плаканіе то слышала; скажи же отцу
своему: мы небеси водили тебя, смотри у насъ папорты, бѣси
де не имѣють того, и—я де батюшко, смотрѣла, бѣло у ушей

тѣхъ ихъ». Да и поклонилася мнѣ, прощенія прося; потомъ паки исправилася во всемъ. Егда меня сослали изъ Тобольска, и я оставилъ ее у сына духовнаго; тутъ хотѣла постригтися, а діаволь опять сдѣлалъ по своему. Пошла за Елизара за мужъ и дѣтокъ прижила; и по 8 лѣтѣхъ услышала, что я ѣду назадъ, отпросилася у мужа и постриглася. И какъ за мужемъ была, по временамъ Богъ наказывалъ, бѣсъ мучилъ ея. Егда же азъ въ Тобольскъ пріѣхалъ, за мѣсяць до меня постриглася и принесла ко мнѣ два дѣтища и, положила предо мною робятишекъ, плакала и рыдала, кающася, безстыдно порицая себя. Азъ, предъ челоуѣки смиряя ее, многожды на нее кричалъ, она же прощается во преступленіи своемъ, каяся предъ всѣми; и егда гораздо ее утрудилъ, тогда совершенно простилъ. Въ обѣдню за мною въ церковь вышла и нападе на нее бѣсъ во время переноса, учала кричать и вопить, собакою лаять и козою блекотать, и кукушкою куковать; азъ же сжалихся объ ней: покиня херувимскую пѣснь, взявши отъ престола крестъ и на крылось взошелъ, закричалъ: «Запрещаю ти именемъ господнимъ, полно тебѣ бѣсъ мучить ее; Богъ проститъ ее въ сей вѣкъ и въ будущій». Бѣсъ же изыде изъ нея. Она же притече ко мнѣ и пала предо мною за нюже вину; азъ же крестомъ благослова, и съ тѣхъ мѣсть простилъ, и бысть здрава душею и тѣломъ, со мною и на Русь выѣхала. И какъ меня стригли, въ томъ году страдала съ дѣтьми моими отъ Павла митрополита на патріарховѣ дворѣ вѣры ради и правости закона; довольно волочили и мучили ее; имя ей во иноцѣхъ Агафія.

Ко мнѣ же, отче, въ домъ принашивали матери дѣтокъ своихъ маленькихъ: скорбію одержимы грызною; и мои дѣтки егда скорбѣли во младенчествѣ грызною болѣзнію и я масломъ священнымъ съ молитвою пресвитерскою помажу вся чувства и, на руку масла положи, младенцу спину вытру и шуятки и божію благодатію грызная болѣзнь и минуется во младенцѣ. И аще у кого отрыгнетъ скорбь, и я такъ сотворю, и Богъ совершенно исцѣляетъ по своему челоуѣколюбію. Егда я еще былъ попомъ съ первыхъ временъ, какъ къ подвигу касаться сталъ, бѣсъ меня пуживалъ сице: изнемогла у меня жена гораздо и пріѣхалъ къ ней отецъ духовный; азъ

же изъ двора пошелъ по книгу въ церковь ноцію глубокою, по чему исповѣдаться. И егда на паперть пришлошь, стольникъ до того стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствомъ скачетъ стольникъ на мѣстѣ своемъ. И я, не утрашась, помоляся предъ образомъ, осѣнилъ рукою стольникъ и, пришедъ, поставилъ его и пересталъ играть. И егда въ трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавкѣ въ трапезѣ въ гробѣ стоялъ и бѣсовскимъ дѣйствіемъ верхняя раскрылася доска и саванъ шевелиться сталъ, утрашая меня; азъ, Богу помоляся, осѣнилъ рукою мертвеца и бысть по прежнему все; ано ризы и стихари летаютъ съ мѣста на мѣсто, утрашая меня, азъ же помоляся и поцѣловавъ престолъ, рукою ризы благословилъ и пощупалъ, приступа; а онѣ по старому висятъ, потомъ, книгу взявъ, изъ церкви пошелъ. Таково-то ухищреніе бѣсовское къ намъ! да полно того говорить. Что крестная сила и священное масло надъ бѣшенными и больными не творитъ божіею благодатію? да намъ надобѣ помнить сіе, не насъ ради, не намъ, но имени своему Господь славу даетъ. А я грязь, что могу сдѣлать, аще не Христось? Плакать мнѣ подобаесть въ себѣ; Іуда чудотворецъ былъ, да сребролюбія ради ко діаволу попалъ, и самъ діаволь на небѣ былъ, да высокоумія ради свержень бысть; Адамъ былъ въ раю, да сластолюбія ради изгнанъ бысть и 5500 лѣтъ во адѣ былъ осужденъ. По семъ разумѣя всякъ, да мняйся стояти, блюдется, да ся не падеть; держись за христовы ноги и Богородицѣ молись и всѣмъ святымъ, такъ будетъ хорошо!

Ну, старецъ, моего вяканья вѣдъ много ты слышалъ, о имени господни повелѣваю ти: напиши и ты рабу тому христову, какъ Богородица бѣса того въ рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи те тебя яли за тайное-тъ удѣ, и какъ бѣсо-тъ дрова тѣ сожегъ и какъ келья-то обгорѣла; а въ ней цѣло все; и какъ ты кричалъ на небо-то, да иное что вспомнишь во славу Христу и Богородицѣ. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я осержусь! Любилъ слушать у меня: чего соромишься, скажи хотя немножко: Апостоли Павелъ и Варнава на соборѣ сказывали же во Іерусалимѣ предъ всѣми, елика сотвори Богъ знаменія и чудеса во языцѣхъ съ ними, въ Дѣян. зач. 36 и 42, и величашеся имя

Господа Ісуса, мнози же отъ вѣровавшихъ прихождаху исповѣдающе и сказующе дѣла своя, да и много того найдется въ Апостолѣ и въ дѣяніяхъ. Сказывай не бойся, лишь совѣсть крѣпку держи, не себѣ славы ищи, говоря, но Христу и Богородицѣ. Пускай рабъ христовъ веселится чтучи! Какъ умремъ, такъ онъ почтетъ да помянетъ предъ Богомъ насъ, а мы о чтущихъ и послушающихъ станемъ Бога молить, наши они люди и будутъ тамъ у Христа, а мы ихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

НАРОДНЫЕ СТИХИ.

(Записаны въ с Крутицкомъ спасскаго уезда рязанской губернии И. Т. Глбовымъ).

1. Объ Адамъ.

Возлѣ саду-раю
Христось народился,
Въ Ердани крестился—
И весь міръ обновился,
Адамій освободился.
О вы, дружіе-братья,
Да процвѣтная платья!
Пойдемъ въ божью церковь,
Прдльемъ Богу слезы
На предбудущіе вѣки.
Всего намъ Богъ далъ много;
Кажется, намъ все мало.
Глаза наши завидуци,
Руки загребуци:
Чтò глаза завидятъ,
То руки заграбятъ.
На второй мы судъ пойдемъ,
Ничего съ собой не вѣзъемъ;
Только мы вѣзъемъ
Саванъ-сорочинку,
Приложимъ свои руцѣ
Къ ретивому сердцу;
И предастся наше тѣло

Въ землю червямъ на пропитанье,
И кости наши—землѣ на прибавленье,
А кровь наша—землѣ на смоченье (*).

2. О преданіи Христа Іудею.

Въ четвертокъ, вечеру бывшу,
Жиды совѣтъ сотворили:
Жиды думали, гадали,
Законъ себѣ уставляли.
Юда скоро къ жидамъ течеть,
Да предтечетъ и жидомъ речеть:
«Что вы мнѣ, жидовіе, дадите?
Я предамъ вамъ Сына Божія».
Жиды Юдѣ да глаголють:
«Бери, Юда, сребра много—
И токма много.»
Юда на сребро заглядѣлся,
Своимъ сердцемъ распылался,
Сказалъ: «какъ хлѣбъ онъ соль вмѣчить,
Такъ Юда Христа предасть.»
Господь ученикамъ прорѣчилъ:
Встаньте, ученики, не спите,
Моей страсти посмотрите;
«Встаньте, ученики, не спите,
Моей крови поглядите;
Встаньте, ученики, не спите,
Моей смерти подождите» (**).

(*) Это—вариантъ одного изъ самыхъ старинныхъ нашихъ духовныхъ стиховъ. Въ наибольшей полнотѣ стихъ «объ Адамѣ» помѣщенъ въ Сборн. Варенцова; стр. 40—44.

(**) Вариантъ этого стиха, на малорусскомъ нарѣчій, въ Сборн. Варенцова; стр. 244—245.

3. О пятницу.

Трудился труженикъ божій,
Не имѣлъ ни руками, ни ногами,
Ни ясными очами;
Ему-же пятница явилась,
Свѣчей его освѣтила,
Крестомъ благословила.
Встаньте, отцы и матери,
Среду и пятницу поститесь,
Въ воскресный день Богу молитесь,
Всему міру прославите,
Чтобъ другъ друга любили,
И братъ братомъ почитали,
Младенцевъ жидами не нарѣкали:
Жида у Бога—враги, супостаты,
Христа Бога распинали,
Святую кровь проливали.
Господи, слава Тебѣ!—

ВОСКРЕСЕНІЕ МЕРТВЫХЪ

*обще убо вельмъ будущее, но страждущимъ невинно въ вѣцѣ
семъ блаженно, а обидящимъ гибельно, въ пяти дѣйствіяхъ въ
пользу чающимъ оного показанное въ Киевской Академіи 1747 году
трудомъ іеромонаха Георгія Коньского. 1)*

ПРОЛОГЪ.

Многимъ до злыхъ дѣлъ тое подаетъ причину,
Что не хотятъ помишлять на свою кончину,
Паче же, что по смерти имущи согнати
Сумнятся, какъ то можетъ гной на судъ ожити.
А комѣковъ свойственна должность сичевая,
Еже учить, въ обществѣ нравы представляя.
Тѣмъ въ подлежащемъ дѣлѣ хотимъ изъяснити
Воскресеніе мертвыхъ, имущее быти
Всѣмъ убо безизъятно, однакъ не всѣмъ явно:
Единымъ погибельно, а другимъ преславно.
Внушѣмъ толко охотно дѣйствіе въ притворѣ,
Что когда на всемірномъ явится позорѣ.

ДѢЙСТВІЕ 1.

Явленіе первое.

(Земледѣль, возвратившійся отъ нивъ, сѣмя произрастшихъ понимаетъ о воскресеніи тѣлъ человѣческихъ по подобію зерна, въ земли гнуща и растуша, имѣючемъ бытъ.)

Се нарочно выходилъ ниви оглядати,
Чи будетъ что по лѣтѣ серпомъ пожинати.
Слава Богу! не дармо весну працювали
И долины и горби пашнѣ поровнали;

¹⁾ По рукописи прошлаго вѣка, принадлежавшей Толстому (Отд. VI, № 4), и находящейся теперь въ Императорской Публичной Библиотекѣ (XIV, 0, 2).

Не умерло знать въ землѣ зерна вѣтмало:
 Бо умерло все, да всежь и пооживало.
 Теперь минѣ на память прійшла думка тая,
 Что священникъ говорилъ въ церквѣ, поучая,
 Будто и тѣло наше, хочай гноемъ станеть
 По смерти, но якъ зерно на страшнѣй судъ встанеть.
 Вѣру тому: бо вижу самъ, какъ въ землѣ тлѣють
 Сѣмена, а въ колосѣ растутъ и цѣлѣють.
 Правда, поняти трудно, где бы тое тѣло
 Взялося, которое на порохъ истлѣло;
 Однако кто даетъ зерну стебло, колосъ, ости,
 Той и порохъ обернетъ въ тѣло, въ жили, въ кости.
 Велика твоя сила, создателю Боже!
 Кто тое подлѣнно вѣдати возможе?
 Что буде дѣяться, когда з мертвыхъ встанемъ?
 Такъ ли, якъ стебло къ стеблу, и мы вси досталемъ,
 Равны единъ другому? Невѣжа, не знаю.
 А ось идетъ священникъ, его испитаю.

Явленіе второе.

(Священникъ, путемъ приключшійся, научаеть его о сугубомъ воскресеніи тѣлесъ, сугубаго ради по дѣломъ возданіи, состояніи.)

Землед.

Слово твое я споминѣлъ, ходя коло ниви:
 Что, якъ зерно согнивши, и ми встанемъ живи.
 Но скажи, честнѣй отче, что послѣжди буде?
 Чи, якъ единъ человекъ, встанутъ такъ вси люди?

Священникъ.

Зде въ мѣрѣ всяко живутъ и вмирають всяко
 И на судъ убо божій встанутъ неоднако.
 Иній зде, какъ Богъ велѣлъ, животъ свой проводитъ;
 Другій противно тому въ слѣдъ похотей бродитъ;
 Иній питается, день и ночь работая;
 Другій живетъ, чуждіе труды подая;
 Иній за свое добро терпитъ узы, муки;
 Другій, добро отнявши, и самого въ руки
 Ищеть, какъ би похитить, а когда похитить,

Мучить, донелъ сердце звѣрино наситить,
 Подъ часъ и смерти предасть. И таковы убо
 Людіе, живущіи въ семъ свѣтѣ сугубо,
 Сугубо и встать имуть на судъ тотъ всемірній —
 Инъ какъ пшеница, инъ какъ плевель бездѣлній.
 Знайже, что пшеницею Христось нарицаетъ
 Невинныхъ, а плевеламъ злихъ уподобляетъ.
 А якъ пшеницу свозимъ въ домъ, користи ради,
 Такъ Богъ благихъ заберетъ до своей огради;
 А злимъ тое учинить, что ти въ своемъ домѣ
 Чинишь, якъ некористнымъ плѣвамъ и соломѣ:
 Въ пещь ихъ адску, якъ сноповъ, велить положить,
 Где будутъ съ діаволомъ во вѣки горѣти.
 А тебѣ зде за случай вкратцѣ изьявлю;
 А болше о семъ въ церквѣ поучити маю.

(Земледѣль отходитъ.)

Священникъ.

Слава Богу! не толко нива пажить родить,
 Но и слово божіе въ сердцу людскомъ ходить.
 Сей человекъ о другой жизни помишляетъ:
 Плода убо добрыхъ дѣлъ духъ мой по немъ чаеть.

Клантъ.

Два разы слѣпъ, кто впредь на смерть не взираетъ;
 Два разы глупъ, кто встать по смерти не чаеть.

Посмотри, мой другъ,

На солнечній кругъ:

Въ вечеру заходитъ,

Поутру восходитъ, —

Пойдешь и ти въ тойже слѣдъ.

Війди на степъ и поле, посмотри на нивы,

Испитай, что дѣется съ твоими застывъ:

Гніють зимою,

Растутъ весною,

Такъ и ти истлѣешь,

Послѣжди имѣешь

Ожить по прежнему цѣль.

Ожилъ иногда мертвецъ, чтири дни смердящій;

Скоро испустилъ Христось гласъ животворящій

Въ той же самій товь:
 Изійдѣте вонъ.
 Затрубятъ громкою
 Архангель трубою,
 Всѣхъ насъ зовущи на судъ.

И что жъ то было, когда бѣ на судъ тотъ не встали?
 Безъ мзды бѣ благи, зли бѣ безъ казни остави!
 Будеть убо часъ,
 Когда всякъ отъ насъ
 Воспрійметъ въ награду
 Муку, чи отраду,
 Каждо по своимъ дѣломъ.

ДѢЙСТВІЕ 2.

Явленіе первое.

(Гипомень, страдающій избѣчь отъ рукъ Діоктита обидяща, исповѣдуетъ озлобленія, отъ Діоктита ему приключившіяся, ищетъ же и мѣста, гдѣ би отъ него скритися.)

Ахъ крайне мнѣ бѣдному пришло погибати!
 Не довѣло отъ мене имѣній отнати!
 Не довѣло мя чести у людей лишити!
 Не довѣло весь домъ мой въ конецъ разорити!
 Се уже и самаго женеть мя до гроба
 Діоктитъ немилостивъ, каменна утроба.
 Прошлой ночи утружденъ, толко сталь дремати,
 Набѣгши посланніи начали ломати
 Двери: я, обудившись, не вѣмъ, что чинити,
 Брошусь окномъ, за мною вслѣдъ воплящы дѣти,
 Жена бѣдна осталась и старица мати;
 Надѣюсь, обѣ до узъ мѣсто мене взяти,
 Где жъ мнѣ теперъ подѣтись? гдѣ критися буду?
 Надѣюсь, что пошлетъ слугъ искать мене всюду.
 Ахъ мнѣ бѣда! не хошу, не хошу стояти
 Болшъ съ нимъ въ тяжбѣ, не буду отсель нарицати
 Моимъ власного грунта, нива плодоносна:
 Его, его лѣсъ, его луга сѣнокосна;
 Не моя то мельница, не мой и ставъ чистій,
 Не мой садъ, не отческій,—его вси користи.
 Пушай, прійметъ записи купчихъ и духовныхъ;

Пушай, изгладить мое и единокровныхъ
 Моихъ имя, а свое пишеть, какъ угодно:
 Апеліовать на него уже несвободно.
 Апеліоваль, пока чимъ было просить суду;
 Теперь и кормитися, не маю, откуда:
 Единъ домокъ остался, и тотъ весь разоренъ,
 Безъ огради, безъ воротъ, ни въ чемъ не приборенъ.
 Пусть и тотъ, когда хошетъ, въ грунти свои впишетъ,
 Точию яростию на мя да не дишетъ;
 Пусть мене единою даруетъ душею
 Да матеръ узъ свободить з женою моею.

Явленіе второе.

(Діоктитъ з слугами, налавши на Гипомена, велитъ его въ темницу отвезть; самъ же величается могуществомъ злобы, общается Гипомена убить.)

Діоктитъ.

Се онъ, се соперникъ мой, ловѣте, ловѣте!
 Вяжѣте, куйте, тотчасъ въ темницу всадѣте.

Гипоменъ.

За что вязать и ковать, гвалтъ ратуйте, люде!
 Виновать ли въ чемъ тебѣ, судъ на тое буде....

Діоктитъ.

Будетъ, снодѣйся! Скоро ведѣте въ темницу,
 Приставте стрещи его стражей четверицу.
 Что онъ мнѣ судъ говоритъ? вѣтъ онъ тое знаетъ,
 Что Діоктитъ при судѣ и самъ засѣдаетъ:
 Начнетъ на мя челомъ быть, буду отрѣшненій;
 Да будутъ судить мои единомысленны.

Не могутъ ли тѣ сдѣлать ему волокити?
 Не знаютъ ли правъ къ моей части накрутити?

А буди бы сталъ на мя апеліовать вышше,
 И въ вяшшемъ судѣ маю патроновъ излишше;

Пушай только кто схошетъ правду защищати,
 (Показуетъ кошелекъ.)

А се мой Юда малой можетъ доказати:
 Ослѣплю очы дармы, руки плѣню мздою,
 Хоть бы онъ былъ и святій, потягнетъ за мною.
 (Съ гнѣвомъ говоритъ.)

Или якъ маю тую денгу рсточати,
 А съ Харпакомъ безчестно на судъ стояти?

Лучше прибу его въ смерть, а тое самое
 За голову заплачу, а хочай и вдвое.
 Не стою о тысящу: и другіи знати
 Будуть, какъ Діоктиту грунтовъ не вступати.

Кантъ.

Какъ внѣшній міръ сей зрится человѣку,
 Хотѣлъ бы съ нимъ жити до вѣку:
 Но изволь разсудить,
 Какъ съ тѣмъ вѣкъ заложить,
 Кой и самъ кончится.

Вся, елика въ немъ намъ суть пожеланна,
 Вся кратка, вся непостоянна,
 На всяку годину
 Приемлють измѣну.

И кто имъ увѣрится?
 Взишу ли въ немъ славы,
 Власти иль державы;
 Но когда смерть прійдетъ,
 Тогда ли снѣдетъ
 Слава въ гробъ со мною?
 Тогда, сій во гною,
 Кимъ имѣю владѣти?

Красоту ли тѣла
 Возлюблю до зѣла?
 Едали вѣчна
 Тварь краснолична!
 Когда плоть увянетъ,
 Сама кость останетъ,
 Сладколи на ню зрѣти?

Аще ли красни созижду полати,
 Аки бы вѣкъ въ нихъ обитати;
 Но какъ ихъ лишуся
 И въ гробъ преселюся,
 Кому та по мнѣ будутъ?

Дружину ли вѣрну возимѣю,
 Чадами ли разбогатѣю?
 Но и тіи самы,
 Точію до ямы
 Проведши, мя забудутъ.

Или мнѣ со скоты
 Угождати плоти?
 Начну ли до сласти
 Пити да ясти,
 Но се болшъ послѣди
 Черву будутъ снѣды
 Отъ чрева утученна.
 Составлю ли лики
 Всякъ день до музыки?
 Но въ день ли остатній
 Будетъ пріятній
 Гласъ трубы ужасній,
 Шумъ и трескотъ страшній
 Міра, огнемъ зажженна?
 Убо мнѣ лучше съ міромъ попрощатся,
 Всѣхъ его прелестей остатся:
 Богатства лукава,
 Зискъ, честь и слава
 Пушай съ нимъ погибаетъ!
 Лутше отъ міра къ Богу приступити,
 Малъ часъ сей ему послужити;
 А онъ человекъ
 Дати въ ономъ вѣку
 Вся вѣчна обѣщаетъ.
 Терпѣмъ въ сей жизни
 Бѣди, укоризни,
 Всю напасть и вражду,
 Алчбу и жажду:
 Пушай наситимся,
 Пушай насладимся
 Безконечно о Бозѣ.
 Сѣймо, не стужаси,
 Слезы по вся часи:
 Прійдетъ рукояти
 Радости взяти;
 Тогда пожнемъ тая,
 Неослабѣвая,
 Въ небесномъ чертозѣ.

ДѢЙСТВІЕ 3.

Явленіе первое.

(Терпѣнія лице просить Бога Гипомену отъ бѣды освобожденія, Діоктиту же отмщенія.)

О Боже правосуде, создателю вѣковъ
 Призирающій на вся дѣла человѣковъ!
 Призри на Гипомена и безчеловѣчна
 Діоктита и увидь ихъ дѣла различна.
 Той, отъ юности въ страсть твоемъ воспитанній,
 А сей отъ млада навикъ всякихъ злодѣяній;
 Той, что имѣлъ, чрезъ труды имѣлъ непрестанни;
 Сей, что имать, отъ татбы, имать и обмани;
 Той послѣднего нишимъ не жалѣлъ укруха,
 А сей не любитъ бѣдвихъ прошаковъ и духа;
 Той никому никакой не здѣлалъ обиди,
 Сей обидилъ братію, племя и сосѣды,
 Паче же прочихъ сего Гипомена бѣдна
 Обралъ, ограбылъ, знишилъ до руба послѣдна,
 Нынѣ еще сверхъ того въ узилищахъ мучить,
 Пока, время избравши, мукамы удручить.
 Боже! Ти правда вѣчна, твой нелицемѣренъ
 Судь есть, самъ во всѣхъ своихъ Ти словесѣхъ вѣренъ,
 Ти общалъ всѣмъ воздать достойную мѣру—
 Зло злымъ, благымъ благо, комуждо по дѣлу:
 Чему на Діоктита не послеси молній?
 Чему не изліеши токъ щедротъ доволній
 На Гипомена? или поне въ нагороду
 Дажь отъ рукъ мучителя, даждь ему свободу.

Явленіе второе.

(Отрады лице общаетъ, что прошеніе его не въ сей, но въ грядущій вѣкъ вскорѣ будетъ: приспѣвшей разю обомъ Гипомену и Діоктиту смерти, до избитка исполнится.)

И дѣла обомъ зрить окомъ недремлющимъ,
 И гласъ твой слухомъ слышитъ Богъ вездѣ присущій.
 Обаче, чего просишь, не имать ти дати;
 Дастъ конечно, но нужно мало почекати,
 Праведно опредѣлилъ злимъ воздати злая;
 Обаче яко отецъ, чадамъ не желая

Гибели, толко терпить даже до кончини,
 Аось престанеть грѣшникъ отъ своихъ безчиній:
 Не радуется бо Богъ, какъ кто погибаетъ,
 Тѣмъ и праведній гнѣвъ свой далъ отлагаетъ.
 Не заразъ же и благимъ привыкъ награждати,
 За болшо терпѣніе болшую воздати
 Честь хотя. Что думаешь? Когда Гипомену
 За шмать, за пядь грунта всю покорить вселенну?
 Когда за лѣсокъ воздасть прекрасній рай цѣлій?
 За млинокъ превиспрняя круги со свѣтили?
 Когда за пляцикъ узкій, за домокъ убогій
 Отведеть въ небеснія жилища чертогы?
 Какъ сей грудникъ возляжетъ на ложе покоя,
 Какъ прохладатись станеть послѣ вара зноя;
 Какъ за худіе рубы одѣнетъ багрянны
 Ризы, за поясъ усмѣнъ прійметъ златотканный;
 Какъ, вмѣсто безчестія на главу повстины,
 Воспрійметъ отъ алмазовъ вѣнецъ многоцѣнный;
 Какъ отъ плоти раненной протечеть свѣтъ чудній,
 За темницу тварь блеснетъ якъ солнце въ полудны:
 Вся сія вдругъ пріемши, Гипомень что будетъ?
 Думай. Настоящихъ золь, аки сна, забудеть;
 Собудутся же на немъ вся та непременно,
 Когда отъ сего прейдетъ житія на ино.
 А когда прейдетъ? Вѣдай толко, что не видно;
 Время бо жизни его приближись послѣдно:
 Се днесъ Діоктитъ его безъ милости біеть,
 Абіе же отъ сихъ ранъ Діоктитъ почіеть.

ТЕРПѢНІЕ.

О когдажъ сія слава ему отложена:
 Пушай болшь бють, терзають, мучать Гипомена!

ОТРАДА.

Не будутъ. Терпѣнія мѣра исполнися
 Се бо и Діоктита гибель приближися.

ДѢЙСТВІЕ 4.

Явленіе первое.

(Гипомень, въ полу отъ Діоктита прибитій, весело съ упованіемъ блаженнаго возданія умираеть.)

Получилъ, чего искалъ, Діоктитъ суровій:
 Наситился, какъ хотѣлъ, звѣрь тотъ моей крови;
 О богатства и грунта, всѣхъ золъ мнѣ причина!
 Богъ дай, я вамъ никогда не былъ въ господина!
 За васъ я въ кругъ по тѣлу плѣтмы избѣнный!
 За васъ въ рукахъ и ногахъ кости сокрушенны!
 За васъ до мозгу глава тростью мнѣ пробита!
 За васъ мушу умирать отъ рукъ Діоктита.
 Ахъ не могу стояти! (*ложится*) Тяжко и лежати.
 Ахъ болятъ кости, главы не могу поднати.
 Нема, кому помощи, обвязати рани:
 Домашніи безвѣстно вси суть разогнанны.
 О бѣдній Гипомене! Чего ти дожился?
 Таки то и ти сея жизни насладился!
 Но благодарю Бога, что такъ приключилось:
 Се бо, хотя все тѣло смертно разболѣлось,
 Духомъ чтось радостное въ себѣ ощущаю,
 Сколко кратъ о будущей жизни помишляю:
 Аось, може, по смерти вмѣсто сихъ стѣнаній
 Пойду даже въ домъ божій, въ гласъ радованій.
 Пообѣщаль Христось Богъ страждущимъ невинно
 Небесное царствіе дати непременно.
 Боже мой! и я грѣшенъ у тебе состою:
 Правда бо наша, якъ зубъ нечистъ предъ тобою,
 Но ти, Христе, ходатай для твоихъ страданій
 И твоихъ ради нещадныхъ крове изліаній:
 Во всемъ цѣло оправданъ быти уповаю,
 Себѣ жъ и своей заслугѣ ничто не вмѣняю.
 Аще туне пострадахъ, твой то, Христе, баше
 Даръ, твоя помощь, твое дѣло, не наше.

(Смерть заглядаетъ въ очи, а онъ содрогается.)

Ахъ что мнѣ въ очахъ зрится? Призракъ нѣкій странній,

Подобно се союзъ мой разрѣшить посланній.

Гдѣ мои сироти? се уже умираю

(Смерть касается косою до шіи)

О Боже на твой сихъ промышль возлагаю,

Ты самъ объ нихъ попечись, за отца имъ стани;

А мой уже духъ прійми, пріймы въ своя дланы.

Явленіе второе.

(Два приходятъ нишіи и, сожалея о скорой смерти Гипомена, относятъ его до гроба.)

Нищій 1.

Что се лежитъ, о друже? Пяній или спящій?
Или чи не Гипомень, послѣ мукъ болящій?
Видѣхъ бо, в Діоктита какъ онъ былъ мучимій.

Нищій 2.

Ахъ! онъ есть. Но уже мертвъ и недвижимій.
О несчастіе наше! Кто бо отъ насъ нищій
Тошъ отъ него отишолъ? Когда онъ самъ пиши
Вкусилъ? Ахъ! какъ случилось животь окончить?
Не знаютъ распуженны о семъ домовити.
Мы убо тѣло его, во мѣсто прислуги
Вземше, къ церквѣ отнесемъ; а собравше други,
Отпоемъ зъ священникомъ надгробное тѣлу,
Висиплемъ же и въ память болшую могилу.

Явленіе третое.

(Діоктитъ, зъ пѣанства разболѣвся, съ огневици умираетъ, котораго слуги въ храмину относятъ.)

Діоктитъ.

Что то, о тунеядцы?

Нищій 1.

Несемъ Гипомена

Мертва.

Діоктитъ

Знать, зъ пѣанства умре.

Нищій 2.

Всего уязвленна

Обрѣтохомъ.

Діоктитъ

Несѣтъ же въ гнои загребѣте,

Или тѣло песіе псомъ въ снѣдъ отдадѣте.

Теперь то радоватись мнѣ би подобало,

Что соперника уже моего не стало;

Но не знаю, что се такъ за недугъ напрасній

Приключился мнѣ съ утра и не безопасній:

Главу и кости ломить, коло сердца нудно,

Въ обоихъ бокахъ колетъ и дихати трудно,

Дрожъ всего пронимаетъ, (*содривается*) спухли вездѣ жили,

Жажда несносна, языкъ будто огорѣлій.

Не лишнее жъ и выпилъ: по гавстѣ въ началѣ

Водки сердечной зъ другомъ испили, а далѣ
 Вина, може, и полвѣдра, наконецъ сливянки
 Расходной не болшъ было, якъ по чтири склянкы.
 Да сежъ не первина пить, и поболшъ пивалось!
 Теперь мнѣ, не вѣдаю, что такое сталось.
 Дайте толко мнѣ водкы и мягкое ложе.

(Отходить слугы за ложе, онъ говоритъ:)

Какъ вию гавсть и засну, Господь мнѣ поможе.
 Еще жъ кромѣ болѣзни смутилъ мя вчерашній
 Сонъ злій: се бо видѣхъ мой образъ преужасній:
 По рукамъ и по ногамъ тяжкіе оковы,
 Вкругъ гадюки, моя упіенны кровы;
 Сверхъ того предо мною видѣхъ Гипомена,
 Въ славу несказанную свѣтло облеченна,—
 Той на мя много дерзалъ; азъ въ бѣдѣ толикой
 Трепетахъ предъ нимъ, какъ листъ отъ бури великой.
 Что жъ се сонъ мнѣ вѣщаетъ? За тогожь достоинъ
 Нище мене казнити? Кто на то настоитъ?
 Гипомень на гноищи лежить, а не въ славъ.
 А буди сонъ вѣчну казнь возвѣщаетъ явѣ,
 Нехай Богъ мене пошлетъ на различни муки,
 Пускай всего лютіе изоссутъ гадюки,
 Хочай принужденъ буду сія вся терпѣти;
 Толко бы Гипомена въ славъ не видѣти.

(Приносятъ ложе и водку въ фляжкѣ)

Ляшку! дай толко фляшку. (*Піетъ и кричитъ*) Ахъ незносное
 горе!

Огню изливъ на сердце, аки ножемъ поре
 Внутрности моя. Вижу: пришло погибати.
 Якъ же имѣю грунта оставляти?
 Что дѣлать съ имѣніемъ? что денегъ зъ сумою?
 Не приберу способу, какъ забрать зъ собою.

(*Смерть отрубуетъ все.*)

Что я говорю забрать? Се уже правая

Рука заклала, аже клякаетъ и другая;

Ноги совсѣмъ отняло, уда ни едина

(*Мало полежавъ схватится, кричитъ потомъ, упавши,
 захарчитъ.*)

Нечую. (*нападаетъ смерть*) великая въ умѣ мѣшанина

Отъ, отъ Гипомень стоитъ, поимѣте воскорѣ,

Бійте; не смотрѣть на то, что въ свѣтломъ уборѣ. (*умре.*)

СЛУГА 1.

Дошоль уже панъ.

СЛУГА 2.

Такъ есть: уже бо не дшеть.
Пущай себъ тамо Гипомена ищеть

СЛУГА 1.

А намъ что дѣлать?

СЛУГА 2.

Что? тѣло отнесѣмъ въ полати,
А за службу поищемъ сами себъ плати.

КАНТЬ.

Кто виноватій,

Суду предстати

Уже конечно боится;

Однакъ человекъ

Въ нинѣшней вѣкъ

Можетъ въ себѣ размислиться:

Или нерадивій,

Или неправдивій

Будеть мой судія;

Къ тому же и я

И маю,

И знаю

Подкупить

Упросить:

Негли правъ буду?

Или непостоятъ,

Кто на мя настоить;

Или напоследокъ

Лживій встанеть свѣдокъ:

Неважно

Присяжно

Поклястись

Да спастись

Толко би суду?

Можетъ ли сію

Имѣтъ надѣю

Кто на судъ Богу предстанеть?

За страхъ единый

Тамо повинный
     Едали въ себя останеть;
 Какъ труба затрубить,
 Все думкы погубить;
 Какъ сядеть ревнивый
 Судя во гнѣвѣ,
 Какъ совѣсть
 Вся повѣсть
 Излѣчить,
 Улѣчить:
 Чимъ извинутись?
 Станеть правда тамо
 Грѣшнымъ въ лице прямо,
 Взицетъ безпокойной
 Казни имъ достойной
     Казнь вѣчна
     Различна
     Готова,
     До слова
     Какъ избѣгнути?
 И въ смертнѣй извѣтъ
 Таковѣй совѣтъ
     Въ нынѣшнемъ вѣцѣ бываетъ:
 Мукаль ужасна,
 Еднакъ дочасна
     Смерть ю вскорѣ прекращаетъ.
 Но тамъ муки люты
 Въ вѣкъ не перебути.
 Всякъ смерти желаетъ;
 Но смерть гонзаетъ:
     Вседневно
     Огнь ревно
     Исть тѣло,
     Да и цѣло,
     Вящыхъ мукъ рады,
 Червь неусипаяй
 Гризеть непрестаяй;
 Огненная купѣль,
 Сѣра да жупель
     Во адъ,
     Во смрадъ,

Во мукахъ,
Въ годюкахъ
Нѣсть тамъ пощады.

ДѢЙСТВІЕ 5.

Явленіе первое.

(Ивводитъ діаволъ отъ ада Діоктита, которій показуеть казны, ему наложенныя за обиды.)

Діоктитъ.

Ахъ горе мнѣ! горе мнѣ! Отецъ мой и мати,
И день, въ онъ же родихся, и часъ-тотъ проклятій,

Діаволъ.

Ступай, не опирайся.

Діоктитъ.

Куди мнѣ ступати?

Діаволъ.

Туди, гдѣ тебѣ срамно лице показати.
Помнишь ли Гипомена?

Діоктитъ.

И какъ позабити?

Его же ради мушу сія вся терпѣти.

Діаволъ.

Его то убо ради нынѣ въ сія страны
Вълено тя извести з геенской отхлани,
Даби онъ увидѣлъ судъ божій неумитній,
Безмездній, безпоблажній и безволокиитній.

Діоктитъ.

Ахъ! онъ ли возрить на мя, на головню ада,
На брашно зміевъ и снѣдь гризушаго гада?
На лице, еже въ мірѣ съ его добръ свѣтлѣло,
А нинѣ геенскимъ огнемъ огорѣло?
На плоть, яже з грабительствъ и татби блещалась
Нинѣ вмѣсто ризъ свѣтлыхъ кровью обліялась?
Руцѣ, яже невинныхъ битъ были пространны,
Нинѣ нерѣшимыми узами связаны.
Нозѣ, яже спѣшились грунтъ чуждѣ похитити,
Нинѣ за то въ тяжкіе окови залити?

Всего, глаголю, въ бѣдѣ, въ ранахъ, въ струпахъ, въ гною
 Аще узрять Гипомень, обиженный мною:
 Муки до муки еще приложить великой,
 Посмѣваяся моею пагубѣ толикой.
 Не хочу убо его никогдаже зрѣти,
 Лучше веди мя паки въ подземнія клѣти.

ДІАВОЛЬ.

Постой, не спѣшишь. Коей чаешь тамъ отради?
 Мучитися настоить безъ конца во адѣ.

ДІОКТИТЬ.

Ахъ! то бо намъ наитяжше, что конца не будетъ;
 Сколко не мучитися, еще преизбудеть.
 Попловуть лѣта, аки краткіе години,
 А грѣшникомъ не будетъ въ мукахъ перемѣны;
 Протекутъ тысящамы и тмамы темъ вѣкы,
 А грѣшніи пребудутъ въ адѣ чловѣкы;
 Не станеть числа далѣй, забудемъ начатку,
 А и тогда не дождемъ мученій остатку.
 О когда би я о семъ помишлялъ былъ въ свѣтѣ!
 Лучше би самъ, былъ желалъ обиженнымъ быти!
 А теперъ нѣсть, да кто мя отъ ада избавитъ!
 Поне братіи моею пушай кто обявить,
 Кон по моему и нинѣ обиждають.
 Ахъ! ахъ! что имъ слѣдуетъ, пушай тое знаютъ.

Явленіе второе.

(Гипомень, съ ангеломъ отъ блаженства испешши, посмѣвается Діоктиту; отъ словъ же его въ адѣ преизбиточное за терпѣніе вѣчныхъ благъ воздаяніе исповѣдуетъ.)

ГИПОМЕНЬ.

Что се за страшилище?

АНГЕЛЬ.

Діоктитель, зѣ геенны
 Жестокимъ, якъ видиши, стражемъ изведенній.

ГИПОМЕНЬ.

Ти ли еси, Діоктитель?

ДІОКТИТЬ.

Я, я окаянній.

Ктожь еси толь свѣтель и толь преизбранній?

Гипомень.

Гипомень, ограбленъ и убитъ тобою,
Сей есть.

Диоктитъ.

Той, которій есть загребенъ во гною?
Его же судихъ въ жизни за безумна вина?
Егожь мнѣхъ безчестенъ исходъ и кончину?
Бакъ въ синѣхъ божіихъ нинѣ той вмѣнися
И въ лику святыхъ жребій его положися?
Азъ заблудихъ отъ пути правды, ослѣпленній,
И отъ солнца истинны не былъ просвѣщенный!
Се яко въ поднебесныхъ молніа блистаетъ,
Сице Гипомень нынѣ лучамы сіяетъ.

Гипомень.

Чудишься, окаянне, днесъ моему свѣту?
Дивлюся не помалу и я Диоктиту:
Почто теперь на мене рукъ не простираешь?
Почто вѣнца и свѣтлыхъ ризъ не отнимаешь?
Чему мя не біеши? Се плѣты готовы.

Диоктитъ.

Ахъ! не прикасайся имъ: змии суть суровы,
А не плѣты. Пожалуй, ругатись престаны,
Вели уже отити въ подземніе страны.

Гипомень.

Иди, поспѣшай во адъ, погибелній сыну,
Не смущай очесъ моихъ, зрящихъ Бога выну.

Диоктитъ отходитъ и отходя говоритъ:

О горе мнѣ! горе мнѣ! Отець мой, и мати,
И день, въ онъ же родихся, и часъ тотъ проклятій!

Гипомень.

Благословенъ Богъ, что сей избавилъ мя части,
Что не далъ въ руки мучителя впасти!
Сѣтъ его сокрушися; азъ же избавленній,
Яко птица до небесъ легко вознесенній,
Земная имѣнія какъ днесъ поминаю,

Противъ небесныхъ тая гной быть вмѣню.
 Грунта мои нинѣ суть небеса широки;
 Лѣсъ мой—Едемъ прекраснѣй стоитъ на Востокѣ;
 Мелницы мои свѣтилъ небесныхъ кружала,
 Пруда воды животной чистѣе криштала;
 Домъ мой—чистое злато, камень многоцѣнный;
 Домашнїи прекрасны ангельскїе чины.
 Недостойны во правду быша мои страсты
 До избытка благъ вѣчныхъ возданной мнѣ части.
 Когда.бъ кому отъ земныхъ поне то приснилось,
 Страдать, аки пировать, самомубъ хотѣлось.
 О чтожь еще объ оной возглаголю славъ,
 Юже имамъ, божїе лице зряще явѣ?
 Неисповѣдима есть; внигда поминаю,
 Сердцемъ, аки отъ солнца воскъ, истаеваю.
 Не могу на семь мѣстѣ болѣе медлѣти,
 Тецѣмъ насыщатися той славы со клеврѣти.

КАНТЬ.

Вшедши душе въ свѣтлость святыхъ,
 Въ жребїй благихъ
 Въ мѣсто крова
 Дивна нова,
 Всѣхъ страданїй,
 Якъ мечтанїй
 Сонныхъ, позабуди.
 Се по всякъ день праздникъ велїй,
 Шумъ веселїй,
 Ангелскїй хоръ,
 Святыхъ соборъ
 Тотъ въ гортанехъ,
 Сей въ органехъ
 Гремитъ повсюду.
 Плачь съ тугою,
 Вопль зъ бѣдою,
 Прочь изгнанны
 Отъ той страны.
 Смотри убо на клеврѣти,
 Отри слезы отъ ланити,
 Воспой пѣсны
 Всеутѣшны

Тріумфальны,
Безпечальны.

Позабуди впредъ стенати,
По прежнему воздыхати

Отвикай:

Нѣсть кто би тамъ позавидѣлъ

И обидѣлъ;

Всѣмъ пространно

Небо данно;

Прожажатись,

Прохлаждатись

Повсюду волно.

Нѣсть убогихъ, вси богаты,

Ходятъ въ златъ,

Нѣсть подданныхъ,

Калѣкъ странныхъ;

Вси велможы,

Вси пригожы,

Всего довольно.

Нѣсть тамъ сору,

Ни въ чемъ спору,

Злоби, вражди,

Отмщать жажди,

Брани, рати тамъ не слышно,

Не видати дружби внѣшной;

Между всѣмы

Нерушимый

Союзъ дружбы,

Лести чуждѣй.

Не умѣютъ притворяти

И не могутъ ухищрати

Другъ друга.

За тѣмъ, душе, въ сей дружинѣ

Сущи нинѣ,

Безъ боязни

Непріязни,

Несказанной,

Тебѣ данной

Утѣхи вкушай.

Прійми ризы неистлѣнны,

Многоцѣнный

Дяврѣ на главу:
 Вся во славу
 Облеченна,
 Просвѣщенна
 Лучамы блистай.

Пройди многы
 Сквозь чертогы
 Позлащенны,
 Испещренны.

Ангель чиномъ обстоима,
 Святымъ ликомъ проводима,

Купно играй
 И воспѣвай:
 Благословенъ

Всѣхъ виновенъ

Богъ единій, въ Троици чудній!

Хвално имя его буди

Во вѣкы!

Эпилогъ.

Два лица жива по смерти въ дѣйствіи явленны,

По примѣру тому весь міръ будетъ оживленній:

Единъ Діоктитъ злобній принялъ муки люты,

Но, примѣромъ тѣмъ, всѣмъ злимъ мукъ не избѣгнути;

Единъ Гипоменъ дойшолъ блаженія славы,

Но, примѣромъ тѣмъ, дойдутъ блаженства вси правы.

Толико можемъ сіе утверждать свободно,

Елико есть з священнымъ писаніемъ сходно:

Притворь бо сей на прямой положенъ основъ,

Что глаголетъ, что стоитъ о Божіемъ словѣ.

Будижь съ погрѣшеніемъ что въ дѣйствіи бяше,

Прощеніе скудости подадѣте нашей.

ПЕРЕПИСКА А. П. СУМАРОКОВА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ.

I.

Всемиловѣйшая Государыня!

Въ Москвѣ театръ былъ на самомъ худомъ основаніи, какъ и все было худо; да и ждати добра, вида во всемъ, и кромѣ театра, непорядки, было мнѣ по театру успѣха не возможно. Бельмонти, покутивъ во время своего содержанія множество итальянскихъ крючковъ и подлостей, денегъ собралъ съ народа много, думая о единомъ сборѣ и своихъ доходахъ и всѣ тѣ зборы промотавъ, въ бѣдности умеръ. Актеры для бывшія язвы, ничего не представляли и пришли въ крайнюю бѣдность и чудъ было всѣ не разошлись; однако К. М. И. Волконской, Д. В. Волковъ и г. Оберполицеймейстеръ нынѣ стараются имъ подписками ради пропитанія нѣчто собрать, я чаю, что ими сіе дѣло и исполнится. Ко гр. П. Семеновичу всѣ адреса были бы тщетны, а бывший Оберполицеймейстеръ о должности своей, что и поважнѣе, и въ самыя нужныя часы не помышлялъ. Il etoit toujours spectateur sans gout, juge sans resolution, heros sans courage, home sçavant sans science et absent meme dans les circonstances es plus reelles. Чевожъ кромѣ безпорядка и ждати было. — L'esperance me nourrit que les comandans de sa ville auront un autre soins a present, et je crois que je ne me trompe pas.—Здѣсь многія разсужденія о театрѣ отъ людей партикулярныхъ происходятъ, какъ бы ево уставить.—Когда о мастерствѣ портныхъ столяры разсуждаютъ, такъ платья хорошева не будетъ никогда, а театръ по крайней мѣрѣ лучше, почтеннѣе, полезнѣе и лучше учреждая быть долженъ, нежели

мастеровая изба портныхъ.— Все будетъ худо, если плотники будутъ строить палаты, а каменщики хоромы.—А всево хуже, ежели, какъ слышно, Мелисина ввяжется въ сіе дѣло, ибо онъ давно уже съ Суккинымъ и съ двумя братьями Пушкиными театральнѣй прожеть узаконилъ. Si Pouchkin et son frere ont fondées les principes de theatre, Votre Majesté peut deja faire une conclusion, quelle honnêteté étoit la source de leurs projets.—Voilà les conseillers de Melissino touchant le theatre!—et je ne voudrai lier une étroite amitié avec Pouchkin et meme avec Melissino pour tous les biens du monde. Желалъ бы я видѣти въ Москвѣ основательной и порядочной театръ, а особливо, что здѣшнія нравы великой поправки требуютъ. За комедіи на меня и многи злиться стануть; однако я никуво не боюсь такихъ людей, а что я буду писати, то я сперва ради представленія въ П:бургъ присылать буду.—И теперъ у меня нѣсколько піесъ разныхъ піитическихъ готово, окончивается новая трагедія и двѣ комедіи и прочее нѣчто довольно здѣлано, но то или духовное или театральное, а не печатается ради того, что не кому переписывать, а писца сыскать и переписчика ученыхъ сочиненій здѣсь не можно. И что мнѣ съ моими сими сочиненными дѣлать піесями я не вѣдаю, а они дней чрезъ 10 всѣ готовы будутъ, ибо хотя я отъ августа 7 мѣсяцовъ и болѣнъ, по преодолевая мои болѣзни, исключая 3 мѣсяца, когда я почти жизни лишался, работалъ я въ нынѣшней неблагополучный минувшій годъ больше всѣхъ лѣтъ. Естли угодно вашему Императорскому величеству видѣти въ Москвѣ театръ, и чтобъ можно было приступить особливо къ поправленію здѣшнихъ развратныхъ нравовъ, а я бы удобнѣе могъ и охотнѣе сочиняти драмы; такъ ваше разсужденіе лутше всѣхъ моихъ представлений помощь и руководство Мельпоментъ и Талии подать можетъ. А естли невѣжи распологати будутъ, не спросяся знающихъ людей, такъ все перепортятъ, а особливо, ежели l'orgueilleux et homme le plus intéressé Melissino selon le projet de deux Pouchkin, de ces deux les très fameux honnête homes, aura la direction.—Ваше величество не примѣтили еще, чтобъ я когда пустое говорилъ. J'aime la verité plus que ma vie et que tous les bien du monde, et je ne cherche d'autre chose qu'a me recomender a mon Dieu, a mon imperatrice et a sa sincerité de mon ame et de ma raison.

Вашего императорскаго величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

26 марта 1772.

Москва.

II.

Милостивый государь мой Григорій Васильевичъ.

Могъ бы я подумати, что вы меня забыли, естли бы вашъ характеръ мнѣ мѣнше извѣстенъ былъ, а я къ вамъ не писалъ за болѣзнію и чтобы изъ зараженнаго города ни къ кому не писать я себѣ уставилъ законъ. Болѣзнъ я осьмой мѣсяцъ и неоднократно приговлялся ко гробу; однако нынѣ получилъ уже надежду, что ежели не обновятся разныя и многочисленныя мои болѣзни, выздоровѣтъ; однако исключая 4 мѣсяца жесточайшей моея немощи, писалъ я столько, сколько я никогда не писывалъ, по размѣру времени. Трагедія и двѣ прозаическія комедіи будутъ у меня можетъ быть окончены къ празднику. Со старыми псалмами, которыхъ число 20, готово у меня много псалмовъ, и столько я выбрать намѣренъ былъ, а именно 75, то есть цѣлая половина псалтыри. Я увѣренъ, что мои псалмы не по Ломоносовски сдѣланы. До новыхъ еклогъ и лутче почти всѣ всѣхъ старыхъ и еще кое-что. Да то бѣда, что переписать некому; былъ одинъ изъ Иконоспаскаго монастыря студентъ къ тому способенъ, да и тотъ въ попы поставленъ. Желалъ бы я того, чтобы Государынѣ о моихъ трудахъ извѣстно было. А я бы конечно на театръ послѣ праздника піесы прислалъ; но копировать самъ я не стану, а другова, кромѣ себя, кописиста я въ Москвѣ всеконечно не сыщу. Да и пера мнѣ очинить некому, а стихотворцу это ремесло не столько потребно, сколько грамота, хотя и въ ней больше нужды нѣтъ, и похвальнае, не зная грамотѣ, быти стихотворцемъ; ибо и въ древней Греціи едакой диковинки не бывало. Еллины премудрости ищутъ, а мы стихи и безъ премудрости писать умѣемъ. Письмо къ Государынѣ писано о театрѣ; содержатель, обокравъ Москву, и обезобразивъ мои драмы, деньги всѣ промотавъ и не жалѣя ради прибытка и здоровья своево въ недавномъ времени уморивъ жену, и самъ за нею въ Пургаторію послѣдовалъ. Такъ, дабы театръ лутше быть могъ, о томъ къ ея величеству писано. Супругъ вашей и И. И. Мотонису и ево супругъ мое почтѣніе, я не говорю, нижайшее, но высочайшее. Я жду отъ васъ дружескаго и хорошаго отвѣта и намѣренъ быти во всю мою жизнь

вашего высокородія

милостив. м. Государя

покорный и вѣрный слуга

А. Сумароковъ.

NB. О копистѣ формально я больше и не прошу, сказываю только къ

изданію мою остановку и почти невозможность; слѣдовательно и отказа не жду, а что съ перепискою здѣлать не знаю.

26 марта 1772.

Москва.

НВ. Я милостію Божескою и моимъ обреженіемъ свой домъ сохранилъ и хотя мой околотокъ вокругъ почти больше всѣхъ мѣстъ пострадалъ, а у меня больше пятидесяти въ домѣ челоуѣкъ, живы всѣ. Конечно по сіе время язва до стиховъ была не охотница, но я желаю, чтобы эта гостыя никогда ко мнѣ не пожаловала.

(Собствен.)

III.

Милостивый государь мой
Александръ Петровичъ.

За пріятное вашего превосходительства ко мнѣ письмо покорнѣйше благодарствую; такъ же и жена моя за приписаніе. При семъ препоручаю въ милость вашу дочь мою Александру, которую мнѣ Богъ даровалъ марта 18 числа. О несчастіяхъ Московскихъ на что больше мнѣ упоминать? Дай Богъ, какъ теперь они миновали, чтобъ и не возвращались уже никогда! Поздравляю васъ съ окончаніемъ многихъ новыхъ сочиненій, а нѣкоторыхъ съ доканчиваніемъ, и желаю оныя всѣ увидѣть въ печати. Ея величество изволила мнѣ приказать въ отвѣтъ къ вамъ написать, чтобъ вы проектъ къ учрежденію Театра Московскаго представили, отъ котораго бы и представляющіе и зрители могли имѣть пользу. Сіе донеся, отъ Николая Николаевича свидѣтельствую вамъ почтеніе его всегдашнее; жена его уѣхала въ Малороссію еще зимою. Парасковѣ Александровнѣ я и жена моя при почтеніи желаемъ благополучія. А сверхъ всего пребуду всегда

милостивый Государь мой
вашего Превосходительства
покорнымъ и вѣрнымъ слугою
Григорій Козицкій.

Санктпетербургъ.

1772 г.

Апрѣля 10 дня.

IV.

Всемилоствѣйшая Государыня.

По писму Г. В. Козицкаго, я по благоволенію вашего императорскаго величества о установленіи и о хорошемъ основаніи Москов-

скаго еятра проектъ и планъ составлю; дабы еятръ былъ, какъ говорится, не на живую нитку, положенъ былъ (sic); и чтобы основаніе онаго было непременно и не слабо, но твердо и вѣчно. А потому что я, кромѣ моихъ авторскихъ сочиненій, къ оному и причастенъ быть не хочу, что касается до управленія, такъ я и не для себя оное основаніе положу и не для короткаго времени, но навсегда. Расположивъ оное учрежденіе и какъ скоро въ немъ буду готовъ, ради разсмотренія и ради утвержденія пришлю въ П.-бургъ и о всемъ ясно представлю, сколько умѣю.

Вашего Императорскаго Величества
всемилостивѣйшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

19 Апрѣля 1772.

Москва.

(Собственнор.).

V.

Милостивый Государь мой Григорій Васильевичъ.

Почта уходитъ; такъ бы не замедлить отвѣтомъ, я при семъ прилагаю моего желанія стремленіе и проектъ сочинивъ пришлю въ П. Б.—Любезной вашей супругѣ мое должное почтѣніе и дочери вашей моей тесткѣ мой низжайшій поклонъ. NB. Правдали ето, что я слышалъ ко удивленію моему о вашей дочеря, что хотя родитель ея и многія языки знаетъ, она никакимъ языкамъ говорить не умѣеть. — Жаль етова, что она такъ неучена. Многіе наши риемотрорцы безъ познанія языка стихи пишутъ, а ваша дочь никакова языка не знаетъ; хотѣлъ бы увидѣти какое изъ ея сочиненій. Однако, хотя вы меня и любите, не уповаю, чтобы вы мнѣ изъ ея сочиненій вѣчто гораздо скоро сообщили, но я прежде изъ свѣта не хочу, доколѣ не увижу тестки своей авторомъ.

Вашего высокородія
покорный и вѣрный слуга А. Сумароковъ.

19 Апрѣля 1772.

Москва.

VI.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Изготовляя планъ театра, стараюсь я о хорошемъ онаго основаніи, зная то, что хотя мое стараніе о установленіи театровъ было и велико, но чрезъ болѣе дватцати лѣтъ, не только въ Москвѣ, но

и въ Петербургѣ никакова твердова къ тому основанія ни мало не положено: и естли Дмитревскаго театрѣ когда лишится; такъ и все сіе зданіе развалится. Гр. Гр. Григорьевичъ пріѣхалъ сюда: а я послѣ еще продолжаемыхъ моихъ болѣзней, какъ нарочно въ самый тотъ часъ получилъ силы выѣхать: и севодни еще его сѣят. у к. Волконскаго увижу, и видя особу графскую, П.-бургъ и вашего величества освященную особу еще живяе себѣ воображаю. Мои обстоятельства и недостатки заставили меня прошлаго года всенижайше просить о выдачѣ мнѣ впредь на годъ жалованья. И хотя я едва устоялъ во словѣ, чтобы мнѣ оное заслужить и до срока не заслуживъ онаго не умереть, и многократно отчаянъ былъ, въ чемъ я прегрѣшилъ бы въ моей должности и здѣлалъ бы только тѣмъ преступокъ твердаго въ словѣ человѣка; но другой вины предъ вашимъ величествомъ никогда не здѣлаю, ни о чемъ такъ не стараяся, какъ о томъ, чтобы ничѣмъ и никогда не навлечь себѣ вашего гнѣва, ибо едина ваша милость во старости моей огрѣвааетъ мою музу, такъ всенижайше прошу отъ 1 маія, какъ и прошлаго года, повелѣть выдати мнѣ мое опредѣленное жалованье, дабы я безпрепятственно имѣлъ духъ покойный. И хотя я и восемь мѣсяцовъ болѣнъ былъ; однако отомщая моей болѣзни, я ей и довольно вымѣстилъ сочинивъ по совѣту архіеписк. Платона половину Псалтыри стихами, много здѣлалъ я еклогъ; а что паче ради двора участно, такъ сочинилъ я одну трагедію, о которой чаю я, что она благоволѣнія вашего императорскаго величества удостоится и похвалы знатоковъ, да еще три комедіи, въ которыхъ разнообразно пороки изъясняются. А я думаю, что и комедіи мои не мѣнше поправки здѣлать могутъ, сколько принести увеселенія и смѣха, а комедіи въ Москвѣ и ради прогнанія невѣжества премудрому вашему правленію всеконечно угодны были должны ствуютъ, и Россіи они всеконечно много плода принесутъ. А естли время увядающей моей жизни и ослабѣвающія мои силы вашу монаршею милостію подкрѣпляемы будутъ; такъ я еще четыре года потрудиться уповаю, и театру, а особливо комедіями услужить уповаю; ибо мнѣ прозаическія комедіи сочиняти, имѣя и теорію и практику и видя ежедневныя новыя въ невѣжахъ глупости и заблужденія, очень легко. Комедіи готовы, но переписать ихъ некому, а я самъ копировать не могу, а естли бы былъ у меня писецъ, такъ бы три комедіи на первой почтѣ въ П.-бургъ пересланы были, а сіи драмы, я знаю заподлинно, вашему величеству и публикѣ понравятся. О годовомъ отъ 1 маія жалованьи я всенижайше повторяю, а проценты въ казну будутъ стихами, которые конечно и самой выданной суммы стоятъ будутъ. Препоручая себя всевысочайшему ва-

шего величества покровительству и осѣняемой многія лѣта вашей меня (sic) отличной милости есмь до послѣдняго моего издыханія съ усерднѣйшею моею вѣрностью

вашего Императорскаго Величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

Апрѣля 30 дня 1772.

изъ Москвы.

(Собст.).

VII.

Милостивый Государь мой Григорій Васильевичъ.

Я спѣшу къ к. М. И. Волконскому; графъ тамъ будетъ кушать; а я и вчера обѣдалъ у к. Волк. и съ графомъ еще о громѣ спорилъ и сколько отъ спора не отходилъ, однако онъ меня во споръ втащилъ. О резолюціи на мое письмо всепокорно прошу: въ немъ писано о жалованьѣ годовомъ, какъ и прошлова году, я сіе дѣло вашему дружескому попеченію препоручаю. — Чтобы я вамъ не напоминалъ о прошедшемъ Московскомъ несчастіи, пишете вы ко мнѣ: — я вамъ помянулъ къ стати и кажется не согрѣшилъ; пріятно напоминать о минувшемъ злѣ, которое только наши души поражало, что мы и въ сіе благополучное избавленны Ея величества о насъ попеченіемъ, еще опаматоваться не можемъ. — Да и вѣчности предать его надлежало бы, да и рѣдкое слово публичное безъ напоминанія сего несчастія говорится; ибо изъ самаго сего нашего злополучія рождается благодареніе, коимъ мы освященной особѣ должны, къ нашей пользѣ и безопасности и къ ея славѣ. Комедій у меня три готовы и одна трагедія, но переписывать ее некому, а которыя были пограмотняе изъ студентовъ во Спасскомъ училищи; тѣ нынѣ всѣ попы, ибо попы и церковники въ Москвѣ почти всѣ вымерли. — Желая всѣхъ благъ вамъ, любезной супругѣ и любезной дочери, мой тесткѣ. — Я непремѣнно есть и буду

вашего высокородія

милостиваго Государя моего

вѣрный и покорный слуга А. Сумарокову.

Апр. 30, 1772.

Москва.

(Собств. приписка на особ. листкѣ:)

Г. камеръ-юнкеръ Потемкинъ, приславъ ко мнѣ свою драму, требуетъ искренно моего о ней мнѣнія. En voyant une si miserable piece je suis fort embarrassé, et je suis au desespoir de lui repondre.

—Титло взялъ онъ то, которое назначилъ было я такой же драмѣ; но тогда Гр. и желая имѣти кое-что о семъ произшествіи, сказалъ наконецъ, что всѣ письма братій ево были у васъ, а вы не были въ П.-бургѣ; и такъ вмѣсто всего сочиненія я только подалъ причину сочинить драму на своемъ основаніи и подъ тѣмъ же титломъ, которая ни прославителю, ни прославляемымъ славы не приноситъ, ни утѣшенія читателямъ, ниже историческаго расказа, какъ должно и гдѣ нѣтъ ни складу, ни ладу. Есть способность у г. Потемкина; познанія нѣтъ ни малѣйшаго.

— Ежели нѣтъ ево высокородія Гр. Васильевича въ П.бургѣ; такъ я адресуюся для поданія моего письма освященной особѣ къ Его Прев. Сергѣю Матвѣевичу Кузмину и прошу покорно о томъ, о чемъ я прошу Григорія Васильевича. А. Сумароковъ.

(Собств. прип.)

—

Императрица въ Царск. Селѣ 11 мая 1772 г. подписала повелѣніе князю Вяземск. о выдачѣ Сумарокову жалованья впередъ на годъ.

VIII.

При покорномъ моемъ прошеніи вручить мое письмо Монархинѣ, препоручаю себя вашему дружескому напоминовенію и объявляя мое супругѣ вашей и дочери почтеніе, и Н. Николаевичу съ ево сѣмъ супругою есмь непременно

вашего высокородія Милостиваго государя моего
покорнѣйшей слуга и другъ

А. Сумароковъ.

3 мая 1772.

Москва.

IX а

Всемилоствѣйшая Государыня.

Я въ сочиненіи проекта о театрѣ тружуся, соображая всѣ обстоятельства; но сіе мое стараніе пресѣклося и понудило меня всенижайше пріяти дерзновеніе и представить вашей освященной особѣ. Въ самое сіе время Мелисина призываетъ актеровъ къ себѣ, объявляя, что онъ имѣетъ повелѣніе разсмотрѣть и уставить театръ, которому быть подъ его главнымъ смотреніемъ, а содержателемъ избираетъ вмѣсто Сукина и Пушкина, которые преждѣ содержателями отъ него назначены были, нѣкоего князька Долгорукова, свою родню, человека глухова и мота, которой недавно былъ отданъ подъ

началъ, помнится, въ Соловецкій монастырь, за дѣла, о которыхъ и вспоминати гнусно. Въ сіе время актеры получили отъ Дмитревскаго письмо вмѣсто истолкованія, кое я при семь ево въ подлинникѣ со всенижайшею покорностію приобщаю. Ежели бы Дмитревской отъ придворнаго театра былъ уволенъ; тогда бы ето еще нѣсколько уважено быть могло; но чтобы только доходы онъ получалъ, а я бы ради ево трудился и тратилъ время ето моему разсудку непонятно. Довольно и того, что я никакова отъ театра дохода имѣти не хочу, кромѣ новыхъ моихъ драмъ, по обыкновенію всѣхъ театровъ, а я по Россійскому театру трудился побольше Расина и Вольтера, но еще и понинѣ изъ крайняго убожества не выбился. И не лутче ли, чтобы доходъ былъ при театрѣ казенной, нежели кому партикулярно моими особливо трудами обогащаться, а мнѣ, какъ лежитъ пословица, говорить: Я именинникъ, да мнѣ же нѣтъ калача; или сказать изъ Священнаго Писанія: овѣи трудишася, овѣи во трудъ ихъ видоша. Я жду вашего величества повелительнаго отвѣта.

Вашего императорскаго величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумарковъ.

3 мая
1772.
Москва.

(На полѣ собствен. примѣчаніе:)

Самъ я въ театръ ввязываться не хочу, слѣдовательно не ищу я своей пользы, которая должна быть казенною, къ размноженію театра; а правительствовать или на хорошемъ основаніи содержателемъ должно быть неглупому и честному, а потому что я въ доходахъ и правленіи, кромѣ плана и моихъ драмъ участія не беру; такъ равно мнѣ, кто бы правителемъ ни былъ; только былъ бы человекъ хороший; безъ того и порядка быть не можетъ.

IX^b

Письмо Дмитревскаго

(Безъ знак. препинанія; правоп. соблюдено).

Государь мой Григорей Васильевичъ и любезный другъ.

Я имѣю вамъ донести и всѣмъ вашимъ товарищамъ, что можетъ быть въ непродолжительномъ времени я здѣлаюсь вашимъ содержателемъ и вашимъ товарищемъ. Я ласкаю себя надеждою, что вы будете мною весьма довольны, а я обнадеживаю васъ, что я всѣ спо-

собы употреблю къ удовольствію вашему и ежели въ скорости здѣлается рѣшеніе сему дѣлу, то въ самой скорости и товарищъ мой къ вамъ пріѣдетъ для произвожденія вамъ хотя нѣкоторова жалованья, не смотря на то, что спектакли можетъ быть долго еще начатся не могутъ. И для того пожалуй, Государь мой, имѣйте небольшое терпѣніе и не давайте слова ни кому для вступленія въ обязательство. Между тѣмъ увѣдомѣть меня на первой почтѣ, всѣ ли вы въ Москвѣ и что съ вами происходитъ, дабы я могъ вамъ помочь чемъ нибудь изъ денегъ. Но увѣдомьте обстоятельно, я обнадеживаю васъ, что я все по дружески, какъ съ братьями съ вами раздѣлю, на будущей почтѣ я пространнѣе съ вами разговаривать буду и докажу ясно, что я всегда есмь и буду

покорный вашъ слуга и другъ Ив. Дмитревской.

Апреля 22 дня

1772 года.

Петербурхъ.

Х :

Всемилоствѣйшая Государыня.

По благоволенію вашего императорскаго величества я проектъ и планъ о театрѣ здѣлалъ и оной сообщилъ читая Д. В. Волкову и г. оберполицеймейстеру. Они во всемъ со мною согласны крайне, а к. М. И. Волконскому я оный сообщать нужды не имѣю; но ссылавъ кописца и подписавъ купно съ Д. В. Волковымъ представляю высочайшей вашего величества апробаціи. — Главная нужда въ томъ состояла, чтобы была при театрѣ институція, чево прежде не было, и отъ чево были пепорядки, а могли бы быть и болѣ; ибо всего потребнае, чтобы не было никакова мятежа и шуму, отъ чево беспоконія и всякія худыя слѣдствія быть могли и потребна тишина, а особливо чтобы не было своевольства ни отъ господъ, а паче отъ такихъ холопей, безъ чево ни одно представленіе не проходило. — Паче всево я того опасался, чтобы театръ не былъ порученъ Мелисину, qui veut remplir sa bourse. — Онъ твердилъ обманывая людей, что каменный театръ будетъ и подалъ дерзкое доношеніе въ сенатъ, гдѣ точно видно, чево онъ хочетъ и пишетъ предварительно, что онъ за свои труды чаеть казеннаго огня вашего величества награжденія; но и Д. В. Волковъ и г. Архаровъ будучи разумны, етому посмѣялись. Театръ каменной быть можетъ и послѣ; но ожидая онаго суетно не камни, но хорошія драмы и хорошія акціи потребны. А Мелисиново стремленіе себя обогатить и требовать еще за то непомятаго награжденія. При планѣ я яснае опишу: Желаю только, что-

бы исполнено было тако, какъ по нашему съ г. Волковымъ и съ г. Архаровымъ мнѣнію положено.

Вашего Императорскаго величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

4 Мая 1772.

Москва.

X^b

Письмо Г. В. Козицкому.

Вечеръ уже наступилъ: почта уходитъ; такъ я, прилагая сіе письмо, васъ стократно за ваши представленія благодарю.—Супругъ и дочкѣ кланяюсь, и почитая весь вашъ домъ буду всегда вашъ вѣрный и покорный слуга
А. Сумароковъ.

4 Мая 1772.

Москва.

XI.

Милостивый Государь мой Александръ Петровичъ.

Оба оберта ваши всеподданнѣйше вручены высочайшей особѣ. Жалованье вамъ выдать повелѣніе воспослѣдовало. О проектѣ вами сочиняемомъ Государыня изволила всемилостивѣйше отозваться, чтобы вы оный продолжали, и что Московскій театръ еще никому не порученъ. Благодарствую покорно вашему Превосходит. за незабвеніе жены моей и дочери, которыя почтеніе свое вамъ чрезъ меня свидѣтельствуютъ, какъ и Николай Николаевичъ, съ нижайшимъ поклономъ. Если Богъ дастъ, что дочь моя взростетъ, то первое изъ ея сочиненій будетъ состоять въ изъявленіи вамъ своей благодарности за толь лестныя ваши объ ней мысли. Пріятно вспоминать несчастія, но я сѣтѣмъ о приключившихся на Москвѣ упомянуть не хотѣлъ, чтобы страха оныхъ не возобновить и пораженнаго ими сердца болѣе не терзать. Отвращеніе же отъ насъ зла и поспѣшествовавшая помощь должны въ нашей памяти достойно пребыть навсегда. Пренній отъ 19 дня апрѣля обертъ имѣлъ я также счастье поднести ея величеству наконецъ вручаю себя милости и любви вашей и есмь

милостивый государь мой
вашего превосход.
всегда покорный слуга
Г. Козицкій.

С.-Петерб.

1772 г.

Мая 12 дня.

XII.

Всемиловѣйшая Государыня!

Будучи болѣ полгода болѣзнъ, я по всеѣ сѣ время не сочиняю и ничево не читаю, толико меня гипохондрія преодолѣла, а въ прошедшій годъ не взирая на минувшее материнскимъ о насъ вашего Императорскаго величества попеченіемъ нещастіе, на продолжающуюся полгода жесточайшую мою болѣзнъ, я столько много сочинилъ мѣсяца въ три, сколько и на три года довольно. А между тѣмъ и ради театра одну трагедію и три комедіи прозою, которыя давно были на придворномъ театрѣ; но за неимѣніемъ кописта они лежатъ и понынѣ безъ переписки, что у меня и послѣднюю охоту къ театру отъемлетъ. Нынѣ изъ учениковъ въ Спаской Академіи, имущій склонность и ко стихотворству болѣе четырехъ мѣсяцевъ неотступно проситъ меня, дабы взять онъ былъ ко мнѣ ради переписки, чтобъ ему чрезъ то научиться чистому слогу и поэзіи, а онъ къ тому и способности много имѣетъ. А потому что онъ изъ поповичей и челоувѣкъ свободной, могу я ево взять и безъ указа: да и начальники ево за него стоять не могутъ и не хотятъ, а сверхъ того мнѣ и они какъ и всѣ знатнѣйшія духовныя крайнія пріятели; но потребно сему челоувѣку жалованье, ибо бѣдность рождаетъ подлость, а поэзія подлости и крайнихъ недостатковъ не терпитъ. Такъ я всенижайше прошу вашего императорскаго величества о указѣ, хотя объявленіемъ вашихъ штатссекретарей, дабы ему было опредѣлено жалованье противъ сенатскихъ копистовъ, а онъ и теперь лутче всѣхъ ихъ грамотъ знаетъ. А я думаю, что мое наставленіе ученикамъ будетъ имъ полѣзно, и полѣзнее еще публикѣ или лутче сказать отечеству. Да и опыты етому есть, ибо не только точныя мои ученики, но всѣ и театральныя и лейбкомпанскія кописты въ хорошихъ уже по знанію своему чинахъ, а бывшій при мнѣ послѣдній по лейбкомпани копистъ и послѣ опредѣленный къ театру, нынѣ полковникомъ и ежели севодни пойдетъ въ отставку, такъ и отличіемъ степени меня самаго превзойдетъ. Одному только не удалось, бывъ при мнѣ, хорошему слогу научиться хотя онъ и всѣхъ больше чинъ имѣетъ и который мнѣ по сѣ время имѣть кописта препятствоваль, чая, что и данный мнѣ копистъ толико же мало отъ меня научится, колико мало научился у меня онъ. Все сѣ оставя я жду вашего высочайшаго повелѣнія.

Вашего Императорскаго Величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

Января 24 дня 1773.

Москва.

XIII.

Желаю я быть у васъ Дѣйствительнаго Штатскаго Совѣтника и Кавалера А. П. Сумарокова какъ для переписки вашихъ сочиненій, такъ и для наученія правописанія и свободныхъ наукъ, а чтобъ я могъ содержать себя сколько благопристойность требуетъ, о томъ прошу нижайше, дабы вашимъ стараніемъ исходатайствовано мнѣ было довольное казенное жалованье.

Леонтій Ивановъ.

Января 1 дня 1773.

XIV.

Собственноручное.

Милостивый Государь мой Григорій Васильевичъ.

При засвидѣтельствovanіи вамъ, супругъ вашей и моей тещкѣ моево непремѣннаго почтѣнія, покорнѣйше прошу о поднесеніи моево письма освященной особѣ и объ отвѣтѣ.—Первую книгу Превращеній вашего перевода я читалъ съ крайнимъ удовольствіемъ.—Кто не удивится изъ нашихъ потомковъ, что вы и я въ одно время жили съ . . . . .¹⁾ авторами и переводчиками.—Отпусти Боже имъ ихъ согрѣшеніе!

Вашего высокоблагородія
Милостиваго Государя моево
вѣрный и покорный
А Сумароковъ.

Января 24
1773 г.
Москва.

XV.

Всемилоостивѣйшая Государыня!

Театръ Московской зачатъ еще съ бѣльшимъ непорядкомъ, нежели прежде, и которыхъ отвратить нельзя; ибо никакія доказательства, служащія къ порядку не пріемлются. А я к. Н. М. Волконскому прямою линією и предложенія никакова здѣлать не отважуся, дабы мои предложенія не могли почтены быть несправедливою наглостью.

¹⁾ Не разобрано.

Трагедіи мои играютъ скаредно: никто актеровъ не учитъ, а я избавляясь досады и горести на спектакли не ѣзжу; да и выпускать новыхъ драмъ не можно; ибо такъ разсуждаютъ: когда де піесы играны при дворѣ и напечатаны, такъ ихъ играть можно. Вашему величеству извѣстно, что во время Софокла и Еврипида, трагиковъ Греческихъ, книгопечатанія еще не было; однако ихъ драмъ безъ воли ихъ не играли и что не только основатели театровъ, но и всѣ авторы своихъ сочиненій безъ прибытка себѣ не выпускаютъ. Съ Бельмонтиемъ здѣланныя контракты и до другихъ содержателей касаются, и договоренось было за Дмитрія получить мнѣ полторы тысячи рублевъ, а я не работникъ на Московскую публику, а паче на содержателей. — Вашему Императорскому величеству извѣстно, что и прежде и нынѣ о Московскомъ театрѣ я докучалъ вашей всевысочайшей особѣ; такъ на чтожъ бы мнѣ и трудиться, естли бы мои труды щетны были? — Я болѣвъ, а Д. В. Волковъ севодни отъѣзжаетъ въ П.бургъ. Такъ и послѣдняя надежда къ установленію театра погибнетъ, а расположеніе и уставъ отъ меня сообщенъ ему а у меня и копіи не оставлено. Мнѣ дѣлать нечево, а к. Волконской въ театральныя распоряжки, никогда о томъ не думавъ, войти не можетъ, хотя мнѣ онъ и отъ самага рабчества пріятель, а нынѣ, по отличности чина ево, благодѣтель. Вообразите, государыня, возножили при такихъ всегдашнихъ хлопотахъ поощрять себя къ театральнымъ сочиненіямъ, когда піесы мои, тщательно сочиненныя, всемирно безобразятся, и за которыя почти при каждомъ представленіи по 1000 рублевъ собирается, а со мною збывается древняя Русская пословица: Я именинникъ, да мнѣ и пирога нѣтъ. Написано во Священномъ Писаніи: Трудяющемуся дѣлателью прежде всѣхъ отъ плода вкусити должно. Трагедія Димитрій и въ продажу преждѣ отдана не была, поколѣ новаго контракта съ содержателями я не здѣлалъ; но кажется мнѣ, что въ Москвѣ всѣ мои о словесныхъ наукахъ доводы слабы. Ни покойная Императрица, ни ваше величество моихъ драмъ, какъ монарха власть ни велика, никогда безъ особывой милости представлять не повелѣвали, и всегда я отличнымъ пріятіемъ, питающимъ мое любочестіе, отъ вашихъ высочайшихъ особъ довольствовался. Говорятъ, будто философы презираютъ и почестъ и доходъ; ето не правда, ибо и философы ядятъ и пьютъ и презрѣнія не любятъ. А я не философъ, но стихотворецъ. Фридерикъ вѣнценосецъ и пійтъ такъ изъясняется: *Je ne suis point ambitieux quoique roi et poete.* Вѣдаетъ онъ то, что престолъ и Парнассъ любочестіемъ наполнены. *Il badine quand il dit qu'il n'est pas ambitieux.* Первая статья блаженства подданныхъ монарше любочестіе и

первая статья пѣтическаго краснорѣчія и проповѣданія добродѣтели любочестіе же. Не прикажите, Государыня, моихъ пѣсень игранныхъ только предъ очами двора представляти противу всѣхъ театральныхъ учрежденій въ Москвѣ, обезображивая меня и отнимая мой авторской доходъ, а игранныя въ Москвѣ они играютъ. Я имъ не спору, но не должно ли мнѣ несмысленныхъ актеровъ поучить. И въ П.-бургѣ безъ моего показанія мои драмы никогда играны не бывали. Я за старыя пѣсень дохода себѣ не требую, а требую только достойнаго представленія. И повару досадно, когда у него подаваемое на столъ кушанье напортятъ, а трагедія не дожареная или пережареная много вкуса теряетъ: *et le poete est plus ambitieux que le cuisinier*. Пѣсень театральныя не ради чтенія сочиняются; такъ много славы погибаетъ тогда, когда они мерзко играютъ. Не лишите, Государыня, меня оставшей охоты къ театальному сочиненію! развѣ мнѣ, поработавъ ради славы, принятая за сочиненіе романовъ, которыя мнѣ дохода довольно принести могутъ; ибо Москва до такихъ сочиненій охотница, но мнѣ романы ли писати пристойно, а особливо во дни царствованія премудрыя Екатерины, у которой я чаю ни единого романа во всей ея библіотеки не сыщется. Когда владѣютъ Августъ, тогда пишутъ Виргилій и Овидій и въ почтеніи тогда Енеиды, а не Бовы королевичи. А я и Бовою, выданнымъ отъ себя, не обещещуся, хотя и немного чести присовокуплю. А еще лучше, ежели я стану сочинять *Tausend und eine Nacht* или по крайней мѣрѣ писать высокопарныя оды, думая:

всхожу ко небесамъ
и хитрости своей не понимаю самъ.

или:

Громъ на громъ ударяетъ,
вѣтры съ вѣтрами спираются,
Фиссонъ шумить,
Багдадъ пылаетъ,
Аѣински стѣны огонь терзаетъ,
Етна верхъ Кавкаской давить
и духъ мой Пиндъ на Оссу ставитъ.

или:

живу любовно;

Тому причина та, что лѣто не грибовно.

Я ради того мѣшаю дѣло съ бездѣльемъ, дабы вашему всегда въ важныхъ дѣлахъ упражняющемуся духу мѣлкостию, говоря о ней важно не принести доуки; но издѣвка вселилася только въ мое перо,

кошелекъ мой наполненъ бѣдностью, а сердце горестью. А притомъ долженъ я буду, ежели Мельпомены и Талии не оставлю, трудиться ради чужихъ доходовъ; а они въ потѣ лица моего будутъ ясти хлѣбъ мой; а сверхъ того часто видѣти дочерей хищниковъ и грабителей отечества, украшенныхъ сіяющею кражею, сочетавающихся съ буянами и петиметерами * и молящихся о неповѣщенныхъ своихъ родителей, дабы Богъ далъ имъ тѣлесное здравіе и душевное спасеніе, а свою дочь вѣчно засадити въ дѣвкахъ, а вмѣсто мужа довольствовалася бы она зрѣніемъ обезображеннаго Хорева, проклиная и Музъ и честность отца своего, зная то, что честности въ рядныхъ не пишутъ.

Вашего императорскаго величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

31 января 1773.

Москва.

(Подлинникъ писанъ рукою Иванова, только франц. и нѣм. слова рукою Сумар. Въ концѣ письма слова, напечат курсивомъ, рукою Сумар.).

* (На особомъ листкѣ рукою Сумарок.).

На сихъ дняхъ вышла замужъ бывшаго и отброшеннаго Московскаго губернатора третья уже дочь съ великимъ приданымъ, изъ котораго третья часть по рядной написанная только 1000 приданова и 1000 денегъ, а всего приданова, утвержденнаго записями, еще тысячъ на 40(000). Деревни отца моего были всѣ въ губерніи сево отброшеннаго губернатора, и моя доставшаяся часть въ томъ же цотѣ, а сколько подушныхъ денегъ въ губернской покрадено, о томъ извѣстенъ генералпрокуроръ, и которой будучи толико честенъ, сколько такіе губернаторы вредны, сіе ево беззаконіе знаетъ и имъ гнушается; такъ я на него ссылаюся, правду ли я говорю. Подушныя деньги съ насъ по справедливости собираются на армію, защищающую наше отечество, а не дочерямъ Жеребцова на приданое. Вотъ то, всемилостивѣйшая Государыня, что я разумю моею сатирическою статьею. Poet, honet home et satirique, en voyant les desordres peut il se taire?—Voileau dit если бы де мнѣ не позволено было сатиризовать, видя непорядки, я бы де ямочку въ землѣ выралъ, и въ нее бы проворчалъ. А я почитаю только Бога, Государя, честныхъ людей, истинну и откровенность.

XVI.

Милостивый Государь мой
Григорій Васильевичъ.

Вамъ, супругъ вашей и моей тещкѣ приношу мое почтеніе и, не имѣя времени, сокращаю мое письмо сямъ.

Вашего высокородія
покорный и вѣрный слуга
А. Сумароковъ.

31 янв. 1773

Москва.

(Собственноручное).

XVII.

Милостивый Государь мой
Александръ Петровичъ!

Отъ 24 дня января сего года ваше ко мнѣ письмо возбуждаетъ меня къ засвидѣтельствуванію вамъ искреннія моя благодарности. При чемъ доношу, что приложенное при ономъ писаніе ваше мною всеподданнѣйше поднесено. Государыня по прочтеніи изволила сказать: еслибъ вы партикулярно попросили его Сіятельства князя Михайла Никитича, чтобъ желающаго у васъ быть для переписки вашихъ сочиненій принять въ штатъ его сіятельства въ писаря и отпустить бы онаго къ вамъ; чтобъ и принятый такимъ образомъ имѣлъ свое жалованье по тому мѣсту, и вы бы имѣли кописта. Впрочемъ препоручая себя вашей неотвѣняемой ко мнѣ милости и благосклонности со всегдашнимъ имени вашего почтеніемъ пребываю.

Милостивый Государь мой
вашего превосходительства
покорный и вѣрный слугою
Г. Козицкій.

С. Петерб.

1773 г.

Февраля 18 дня.

XVIII.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Начиная писати къ вашему Императорскому величеству, трепѣшу я, дабы мои прошенія не показались вашему величеству наглостью. И ради того не однократно я бралъ перо въ руки и многія дни отсрочивалъ себѣ въ написаніи моего всенижайшаго прошенія; чего ради

въ заглавіи онаго паче всего прошу не приняти моего смѣлости излишествомъ и не раздражиться; ибо то мнѣ такой бы былъ ударъ, коего я никогда не ожидалъ; а я милость вашу паче всего на свѣтѣ почитаю, хотя бы ею и никогда не пользовался.

Нынѣ было произвожденіе и военнымъ и штатскимъ и придворнымъ; я, Государыня, не въ отставкѣ и не только числюся въ службѣ, но и дѣйствительно во дни вашего владѣнія болѣе, нежели во всю мою жизнь издалъ и изготовилъ моихъ сочиненій, а науки были бы презрѣнны, если бы они услугами отечеству не почитались. Такъ изволите, Государыня, матерински войти въ мое прошеніе и покажите мнѣ милосердіе: а сколько людей обошло меня нынѣ и прежде, то ясно и по списку, изъ котораго я никогда исключенъ не былъ.

Терплю реченное, терплю я еще и недостатки; ибо я, кромѣ жалованья, никакова дохода не имѣю; такъ нижайше прошу, припадая ко стопамъ вашего величества, имѣя за собою деревни самыя малыя, о помилованіи, дабы мнѣ хотя въ займъ ради оплаты моего долга изъ высочайшаго вашего величества милосердія пожаловано было тысячи четыре, и еще на сей годъ на передъ жалованье, какъ я уже, по указу вашего величества, ежегодно получаю. А я бы порасплатился, а особливо съ Прокофеемъ Демидовымъ могъ успокоиться и быть способнымъ по оставшему времени докончать мои въ сочиненіяхъ труды. — Демидову долженъ я одному двѣ тысячи рублсѣ уже яода три, а нынѣшняго іюня 1 дня послѣдній срокъ. Помилуйте, Государыня, и не допустите до крайняго разоренія, человѣка, носящаго всевысочайшую вашу милость и имущаго къ вашей освященной особѣ всегда, еще и до воспріятія вами скипетра, отличное усердіе!

Сии окончались мои прошенія и остались еще всенижайшія мои вашему величеству представленія.—Хотя я и не имѣю повелѣнія потрудиться при закладкѣ Кремлевскаго дворца; но будучи приглашенъ г. архитекторомъ Баженовымъ, тружуся столько по единому моему усердію, какъ я и по именному указу больше трудиться не могу и не только сочинилъ Г. Баженову необходимую рѣчь, многія къ церемоніи надписи и подая совѣты и по обрядамъ свѣтскимъ и духовнымъ еще отъ части; и уповаю, что сія церемонія, колико начальники сей комисіи ни скупы и колико ни холодны къ попѣченію, будетъ согласна съ моимъ желаніемъ и съ славою великія Екатерины.—И рѣчь и надписи и хари и вся какъ свѣтская, такъ и духовная церемонія принесутъ изображеніе народу дней вашего царствованія. Толь вели-

колѣпны они, сколь мала положенная на то сумма и сколь великое мое и г. Баженова къ тому усердіе; да и Архіереи здѣшніи къ тому всѣ силы прилагаютъ и только много, колико мало ихъ прилагаетъ Измайловъ; но мнѣ до него и дѣла нѣтъ; ибо не онъ, но Баженовъ домъ закладываетъ.

Слышу я еще, Государыня, ко управленію моему и къ разрушенію остатковъ здѣшняго театра, что Дмитревской здѣлалъ съ содержателями театра контрактъ ежегодно играть на немъ по 4 мѣсяца, учить актеровъ, которыхъ онъ выучить не умѣетъ, и которые сами, представляемы бывъ мною, играютъ его не хуже, хотя и гораздо ослабѣли. Я въ исходѣ лѣта, въ мѣсяцъ августъ устремляюся видѣти въ П.бургѣ очи вашего величества; но съ чѣмъ я появлюся, когда Дмитревской въ самое то время, ради своего излишняго насыщенія будетъ въ Москву? и могу ли я піесы новыя мои и поднесенныя вашему величеству безъ представленія напечатать? Я то предаю на разсмотрѣніе вашего величества, а мои прошенія предаю вашему милосердію, и не знаю никого, кто бы о мнѣ вашему величеству предстательствовалъ, препоручаю за себя предстательство самой вашей освященной особѣ, на которую я всегда уповаю и вмѣсто огорчительнаго мнѣ отказа съ радостію отвѣта ожидаю. О дабы Всевышній вложилъ въ сердце ваше милосердное ко мнѣ снисхожденіе и оживилъ бы мою увядающую жизнь, подверженную жесточайшей ипохондріи! но милосердая Екатерина милостію изобильна, коль изобилентъ я моимъ къ ней усердіемъ, съ которымъ я пребуду до конца моей жизни

Вашего Императорскаго величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

Мая 20 дня
1773.
Москва.

При закладкѣ Аннинскаго дома церемонія была смѣхотворна, et moi je trouve une belle différence entre ceux deux ceremonies come entre la meilleure tragedie et la plus miserable farce. Bagenof et les Eveques l'ont bien imaginées et moi je l'a corrigée tant come il m'étoit possible, en possédant la conoissance des theatres et en m'appliquant asséz longtemps en cela. Croyés moi Vôtre Majesté que du comencement de la Russie ont n'a vu jamais des pareilles et elle sera digne de Vôtre regne. J'employé tout mon possible de la rendre

plus eclatante et persone ne croira jamais qu'elle coutera si peu. Tout court: jamais la ville de Moscou de son comencement n'a donnée des si superbes spectacles.

XIX.

Милостивый Государь мой Григорій Васильевичъ.

При засвидѣтельствovanіи непремѣннаго моего къ вамъ, ко супругѣ вашей и къ дочери почтенія, нижайше прошу приложенное при семь письмо подать Ея Императорскому величеству и при вашемъ представельствѣ исходатайствовать мнѣ отвѣтъ, что я почту знакомъ новаго вашего ко мнѣ снисхожденія, и пребуду на всегда

вашего высокородія вѣрнымъ и покорнымъ слугою

Алекс. Сумароковъ.

(писаря рука).

20 мая 1773

Москва

XX.

Князь Михайло Никитичъ.

Изъ статсконторскихъ доходовъ на счетъ нашего кабинета прикажите тысячу рублей выдать Д. С. С. А. Сумарокову.

Екатерина.

Царское село. 1773 г. Іюня 15 дня.

XXI.

Милостивый Государь мой

Александръ Петровичъ.

Письма ваши, какъ послѣднее, такъ и которое предъ симъ было, мною получены и пакеты на высочайшее имя къ освященнымъ ея величества рукамъ мною всеподданнѣйше представлены. Всемилостивѣйшая государыня изволила въ разсужденіи васъ къ его сіятельству князю Мих. Никитичу Волхонскому писать. Я же объявля сие съ истиннымъ моимъ и всегдашнимъ къ вамъ почтеніемъ пребываю и пребуду

милостивый Государь

ваше превосходительство

покорнымъ и вѣрнымъ слугою

Г. Козицкій.

Санктпетербур.

1773 г.

Іюня 15 дня.

XXII.

Милостивѣй Государь мой Григорій Васильевичъ.

(писарскою рукою все письмо).

Я по несчастію моему отвѣта на мои посланныя письма не имѣю и не знаю, что тому причиною причести. — Писано въ тѣхъ моихъ письмахъ о выдачѣ мнѣ годового жалованья, какъ я оное и прежде отъ 1 маія получалъ. — Яжъ долженъ, а особливо несносному человѣку, Прокоф. Демидову, который меня мучить ежедневно, и давъ мнѣ деньги пріятельски, а потомъ отѣхавъ въ Голландію и накопивъ на меня по причинѣ бывшаго въ Москвѣ мора проценты и рекамбіи въ конецъ разорить меня стремится или паче срамится, плавая въ богатствѣ, данномъ ему на поруганіе ево самото и на обиду добрымъ людямъ; такъ я просилъ ея величество о четырехъ тысячахъ, которыя могу я выплатить. — Меня жъ хотя я и не въ отставкѣ обошли всѣ при нынѣшнемъ произвожденіи. — Неужели труды многихъ судей больше славы и пользы Россіи приносятъ, нежели мои? — Вспомните прежнія мои къ себѣ усердія и войдите въ мое бѣдное состояніе. Тотъ, который переписываетъ сіе мое къ вамъ письмо и моево разстроеннаго состоянія и горести и бѣдности свидѣтель: а я пребывая и въ отчаяніи есмь

вашего высокородія
покорный и вѣрный слуга
А. Сумарковъ.

20 Іюня. 1773.

Москва.

Зри:—въ половинѣ августа устремлюся я въ П.-бургъ ѣхать ради напечатанія множества новыхъ сочиненій; но мои долги и моя бѣдность лишаютъ меня сего надежды; извясните это ея величеству, а мнѣ очи ея видѣть хочется.

Письмо ради скорости безъ куверта, да въ етомъ и нужды нѣтъ.

XXIII.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Не раздражилъ ли я Ваше величество, что не получилъ отвѣта на всенижайшее мое прошеніе. Я въ крайнемъ отчаяніи, терпя недостатка, что мнѣ почти ѣсть нечево. — Однако не имѣя ни полушки въ домѣ моемъ, моря и себя и людей моихъ, что все конечно правда, а еще по написаніи сего письма здѣлаю стихи къ перемоніальнымъ достаткамъ; ибо взавтрѣ Г. Баженовъ отѣзжаетъ въ П.-бургъ. — Начальники ево толико мало трудилися, колико много онъ и я.

Мы думали о славѣ для торжествуемаго, а Измайловъ о своей подмосковнѣ. — Si le grand Dieu peut souffrir des pareilles choses, c'est étonant. — Однако церемонія была сходна съ честью имени вашего величества, malgré les obstacles, que Mr. Ismaelof a fait et les fait jusque à present. — Мнѣ до него дѣла нѣтъ; но жалко, что я такихъ согражданъ имѣю, которые болѣе думаютъ о себѣ и о своихъ деревняхъ, нежели о общенародной славѣ. — Я жду отвѣта на мои просьбы, готовяся ко смерти посреди моего усердія и посреди моего отчаянія.

Вашего Императорскаго величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

25 Іюня 1773.

Изъ Москвы.

PS. Я не имѣю столько денегъ, чтобы мнѣ заплатить на почту за письмо. Et je tombe en defaillance, il faut encore que je compose aujourd'hui les vers.

Я въ крайнемъ отчаяніи, а отвѣта нѣтъ мнѣ на мои просьбы. — Я терплю жадность, ѣсть мнѣ нечево, и нѣтъ столько денегъ, чтобы заплатить за письмо на почту. А севодни еще обѣщался я къ церемоніалу стихи дѣлать. Кланяюся вамъ и жду терпеливно смерти.

в. п. с.

А. Сумароковъ.

25 Іюня 1773.

Москва.

Его высокопр. Г. В. Козипкому. (Письмо не запечатано, писано неразборчиво).

XXIV.

Всемиловѣйшая Государыня!

Я всякой годъ получаю мое жалованье по отличной вашего величества милости отъ 1 мая на цѣлый годъ. — Всенижайше прошу сію милость и нынѣ мнѣ повелѣть учинить. — Вашему величеству много дѣлъ и безъ моихъ прошеній; такъ я не разширя невмѣстнаго моего краснорѣчія, о той же милости и нынѣ прошу.

Вашего Императорскаго величества
всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

9 дня Маіа 1774.

(Собствен.).

РАЗБОРЪ НѢКОТОРЫХЪ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЪЯСНЕНІЙ Г. КОСТОМАРОВА ВЪ СТАТЬѢ „Начало Руси“.

(Современникъ за 1860 г. № 1).

Улбб.

Литовскій языкъ имѣеть большую склонность къ междометіямъ, природа которыхъ въ большинствѣ случаевъ — звукоподражательная. Народный говоръ литовскихъ сказокъ и пѣсень часто приправляетъ плавную рѣчь повѣствованія восклицаніями, сообразными съ дѣйствіями, выражаемыми глаголомъ, при которыхъ они появляются. Изъ множества примѣровъ приведемъ одинъ: «Kaí vė'ns iéjės íám ant galwós meža tai szis jam, szniókszt, sù peiliu' viską nupióvé¹⁾; pírmiausei radau' sorágu, vė'naporą pagrė'hęs, szvy'lpt, pro lángą žemyn²⁾».

При чтеніи сказокъ и пѣсней, разнообразіе и количественность междометій приводятъ къ той мысли, что у рассказчика или пѣвца они въ большомъ обиліи рождаются при самомъ рассказѣ и пѣніи. Эта замѣчательная особенность говора, которая ждетъ себя оцѣнки, является и въ припѣвахъ пѣсень, въ которыхъ замѣчается весьма тонкое чутье качественности звуковъ. Такъ, въ одной пѣснѣ, наполненной нѣжныхъ мотивовъ, въ каждомъ изъ трехъ ея куплетовъ встрѣчаемъ припѣвъ, представляющій весьма выразительное скопленіе элементовъ плавныхъ³⁾.

Принявши во вниманіе это свойство литовскаго языка, можно легко объяснить весьма спеціальныя значенія многихъ звукоподражательныхъ словъ литовскаго языка. Такъ, глаголъ *ulu* (*uloju*, и чаще — *ula-woju*), значеніе котораго обобщаетъ г. Костомаровъ, сводится къ

¹⁾ Schleicher Handbuch. II. Pasakas., p. 155.

²⁾ Ibid., p. 159.

³⁾ Припѣвъ *talaralariluzė raluž* въ пѣснѣ по собр. Нессельмана № 187, p. 153.

весьма частному представленію звука, издаваемого при травлѣ волков¹⁾. Многія междометія сводятся къ глагольнымъ корнямъ, представляющимъ немалое количество образований; но корень глагола *ulwoju* такъ хорошо помнитъ свое происхожденіе, что не представляетъ никакихъ именныхъ образований, если доврять лексикону. Корень *ulwoju*, несправедливо г. Костомаровымъ отождествляемый съ корнемъ *uloju*, имѣетъ значеніе—*winseln* въ специальномъ приложеніи этого дѣйствія къ дятлу (*wolunge*. Nesselmann. Lex., pp. 34, 86). Притомъ,—отъ глагола *ulwoju* г. Костомаровъ образуетъ причастіе *ulebas*, забывши поставить крючокъ подъ *a* въ обозначеніе исчезнувшаго носоваго звука причастной темы. Этотъ носовой элементъ, исчезающій и въ современной литовской рѣчи лишь въ именит. пад. мужскаго рода, является въ древне-прусскомъ катихизисѣ 1561 г. и въ этой послѣдней формѣ, судя по формѣ *getmans* отъ корня *get* (рождать)²⁾. Въ говорѣ 10-го вѣка, въ эпоху заключенія первыхъ нашихъ договоровъ, этотъ элементъ и подавно не могъ остаться безъ вліянія на произношеніе. Не говоримъ уже о томъ, что производство собственныхъ именъ отъ причастныхъ формъ требуетъ наведеній.

Прастьнѣ.

Это имя сличается съ литовскимъ *prastenis* (прилагательное *prastesnis*?). Какой литовскій корень укажетъ г. Костомаровъ этому именованію? Значеніе и словоупотребленіе говоритъ о непосредственномъ заимствованіи этого рѣченія отъ Русскихъ сосѣдей, и — о заимствованіи вовсе не раннемъ: *prastôs giminês*, *prasti žmones*, *prastoki' žmones* — простой людъ, простой народъ.

Рюрикѣ.

«Отъ *rju* пожираю, терзаю и *rikys* князь». Ложная правопись — вина призрачнаго созвучія 1-го слога этого собственнаго имени съ *rju*. Шлейхеръ и Нессельманъ пишутъ — *ryjū*, *rijai* (Ness.-ryjau), *ry'siu*, *ryti*. Въ приведенной г. Костомаровымъ формѣ по неправильной правописи *i* коренная выпущена, а оставлено лишь личное окончаніе и іота, приставляемая къ формамъ настоящаго времени глаголь четвертаго класса³⁾ 4). Слѣдовательно, слогъ *рю* — остается въ ожиданіи новаго сближенія.

¹⁾ Nesselmann. Lit. Lex.; p. 34.

²⁾ Nesselmann Sprache der alt. Preus. an ihren Ueberresten erläutert 1843; p. 65.

³⁾ Шлейхеръ; Handb.; Gram. 1 p. 241 и Ness. Lex. 440.

⁴⁾ Устарѣлая форма *ryti* отсылаетъ нашъ корень ко 2-му отдѣлу третьяго глагольнаго класса. Schl. p. 249.

Мокошь.

Сличается съ *mokius* (знаніе, ученье). Именная тема на *и* отсылаетъ къ весьма древней эпохѣ литовскаго языка. Примѣровъ не много; ни одно изъ такихъ образованій не выражаетъ отвлеченнаго представленія. Притомъ — форма *mokius* не показана въ грамматикахъ и словаряхъ; въ языкѣ *rašakū* вездѣ встрѣчаемъ *mokslas* въ значеніи «ученье» (*i mokslą leisti*). Есть форма *mokius* (у Ширвида вмѣсто *mokijus*); но она представляетъ глагольную форму наст. времени 1-го лица съ обычной въ литовскомъ языкѣ постпозиціей сокращеннаго возвратнаго мѣстоименія *si* — *s*.

Олга, Олегъ.

Сближается съ лит. *ilgis*. Литовское *ilgis*, сближаемое Боппомъ съ скр. *dirgha*, ни въ одномъ изъ своихъ образованій не представляетъ никакого измѣненія гласной коренной. Весьма трудный переходъ *i* въ *o* ждетъ наведеній.

«Собственное имя, которое дается человѣкомъ на основаніяхъ чисто-субъективныхъ, изъ всѣхъ порожденій человѣческаго слова есть по преимуществу произвольное» ¹⁾. По возможности полное опредѣленіе мотивовъ «называнія» можетъ привести къ нѣкоторымъ опредѣленіямъ и ограниченіямъ области тѣхъ представленій, изъ которыхъ слагаются собственные имена. Ничѣмъ не самоопредѣляющееся, — произвольное этимологизированіе не поведетъ никогда къ результатамъ прочнымъ, особенно — въ языкахъ, которыхъ язычное сродство близко. Въ вопросахъ о народности собственныхъ именъ самымъ близкимъ къ рѣшенію его и самымъ труднымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣломъ безспорно должно почитать тѣ образовательные элементы, которые имѣютъ назначеніе отмѣчать имена личныя, отечныя, мѣстныя и пр.

Въ критикѣ суффиксовъ гораздо менѣе имѣетъ мѣста игра созвучія. Сличеніе не имѣетъ никакой цѣны, если оно не сведено къ тѣмъ формамъ собственныхъ именъ, которые преобладаютъ въ языкѣ. При этомъ чрезвычайно важна статистика словоупотребленія. Приглашаемъ г. Костомарова обратить вниманіе на извѣстіе галицко-волинской лѣтописи ²⁾ подъ 6723 годомъ, о которомъ мимоходомъ слова

¹⁾ Die Personennamen... von A. F. Pott. 1853., p. 14.

²⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. II. Ипатьевская.

«Въ лѣто 6723. Божіимъ повелѣніемъ, прислаша князи Литовскіи къ великой княгини Романовъ, и Данилови и Василькови, мръ дающе. Баху же имена Литовскихъ князей се: старшей, Живинъбудъ (вар. Живибуднъ. Е.) *Давлятъ*, (вар. довьятъ іовнятъ. Х. Е.), Довъспрункъ (вар. довьспруйгъ, Х. Е.) братъ его Мидогъ, (вар. Миндовгъ. Е.), братъ довьяловъ Виликаилъ (вар. довятовъ вилвилъ. Е.); а Жемотьскыи князи (вар. а Жемонтскыи князь. И. Х.): Ерьдивилъ, Выкынтъ; а Рущковичевъ (вар. а Русковичъ (ъ) Х. Е.): Кинтибутъ, Во-

два говорится въ «отвѣтъ на возраженіе г. Погодина» (Современникъ 1850; № 3; р. 275). Это извѣстіе представляетъ весьма точную передачу именъ Литовскихъ пословъ «къ великой княгинѣ Романовѣ, и Данилови и Василькови». Передъ перечисленіемъ Жмудскихъ пословъ сказано: «а Жемотьскыи князи». *Жемотьскыи* представляетъ точную передачу рѣченія *Zemaitiszkas*. Вѣроятно списокъ именъ составленъ со словъ жителя верхней Литвы, гдѣ изъ дифтонговъ *ai*, *au* въ началѣ и среднѣй словъ произносится лишь первый составной ихъ членъ¹⁾; переходъ *a* въ *o* такъ обыченъ, что мы не считаемъ нужнымъ утомлять вниманіе читателей обиліемъ примѣровъ. Родовыя окончанія *aitis*, *atis* (последняя форма встрѣчается въ нашемъ извѣстіи), привязанность къ которымъ засвидѣтельствована неисчерпаемымъ обиліемъ подобнаго рода образований, по своему статистическому преобладанію, должны быть самымъ рѣшительнымъ признакомъ литовскаго происхожденія имени. Имена-эпитеты, рождающіяся по произволу личности, принимаютъ эти окончанія, что еще рѣзче свидѣтельствуетъ о привязанности литовскаго языка къ этому образовательному элементу²⁾. Въ помянутомъ мѣстѣ лѣтописи встрѣчаемъ образованіе съ суффиксомъ *aitis* въ имени съ желанной точностью лѣтописцомъ переданномъ — *Давзямъ*, или по варианту весьма важному *довзямъ*. Литовскій ономастиконъ представляетъ слѣдующія аналогическія образованія. *Dovas*, *Davidaitis*, *Dujatis*, последнее отъ *dujā*—пухъ). Корень имени повторяется въ томъ же спискѣ именъ въ имени *Довъспрункъ* (вар. *довъспруйкъ*. Х. Е.) и въ имени извѣстнаго всѣмъ, занимающимся Литовскимъ языкомъ, *Довконта*. Окончаніе—*ēné*, въ современномъ литовскомъ языкѣ употребляемое для обозначенія женъ, встрѣчаемъ въ имени «Китеній»³⁾. Уменьшительныя на — *uttis*, *uczo* (род.) — встрѣчаемъ въ рѣченіи — *Вишимуть* списка гал. вол. лѣтописи. Образованія на — *ittas*, уцѣлѣвшія въ мѣстныхъ именахъ на — *itten* (*Schauditten*, *Schmoditten*)⁴⁾ — *Бутовитъ*.

нибуть, Бутовитъ, Виживъкъ (вар. *виживъ*. Х. Е.) и сынъ его Вишлий, Китеній, Пликова; а се Булевици: Вишимуть (вар. *вишикутъ*. Х. Е.), его же уби Миндовъ (Миндоготъ. И. Х.) и жену его поля и братью его побилъ, Едивила, Спрудѣйка; а се князи изъ Дяволты: (вар. изъ лотвы. Х. а се литовскимъ княземъ имена. Е.) Юдьки, (вар. Юдьки (Юдьки). Х. Е.), Пукъвикъ, Бикши (вар. *Бикты*. Е.), Ликикъ (кикъикъ. Х.)

¹⁾ Schleicher Handbuch der Lit. spr. 1. Grammatik; pp. 12—14.

²⁾ Такъ напр. *keturakātis*, какъ назвалъ одинъ Литвинъ проходящаго мимо Шлейхера въ очкахъ (*keturakis* — четыре глаза). Schleicher Handbuch. 1; pp. 141—143. Сличи объ этомъ оконч. у Потта — *die Personennamen*, pp. 574—576.

³⁾ *ē* ist das weiche nach *i* klingende *e*. Schleicher. Handb. 1, p. 9.

⁴⁾ О связи личныхъ именъ съ мѣстными — Pott. *ibid.* p. 296. и слѣд.

Буква *e* въ послѣднемъ имени объясняется именами *Budwėsczei*, *Budweisczei* и пр., представляющими имя *Бутовитъ* въ значеніи мѣстнаго имени въ формѣ *pluralis tantum* отъ имени на — *ittes*.

Корень *буд*, означающій жилище, встрѣчаемъ въ томъ же смыслѣ въ имени *Живинбудъ*, первый составной членъ котораго объясняется названіемъ какой нибудь прирѣчной мѣстности, сводясь къ рѣченіямъ *Žvejetis*, *Žvejėna*, рыбакъ, рыбацка отъ *Žuvis* — рыба. Слово «*buttas*», участвующее въ составѣ мѣстныхъ именъ, является въ личныхъ именахъ списка — *Кинтибутъ*, *Вонибутъ*. Въ формѣ множественнаго числа является имя нашего списка *Букши* (съ весьма важнымъ вариантомъ *быкши*). Это имя можно объяснить двояко — или отъ корня *bu* съ окончаніемъ — *kszen*, какъ *Trakiszen* ¹⁾, чрезъ посредство формы *butis*, въ которой *ui=bi* ²⁾; или отъ *bukas* — *plurale tantum* — означающее буквое дерево ³⁾. Изъ литовскихъ суффиксовъ можно объяснить окончаніе почти всѣхъ именъ списка галвол. лѣтописи. Одно лишь слово звучитъ не по литовски — *Выкынтъ*: по всей вѣроятности это слово германскаго корня и аналогично именамъ *Weygand*, *Wigant*, *Weigend* (др. фриз. *wigand* — боецъ; кор. *wig*) ⁴⁾.

Боясь утомлять вниманіе читателя нашей замѣтки дальнѣйшей критикой именъ нашего лѣтописнаго списка, мы считаемъ себя вправѣ признать за разобранными именами печать истинно-литовскаго происхожденія. Лѣтописи наши, слѣдовательно, могутъ дать матерьялъ для грамматической оцѣнки заключающихся въ нихъ именъ. Имена, заключающіяся въ древнѣйшихъ договорахъ съ Греками, должны быть подвергнуты самому точному разсмотрѣнію грамматическому. Отъ сочиненія, которое возьметъ на себя это трудное дѣло, должно ожидать выводовъ, драгоценныхъ для исторіи литовскаго языка, не возводившаго досель ее далѣе 16-го вѣка, и то — по рабски переведеннымъ катихизисамъ. Агрегатъ лексическихъ сопоставленій и отыскиваніе суффиксовъ по всѣмъ грамматическимъ категоріямъ никогда не будутъ убѣдительно въ глазахъ человѣка, посвященнаго въ начала грамматической науки.

Заключаемъ замѣтку нашу глубокимъ сожалѣніемъ объ отсутствіи точности, столь желанной въ дѣлѣ филологіи.

А. Дювернуа.

1) Pott. *ibid*; p. 394.

2) Schleicher, *Handbuch*.: 1, pp. 59, 60.

3) Pott. *ibid*. pp. 213, 240.

4) Pott. *ibid*. pp. 676—678.

ВРУЧЕНИЕ КНИГИ «ВѢНЕЦЪ ВѢРЫ» БЛАГОВѢРНОЙ ЦАРЕВНѢ
И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ СОФІИ АЛЕКСІЕВНѢ ¹⁾.

Истинная есть мудрость, еже Бога знати
И закона святаго прилежно искати,
Въ ней же божественная мудрость заключенна,
Яко злато въ ковчезѣ людємъ предложена.
Человѣкъ разумичный ону обрѣтаеть,
Егда въ законѣ свягомъ себѣ поучаетъ;
А съ нею удобъ Богу можетъ угождати,
Выну яже о Бозѣ умомъ мудрствовать.
О немъ же ты, хотящи благомудра быти,
И въ законѣ господнемъ вся дни твоя жити,
О благороднѣйшая царевно Софіа,
Ищещи премудрости выну небесныя.
По имени твоему жизнь твою ведеши:
Мудрая глаголеши, мудрая дѣеши.
И прилично Софіи выну мудро жити,
Да дѣло со именемъ точно можетъ быти.
А занеже во книзѣхъ мудрость божественна
Яко во сокровищѣхъ лежитъ заключенна,
Ты церковныя книги обыкла читати
И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати.
Увѣдѣвши же, яко и книга новая
Писася, яже Вѣнецъ вѣры реченная,
Возжелала ту еси сама созерцати
И еще въ черни бывшу прилежно читати

---

¹⁾ Заимствуемъ эти стихи Симеона Полоцкаго изъ его «Риѣчологіона», по рукописи Синодальной Библіотеки, № 287, л. 395 слд. Ред.

И, познавши полезну въ духовности быти,
 Велѣла еси чисто ону устроити, —
 Яже велѣнію ти уже сготованна,
 Со многимъ трудомъ долго читана, списана.
 Во истинну же имать мудрость превелику,
 Довольну въ спасеніе всяку чловѣку,
 Съ богословскихъ училищъ сія изведена,
 Ученія святаго словесъ исполненна;
 Вопросы и отвѣты зѣло исполнися;
 Съ разсужденіемъ тако дѣло устроися,
 Да мудро вопрошенный, мудро отвѣщаетъ,
 Кто либо сія книга прилежно читаетъ.
 Сокращенно писася, да можетъ пояти
 Удобнѣ умъ и память предолго держати.
 Ибо краткое слово удобно держится
 И тщасимся пояти годнѣе творится.
 Туже разрѣшенія много положенна
 Съ трудностію судимыхъ, да суть несмущенна
 Пользы ради духовныхъ, да судъ грѣховъ знаюгъ,
 Кающыяся добрѣ отъ грѣхъ разрѣшаютъ.
 Суть и ина здѣ многа, яже оглавляетъ
 Изъявленіе тому, кто оно читаетъ.
 Вся та съ трудомъ не малымъ тшася написати,
 Исправивъ множицею, начисто списати,
 Устроивъ же въ книженъ видъ, днесъ вручаю тебѣ,
 Пресвѣтлая царевна, чести яко тебѣ, —
 Желая, да прилежно тщищися читати,
 Да пользу довольную можеши пріяти
 Не точію мудрости вопросовъ и отвѣтовъ, —
 Яко вонныхъ и красныхъ вѣнца сего цвѣтовъ, —
 Но паче да можеши благодать стяжати
 И плодъ жизни вѣчныя въ небесы пріяти.
 Того благородію вашему желаю,
 Самъ ся милосердію прилежно вручаю:
 Милосердіе елей выну знаменаетъ,
 Елей же мудрымъ дѣвамъ не скуденъ бываетъ.
 Чтемъ во евангеліи убо: елей тебѣ,
 Милосердія въ сердце, яко мудрой тебѣ,
 Дщи царя великаго царевна Софія,
 Дщи царя милостива, царя Алексія,
 Купно сестра Феодора царя,

Богомъ дарованнаго царству государя.
Мудрѣйшая ты въ дѣвахъ; убо подобаетъ,
Да свѣтильникъ сердца ти свѣтлѣе сіяетъ:
Обилуя елеемъ милости къ убогимъ,
Сію спряжи доброту къ инымъ твоимъ многимъ.
Но и сопрягла еси, ибо серебро, злато,—
Все обратила еси милостивнѣ на то,
Да нищимъ расточиши, инокамъ даеши,
Моливъ о отцѣ твоємъ теплыхъ требуеши.
И азъ грѣшный многажды сподобихся взяти,
Юже ты милостыню велѣ щедро дати:
Ни престаю отца ти въ мольбахъ поминати,
Иже мнѣ щедръ бѣ, яко отецъ или мати;
Такъ же мудрой сущей и елей имущей,
Отверзуть ти ся двери, къ небеси грядущей,
Отъ жениха души ти, до его чертога,
Еже свѣтлости вашей да будетъ отъ Бога!
Царска дщи, къ царю небесъ буди возведена,
Въ чертогъ веселія вѣчнаго вселенна!
Того свѣтлости вашей вседушно желаю,
Главу мою подѣ стопы твоя преклоняю,
Чая милосердіемъ вашимъ хранимъ быти,
Богомолецъ вашъ будущъ, дондеже ми жити.

ЗАПОРОЖСКАЯ ПѢСНЯ.

(Сообщена Н. И. Костомаровымъ).

Летѣвъ орелъ черезъ море
Тай вѣтра пытае:
«Ты вѣтру буйненькій!
Ты далеко буваешь:
Чи не видавъ, вѣтре,
Казацькой славы?»
— «Хочь не видавъ, такъ слыхавъ:
Вона теперь въ темному лузѣ,
Лежитъ на широкому возѣ,
Мачулами звязана, звита,
Бичовою обвита,
Гай рублемъ прибита.
Батькамъ було добре
На Украинѣ жити,
А сынамъ досталось
Панщину робити.
Ишла чорна хмара,
Наступила й сива;
Не одбуде сынъ за батька,
А батько за сына
Ишла чорна хмара,
Наступила й ряба,
Не згуляе ни дитина,
Ни старая баба.» —

ПѢСНЯ ОБЪ ОСАДѢ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ ¹⁾.

Что во сильномъ было царствѣ,
Во московскимъ государствѣ,
Переборъ былъ боярамъ,
Пересмотръ былъ воеводамъ,
Изъ бояръ ти вобирали,
Въ воеводы ²⁾ сажали
Князя Петра Алексѣева,
По фамиліи Салтыкова.
Посылаетъ государь царь
Ко Йосиму и Саватию,
Къ соловецкіимъ чудотворцамъ,
Монастырь разорити,
Старую вѣру порудити
И всѣхъ старцовъ прерубити.
Какъ возговоритъ воевода:
«И нельзя, государь, подумать
На мѣсто святое,
На игумена честнова
Изосима Саватія,
Соловецкіевъ чудотворцовъ.»
Государь царь прогнѣвался:
«Ты добро, добро, воевода;
Прикажу тебя казнити,

---

¹⁾ По раскольничьей рукописи начала настоящаго столѣтія. Ср. пѣсню о томъ же, записанную со словъ, въ «Лѣтописяхъ», томъ I, отд. II, стр. 59.

²⁾ Въ рукописи: *Воеводы*.

Руки ноги петерити
Буйную голову отрубити,
Въ чистое поле пометати.»
Воевода испужался:
«Не вели, государь, казнити,
Вели слово говорити.
Ты давая силы много
И стрѣльцовъ, и солдатовъ.»
Какъ садился воевода
Въ легки онски корабельцы,
Возставала же погода
Съ полуденной сторонки,
Приносила же погода
Къ монастырю святому,
Ко игумену честному,
Ко Изосиму Саватию,
Соловецкимъ чудотворцамъ.
И стали они стрѣляти,
Стали ружія заряжати;
И стрѣляетъ воевода
Въ соборную божію церковь,
Сбиваетъ воевода
Богородицу съ престола.
И всѣ старцы испужались,
Во едину церковь собирались,
Возлѣ стѣнъ они ходили,
Сами Богу ся молились
И просили они срѣку
На три дни на три нощи.
Монастырь разорили,
Старую вѣру порудили,
И всѣхъ старцовъ прерубили,
Старыя книги изорвали,
Въ синее море пометали,
И во вѣки вѣкомъ аминь.

ЛЮБОВНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ ИЗЪ СЛѢДСТВЕННОГО ДѢЛА 1769 ГОДА.

Во имя сатаны и судьи его демона, почтеннаго демона пилатата и-гемона, встану я, добрый молодець, и пойду я, добрый молодець, ни путемъ, ни дорогою, заячьимъ слѣдомъ, собачьимъ набѣгомъ и вступлю на злобное мѣсто и посмотрю въ чистое поле въ западную сторону подъ сыру матерую землю и пойду я своею буйною головою о землю сыро-матерую поклонюсь и помолюсь самому сатанѣ. Гой еси ты государь сатана! пошли ко мнѣ на помощь рабу своему часть бѣсовъ и дьяволовъ, Зеследерь, Пореастонъ, Коржанъ, Ардунъ, Купалолака съ огнями горящими и съ пламенемъ палящимъ и съ ключами кипучими, и чтобъ они шли къ рабицѣ дѣвицѣ или молодежи и зажигали бѣ они по моему молодецкому слову ея душу и тѣло и буйную голову, умъ и слухъ, и ясныя очи, и бѣлое лице, и ретивое сердце, и бурю печень, горячую кровь и всѣ тѣлесныя жилы и суставы и ея думу и думицу на похотѣнье и погляденье, и чтобъ она раба отъ всего тѣлеснаго пламени не могла-бы на меня добраго молодца и на мое бѣлое лице нагледетца и насмотретца, и шла бы она въ мою молодецкую думу и думицу и въ молодецкую тѣлесную мою утѣху, и не могла бы она насытитца своею черною п..... моего бѣлаго ж.. и не метывала бы она дѣвица или молодца меня добраго молодца отъ своей думы и думицы и ясныхъ очей, и не могла-бы она безъ меня ни жить ни быть, ни ѣсть ни пить, какъ бѣлая рыба безъ воды, мертвое тѣло безъ души, младенець безъ матери, и сохла-бы она по мнѣ своимъ бѣлымъ тѣломъ, какъ сохнетъ отъ великаго жару и отъ краснаго солнышка и отъ буйнаго вѣтра и которая трава лодшейная (sic) и отколдоватца бы ей отъ моихъ сихъ словъ, наговоровъ и приговоровъ никакимъ хитрецамъ и мудрецамъ, ни

старымъ ни молодымъ, ни краснымъ дѣвицамъ.... ¹⁾ вы мои слова полны и наговорны, какъ великое океанъ море, крѣпки и лѣпки, крѣпчае и лѣпчае клею кардуку и тверже и плотнѣе булату и камению. Тутъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, и положу я тотъ ключъ и замокъ самому сатанѣ подъ его золотъ престолъ, а когда престолъ его разрушится, тогда и дѣло сіе объявитца.

ЗАМѢТКИ О СТАРИНѢ И НАРОДНОСТИ.

Новый списокъ Слова о Даниилѣ Заточникѣ. Въ одномъ сборникѣ XVII вѣка, въ л., С. Петербургской Духовной Академіи, принадлежавшемъ прежде библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (№⁴³/₁₁₂₀) находится на л. 283—288 Слово даниила заточеника. еже написа своимъ князю Ярославѣ колодимерокичу.» Списокъ этого памятника съ именемъ Ярослава Владиміровича, извѣстный Карамзину и недавно встрѣтившійся Проф. Срезневскому въ одной изъ заграничныхъ библіотекъ ²⁾, къ сожалѣнію не былъ описанъ ни тѣмъ ни другимъ. — Списокъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря изъ двухъ до сихъ поръ напечатанныхъ редакцій ближе подходитъ къ редакціи изданія Калайдовича нежели къ ред. Ундольскаго; онъ, можно сказать, представляетъ въ болѣе чистомъ и древнемъ видѣ редакцію Калайдовича, исправляя въ ней многія мѣста, изуродованныя невѣжествомъ переписчиковъ. Князь, на имя котораго надписано слово, называется и здѣсь, какъ въ изданіи Калайдовича, «снѣ великаго црѣа владимера.» Вмѣсто Любова стоять болѣе правильное чтеніе: «Занѣ гнѣ комѣ вголюкико, а мнѣ горѣ актоѣ. комѣ вѣлоузеро, а мнѣ чѣрнѣки смолы. комѣ лаче озеро а мнѣ на немъ сѣда плачь горкѣи» (л. 283 об.) Испорченное мѣсто Калайдо-

¹⁾ Не разобрано.

²⁾ См. Палеографическія замѣтки, сдѣланныя во время путешествія лѣтомъ 1860 года въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ, IX т., стр. 169.

вицевскаго списка: «Якоже рече Святославъ Князь Игоревъ, идый на царя съ малою дружиною» — читается здѣсь такимъ образомъ: «якоже речѣ стослава князь съ олажинъ ида на црь гра с малою дружиною.» — Въ редакціи Кирилло-Бѣлозерской рукописи нѣтъ и позднѣе вставленнаго преданія о томъ, какъ Данилъ былъ освобожденъ отъ ссылки: «Сія словеса изъ Данилъ писахъ въ заточеніе на Бѣлѣ озерѣ — и Данила освободити отъ горькаго заточенія.» Посланіе въ списокъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря оканчивается словами: «и оумножи ги кса чакы поднозе его кѣ ншемъ слава и ннѣ и прно и кѣ.» Нѣтъ наконецъ и не вполне объясненнаго мѣста, въ которомъ думали видѣть указаніе на языческое божество: «Дѣти бѣгають рода.»

Н. Тихонравовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

	стр.
Послѣднее мнѣніе Шафарика о Глаголицѣ. <i>П. А. Е. Викторова</i>	3
Муромское преданіе о Марѣѣ и Маріи. <i>Θ. И. Буслаева</i>	56
Лекціи изъ курса исторіи русской литературы. I—IV. <i>Θ. И. Буслаева</i>	63

II. МАТЕРІАЛЫ.

Слово и откровеніе святыхъ апостолъ. Съ предисловіемъ <i>Θ. И. Буслаева</i>	3
Жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ. Вмѣсто предисловія, статья: Начало русскаго театра. <i>Н. С. Тихонравова</i>	7
Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской. Съ предисловіемъ <i>Н. С. Тихонравова</i>	66
Интермедія на три персоны: Смерть, воинъ и хлопецъ	78
Записки важныя и мелчныя К. Θ. Калайдовича (1814)	81
Автобіографія протопопа Аввакума	117
Народные стихи 1) объ Адамѣ, 2) о преданіи Христа Іудю, 3) о пятницѣ. Сообщены <i>И. Т. Глѣбовымъ</i>	174

III. СМѢСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

Миніатюры Остромірова Евангелія. <i>К. К. Гѣрца</i>	3
Женитьба Солнца на красавицѣ Грозданкѣ. Болгарская сказка.	6

	стр.
Сказка объ Иванѣ Бѣломѣ	8
Стихъ объ антихристѣ.	14
Слово іеромонаха Евѣмїя.	17
Повѣсти о Вавилонскомѣ царствѣ	20
Воскресеніе мертвыхъ, въ пяти дѣйствїяхъ, показанное трудомъ Георгїя Конисскаго	39
Переписка А. П. Сумарокова съ разными лицами	59
Разборъ нѣкоторыхъ филологическихъ объясненїй г. Костомарова въ статьѣ: «Происхожденіе Руси». <i>А. Л. Дювернуа</i>	81
Врученіе книги «Вѣнецъ Вѣры» царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, Симеона Полоцкаго	86
Запорожская пѣсня. Сообщена <i>Н. И. Костомаровымъ</i>	89
Пѣсня объ осадѣ Соловецкаго монастыря	90
Любовное заклинаніе изъ слѣдственнаго дѣла 1769 года	92
Замѣтки о старинѣ и народности. <i>С. М. Соловьева</i> и <i>Н. С. Тихокурова</i>	34 и 93